

III

Acta Slavica Estonica

СЛАВИСТИКА В ЭСТОНИИ
И ЗА ЕЕ ПРЕДЕЛАМИ

UNIVERSITY OF TARTU
PRESS

ACTA SLAVICA ESTONICA III

Slavica Tartuensia X

Славистика в Эстонии и за ее пределами

Тарту, 2013

Тартуский университет
Отделение славянской филологии

ACTA SLAVICA ESTONICA III

Slavica Tartuensia X

Славистика в Эстонии и за ее пределами

UNIVERSITY OF TARTU
PRESS

Acta Slavica Estonica III. Slavica Tartuensia X. Славистика в Эстонии и за ее пределами. Ответственный редактор А. Д. Дуличенко. Тарту, 2013, 289 с.

Международная редакционная коллегия серии Acta Slavica Estonica

Ирина Абисогомян (Тарту), Давид Бечеа (Мичиган),
Александр Дуличенко (Тарту), Любовь Киселева (Тарту),
Елизавета-Каарина Костанди (Тарту), Ирина Кюльмоя (Тарту),
Александр Лавров (Санкт-Петербург), Михаэль Мозер (Вена),
Валерий Мокиенко (Санкт-Петербург), Арто Мустайоки (Хельсинки),
Татьяна Степанищева (Тарту), Виктор Храковский (Санкт-Петербург)

Международная редакционная коллегия подсерии Slavica Tartuensia

Ирина Абисогомян (Тарту), Александр Дуличенко (Тарту),
Михаэль Мозер (Вена), Валерий Мокиенко (Санкт-Петербург)

Настоящий том прошел предварительное рецензирование
Kogumik on eelretsenseeritud

Ответственный редактор А. Д. Дуличенко

Переводчик К. Кару

Макет Р. Э. Романчика

Издание осуществлено при финансовой поддержке Института германской, романской и славянской филологии Тартуского университета, Эстонского отделения Международной Ассоциации интерлингвистики и Тартуского фонда «Капитал культуры».

© Статьи: авторы, 2013

© Составление: Кафедра славянской филологии Тартуского университета, 2013

ISSN 2228–2335 (print)

ISBN 978–9949–32–358–6 (print)

ISSN 2228–3404 (pdf)

ISBN 978–9949–32–359–3 (pdf)

Tartu Ülikooli Kirjastus / Издательство Тартуского университета
www.tyk.ee

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора.....	7
I. Доклады делегации Национального Комитета славистов Эстонии на XV Международный съезд славистов в Минске	
А. Д. Дуличенко (<i>Tartu</i>) Феномен славянских микрофилологий в современном славяноведении	17
И. В. Абисогомян (<i>Tartu</i>) Лингвопрагматический подход к становлению литературного языка в условиях двуязычия (На примере формирования и фиксации лексики чешского языка в эпоху Национального Возрождения)	31
Н. А. Нечуняева (<i>Tallinn</i>) Славянская минея: «местные» особенности списков и типология текста	44
С. Б. Евстратова (<i>Tartu</i>) Имя <i>Бог</i> и <i>душа</i> в языковой картине мира староверов эстонского Причудья и Белоруссии	59
О. Н. Бурдакова, Н. Н. Богданова (<i>Narva</i>) О параметрах оценки современного состояния и развития системы русского глагольного словоизменения	70
О. Н. Паликова (<i>Tartu</i>) Неофициальная географическая лексика как лингвистический признак территориальной общности людей (На материале городского сленга и островного говора)	84
II. Славянская лексикология и лексикография	
С. Ю. Темчин (<i>Vilnius</i>) Упоминание Ефрема Сирина в граффито XI века новгородской Софии	101
В. М. Мокшенинко (<i>С.-Петербург</i>) <i>Význam díla Václava Flajšhanse pro evropskou paremiologii</i>	109

Т. Л е в а с з к и е в и с з (<i>Poznań</i>) Hasła kwalifikowane w górnołużycko-niemieckim słowniku Jakubaša (1954)	124
О. В. Н и к и т и н (<i>Москва</i>) «Энциклопедический словарь» Брокгауза-Ефрона как terra incognita русской лингвистики (Взгляд из XXI века)	140
М. К а п р а л ь (<i>Nyíregyháza</i>) Русинские периодические издания Подкарпатья (1939–1944 гг.)	149
М. Ф е й с а (<i>Нови Сад</i>) Заступеносц церковнославянских элементов у духовней сфери рускей народности	167
А. Ч е к а д а (<i>Tartu</i>) К вопросу об истории создания эстонско-польских и польско-эстонских лексикографических изданий	179
III. Вопросы славянского синтаксиса и переводоведения	
Н. К у ъ е, М. Ш а р л а й (<i>Dresden</i>) Немецко-русский русский — от игры к языку?	197
К. К а р у (<i>Tartu</i>) Язык диаспоры или интерференция в переводе?	211
А. Ž e l e (<i>Ljubljana</i>) Medpropozicijskost v slovenščini	221
Е. И. К о с т а н д и (<i>Tartu</i>) Прагматика синтаксических связей: проблемы анализа	235
Е. М. В е л ь м а н - О м е л и н а, В. П. Щ а д н е в а (<i>Tartu</i>) Сложное слово и словосочетание в свете внутри- и межъязыкового взаимодействия (на материале переводов деловых текстов)	247
Указатель имен	259
Kokkuvõtted	269

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящий сборник, представляющий собою 10-й выпуск серии «*Slavica Tartuensia*» и названный «Славистика в Эстонии и за ее пределами», посвящен XV Международному съезду славистов, который пройдет в августе месяце 2013 г. в г. Минске (Белоруссия). Предыдущий выпуск серии вышел под названием «Лингвокультурное пространство современной Европы через призму малых и больших языков» в 2011 г. Серия в целом отражает состояние и перспективы развития славянского языкознания на современном этапе. Сборник состоит из трех разделов.

Первый раздел содержит доклады делегации Национального Комитета славистов Эстонии.

В статье-докладе А. Д. Дуличенко «Феномен славянских микрофилологий в современном славяноведении» рассматриваются основные вопросы, связанные с созданием в XX – начале XXI вв. так наз. славянских микрофилологий, которые ныне сосуществуют с филологиями больших славянских народов. Автор выделяет четыре группы славянских литературных микроязыков: автономные (верхне- и нижнелужицкие, кашубский), островные (южнорусинский, градищанско-хорватский и др.), периферийно-островные (карпаторусинский, помакский и др.) и периферийные (чакавский и кайкавский, прекмурско-словенский и др.) — всего 20 таких микроязыков. Однако не все они «доросли» до создания особых микрофилологий: 8 микроязыков по своим функциональным и кодификационным признакам приближаются к большим филологиям, 5 микроязыков находятся на пути к признанию их «полными» микроязыками. Что касается остальных, то они находятся в стадии развития. На примере большинства славянских литературных микроязыков видно, какими путями идет создание филологий вообще.

Статья И. В. Абисогомян «Лингвопрагматический подход к становлению литературного языка в условиях двуязычия» основывается на примере формирования и фиксации лексики чешского языка в эпоху национального Возрождения. В работе рассматриваются общие вопросы, связанные со становлением чешского литературного языка и ролью в этом процессе Возрождения. Особое внимание уделено чешско-немецким языковым и, шире, культурным контактам, явлению немецко-чешского двуязычия. Особое внимание автор статьи уделяет явлению пуризма, характерного для начального этапа формирования чешского литературного языка. Касаясь вопроса лексической стороны языка, автор особое внимание обращает на принцип

оценочности в подходе к формированию словаря литературного чешского языка вообще.

Статья Н. А. Нечунаевой «Славянская минея: 'местные' особенности списков и типология текста» посвящена проблемам славянской гимнографии и типам памятников XI–XIII вв. Параметры для выделения типа — это состав памятника, структура службы и особые лингвистические чтения. Тип текста определяется студийским или иерусалимским уставом. Кроме того, учитываются жанровые, экстралингвистические и собственно языковые факторы, повлиявшие на организацию текста в типе или списке Минеи. Особое внимание в работе уделено так наз. маркирующей лексики.

В работе С. Б. Евстратовой «Имя *Бог* и *душа* в языковой картине мира староверов эстонского Причудья и Белоруссии» в сравнительном плане рассматриваются две лексические доминанты в двух указанных регионах. Для староверов старшего поколения, объединенных общим вероисповеданием и культурными традициями, по-прежнему характерна бесконечная преданность древлеправославной вере, хотя они и говорят о том, что в настоящее время она вновь переживает испытания на прочность. Вера наполняет духовную жизнь староверов, поэтому имя *Бог* и *душа* занимают очень важное место в их языковой картине мира. Бог и душа — исходные этические константы, а потому они не подвержены изменениям.

В работе О. Н. Паликовой «Неофициальная географическая лексика как лингвистический признак территориальной общности людей» проанализирована соответствующая лексика русского говора острова Пийриссаар, причем сделана попытка сравнить эту лексику со словарным составом городского сленга. Имеется в виду сленг города Тарту, т.е. сопредельной территории. Географическая лексика говора аккумулирует опыт, существенный с точки зрения а) выживания на данной территории, б) малой истории социума, которая у носителей говора зачастую определяет текущие внутриобщинные отношения, и систему ценностей, в то время как признаки городской территориальной общности людей включают в себя такие параметры, как текучесть, социальная неоднородность и большая численность населения, система ценностей городского населения и актуальных для него ассоциаций, в том числе лингвистических.

В статье Н. Н. Богдановой и О. Н. Бурдаковой «О параметрах оценки современного состояния и развития системы русского глагольного словоизменения» для правильного определения места, значимости и роли отдельных морфологических глагольных классов в сложной системе русского глагольного словоизменения и объективной оценки происходящих в отдельных словоизменительных классах и системе в целом изменений предла-

гается использовать набор статических и динамических показателей: объем класса (количественный состав глагольных классов на современном этапе развития языка: в лексемах/ в лексико-семантических вариантах); частота встречаемости в речи глаголов класса (или употребительность класса); интенсивность изменения объема класса (скорость роста/ убывания объема класса); относительная текущая продуктивность класса и др. Все это позволяет представить всю систему типов русского глагольного словоизменения в динамике, отметить происходящие в составе отдельных классов изменения, выделить активно прирастающие и стабильные классы и т.д. Предложенные параметры могут быть использованы для оценки состояния и развития словообразовательных типов и моделей.

Во второй главе книги «Славянская лексикология и лексикография» собраны статьи, посвященные славянскому слову.

Работа С. Ю. Темчина «Упоминание Ефрема Сирина в граффито XI в. новгородской Софии» посвящена древнерусской эпиграфике. Дается характеристика новгородского Софийского собора, где в граффито XI в. упоминается Ефрем Сирин. В статье предлагается критический разбор недавно высказанного предположения о том, что эта надпись указывает на новгородца Ефрема по прозвищу Сирин и непосредственно связана с иной надписью того же храма, предположительно написанной на арамейском (классическом сирийском) языке. Автор приводит аргументы в пользу того, что в рассматриваемой древнерусской надписи упоминается не новгородский житель, а известный богослов и литургический поэт Ефрем Сирин. Следовательно, данный текст не имеет непосредственной связи с той надписью новгородского Софийского собора, которая предположительно написана на арамейском языке.

Статья В. М. Мокиенко посвящена истории чешского языкознания и называется «Значение словаря Вацлава Флайшганса для европейской паремиологии». В статье дается очерк истории создания и издания двухтомного паремиологического тезауруса Вацлава Флайшганса «*Česká přísloví*», опубликованного 100 лет назад, в 1911–1913 гг. Это одно из самых полных собраний чешских и славянских пословиц и поговорок с западноевропейскими параллелями, появившееся в начале XX в. Анализ всех параметров словаря показывает, что он обладает большими лексикографическими достоинствами потому, что в нем чешская паремиология представлена в контексте европейского фольклора малого жанра: здесь имеются параллели из немецкого, французского, английского, латинского и др. языков. Эти иноязычные паремии наглядно демонстрируют европейский характер чешской народной культуры. Автор статьи объясняет феномен столетнего умол-

чания тезауруса В. Флайшганса его антипанславянской направленностью, концептуальной противопоставленностью широко известному собранию Фр. Лад. Челаковского «*Mudrosloví národu slovanského ve příslovích*» (1852). Словарь В. Флайшганса стал предшественником европейской паремииологии.

В работе Т. Левашкевича «Статьи, квалифицированные в верхнелужицко-немецком словаре Якубаша (1954)» рассматривается новейшая история верхнелужицкой лексикографии, в частности, верхнелужицко-немецкий словарь Ф. Якубаша (*Słownik górnołużycko-niemiecki*, 1954), имеющий нормативный характер. Лексикограф в нем поместил около 303 слов и выражений, помеченных звездочками, которые информируют, что слово-статья является уже устаревшим либо неправильно (в словообразовательном смысле) созданным. По крайней мере 202 таких статей (66,4%) удалил из своего словаря Völkel (издания от 1981 г., а также 2005 г.). В статье приводятся исчерпывающие лексикографические данные словаря Ф. Якубаша, которые сравниваются с материалом последующих верхнелужицких составителей.

В статье О. В. Никитина «'Энциклопедический словарь' Брокгауза-Ефрона как *terra incognita* русской лингвистики (взгляд из XXI века)» дается краткий аналитический обзор терминологического словника по лингвистике из знаменитого «Энциклопедического словаря» Брокгауза-Ефрона. В русской традиции он стал фактически первым печатным понятийным словарем, составленным на профессиональном научном уровне и охватившим всю палитру словесного искусства: от элементов знаковых систем, экзотических и международных языков до освещения проблем стилистики и риторики, подробнейшего описания фонетических, грамматических и общелингвистических понятий. В статье описываются факты создания словаря, языковедческая проблематика статей. Отмечается, что в центре внимания авторов был не только русский язык, но и древние, и современные европейские языки. Их лингвистические и литературно-философские традиции также описываются в этом издании. В то же время перед нами *специальный* словарь, дающий толкование конкретных языковедческих терминов («Гласные звуки», «Междометие» и др.). Особый акцент делается на кросс-лингвистических связях и сравнительно-историческом поле объяснения языковедческих вопросов. Подчеркивается, что большое влияние на формирование научных концепций авторов некоторых статей оказала немецкая лингвистика, разрабатывавшая в XIX в. многие грамматические и общелингвистические проблемы в русле компаративистики.

В статье М. Капрала «Русинские периодические издания Подкарпатя (1939–1944 гг.)» представлен перечень карпаторусинских периодических

изданий Подкарпатя в годы Второй мировой войны, когда оно вновь, после двадцатилетнего пребывания в составе Чехословакии, вернулось в лоно Венгерского государства и находилось в нем с ноября 1938 по октябрь 1944 г. В то время в крае в большинстве своем печатались издания на карпаторусинском и венгерском языках, которые на равных выполняли функцию официальных языков Подкарпатской территории (венг. Kárpátaljai terület). Приводятся подробные данные о каждом периодическом издании: где печаталось издание, кто и когда был его редактором, каким объемом выходили журнал или газета и т.д. Кроме того, указываются библиотеки Западной Украины, Венгрии и других стран, где находятся комплекты или недокомплекты тех или иных периодических изданий и под. Помимо этих данных, автор дает также краткую характеристику содержания каждого издания, т.е. чему оно было посвящено. Очень ценным в материале является то, что автор впервые дает описание периодических изданий, в том числе на карпаторусинском, собственно русском, украинском языках.

Работа М. Фейсы «Представленность церковнославянских элементов в духовной сфере южнорусинской народности» написана на южнорусинском микроязыке и посвящена церковнославянскому языку. В конце XVII – XVIII вв. было опубликовано 5 букварей. Затем последовали другие, чаще всего рукописные, книги, как, например, «Страсти Господа Нашего» и др. В 1890 г. появился сборник «Русский соловей» Михайла Вралея с текстами «на разных угро-русских наречиях», в том числе и на церковнославянском языке. В статье дается краткая характеристика так наз. угрорусского «язычия». На нем появлялись рукописные тексты, большинство из которых, к сожалению, до сих пор не собрано и не опубликовано. С 1919 г. стали появляться тексты и на южнорусинском микроязыке, который в этом же году был принят в качестве языка культуры. Появляются переводы религиозной, а позднее и светской литературы на южнорусинский микроязык. Автор приводит примеры вариантности грамматических форм нового литературного микроязыка. В это время начинает сдавать свои позиции церковнославянский язык, который в конечном счете остается лишь в греко-латинской церкви Бачки, где до сих пор и употребляется.

В статье А. Чекады «К вопросу об истории создания эстонско-польских и польско-эстонских лексикографических изданий» впервые рассматривается вопрос о двуязычных словарях, разговорниках, справочниках. Проведенная работа позволяет сделать заключение о том, что на эстонско-славянском фоне эстонско-польская лексикография представлена достаточным количеством справочников и словарей. Основная их часть появилась за последние 20 лет — в период, когда тесные языковые и культурные кон-

такты между Эстонией и Польшей обусловили необходимость составления учебников, справочников, разговорников и двуязычных словарей. Несмотря на то, что научная традиция в этой области еще не успела сформироваться, сделано за этот короткий период времени немало. При этом на сегодняшний день эстонско-польская лексикография нуждается не только в новых изданиях, но прежде всего в теоретических работах по составлению словарей — как традиционных, так и словарей нового типа.

Третий раздел книги «Вопросы славянского синтаксиса и переводоведения» включает статьи, посвященные эстонско-русским и иным связям.

В статье Х. Куссе и М. Шарлай «Немецко-русский русский — от игры к языку?» рассматривается речь русских эмигрантов в сегодняшней Германии, представляемая как немецко-русско русский идиом. Речь русскоговорящих жителей ФРГ базируется на смешении двух языковых систем — немецкой и русской, и возникает, с одной стороны, как игра, с другой стороны, как коммуникативная необходимость. При этом наблюдается четкая морфологическая основа русского языка и трансференция в нее немецкой лексики. Ведет ли смешение языков от индивидуальной шутки и последующей за ней коллективной креативности к новому (суб)стандарту или (микро)языку — центральный вопрос статьи. Предполагается, что немецко-русский русский идиом не является языком в смысле развитого литературного языка, но он может развиваться дальше в сторону не вполне функционального микроязыка. Данная тенденция возможна при допуске и признании того, что язык и речь легитимируются не только информативной и референциальной, выразительной и апеллятивной функциями коммуникации, но и поэтической функцией. Исходя из этого выдвигается тезис о том, что немецко-русский русский находится на пути к поэтическому микроязыку.

В работе К. Кару «Язык диаспоры или интерференция в переводе?» рассматриваются некоторые аспекты русско-эстонской интерференции. По автору, чем больше область покрытия переводом той или иной сферы и чем актуальнее эта сфера для русскоязычного населения Эстонии, тем скорее усваивается «язык перевода» со всеми его особенностями, а явления, вызванные интерференцией, формируют в переводе те или иные отклонения от нормы и становятся фактами языка диаспоры, т.е. порождаются и в созданных в Эстонии оригинальных текстах на русском языке. Правда, не каждая форма перевода находит себе место в системе языка диаспоры. В случае если в качестве материала исследования языка диаспоры привлекаются тексты, переведенные на русский язык с эстонского, нарушения литературной нормы, которые нередко расцениваются как изменения, проис-

ходящие в русском языке под влиянием эстонского, могут быть проявлением межъязыковой интерференции в переводе.

Статья Е. М. Вельман-Омелиной и В. П. Щадневой «Сложное слово и словосочетание в свете внутри- и межъязыкового взаимодействия» базируется на материале переводов деловых эстонско-русских текстов. Рассматриваются проблемы внутри- и межъязыкового взаимодействия и специально — перевод официально-деловых текстов. Устанавливается, что между эстонскими и русскими языковыми единицами возможны переводческие соответствия как одного и того же, так и разных уровней языка, что обусловлено их типологическими характеристиками. Взаимосвязь сложного слова и словосочетания доказывает, что лексика и грамматика при переводе не могут рассматриваться изолированно, ибо они находятся в сложном внутриязыковом взаимодействии, обусловленном закономерностями того или иного языка.

В работе А. Желе «Межпропозиционность в словенском языке» автор исходит из того, что межпропозиционные возможности основываются на четырех исходных принципах синтаксиса: словесной связанности самостоятельных предложений, их координационной связи, подчиненной связи и связи предложений, которые не находятся в координации или в подчинении и без синтаксической зависимости. В статье представлены все межпропозиционные возможности словенского языка. Типичными показателями выраженной межпропозиционности являются союзы, т. е. соответственно союзные коннекторы, и наиболее характерные показатели невыразительной межпропозиционности являются такие частицы, которые проявляют себя как предложные или предложно-частичные модификаторы. В статье подробно представлен подкрепленный примерами каждый вид межпропозиционности в словенском языке.

В статье Е. И. Костанди «О прагматике некоторых синтаксических связей: проблемы анализа» на материале русского языка показана прагматика синтаксических связей, в частности, на материале подчинительных словосочетаний. Подчинительная связь слов (управление, согласование, примыкание) в большей степени определяется системно-языковыми правилами, в ней сложно разграничить синтаксический, лексический и морфологический аспекты, и, соответственно, появляется больше проблем при анализе ее прагматики. В статье рассмотрена именно подчинительная связь слов с точки зрения наличия в ней прагматической составляющей и возможностей ее выявления.

Отв. редактор А. Д. Дуличенко

I

ДОКЛАДЫ ДЕЛЕГАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНОГО КОМИТЕТА СЛАВИСТОВ ЭСТОНИИ
НА XV МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ
В МИНСКЕ

ФЕНОМЕН СЛАВЯНСКИХ МИКРОФИЛОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННОМ СЛАВЯНОВЕДЕНИИ

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ ДУЛИЧЕНКО

Славянская филология – предыстория славянской микролингвистики – литературные микроязыки – состав и классификация – генетический аспект – микролингвистика и микрофилология – функциональный аспект

1. Кое-что о предыстории

Идея славянских микрофилологий стала развиваться с сер. 60-х гг. XX в. На начальном этапе интерес был проявлен к южнорусинскому (resp. русинскому, югославо-русинскому) микроязыку, о котором в те годы практически ничего не было известно. По крайней мере, в «большой славистике» об этом микроязыке в ту пору ничего нельзя было прочесть. Исключение составляли лишь небольшие статьи, публиковавшиеся в местной периодической печати и имевшие, таким образом, локальное распространение.

Может быть, имеет смысл кратко напомнить, как это все начиналось.

Будучи еще студентом университета в г. Ашхабаде (Туркменская ССР, СССР), я много занимался различными славянскими и неславянскими языками, пока мои научные интересы не закрепились, помимо прочего, в области славистики. В ту пору республиканская и академическая библиотеки Ашхабада получали обязательный экземпляр всех книг, издававшихся в СССР на русском языке, немного хуже снабжалась университетская библиотека. Особенно заинтересовали меня языки тогдашней Югославии. Однажды загребский молодежный журнал «Plavi vjesnik» опубликовал мое объявление, в котором я выразил желание переписываться с молодежью этой страны, в том числе и на хорватско-сербском языке (1965, br. 567, 5.VIII). Среди множества откликнувшихся было и одно письмо от 9.VIII. 1965 из сербской Воеводины от Владимира Малацко из Руского Керестура, в котором он, среди прочего, написал:

«Ја сам Русин, то јест југословенски Русин. И могу Ти рећи да је наш језик доста интересантан. За сада Ти могу рећи да је било 1947 године 200 година од

како смо се населили у Југославији и то са Карпата из Украјине. Ми се налазимо између Суботице и Новог Сада у средњој Бачкој. Исто Ти могу рећи да је наш језик претежно још много задржао украјинског».

Установилась переписка. Меня очень заинтересовал язык, родной для Владимира. Приблизительно в ноябре он прислал мне номер газеты «Руске слово», которая тогда издавалась в с. Руски Керестур — главном средоточии русин Югославии и которая до сих пор хранится в моем архиве (год издания XXI, номер 39 за 24 сентября 1965 г., 8 страниц). До августа 1967 г. он писал мне по-сербско-хорватски, а потом по моей просьбе перешел на родной южнорусинский язык. Несмотря на то что он переехал в конце 1965 г. в Савино Село, где женился на черногорке Дане и оттуда уже писал и присылал мне южнорусинские книги, в том числе и первую послевоенную школьную грамматику «Мацеринска бешеда» Микола М. Кочиша (1965), наша переписка продолжалась до его преждевременной смерти: он прожил всего 41 год (1931–1972) и умер от излишней доли радиации, которую получил в армии.

В 1990 г. я побывал в Савином Селе, где виделся с его супругой. Похоронен он был в Руском Керестуре, где я также бывал, но не смог, из-за напряженного графика, посетить его могилу... В моем архиве сохранилось 30 его писем, не считая книг и газеты «Руске слово», которую я получаю от редакции, ныне располагающейся в Новом Саде, уже почти полвека...

В 1965–1966 гг., будучи студентом университета в Ашхабаде, я вместе со своими однокурсниками «издавал» журнал «Лингвист». Этот журнал печатался на пишущей машинке (комплекты его хранятся в моем архиве). В № 1 (7) за 1966 г. была помещена моя небольшая заметка под названием «О диалекте русского языка в Югославии» (л. 5).

В ту пору южнорусинский микроязык казался мне «русским языком». Вот содержание этой заметки:

«Более двух веков назад на территории современной Югославии поселились несколько русских (скорее всего, украинских) семей. Затем приехало еще несколько десятков. Так возникли поселения выходцев из нашей страны в Югославии в районе мест Руски Крстур, Савино Село и других. Длительное проживание в окружении сербов и других этнических групп современной Югославии наложило отпечаток на язык поселенцев.

Появились формы, морфологически близкие к формам сербохорватского языка, сложились конструкции, типологически близкие сербским; и, конечно, происходил процесс заимствования лексики из сербохорватского языка (в основном лексика политического, общественного, специального и т. д. характера). Поселенцы считают свой язык «русским», хотя и признают его основой

украинский язык. В настоящее время носители этого диалекта двуязычны: кроме своего, они владеют и сербохорватским. Интересно отметить, что на этом диалекте в местах Руски Крстур и Нови Сад издаются книги (проза, поэзия, учебники, справочники и т.д.) и периодические издания (газета “Руске Слово”, журнал “Пионирска Заградка”). Кроме того, на “русском” языке ведется преподавание в школах. В конце 1965 года в городе Нови Сад выпущена грамматика: Микола М. Кочиш, “Мацеринска бешета”, часц I, Граматика за V и VI классу основней школи, Нови Сад, 1965 г., 1200 экз.

В нашей лингвистической литературе не удалось найти ни одной работы или иной информации о данном диалекте. В январе 1966 г. были написаны письма с просьбой о консультации известному знатоку современной Югославии Н. И. Толстому (Институт Славяноведения АН СССР), а также в редакцию газеты “Руске Слово” (Руски Крстур, Югославия)».

Далее на страницах 8–9 этого же номера бюллетеня было опубликовано «Письмо редактора “Русского слова” (Югославия)», в котором, помимо прочего, было сказано:

«Мы считаем наш язык говором, называя его по-русински “бешета”. Этим термином мы отделяем его от украинского языка, зная, что он его диалект, но, имея письменную форму, его можно считать отдельным языком в развитии. В истории он принял влияние польского, словацкого, венгерского и сербохорватского языков» (л. 8).

2. Контакт с академиком Никитой Ильичом Толстым и занятие южнорусинским микроязыком

Как только установился контакт с Владимиром, я стал искать материал о югославо-русинском в наших библиотеках. К сожалению, в советское время ничего не было известно об этом микроязыке. Даже о русинском Западной Украины ничего не писалось — истории украинского литературного языка в этом аспекте данный регион практически не затрагивали. Тогда я обратился к крупнейшему в ту пору знатоку языков Югославии, позднее академику АН СССР/ Российской АН Никите Ильичу Толстому. В конце 1965 г. я написал ему письмо, в котором спросил, занимаются ли в СССР этой проблемой, можно ли считать южнорусинский отдельным славянским языком, существуют ли научные исследования по этому языку, на каком языке говорили переселенцы, когда они поселились в Югославии, и т.д. Надежды на ответ не было. Но неожиданно ответ пришел — через три месяца 30 марта 1966 г. В нем, в частности, было написано:

«Русинский язык — отдельный славянский литературный язык (микроязык). Если бы он не имел литературной обработки и на нем не выходила литература (учебники, книги, стихи, пресса), он был бы просто одним из славянских диалектов, диалектом переселенцев, каковыми являются, например, у нас болгарские или польские диалекты (на территории Белоруссии). В основе русинского литературного языка лежит диалект, но это уже не диалект, т. к. он обработан для литературного языка и имеет свою нормативную грамматику... Русинский диалект Руского Керестура [по происхождению] западноукраинский, а может быть, и восточнословацкий (поэтому Вам следует заняться и словацким языком!), или смешанный восточнословацкий-западноукраинский (а теперь еще и с сербским идет смешение). Случай очень интересный! Е. Паулини в своей 'Истории словац[ого] лит[ературного] языка' считал его словацким, другие украинским. А 'русскими' они называют себя потому, что были униатами, т.е. не католиками».

Я побывал в Москве, встретился с Н. И. Толстым, захватив с собою тезисы своего доклада о взаимодействии южнорусинского с сербско-хорватским языком, который должен был прочитать на студенческой конференции университетов Средней Азии и Казахстана в г. Алма-Ате. Однако показать эти тезисы я так и не решился. Правда, вернувшись из Алма-Аты в Ашхабад, я вскоре выслал почтой тезисы уже прочитанного доклада и вскоре получил ответ (от 20 июня 1966 г.). Среди прочего там было написано:

«Я был рад получить от Вас письмо и книгу [первую часть школьного учебника Микола М. Кочиша 'Мацеринска бешета' 1965 г. издания]. Грамматика — интересна, а доклад Ваш, вернее, его тезисы, совсем корректно и грамотно написаны и есть смысл продолжать работать над избранной темой. Подумав немного о Вашей теме, я пришел к выводу, что она могла бы стать диссертацией, если к ней подойти серьезно и продуманно. Вы, безусловно, правы, что 'русинский язык' (будем его так пока условно называть) можно считать одним из славянских литературных [подчеркнуто!] (стандартных) языков, и то, что он распространен на очень небольшой территории и им пользуется очень малое число людей, существенно дела не меняет».

И далее:

«Я очень рад нашему знакомству и надеюсь, что Вы, хотя и в отрыве от славистических центров, сумеете стать славистом. Помните, что все дается трудом, но это и есть в конечном итоге самое интересное в жизни. Трудитесь постоянно, куда бы Вас ни забросила судьба».

Так все и началось... В 1966 г. я выступил на студенческой научной конференции в Ашхабаде с докладом «Особенности развития некоторых грамматических форм языков Югославии в условиях языковых контактов» («Лингвист», 1966, № 2 (8), л. 1), затем, мае 1966 г., на IX научной студен-

ческой конференции университетов Средней Азии и Казахстана в Алма-Ате с докладом «Проблема контактирования родственных языков. (Влияние сербохорватского языка на язык русин в Югославии)». Это выступление окончательно убедило меня в том, что в дальнейшем нужно заниматься именно славянской филологией...

Я стал собирать материалы для кандидатской диссертации, но первые мои публикации по южнорусинскому языку появились в 1969 г., когда я работал некоторое время в Самаркандском университете. В 1972 г., уже установив хороший контакт с южнорусинами, я опубликовал у них в журнале «Шветлосц» первую статью, которая была переведена на южнорусинский, — о становлении орфографических норм молодого славянского литературного языка. В 1974 г. в Институте славяноведения (и балканистики) АН СССР под руководством Н.И. Толстого я защитил кандидатскую диссертацию «Литературный русинский язык Югославии. (Очерк фонетики и морфологии)», в 1976 г. переехал из Средней Азии в Эстонию, в Тартуский университет, где продолжил заниматься южнорусинским, другими проблемами славистики, славянской микролингвистики и общего языкознания.

3. Занятие другими литературными микроязыками

Еще в начале 70-х гг., помимо южнорусинского, я стал разыскивать «микроязыковые феномены» в других частях славянского мира. Оказалось, что южнорусинский микроязык — не единственный прецедент такого рода в этом мире. Постепенно мне стала раскрываться Микрославия — с 1976 г. появляются мои публикации по градищанско-хорватскому, затем по другим микроязыкам. Результатом этих разысканий, связанных с увеличением числа микроязыков и их анализом, явилась докторская диссертация «Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития)», защищенная в 1981 г. в Институте языкознания им. Я. Коласа Белорусской АН в г. Минске.

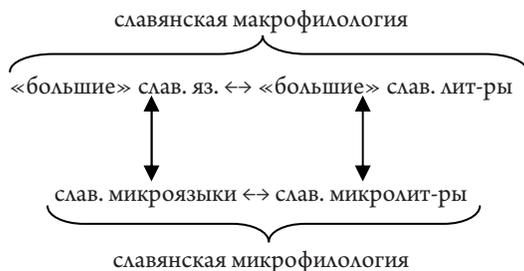
В этой диссертации, помимо южнорусинского, типологическому анализу подверглись также градищанско-хорватский, молизско-славянский, чакавский и кайкавский, прекмурско-словенский, банатско-болгарский, кашубский, восточнословацкий, ляшский, карпаторусинский, резьянский.

Теоретическая часть диссертации отражена в нашей специальной монографии «Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития)» (1981). В дальнейшем в славянскую микролингвистику были

вовлечены и другие микроязыки, среди которых серболужицкие — верхне-лужицкий и нижне-лужицкий, эгейско-македонский, помакский, венецианско-словенский, западнополесский, буневский, силезский, гуральский и др. Позднее нами был издан двухтомник образцов текстов на микроязыках — «Славянские литературные микроязыки. Образцы текстов» (2003–2004); во втором томе наших «Основ славянской филологии» специальная глава посвящена славянской микролингвистике (2011, с. 315–434).

4. Славянская микролингвистика и микрофилология

Так постепенно формировался **особый раздел славянской макролингвистики — славянская микролингвистика**. Славянская микролингвистика является, в свою очередь, разделом **славянской микрофилологии**. Схематически соотношение макрофилологий и микрофилологий можно было бы представить следующим образом:

При этом следует иметь в виду, что знак \updownarrow имеет условный характер: в одних случаях он указывает на генетическую связь с «большими» славянскими языками и с «большими» славянскими литературами (например, градищанско-хорватский, молиско-славянский, кайкавский, чакавский микроязыки — с хорватско-сербским/ хорватским), в других непосредственной связи не наблюдается (например, верхне- и нижне-лужицкие микроязыки).

Однако славянскую микрофилологию формируют далеко не все славянские микроязыки: некоторые из них вторую часть, т.е. **славянскую микролитературу**, имеют лишь в зачаточном состоянии, в других случаях основной акцент делается на лингвистической стороне вопроса и под. Но есть микроязыки, которые с успехом развивают обе стороны указанного процесса, т.е. это настоящие микрофилологии.

5. Классификация

славянских литературных микроязыков и их проектов

Прежде чем говорить о собственно славянских микрофилологиях, необходимо представить все славянские микроязыки, выделенные нами к настоящему времени. При этом следует иметь в виду, что предлагаемая классификация опирается на ареально-географический принцип в сочетании с этнолингвогенетическим и литературно-языковым. В соответствии с этим литературные микроязыки делятся на четыре группы — автономные, островные, периферийно-островные и периферийные (или региональные):

Таблица № 1

<i>микроязыки</i>	<i>страна, регион/ культурный центр</i>	<i>статист. данные</i>
И. Автономные		
верхнелужицкий/ hornjoserbšćina	Германия, земля Саксония, ист. обл. Верхняя Лужица/ Будишин, в.-луж. Budyšin (нем. Bautzen)	40 тыс.
нижнелужицкий/ dolnoserbšćina	Германия, земля Бранденбург, ист. обл. Нижняя Лужица/ Коттбус, н.-луж. Chóšebuz (нем. Cottbus)	ок. 20 тыс.
кашубский/ kaszëbsczi jãzëk	Польша, Гданьское воев., ист. обл. Поморье Гданьское и вост. часть Западного/ Картузы, Гданьск, (польск. Kartuzy, Gdańsk)	от 200–367 тыс.
II. Островные		
югославо-русинский (южно-русинский)/ руски язык	Сербия – Автономная обл. Воеводина, Хорватия/ Руски Керестур (серб. Руски Крстур), Нови Сад, Загреб (хорв. Za- greb)	ок. 25 тыс.
градищанско- хорватский/ gradišćanskohrvatski jezik	Австрия, земля Бургенланд/ Эйзен- штадт, град.-хорв. Željezno (нем. Eisen- stadt)	35–45 тыс.
молизско-славянский/ ro/ na našu	Италия, обл. Молизе, пров. Кампобассо (итал. Molise, Campobasso)/ –	ок. 4–4,5 тыс. (?)
резьянский/ rozajanski jazez/ langaç	Италия, пров. Венеция - Джулия (итал. Venezia -Giulia), долина Резья	ок. 3 тыс. (?)
банатско-болгарский/ banátsćibalgarsći jazic	Румыния, ист. обл. Банат/ (в XIX в. Центр — Винга/ Vinga)	18–22 тыс.

III. Периферийно-островные		
(карпато)русинский/ русинський язык	Украина – Закарпатская обл. (Подкарпатская Русь); Вост. Словакия (Пряшевская Русь); Польша, Венгрия, (Румыния); США и Канада/ разные	данные противоречивы
эгейско-македонский/ македонски език от Egej	Греция, Эгейская Македония/ –	от 110 до 160 тыс.
помакский/ romatskes giezik	Греция, номы Ксанти, Родопи, Эврос, ист. Зап. Фракия/ Комотины (?)	36–39 тыс.
венцианско- словенский/ beneškoslov(i)enski jezik	Италия, обл. Фриули – Юлийская Краина, Терская и Недижская долины/ –	ок. 9 тыс.
буневский/ буневачки jezik/ bunjevački jezik	Сербия (Воеводина), приграничные районы Венгрии/ Суботица	20 тыс. (?)
IV. Периферийные (региональные)		
чакавский/ čakavština	Хорватия, Адриатическое побережье и острова/ Сплит, Риека, хорв. Split и Rijeka (?)	–
кайкавский/ kajkavština	Хорватия, северо-запад и средняя часть/ Загреб, Вараждин (хорв. Zagreb и Varaždin (?))	–
прекмурско- словенский/ prekmurščina	Словения, обл. Прекмурье/ Мурска Собота (словен. Murska Sobota)	–
ляшский/ laščina	Чехия, Силезия/ Фридек-Мистек (чеш. Frýdek-Místek)	–
восточнословацкий/ východ(n)slovenska reč	Восточная Словакия/ –	–
западнополесский/ заходьшнопольська мова	Белоруссия (част. Украина)/ Минск (?)	–
силезский/ ślōnska godka	Горная Силезия (Польша), на востоке Чешская Силезия (между Оставой и Тешином)	–

Как видно, в таблице отражено 20 литературных микроязыков, при этом приводятся оригинальные названия микроязыков, сведения о том, в какой стране или регионе они распространены, имеют ли культурный центр и ка-

ково количество говорящих (если такие сведения имеются). К 18 микроязыкам, отраженным в нашей книге «Основы славянской филологии» (2011, II, с. 322–323), теперь прибавлено еще два — буневский в Сербии и в прилегающих областях Венгрии, силезский в Польше, а также в Чехии (в указанной книге сведения об этих попытках микроязыках имеются, но там они еще не были внесены в классификационные рамки — см. с. 345–346). Не совсем пока ясна ситуация с попытками создания гуральского (подгальского) литературного микроязыка в Польше. Есть попытки создания литературных микроязыков и в некоторых других регионах Славии.

6. Генетический аспект славянских литературных микроязыков

Если говорить о чисто генетической основе указанных литературных микроязыков, то большинство из них оказываются в южнославянской группе, далее следует западнославянская, затем восточнославянская и, наконец, «спорный» южнорусинский стоит несколько особняком. Представим генетическую классификацию микроязыков с указанием на их место в ареально-географической классификации:

Таблица № 2

<i>языковые группы и языки</i>		<i>литературные микроязыки</i>		<i>место в ареально-географической классификации</i>
И. Южнославянская группа				
хорватский	→ →	чакавский кайкавский	←	периферийные
	→ →	градищанско-хорватский молизско-славянский	←	островные
словенский	→ → →	прекмурско-ловенский венецианско-словенский резьянский	← ← ←	периферийный периферийно-островной островной
болгарский	→ →	банатско-болгарский помакский (в Греции)	← ←	островной периферийно-островной
македонский	→	эгейско-македонский	←	периферийно-островной

сербско-хорватский	→	буневский	←	периферийно-островной
II. Западнославянская группа				
серболужицкий	→	верхнелужицкий нижнелужицкий	←	автономные
кашубский	→	кашубский	←	автономный
чешский (+ польский)	→	ляшский	←	периферийный
словацкий	→	восточнословацкий	←	периферийный
силезский	→	польский	←	периферийный
III. Восточнославянская группа				
украинский	→	(карпато)русинский	←	периферийно-островной
белорусский/ украинский	→	западнополесский	←	периферийный
IV. Закарп.- украинский (переходный к вост.-словацкому)				
		южнорусинский	←	островной

Примечания: 1) Единого взгляда на генезис серболужицкого нет: по мнению одних исследователей, у него один генетический источник, по мнению других — таких источника два (потому и *верхнелужицкий* и *нижнелужицкий*); 2) ляшский в целом относят к чешскому генетическому источнику, однако все же вернее отнести его к переходному чешско-польскому диалектному поясу; 3) западнополесский отражает белорусско-украинские черты; 4) буневский относится к сербско-хорватскому источнику; 5) силезский относится к польско-чешскому источнику.

Таким образом, повторимся, к южнославянским по происхождению относятся 11 микроязыков, к западнославянским — 6, к восточнославянским — 2 и один «переходный».

7. От микроязыков к микрофилологиям

Теперь остановимся на вопросе о том, какие из микроязыков образовали славянские микрофилологии, какие находятся на пути к этому, а какие функционируют однобоко, так и не развив вторую часть микрофилологии, т.е. славянские микролитературы.

Таблица № 3

<i>микроязыки</i>	<i>страна</i>	<i>статус</i>
I. Автономные		
верхнелужицкий/ hornjoserbšćina	Германия	микрофилология
нижнелужицкий/ dolnoserbšćina	Германия	микрофилология
кашубский/ kaszëbsczi jãzëk	Польша	микрофилология
II. Островные		
южнорусинский/ руски язык	Сербия, Хорватия	микрофилология
градищанско-хорватский/ gradišćanskohrvatski jezik	Австрия	микрофилология
молизско-славянский/ ро/ na pašu	Италия	слабо развивающийся
резьянский/ rozajanski jazel/ langač	Италия	(микрофилология)
банатско-болгарский/ banátsći-balgarscí jazic	Румыния	микрофилология
III. Периферийно-островные		
(карпато)русинский/ русинськыйязык	Украина, Словакия, Польша, Венгрия, (Румыния), США и Канада	микрофилология
эгейско-македонский/ македонски език от Егеј	Греция	слабо развивающийся
помакский/ romatskes gjezik	Греция	слабо развивающийся
венцианско-словенский/ beneškoslov(i)enski jezik	Италия	слабо развивающийся
буневский/ буневачки језик/ bunjevački jezik	Сербия, приграничные районы Венгрии	(микрофилология)
IV. Периферийные (региональные)		
чакавский/ čakavština	Хорватия	(микрофилология)
кайкавский/ kajkavština	Хорватия	(микрофилология)

прекмурско-словенский/ prekmurščina	Словения	слабо развивающийся
ляшский/ laščina	Чехия	слабо развивающийся
восточнословац-кий/ vichod(no)slovenska reč	Словакия	слабо развивающийся
западнополесский/ заходьшнопольська мова	Белоруссия, (част. Украина)	(микрофилология)
силезский/ ślōnska godka	Польша, Чехия	микрофилология

Совершенно очевидно, что по тем данным, что мы отразили в таблице №3, половина микроязыков, можно сказать, успешно идет по тому же пути, что и «большие» славянские литературные языки. То есть это микрофилологии с двумя сторонами — микроязыками и микролитературами.

Таковых оказалось 8: верхнелужицкий и нижнелужицкий, кашубский, южнорусинский, градищанско-хорватский, банатско-болгарский, карпато-русинский, силезский.

К ним добавляются еще 5 микроязыков — у них по-разному отражается наполняемость сфер использования: резьянский и буневский постепенно выравнивают обе стороны микрофилологий; современные чакавский и кайкавский прежде всего развивают свои литературы, хотя по ним появляются и работы лингвистического плана (в XIX в., до эпохи национального Возрождения, оба эти микроязыка имели грамматики); что касается западнополесского, то этот микроязык в последние годы, в связи с переездом из Белоруссии в Россию его инициатора, стал постепенно сдавать свои позиции.

Таким образом, 13 микроязыков из 20 имеют все шансы на дальнейшее развитие: все три автономные; из 5 островных — южнорусинский, градищанско-хорватский, банатско-болгарский, а также резьянский; из 5 периферийно-островных — (карпато)русинский, а также буневский; из 7 периферийных — силезский, чакавский и кайкавский, а также западнополесский.

Что касается оставшихся, названных нами слабо развивающимися, — молизско-славянского, эгейско-македонского, помакского, венецианско-словенского, прекмурско-словенского, ляшского и восточнословацкого, то здесь процесс развития идет очень медленно, односторонне, хотя их дальнейшая судьба зависит от того, найдутся ли инициаторы, которые возглавят соответствующие литературно-художественные процессы.

8. Функциональный аспект славянских литературных микроязыков

Если взять за основу разработанную нами «Картину реального использования славянских литературных микроязыков» (помещена во втором томе наших «Основ славянской филологии», с. 343), то окажется, что сферы использования микроязыков сильно разнятся.

Наиболее успешно заполняют функциональный спектр **автономные микроязыки**, за исключением нижнедужицкого, который постепенно теряет многие сферы использования.

Из **островных микроязыков** функциональный спектр заполняет лишь южнорусинский микроязык, в то время как градищанско-хорватский делает это в меньшей мере, а банатско-болгарский выступает слабее этого последнего; резьянский находится в развитии, а молизско-славянский время от времени переживает застой.

Из **периферийно-островных микроязыков** лишь (карпато)русинский можно назвать преуспевающим, в то время как буневский пока лишь набирает скорость, а эгейско-македонский, помакский и венецианско-словенский функционируют слабо.

Наконец, группа **периферийных (региональных) микроязыков** характеризуется следующими чертами: успешно развивается силезский микроязык, несколько односторонне, с преимуществом литературно-художественной стороны, функционируют чакавский и кайкавский, а также западнополесский; слабо развиваются прекмурско-словенский и восточнословацкий, а также ляшский.

На примере южнорусинского микроязыка — микроязыка с наибольшим функциональным спектром покажем, каковы возможности и к чему стремятся литературные образования подобного плана. В соответствии с «Картиной реального использования славянских литературных микроязыков», представленной во втором томе нашей монографии «Основы славянской филологии» (с. 343), южнорусинский микроязык ныне представлен в следующих сферах:

1) художественная литература:

- поэзия: +
- рассказ: +
- роман: +

2) средства массовой информации:

- периодика: +
- газеты: +

журналы: +
 ежегодники: +
 смешанные издания: +;
 радио: +
 телевидение: +

- 3) образование:
 школа: +
 основная: +
 средняя: +
 гимназия: +
 отдельные классы: +
 все предметы: +
 отдельные предметы: +
 университет: +
- 4) администрация (по выбору): +
- 5) наука (гуманитарная): +
- 6) религиозная жизнь: +
 церковь: +
 перевод Библии: +
- 7) собственные учреждения: +
- 8) любительский театр: +
- 9) топографические надписи: +
- 10) личная переписка: +

Представленные 10 сфер с их подразделениями — это максимальное функциональное употребление, которого добился один из литературных микроязыков — южнорусинский. Из микроязыков к нему приближается автономный верхнелужицкий, затем следует островной градищанско-хорватский, далее — периферийно-островной (карпато)русинский и т.д.

Таким образом, бóльшая часть микроязыков из представленного списка (8 + 5) имеют тенденцию к тому, чтобы быть подобными «большим» славянским литературным языкам, хотя очевидно, что для этого им не хватает ряда признаков, как то государственные границы, несамостоятельный для многих из них этнический фактор, слишком малые количественные параметры и др. Тем не менее рассмотренные здесь славянские микрофилологии вместе с пока слабо развивающимися прецедентами составляют органичный компонент современного славянского этно-языкового мира, что дает право рассматривать их в составе современной славянской филологии.

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СТАНОВЛЕНИЮ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ

(На примере формирования и фиксации лексики чешского языка
в эпоху Национального Возрождения)

ИРИНА ВАЛЕРИЕВНА АБИСОГОМЯН

Памяти С. Чмейрковой

Национальное Возрождение в Чехии – становление чешского языка в эпоху национального Возрождения – немецко-чешские культурные и языковые контакты – двуязычие – пуризм – оценочность при фиксации лексики в словаре.

Становление и развитие чешского языка в эпоху национального Возрождения (далее — НВ), несомненно, было предопределено происходившими изменениями, затронувшими все сферы жизнедеятельности чешского общества того времени, и при этом являлось неотъемлемой частью самого процесса «возрождения». Общим местом многочисленных работ, посвященных эпохе НВ, является определение национального литературного языка как одного из важнейших атрибутов нации, как фактора «национальной консолидации» [Журавлев 1998: 18]. Таким образом, при формировании национального самосознания ставка делалась на язык, что определило лингвоцентричность чешского НВ [Гладкова 2001: 340–341; ср. также: Гланц 2004: 234]. Основопологающей характеристикой и одной из движущих сил преобразований той эпохи стало отторжение немецкого воздействия и яркое проявление пуристических тенденций в данной связи. При чем такое положение дел подкреплялось давно установившейся традицией негативного отношения к чешско-немецким контактам, в том числе (и, возможно, даже прежде всего) к языковым [см., например: Jelínek 2007: 540–572]. При этом реальные результаты этих контактов нередко оказывались

полезными и созидательными для чешского языка и культуры в целом.¹ Однако нельзя забывать, что к периоду НВ статус и реальное положение немецкого и чешского языков на территории Чехии существенно различались. Чешский язык, как известно, находился к этому времени в состоянии затяжного кризиса, его функциональный спектр был существенно ограничен, а немецкий занимал привилегированное положение во всех сферах, что также влияло на оценку чешско-немецких культурных, в том числе и языковых, отношений.

Чешский язык практически всегда развивался в условиях двуязычия. В силу различных исторических причин в разные периоды времени на территории распространения чешского этноса использовались старославянский, латинский и, разумеется, немецкий языки, которые не могли не повлиять на развитие чешского языка. При этом следует отметить, что отношение к старославянскому (вообще к славянскому), да и к латинскому воздействию на чешский язык в целом было положительным; в то время как немецкое влияние оценивалось чаще негативно.

Причины негативного восприятия именно немецкого воздействия, на наш взгляд, объясняются принципиально разной природой указанных иноязычных влияний. Дело в том, что старославянский язык в IX в. стал первым письменным языком на территории Чехии, был предтечей чешской литературно-письменной традиции. Латинский язык также долгое время выступал в роли языка культуры, богослужения, литературы и языка администрации; кроме того, статус латинского языка в средние века в Европе был настолько высок и непререкаем, что подобная ситуация не могла вызывать особого неприятия в чешской среде. Взаимоотношения чешского со старославянским и в большей степени с латинским языком строились в русле диалога культур, а подобные связи обычно оцениваются положительно. Немецкое же воздействие на чешский язык было связано с непосредственными отношениями между двумя этносами и государствами — чешским и немецким (*resp.* австрийским). Конечно, не последнюю роль в этих отношениях играла и культура, но на первый план вышли связи политического, экономического и социального характера, т. е. наблюдалось «внешнее воздействие» на развитие языка и на межъязыковые отношения [см. также: Абисогомян 2009: 166–167].

¹ Чешско-немецкие языковые контакты, немецкие заимствования в чешском языке — тема, издавна привлекающая внимание исследователей. В последнее время активно разрабатывают данную проблематику, например, Т. Бергер и С. М. Неверкла [Berger 2009: 133–156; Newerkla 2011 и др.].

Таким образом, одним из главных атрибутов, сопровождавших эволюцию чешского языка, являлось взаимодействие с немецким языком, которое чехами воспринималось по большей части как одностороннее воздействие немецкого языка на чешский. Наблюдался длительный процесс германизации чешского общества в целом. Этот процесс, несомненно, усилился после известных событий 1620 г., когда в результате потери независимости и установления безграничной власти Габсбургов на территории Чешского королевства свою родину вынуждены были покинуть тысячи не католиков (активно выступавших за расширение сфер использования чешского языка), а чешская шляхта в целом не противостояла ни значительному увеличению немецкого населения, особенно в городах, ни ассимиляционным процессам в собственной среде. Вполне естественно, что в таких условиях и при, в целом, дискриминационной политике Габсбургов чешский язык достаточно быстро был забыт представителями высшего сословия, соответственно весьма фрагментарно стал использоваться в административной и других высших государственных сферах; тем не менее он остался основным языком общения в крестьянской среде, а также использовался определенной частью горожан — ремесленниками, представителями мелкой буржуазии и бывшими крестьянами, получившими позже, в 1781 г., свободу и нередко переселявшимися в города в поисках более высокого заработка [см., например: Navránek 1979: 84–85; Cuřín 1985: 70; Широкова 1998: 151].

Отмена крепостного права, проведение реформ в сфере школьного образования и некоторых других преобразований, во многом способствовали тому, что, например, в Праге уже с 1770–1780-х гг. чешский язык стал достаточно широко использоваться не только в функции бытового общения, но и расширилось его функционирование в качестве языка литературы и публицистики. Было введено обязательное начальное обучение, в том числе и на чешском языке, а также значительно увеличился объем чешской учебной печатной продукции (для этого еще в 1767 г. в Праге, например, открылось издательство «Školní knihosklad») [Navránek 1979: 85]. Кроме того, с 1786 г. появились чешские газеты (в частности, под редакцией В. М. Крамериуса стали выходить «Schönfeldské císařské královské roštovní Noviny») а, начиная с 1780-х гг., шли театральные постановки на чешском языке (так, например, в том же 1786 г. публике было представлено первое оригинальное национальное драматическое произведение — драма В. Тама «Бржетислав и Итка» («Břetislav a Jitka aneb Únos s klášteřem») [см., например: Dobrovský 1955: 123–125; Navránek 1979: 85; Мьль-

ников 1982: 60]. Таким образом, в определенном смысле, можно говорить даже об усилении позиций чешского языка уже в первой фазе НВ.

Следует обратить особое внимание на весьма стремительное, по нашему мнению, «возвращение» чехов к родному языку (resp. его изучение), которое было предопределено сознательным отказом от использования немецкого языка и переходом на чешский язык образованной части чешского общества, прежде всего будителями второго поколения (т. е. приблизительно начиная с 1800–1810-х гг.), чему в свою очередь способствовал и тот факт, что бóльшая часть жителей Праги того времени считала родным языком именно чешский. Неслучайно поэтому удивление иностранных гостей Праги, которые, ожидая окунуться там в привычную для Австрийской империи немецкоговорящую среду, сталкивались с непонятным языком жителей сказочного города. К примеру, Х. К. Андерсен, побывавший в Праге в 1834 г., записал в своем дневнике:

«Люди здесь вообще не говорили по-немецки, нет, они говорили на чешском языке, который от немецкого отличается совершенно и во всем <перевод А. Бобракова-Тимошкина. — И. А.>» [Цит. по: Бобраков-Тимошкин 2004: 211].

При этом, как уже отмечалось, шляхта и образованная часть чешского общества давно перешла на использование немецкого языка. Поэтому, кстати, и представители первого поколения чешских деятелей НВ, писали свои основные, прежде всего научные произведения на немецком языке. Также на немецкий язык перешли или владели им в той или иной степени и некоторые другие социальные слои чешского общества, например, ремесленники (причем использование немецкого языка в их среде часто воспринималось как жаргонное и характерное для того или иного ремесленного цеха) [Широкова, Нещименко 1978: 13; Широкова 1998: 156].

Таким образом, сосуществование чешского и немецкого языков, и особенно немецко-чешский билингвизм, характерный в бóльшей степени для второго периода НВ, в целом не приводили к непониманию, однако усилили идеологическую конфронтацию.

Полагаем, вполне правомерно считать, что негативно-оценочное отношение ко всему немецкому и в то же время невозможность разрыва немецко-чешских отношений на разных уровнях носили в то время всеобщий характер и охватывали все сферы жизнедеятельности. При этом вполне объективно отсутствовала необходимость такого разрыва, и, что, на наш взгляд, немаловажно, немецко-чешский симбиоз нередко способствовал именно развитию чешского общества и культуры, а не наоборот (как это

преподносили некоторые деятели чешского НВ). Приведем некоторые примеры.

С одной стороны, особого внимания заслуживают факты вполне логичного обращения чешских деятелей к немецким (а через немецкий язык и к другим западноевропейским) достижениям в разных областях и примеры сотрудничества немецких и чешских просветителей, в связи с чем, приведем одну, возможно, несколько гиперболизированную (хотя и с оговоркой), но действительно, очень точную, по нашему мнению, оценку: «С некоторым преувеличением можно сказать, что чешское национальное Возрождение было плодом “немецкого духа”» [Бобраков-Тимошкин 2004: 210]. Обратимся к некоторым фактам, подтверждающим данную точку зрения.

1) В начале эпохи НВ «сколь-нибудь единой, разработанной концепции национально-просветительской мысли не существовало» [Мыльников 1982: 35]. В качестве доказательства данного утверждения можно привести теорию философа и математика Б. Больцано¹ (немца по происхождению), предлагавшего в период НВ иную философскую основу патриотизма, базировавшуюся на общих моральных и государственных ценностях и не признававшую национального или территориально-этнического разделения [Гланц 2004: 234; см. также Бобраков-Тимошкин 2004: 210]. В дальнейшем чешские и немецкие (resp. австрийские) просветители достаточно долгое время сотрудничали друг с другом, и в принципе до 1848 г. совместная деятельность чехов и немцев по достижению определенной самостоятельности Чехии в рамках Габсбургской империи также могла иметь шанс на успех, если бы была принята как основополагающая доктрина.

2) При выстраивании своей программы «возрождения» будители опирались на идеи немецкого романтизма (прежде всего учение И. Г. Гердера о национальном духе и, в особенности, о духе славянства²), а также на философию языка, заключенную в триаде *язык – нация – государство* [см. также, например: Бобраков-Тимошкин 2004: 210; Гланц 2004: 234; ср.: Kubka 1926: 9–13].

3) Продуктивным было также воздействие западноевропейской (и прежде всего вновь немецкой) лингвистической традиции на развитие чешского языкознания, использование немецкого языка в науке, а также в качестве посредника при практическом изучении чешского языка и его

¹ См., например: B. Bolzano. *24 Erbauungsreden 1808–1820*. Hg. von K. F. Strasser. Wien, 2001.

² J. G. Herder. *Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit*, 1784–1791; *Abhandlung über der Ursprung der Sprache*, 1772.

описании и толковании в грамматиках и словарях. В качестве примеров обратимся к фактам истории чешской лексикографии того периода. Один из первых чешских лексикографов эпохи НВ К. И. Там тесно сотрудничал с выдающимся немецким филологом Й. Х. Аделунгом, воодушевившим Тама на создание словаря чешского языка [см. об этом, в частности: Dobrowsky 1798; Fljašhans 1896: 6], ставшим автором предисловия к его «Немецко-чешскому словарю» 1788 г. [Tham 1788] и консультантом по немецкой части этого словаря. В дальнейшем западноевропейские лексикографы следили за развитием славянской лексикографии, т. е. наблюдалась и «обратная» связь между славянскими и западноевропейскими авторами словарей. Так, например, в предисловии к первому тому знаменитого словаря немецкого языка братьев Гримм (*Deutsches Wörterbuch von Jakob Grimm und Wilhelm Grimm*, 16 Bd., Leipzig, 1854–1960) Я. Гримм весьма высоко оценил словари польского и чешского языков С. Б. Линде и Й. Юнгманна [см. об этом, например: Filipец 1958: 212–213]. Таким образом, в XIX в. славянская лексикография была признана полноправной частью европейской лексикографической традиции и включена в европейский «лексикографический контекст» [подробнее см. напр.: Абисогомян 2009: 58–62].

В данной связи нельзя обойти вниманием парадоксальный, на первый взгляд (учитывая активное неприятие немецкого влияния), факт создания в период НВ именно двуязычных немецко-чешских, а потом и чешско-немецких (иногда еще и с латинской параллелью) словарей. С одной стороны, появление двуязычных словарей можно объяснить влиянием предшествующей — как славянской, в том числе и чешской, так и общеевропейской, лексикографической традиции [подробнее см, например: Абисогомян 2009: 34–77]. Возникновение такой традиции было обусловлено прагматизмом, поскольку словари выполняли прежде всего роль учебных пособий при изучении латыни или «помощников» при чтении, например, библейских текстов и т. п. С другой стороны, современным, можно сказать, «вынужденным» прагматизмом можно объяснить включение в качестве одного из языков именно немецкого. Во-первых, нельзя забывать, что Чешские земли в эпоху НВ входили в состав Габсбургской империи, и выход словаря, не содержащего немецкую параллель, был просто невозможен. Так, весьма показательным является замечание Й. Добровского по поводу легкой печатной судьбы многих словарей XVIII в., так и оставшихся в рукописи. В частности, чешско-латинский лексикон Я. Прокопиуса, рукопись которого была, по сведениям Добровского, готова в августе 1788 г., так и не был издан. Говоря о возможных препятствиях, Добровский отмечает, что «трудно найти для него <словаря Прокопиуса. — И. А.> издателя, хотя

бы по той причине, что <...> отсутствует немецкий перевод»¹ [Dobrowsky 1791: 6]. Во-вторых, исходя из ситуации онемечивания чешской нации (особенно ее образованных слоев), именно через посредничество немецкого языка чехи должны были «вернуться», т. е. фактически изучить заново свой родной язык. Как отмечает Я. Петр, включение немецких эквивалентов, в частности в «Чешско-немецкий словарь» Й. Юнгманна [Jungmann 1835–1839], должно было облегчить для чешской интеллигенции пользование словарем и обеспечить достоверное понимание значений некоторых новообразований [Petr 1989: 16]. По всей вероятности, именно эти причины вынуждали Й. Юнгманна в отдельных случаях трактовать значение вводимых в словарь чешских неологизмов только на немецком языке, например, *bohoznavce* – *Gotterkenner*, *bohozvaný* – *von Gott berufen*, тем более что приведенные слова являются кальками именно с немецкого [Jungmann 1834–1835: I; см. также: Helcl 1974: 63]. Показательными являются также словарные статьи, где может быть даже представлено большое количество примеров словоупотребления (т. е. реестровое слово может являться не новообразованием, а, к примеру, устаревшим или диалектным), при этом значение самой заглавной лексемы трактуется только по-немецки. Например, отглагольное существительное *konání* ‘проведение, действие’, значение которого расшифровывается набором немецких соответствий: *das Thun, die Verrichtung, Leistung*, и однокоренное причастие *konaný*, снабженное немецкими аналогами: *verrichtet, gethan, geleistet, vollführt* [Jungmann 1835–1839: II]. Таким образом, несмотря на пуризм по отношению ко всему немецкому, именно немецкому языку была уготована роль посредника при «возрождении» и изучении родного чешского языка.

С другой стороны, постепенно формировалось вполне прагматичное отношение к изучению и использованию чешского языка немецкоговорящими жителями Чехии. В различных учебных заведениях столицы Австрийской империи чешский язык начал преподаваться еще в середине XIX в. Так, с 1752 г. чешский язык изучался в венской Военной академии, с 1754 г. — в военно-инженерной школе г. Вены, а с 1775 г. — в Венском университете [см., например: Tham 1805b: <LXV–LXVI>; Dobrovský 1955:122; Havránek 1979: 85; ср. также: Newerkla 2007: 580–613]. Наконец, в 1793 г. и в Карловом университете в Праге была открыта кафедра чешского языка, имевшая (и возможно, даже прежде всего) практическое назначение: лекции первого профессора этой кафедры Ф. М. Пельцля должны были обязательно посещать будущие священники и чиновники, ко-

¹ Перевод с немецкого здесь и далее выполнен автором статьи.

торые намеревались работать в Чехии [см., например: Мыльников 1973: 27, 29; Navránek 1979: 85; Лаптева 1998: 342; ср. также: Гланц 2004: 241]. Возникла потребность в соответствующей учебной литературе, поэтому велась активная работа по созданию и изданию достаточно большого количества двуязычных немецко-чешских и чешско-немецких словарей, а также учебных пособий по чешскому языку, написанных на немецком языке и предназначенных для изучающих чешский язык немецкоговорящих жителей Габсбургской империи, а в бóльшей степени для самих онемеченных чехов [о грамматиках и словарях, например, авторов первого периода НВ Ф. Я. Томсы и К. И. Тама см.: Абисогомян 2009: 91–147; Абисогомян 2012: 70–92].

Однако именно негативное отношение ко всему немецкому стало одной из движущих сил чешского НВ, поскольку при создании важнейшей идеологической доктрины использовался метод противопоставления «своего» «чужому» (resp. чешского — немецкому) с вполне прогнозируемой оценкой. При этом, конечно, нельзя утверждать, что будители не осознавали значимость немецкого компонента в чешской культуре (даже если он когда-то был насильственно внедрен), конечно, они не отрицали «средних» услуг немецкого языка при трансляции западноевропейской культуры и при изучении (в том числе и при научном исследовании) чешского языка.

И все же связующим звеном языковой и идеологической концепции НВ явилась установка на отторжение немецкой культуры и языка [Masuga 1983: 42; см. также: Гланц 2004: 236–237]. За иллюстрацией обратимся вновь к словарю Й. Юнгманна. Поскольку основной целью автора словаря была фиксация всего лексического богатства чешского языка, то, несомненно, в его словаре были представлены и многочисленные заимствования из разных языков. При этом Юнгманн открыто, с помощью разных способов воздействовал на восприятие предлагаемой в словаре информации [подробнее о способах подобного оценочного представления лексики в словаре и основных приемах воздействия на адресат в этой связи см., например: Абисогомян 2011: 324–333]. Так, некоторые заимствования (по преимуществу, это слова немецкого происхождения) сопровождаются особым знаком (+), который Юнгманн трактует как «иностранные, неправильно (дословно “плохо”) созданные или подозрительные» [Jungmann 1835: 8], например: †*handl*, †*obchod*, †*kupectwĵ*, †*handlěř*, †*handlĵřka*, †*handlĵřskŷ*, †*handlĵřstwĵ* atd. – z něm. *Handel* usw.; †*kauklěř*, †*kauklĵř*, †*keglĵř* – *Caukler*, *Augenblender* [Jungmann 1835–1839: I, II]. Многие из этих слов широко ис-

пользовались, но Юнгманн пытался таким образом противостоять их дальнейшему распространению и закреплению в чешском языке.

Т. Гланц, анализируя сложившуюся языковую ситуацию в то время, отмечает, что «возник спрос на *повышенное непонимание* <курсив Т. Гланца. — И. А.>, на его “изобретение”, которое достигалось языковыми средствами» [Гланц 2004: 237]. Так, к примеру, хорошо известно, что одной из основных целей перевода является установка межкультурной коммуникации. Чешские переводы западноевропейской литературы, в том числе и научной, в основном с немецкого в эпоху НВ нередко выполняли прямо противоположную функцию, поэтому говорить о переводе в традиционном смысле этого слова в данном случае не приходится. Основными причинами такого положения дел стало проявление дискommункативной по отношению к языку подлинника установки, поскольку «в первой половине XIX века не существовало читателей, которые не смогли бы читать только чешский научный текст и не смогли бы прочесть его немецкий подлинник» [Гланц 2004: 238], а основной целью таких переводов являлось, как известно, расширение, а нередко и создание новых, прежде всего лексических возможностей чешского языка. «Однако в результате текст не делался доступнее, напротив: перевод воспринимался по сравнению с оригиналом как более “иностраный”, менее понятный и менее доступный для читателя» [Там же].¹ Поэтому можно говорить о парадоксальном явлении, когда из ситуации в целом вполне органичного двуязычия (или даже многоязычия, например, в пределах Праги, или в рамках всей империи Габсбургов) создавалась ситуация дискommункации, главной целью которой являлась демонстрация реальных, а также потенциальных возможностей чешского языка на фоне его «превосходства» над немецким языком.

Образцы такой демонстрации представлены у многих авторов эпохи НВ. Так, например, показательным является текст вступительной лекции получившего место преподавателя чешского языка в пражской Академической гимназии в 1803 г. К. И. Тама «*Ueber den Karakter der Slawen, dann über den Ursprung, die Schicksale, Vollkommenheiten, die Nützlichkeit und Wichtigkeit der böhmischen Sprache*». Дополненная версия этого трактата позднее была включена «Вместо предисловия» [Tham 1805a: V–LXII] в «Чешско-немецкий словарь» [Tham, <Томса> 1805–1807]. Данный текст представляет собой краткий обзор истории и нравов славянских племен, написанный в духе панславянских идей, за которым следует экскурс в историю чешско-

¹ Подробнее о других проявлениях дискommункативной установки в возрожденческой лингвистической концепции на разных уровнях см.: [Гланц 2004: 238–241].

го народа и его языка с доказательствами «совершенства, пользы и значимости чешского языка». Так, по мнению К. И. Тама, чешскому языку свойственно «изобилие слов для обозначения понятий, мыслей в их разнообразии» [Tham 1805a: XXXIII], которое он иллюстрирует внушительным перечнем словарных статей для лексем, образованных от глагола *býti* (данный список насчитывает 110 словарных статей) [Tham 1805a: XXXIV–XXXVI]. Также, по определению К. И. Тама, даже «излишним богатством» чешского языка является наличие большого количества (в сравнении с немецким языком) синонимов для обозначения одного и того же понятия «во избежание неприятного для ушей повторения слова» и для демонстрации «изящества и прелести» чешского языка, например: *kostel* и *chrám* ‘костел, церковь, храм’ – *die Kirche*; *vesnice* и *dědina* ‘село, деревня’ – *das Dorf*; *spěšný* и *rychlý* ‘быстрый, торопливый’ – *schnell* [Tham 1805a: XL]. Далее, одним из «преимуществ» чешского языка является его «простота» в тех случаях, где «греки и немцы используют сложные слова», например: *duha* ‘радуга’ – *der Regenbogen*, *zvonice* ‘колокольня’ – *der Glockenturm*, *pec* ‘печь, духовка’ – *der Backofen*, *hrdinný* ‘героический, доблестный’ – *heldenmütig*, *hanlivý* ‘оскорбительный’ – *schmähsüchtig* [Tham 1805a: XXXVII–XXXVIII].

Еще одним немаловажным фактором в формировании лингвопрагматического подхода к становлению чешского языка в эпоху явилось существенное расхождение при формировании языковой концепции и в отношении к дальнейшей эволюции чешского языка у представителей первого и второго поколения деятелей НВ, и, как следствие, постепенное смягчение пуристических тенденций. Главным отличием, выразившемся, в частности, в подчеркнуто нарочитом переходе во втором периоде НВ на чешский язык, в том числе и в качестве языка науки, является смена приоритетной функции национального языка. На ранней фазе НВ к языку в большей степени относились как к символу нации [см. также, например: Гладкова 2001: 341], поэтому вполне естественно возникла ситуация, когда коммуникативные функции такого языка-символа отодвигались на второй план, и более того, как уже отмечалось, чешский язык при сложившейся языковой ситуации и требуемых от него задач должен был выполнять в некотором смысле даже дискommunikативную функцию. Во втором периоде

«центр внимания к языку как носителю символических функций сместился в сторону *живого* <курсив наш. — И. А.> <...>, который представлялся важнейшим аргументом для жизнеспособности возрождающейся нации, источником познания собственной идентичности и источником будущего ее развития <...>» [Гладкова 2001: 341].

Владение чешским языком представителями второго поколения деятелей НВ, как нам представляется, вселяло уверенность в реальной выполнимости задуманных преобразований, поэтому ими смело была взята на вооружение программа активного языкового «созидания».

Литература

Абисогомян 2009 — И. Абисогомян. *Становление чешской лексикографии в эпоху национального Возрождения: традиции и новаторство*. Humaniora: Dissertationes Philologiae Slavicae Universitatis Tartuensis 22. Tartu, 2009.

Абисогомян 2011 — И. Абисогомян. *Национально-языковая ситуация в Чехии эпохи национального Возрождения и способы ее отражения в словаре*. Лингвокультурное пространство современной Европы через призму малых и больших языков. Humaniora: Slavica Tartuensia IX. Tartu, 2011, 324–333.

Абисогомян 2012 — И. Абисогомян. *Творческое наследие К. И. Тама — одного из первых чешских лексикографов эпохи национального Возрождения*. Slavia (Časopis pro slovanskou filologii), roč. 81. Praha, 2012, 70–92.

Бобраков-Тимошкин 2004 — А. Бобраков-Тимошкин. *Феномен и трагедия пражского многоязычия*. Новое литературное обозрение, Москва, 2004, № 68, 207–230.

Гладкова 2001 — Н. Gladkova. *Символические функции стандартного языка и поиски «золотого века»*. Чешско-болгарские параллели эпохи национального Возрождения. Slavia, roč. 70, Praha, 2001, 335–351.

Гланц 2004 — Т. Гланц. *Чешская версия языкового строительства: Национальное возрождение и его остаточные идеологемы*. Новое литературное обозрение, Москва, 2004, № 68, 231–241.

Журавлев 1998 — В. К. Журавлев. *Социально-экономические и культурно-исторические параметры формирования национальных литературных языков*. Славянские литературные языки эпохи национального возрождения. Москва, 1998, 7–21.

Лаптева 1998 — Л. П. Лаптева. *Чешское национальное Возрождение*. История южных и западных славян. Т.1. Средние века и Новое время. Москва, 1998, 581–608.

Мыльников 1973 — А. С. Мыльников. *Йозеф Юнгман и его время*. Москва, 1973.

Мыльников 1982 — А. С. Мыльников. *Культура чешского возрождения*. Ленинград, 1982.

Широкова, Нещименко 1978 — А. Г. Широкова, Г. П. Нещименко. *Становление литературного языка чешской нации*. Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. Москва, 1978, 9–85.

Широкова 1998 — А. Г. Широкова. *Разговорный чешский язык в период национального возрождения*. Славянские литературные языки эпохи национального возрождения. Москва, 1998, 151–160.

Berger 2009 — T. Berger. *Tschechisch-deutsche Sprachbeziehungen zwischen intensivem Kontakt und puristischer Gegenwehr*. Unsere sprachlichen Nachbarn in Europa. Die Kontaktbeziehungen zwischen Deutsch und seinen Grenznachbarn. Hg. C. Stolz. Bochum, 2009, 133–156.

Cuřín 1985 — F. Cuřín. *Vývoj spisovné češtiny*. Praha, 1985.

Dobrowsky 1791 — J. Dobrowsky. *Vorrede*. Tomsa F. J. Vollständiges Wörterbuch der böhmisch-deutsch- und lateinischen Sprache. Prag, 1791, 3–10.

Dobrowsky 1798 — [J. Dobrowsky.] *Ankündigung, eines deutsch-böhmischen Lexikons*. [6. dubna 1798. Prag, 1798, 1 S.].

Dobrovský 1955 — J. Dobrovský. *Geschichte der böhmischen Sprache und Literatur*. Halle, 1955.

Filipec 1958 — J. Filipec. *Akademický Příruční slovník jazyka českého dokončen*. Slovo a slovesnost, roč. 19, Praha, 1958, 211–224.

Fljašhans 1896 — V. Flajšhans. *Spory Dobrovského s Thamelem*. Druhá výroční zpráva c. k. Státního gymnasia na Král. Vinohradech za školní rok 1896. Praha, 1896, 3–21.

Havránek 1979 — B. Havránek. *Vývoj českého spisovného jazyka*. Praha, 1979.

Helcl 1974 — M. Helcl. *Josef Jungmann a složená slova v češtině*. Josef Jungmann a jeho pokrokový odkaz dnešku (Acta Universitatis Carolinae 1974, Philologica 3–4, Slavica Pragensia 17). Praha, 1974, 57–65.

Jelínek 2007 — M. Jelínek. *Purismus*. Kapitoly z dějin české jazykovědné bohemistiky. Ed. J. Pleskalová, M. Krčmová, R. Večerka, P. Karlík. Praha, 2007, 540–572.

Jungmann 1835 — J. Jungmann. *Předmluva*. Slovník Česko-Německý. Díl I. Praha, 1835, III–VIII.

Jungmann 1835–1839 — J. Jungmann. *Slovník česko-německý*. I–V. Praha, 1835–1839.

Kubka 1926 — F. Kubka. *Dobrovský a Rusko. Počátky vztahů česko-ruských a názory Josefa Dobrovského na Rusko*. Knihovna české mysli. Sv. 1. Praha, 1926.

Macura 1983 — V. Macura. *Znamení zrodu. České obrození jako kulturní typ*. Praha, 1983.

Newerkla 2007 — S. M. Newerkla. *Dějiny výuky češtiny v Rakousku*. Kapitoly z dějin české jazykovědné bohemistiky. Ed. J. Pleskalová, M. Krčmová, R. Večerka, P. Karlík. Praha, 2007, 580–613.

Newerkla 2011 — S. M. Newerkla. *Sprachkontakte Deutsch – Tschechisch – Slowakisch. Wörterbuch der deutschen Lehnwörter im Tschechischen und Slowakischen: historische Entwicklung, Beleglage, bisherige und neue Deutungen*. Zweite, durchgehend überarbeitete und aktualisierte Auflage (= Schriften über Sprachen und Texte 7). Frankfurt am Main usw., 2011.

Petr 1989 — J. Petr. [*Předmluva k 2. reprint. vyd. Slovníka česko-německého J. Jungmanna*]. Jungmann J. Slovník Česko-Německý. 2. vyd. Díl I. Praha, 1989, 5–31.

Tham 1788 — K. I. Tham. *Deutsch-böhmisches Nationallexikon <...>*. Prag und Wien, 1788.

Tham 1805a — K. I. Tham. *Ueber den Charakter der Slawen, dann über den Ursprung, die Schicksale, Vollkommenheiten, die Nützlichkeit und Wichtigkeit der böhmischen Sprache (Statt der Vorrede)*. K. I. Tham, <F. J. Tomsa>. Neuestes ausführliches und vollständiges böhmisch-deutsches syno-

nymisch-phraseologisches Nationallexikon oder Wörterbuch <...>. I–II. Prag, 1805–1807, V–LXII.

Tham 1805b — K. I. Tham. *Einleitung*. K. I. Tham, <F. J. Tomsa>. Neuestes ausführliches und vollständiges böhmisch-deutsches synonymisch-phraseologisches Nationallexikon oder Wörterbuch <...>. I–II. Prag, 1805–1807, [LXV–LXIX].

Tham, <Tomsa> 1805–1807 — K. I. Tham, <F. J. Tomsa>. *Neuestes ausführliches und vollständiges böhmisch-deutsches synonymisch-phraseologisches Nationallexikon oder Wörterbuch <...>*. I–II. Prag, 1805–1807.

СЛАВЯНСКАЯ МИНЕЯ: «МЕСТНЫЕ» ОСОБЕННОСТИ СПИСКОВ И ТИПОЛОГИЯ ТЕКСТА

НАТАЛЬЯ АЛЕКСЕЕВНА НЕЧУНАЕВА

Гимнография – Минейя – устав – тип списка – структура – памяти славянским святым – маркирующая лексика.

На протяжении XI–XIV вв. сложились несколько типов Минейи как особого гимнографического памятника. Минейя в диахронии сохраняет единство текста, который в списках реально представлен в нескольких типах. Поэтому имеется возможность применения лингвотекстологического метода при анализе списков памятника для установлении истории изменений текста Минейи и описания содержательных и лингвистических расхождений между списками па мятника.

Параметры для выделения типа — это состав памятника, структура службы и особые лингвистические чтения. Тип текста определяется, в первую очередь, студийским или иерусалимским уставом. Кроме того, учитываются жанровые, экстралингвистические и собственно языковые факторы, повлиявшие на организацию текста в типе или списке Минейи.

Самые старшие из сохранившихся списков Минейи XI–XIII вв. — древнерусские. Их появление связано с введением на Руси после 1065 года студийского устава. При этом проходила сверка рукописей с оригиналом и правка по греческим образцам. Во второй половине XIV в. началась замены студийского устава на иерусалимский. Появился комплекс богослужебных книг в иерусалимской редакции, связанный с новым переводом.

Однако есть некоторые списки или тексты отдельных памятней, которые не укладываются в рамки, заданные правилами соответствующего устава. Особенности связаны с появлением памятней славянским святым (а в поздних списках — и местным святым), структурой службы по правилам архаичного типа, редко представленного даже в оригинале, и особых лингвистических чтениях. Лексическое варьирование может быть вызвано прин-

ципами перевода, местными правилами, принятыми в центрах переписки, отражением диалектных языковых особенностей переписчика или какими-то другими причинами, носящими как регулярный, так и нерегулярный характер. В целом же это проблема допустимости/ недопустимости появления в каноническом тексте нерегламентированных элементов.

Материалом для исследования послужили списки Минеи XI–XVII вв. из собрания Российской национальной библиотеки (РНБ), Российского государственного архива древних актов (РГАДА), библиотеки Тартуского университета (TÜR), ныне находящихся в собрании Псково-Печерского Свято-Успенского монастыря, Ярославского областного краеведческого музея (Яр.), Королевской библиотеки Швеции (KB) и Библиотеки Стокгольмского университета (SUB). Кроме того, для исследования привлечены славянские рукописи из собрания Болгарской академии наук (БАН, София), из собрания монастыря святой Екатерины на Синае (Св. –Екат.) и греческий список Триоди из рукописной коллекции Ватиканской библиотеки (Vat).

Минея вместе с Триодью и Октоихом образуют корпус гимнографических книг, на который, согласно «Сводному каталогу славяно-русских рукописей XI–XIII вв», приходится около четверти сохранившихся от XI–XIII вв. памятников [СК 1984]. В названии «Минея» (греч. μηναια ‘месячные’ — мн. ч. от μηνσίον) отражен принцип расположения богослужебного текста, прославляющего святых или церковные праздники, на каждый день соответствующего месяца в течение года. Особенностью конфессионально-гимнографических текстов является присутствие в их составе «национальных», локальных признаков, которыми являются службы славянским святым (Толстой 1988: 167–169, 173]. Состав памятней — один из ведущих текстологических признаков типа Минеи. Среди списков XI–XIII вв. [СК 1984], нет единства состава, именно в них наблюдается самая большая календарная вариативность. Так, в 11-ти списках майской Минеи этого периода, 7 из которых имеют Интернет-версию [Манускрипт 2004–2013], отмечено несколько вариантов состава:

1. В составе Путятиной Минеи XI в. Соф. 202 [СК 1984: №21] по отношению к составу других древних списков имеется ряд особенностей:

- Наличие памяти св. мчч. Есперию и Зое под 2 мая, которая отсутствует в других списках Минеи..На славянском ареале память отмечена только в месяцеслове Остромирова Евангелия 1056–1057 гг.

- Отсутствие некоторых памятей, имеющих в других майских списках: 7 мая — память св. муч. Акакию; 12 мая — арх. Герману; 13 мая — св. Гликерии; 18 мая — муч. Феодоту; 28 мая — еп. Никите.
- Различия в календарной последовательности: в Путятиной Минее 4 мая отмечена память св. мц. Пелагее, 5 мая — св. мц. Ирине. Аналогичное календарное следование памятей отмечено в списке XII в. Соф. 203 [СК 1984: № 90] и в списках XIV–XVI вв. Иерусалимского устава. В качестве образца такого списка можно привести Кирилло-Белозерский список нач. XVI в. из собрания РНБ [РНБ Кир/Белоз.361/618].

2. Специфика календаря списка Соф.203 заключается в том, что он имеет отличия в составе как от Путятиной Минее, так и от хронологически совпадающих студийских списков XII–XIII вв. Об это свидетельствует наличие 4 мая памяти св. Никите (в иерусалимских списках помещена под 28 мая), 13 мая — памяти св. Гликерии и 15 мая — памяти св. Пахомию, местоположение которых в календаре соответствует спискам Минее XIV–XVI вв [Нечунаева 2011: 172].

3. Списки XII–XIII вв. и некоторые списки XIV вв. имеют набор памятей, соотносенный со студийским уставом и одинаковый календарь. Примеры списков такого типа — Син. 166 XIII в. [СК 1984: №89], БАН 4.5.10 XIII в [Там же: № 281], Соф. 204 XIII в [Там же: № 282] [см.: Нечунаева 2000: 31–36]. Редакторы-переписчики этих списков стремились быть как можно ближе к первоисточнику и допускать как можно меньше разночтений любого уровня. Но при всем единстве студийские списки дают некоторое разнообразие в составе. Среди майских Минеев в этом отношении особо выделяется список Соф. 203.

Что касается Путятиной Минее, то она входит в архаичный тип памятника, представленный 10 гимнографическими списками разного происхождения: древнерусского, южнославянского и греческого. Списки архаичного типа отличаются от студийских и иерусалимских как по составу, так и по структуре службы и языковым чтением [Нечунаева 2008: 9–23].

4. Списки XIV–XVI вв. следуют правилам иерусалимского устава. В качестве образца такого списка можно привести рукопись перв. четв. XVI в. Mscr. 707 [TÜR Mscr. 707] и рукопись сер. XVI в. Mscr. 708 [TÜR Mscr. 708]. Принципиальная организация календаря списков иерусалимского типа — стабильность состава, так как по уставу списки имеют один состав служб от момента его введения. Отличия же касаются памятей русским

святым, наличие которых стало текстологической приметой этого типа памятника. Тип представлен большим количеством списков, число которых не установлено, так как не все списки этого периода включены в имеющиеся каталоги.

Однако есть несколько студийских списков Миней, в которые включены памяти славянским святым. Самый старший список — сентябрьская Минея 1095 года, где под 28 сентября помещена служба Вячеславу, князю Чешскому (ум. в 935 г.). Присутствие этой памяти позволило первым исследователям памятника выдвинуть гипотезу о месте перевода на славянский минейных текстов. Это Моравия или Чехия, куда они попали из Константинополя через Студийский монастырь. Из этих земель они могли прямо или через Болгарию попасть на Русь [Сергий 1901: 31, 211]. Дальнейший их путь — русские земли, где они получили широкое распространение. Лингвистическая поддержка этого предположения — лексика и грамматика древнейших текстов, имеющих моравское происхождение: моравизм *всѣмогѣи*, встречающийся в одном из древнейших списков майской Миней кон. XII–нач. XIII в. Q. п. I. 25 [СК: №156], может использоваться как один из аргументов для локализации текста: его употребление связано с кругом памятников, связанных с эпохой первых славянских переводов. Эта причастная форма заменяется на прилагательное *мл̄срдѣи* – *милостивѣи* во всех остальных русских списках памятника. В качестве другого места перевода Миней на славянский называют Болгарию или Афон [Ягич 1886: ХСVII].

Славянские переводчики достаточно быстро освоили жанровые песнопения в славянском варианте. Начало оригинального гимнографического творчества связывают с именами Кирилла и Мефодия. Служба обретению мощей св. Климента в январской Минее пер. пол. XIII в. [СК 1984: №207] приписывается Кириллу [Верещагин 2001: 147].

С именем Мефодия связан канон Дмитрию Солунскому, представленный в русских, болгарских и сербских списках XI–XIV вв. в семи версиях [Кожухаров 1995: 216–217]. Часть канона 26 октября Дмитрию Солунскому содержится в Острожницких пергаменных отрывках Миней XI–XII вв. и имеет порядок песнопений, встречающийся только в древнейших списках. Л. Матейко называет его «специальной структурой» [Matejko 1995: 4–15].

Речь идет о порядке следования песнопений в структуре службы древнейших гимнографических славянских списков. В Минее это следование находится в таком порядке: *канон – стихира – седален*; в Триоди: *трипеснец – стихира – седален*. Обратный порядок расположения песнопений в

структуре службы является важнейшим признаком гимнографических списков архаичного типа XI–XIII вв. В настоящее время известно 10 славянских списков с архаичным расположением песнопений и один греческий список [Нечунаева 2008: 13]. Это первый вариант структурной организации текста. Второй вариант последований песнопений представлен в списках студийского типа XI–XIII/XIV вв.: *седален – стихира – канон* и третий вариант характерен для списков иерусалимского типа XIV/XV–XVI вв.: *стихира – канон*, прерываемый после третьей песни *седальном*, после шестой песни — *кондаком и икосом*.

Второй оригинальный текст с древнейшим расположением песнопений это — служба Борису и Глебу из июльской Минеи XII в. РГАДА [СК 1984: № 42]. Служба имеет особое композиционное строение: канон 8 гласа на первом месте, после него следуют две стихиры и кондак. Приведем некоторые фрагменты:

Канон, второй тропарь 1-ой песни:

Кѧ̑ сто̑ю̑ мѣ̑коу̑ вориса и гѣ̑ва гл̑а̑ ·и· — |
 пѣ̑ ·а̑ · ер̑мо̑ водоу̑ прошьдѣ̑ ·:— |
 Въспоймѣ̑ пѣ̑ бл̑гочести̑во · просла̑вленъ̑и̑ ма̑ цѣ̑|ломоу̑дрьномъ̑
 съ̑мыслѣ̑мъ̑ ·бориса̑ сла̑вья̑на̑го ·| и гѣ̑ва̑ же̑ бл̑гочести̑ва̑ коу̑пно̑
 сла̑вѣ̑ще̑:— (л. 28 об.).

Стихира (фрагмент) :

Егда̑ врато̑нена̑видѣ̑ннѣ̑ ог̑нь ·по̑ все̑й̑ рас̑пали̑ сѧ̑| м̑ысли̑ ·прѣ̑вѣ̑жна̑ на̑
 не̑прав̑дн̑о̑ ѡ̑бви̑ство ·|
 ваю̑ м̑чка̑ ·и̑ вла̑стьствь̑но̑ оу̑бви̑ство̑ съ̑вѣ̑ствь̑ствѣ̑|ю̑щѣ̑ ·к̑ди̑родн̑о̑ю̑
 лю̑бѣ̑вь̑ о̑ста̑вля̑ша̑го ·тѣ̑|
 гда̑ бо̑ дѣ̑хно̑ю̑ лю̑бви̑ю̑ рад̑о̑ю̑щасѧ̑ ·прѣ̑дѧ̑та̑ | сво̑ю̑ дш̑ц̑ ·вѣ̑ ро̑цѣ̑
 зи̑жн̑ителю̑ и сп̑сѣ̑ всѣ̑хъ̑ (30 об.).

Кондак (фрагмент):

Кѧ̑ ·г̑ла̑ ·г̑ ·пѣ̑ ·д̑ва̑ д̑нь̑сѣ̑ прѣ̑во̑: |Вѣ̑си̑а̑ д̑нь̑ прѣ̑сла̑вн̑а̑ п̑а̑тѣ̑ ваю̑ м̑чка̑
 х̑ва̑| вориса̑ и гѣ̑ва̑ ·съ̑з̑ыва̑ю̑щѣ̑ насѣ̑ ·на̑ по̑хва̑|лени̑е̑ х̑а̑ ·ѣ̑ва̑ а̑ше̑го̑ · (л. 31).

На полях слева находится приписка, сделанная другим почерком, близким к скорописи:

свѣ̑ м̑̑ ворис̑| гор̑к̑ими̑ слез̑|ми̑ оу̑мыва̑|а̑ лице̑ свое̑|и̑ плачѣ̑ пла̑ка̑|ше̑ к̑ г̑д̑
 гл̑а̑| слез̑̑ мой̑|не̑ през̑ри̑| в̑л̑ко̑ и̑ от̑в̑| ма̑ при̑ц̑ти̑| иже̑ тебе̑| р̑а̑ па̑стр̑|
 да̑ша̑ ги̑ (л.31).

Лексически приписка перекликается с основным текстом, но есть этикетные выражения, характерные для приписок *не презри| вл̑ко̑*. Можно срав-

нить с припиской дьяка Григория, писца Осторомирова Евангелия: **не мѡзи зазърѣти мьнѣ грѣшьникоу**

Порядок расположения песнопений, свидетельствующий о древности текста, позволяет датировать и атрибутировать текст [Мурьянов 1981: 269]. Служба считается первым минейным текстом, появившимся на Руси. Авторство службы приписывают киевскому митрополиту Иоанну. При нем произошло открытие мощей святых, построение первой церкви в их честь, перенесение туда их мощей и установление праздника 24 июля. Выбор архаичной структуры для службы связан с тем, что автору были известны рукописи, имеющие такую структуру. Возможно, в тот период они были более распространены, но до наших дней дошли в ограниченном количестве.

В качестве дополнительных статей стихиры Борису и Глебу содержатся в Ильиной книге XII в. [СК 1984: №76] — Минее праздничной сентябрьской половины года (142 об.–143). Порядок песнопений в списке обратный, т. е. соответствует архаичному типу.

В греческих минеях последования сложились следующим образом:

«если в IX–XI вв. службу открывал седален, за которым следовали три стихиры и канон, то начиная с XI в. и в XII в. практически повсеместно седальны заняли свое место после третьей песни канона, икосы и кондаки — после шестой, а после девятой появились эксапостиларии» [Никифорова 2010: 103].

Таким образом, первый вариант текстового расположения связан со студийским уставом, второй — с иерусалимским. В этой классификации отсутствуют рукописи с архаичным расположением текста. Однако отметим, что и в греческих гимнографических рукописях встречается порядок песнопений, характерный для списков архаичного типа: в греческой Триоди XI в. из криптоферратского монастыря (Vat. grec. 771) во всех службах сырной недели стихира и седален отнесены в конец службы после трипеснеца.

В целом же коллекция списков, в которых представлена архаичная структура текста выглядит следующим образом:

Древнерусские списки	Южнославянские списки	Греческий список
Путятина Минея XI в. [СК 1984: № 21]	Листок Гильфердинга и Листки Амфилохия — Минея праздничная, май-июнь кон.XII – нач. XIII вв. Q.п. I. 25, [СК 1984: № 156; Q.п.I. 28, [СК 1984: № 157]	Триодь XI в. Vat. grec. 771 [Vat. grec. 771]

- Служба Борису и Глаголическая Минея библиотеки мона-
Глебу из Июльской стыря св. Екатерины на Синае [№4/N]
Минеи XII в [СК
1984: № 42]
- Ильина книга – Ми- Битольская Триодь вт. пол. XII в. [София,
нея праздничная XII БАН, № 38]
[СК 1984: №76]
- Триодь Моисея Ки- Острожницкие отрывки, содержащие
янина кон. XII – фрагменты канона св. Дмитрия Солун-
нач. XIII [СК 1984: ского XI–XII вв. [Matejko 1995: 4–15].
№ 170].

Известны еще два списка, которые каким-то образом связаны с архаичным типом Минеи. Первый список — апрельская Минея XII в. Син. 165 [СК 1984: №87]. В ней под 6 апреля содержится служба Кириллу и Мефодию, начинающаяся с канона. Стихиры и седален в тексте службы отсутствуют. Вторая служба того же дня св. Евтихию имеет жанровое расположение по правилам студийского устава. Служба начинается с седална, за которым следует стихира, и только затем — канон. Поэтому отсутствие малых песнопений в структуре службы и студийский порядок в следовании службы на другие дни не позволяет список Син. 165 бесспорно включать в коллекцию архаичных рукописей.

Второй список — Зографская 53, древнесербская Минея рашского извода пер. пол. XIII в., По мнению Р. Н. Кривко, опирающегося на исследование С. Кожухарова, список можно считать примером архаичного расположения жанров:

«Важнейшей особенностью состава Зографской 53 является редчайший древнеболгарский канон ап. Андрею Первозванному (память — 30-го ноября) Наума Охридского, единственное известное гимнографическое произведение этого автора, дошедшее до нас в двух списках и впервые опубликованное С. Кожухаровым по Зографской 53. Однако исключительной особенностью Зографской 53 является то, что песнопения помещены после канона, а не перед ним» [Кривко 2013: 302–303].

Данный список должен стать предметом специального исследования с этой точки зрения.

В немногочисленных списках архаичного типа отражаются особенности, которые условно можно назвать «местными». Они связаны со временем появления — это ранние списки, созданные, возможно, в скрипториях, где допускался по каким-то причинам особый вариант расположения текс-

та и включение памяти местным святым. Один из таких текстов, представленный в Путятиной Минее и ее аналоге Минее праздничной, май–июнь кон. XII – нач. XIII вв. [СК 1984: № 156, 157], имеет и особые лексические чтения, отличные от других списков этого периода: **Ѣ разꙋмѣвъ ꙗко црѣ всѣхъ творьца** (Соф. 202, л. 88)[СК 1984: № 21, л. 88] — **Ѣ разꙋмѣви: и ꙗко црѣ всѣхъ и творьца:** (Q.п.I. 25, л.1), — **познавъ Ѣ же и црѣ всѣхъ бгдателя** (Соф. 203, л. 99). Греческий текст соответствует студийскому списку: ἐπιγνοὺς θεὸν καὶ παμβασιλέα πάντων εὐεργέτην. В основе перевода текста списков архаичного типа лег другой текст, отличающийся от канонического текста греческого студийского типа.

Остальные списки списки XI–XIII вв., учтенные в Сводном каталоге, соотносятся со студийским уставом по набору памяти и варианту расположения текста, при котором канон завершает структуру, следуя после малых песнопений. В некоторых поздних списках уже встречается третий вариант расположения песнопений, соответствующий реальному порядку проведения службы: стихирь предшествуют канону, а малые песнопения разрывают канон. Это списки майской Минее БАН 24.4.12 вт. пол. XIII в. [СК 1984: №359] и Соф. 382 кон. XIII– нач. XIV вв. [СК 1984: №454]. В то же время в некоторых списках XIV в. сохраняется вариант текста, соответствующий студийскому уставу: Т.112 [ПС 1966: №1062], Т.114 [ПС 1966: №1063]. Архаичный и студийский варианты расположения текста скорее всего являются лишь приметой письменного текста Минее. Реальная последовательность, предписанная студийским уставом, содержится в рукописи «Устав студийский и монастырский» кон. XII в. [СК 1984: №138]:

сѣ а по ꙗꙗ ꙗꙗ аплꙗ и по ꙗꙗ ꙗꙗ его гла ꙗꙗ ꙗꙗ.

Третий вариант последований относится к типологическим признакам иерусалимского типа. Как было показано выше, третий вариант расположения песнопений, который отмечается в списках с XIII в., в списках XIV–XVII в. становится единственно возможным, как в переводных, так и оригинальных памятниках.

Рассмотрим памяти русским святым в некоторых списках иерусалимского типа. Это рукописи XIV в.: два списка из коллекции РГАДА Т.113 в [ПС 1966: №312]; и Т.114 в [ПС 1966: №1063]; , список из рукописного собрания Ярославского музея [ПС 1966: № 717] и список из фондов РНБ ОЛДП Q180 XIV в [ПС 1966: №1064]; три списка XVI–XVII вв.: 1) список Mscr. 708 из собрания Библиотеки Тартуского университета/ Печерского монастыря [TÜR Mscr. 708]; 2) список из фондов Королевской библиоте-

ки Швеции [KB Rålamb 4:0 n:0 130]; 3) список из и фондов Библиотеки Стокгольмского университета [SUB Slav 1].

Таблица 1. Памяти русским святым в майской Минее иерусалимского типа

Список/ День	Т.113	Т.114	Яр	ОЛАП Q.180	Mscr:708	Rålamb 4:0 n :0 130	Slav.1
2 мая	Св. мчч. Борис и Глеб				Св. мчч. Борис и Глеб	Св. мчч. Борис и Глеб	Св. мчч. Борис и Глеб
3 мая	Прп. от. наш Феодосий Печерский				Прп. от. наш Феодосий Печерский		Прп. от. наш Феодосий Печерский
15 мая					Прп. Ефросин Псковский		
23 мая		Еп. Леонтий Ростовский	Еп. Леонтий Ростовский	Еп. Леонтий Ростовский	Еп. Леонтий Ростовский	Еп. Леонтий Ростовский	Еп. Леонтий Ростовский
28 мая			Еп. Игнатий Ростовский				Еп. Игнатий Ростовский

Первое включение службы Борису и Глебу в майскую Минею отмечено в списке XIII в Т.113. Память помещена под 2 мая — день второго перенесе-

ния мощей святых в 1115 г. Самым ранними текстами службы Борису и Глебу на 2 мая являются несколько стихир в списке конца XIV в из фонда 304 Российской государственной библиотеки, В соответствующий раздел помещены не новые стихиры к празднику перенесения мощей, а выписаны уже известные ранее стихиры из службы на 24 июля [Серегина 1994: 93].

Таким образом, в честь Бориса и Глеба установлены следующие празднования:

Дни памяти Бориса и Глеба	Празднования	Первое упоминание в минейных списках
2 мая	перенесение мощей в новую церковь в 1115 г.	Т. 113 кон. XIV в. [ПС 1966: № 312]
24 июля	совместное празднование святым	Июльская Минея XI–XII в. [СК 1984: № 42]
5 сентября	память князя Глеба	Ильина книга XII в. [СК 1984: №76] — Минея праздничная сентябрьской половины года

Приведем примеры из служба Борису и Глебу под 2 мая в .

1. Порядок песнопений в службе списка Т.113 соотносится с иерусалимским типом. Песни канона Борису и Глебу в этом списке чередуются с песнями канона св. Афанасию, патриарху Александрийскому. Таковы правила расположения нескольких канонов одного дня в иерусалимских минеях.

Начало канона:

ка̑ дрѣ̑ ворисѣ̑ и глѣ̑вѣ̑ | глѣ̑ тѣ̑же̑ ермѣ̑ скрѣ̑шьшемѣ̑ ·
 Похвалимъ вѣ̑рнии̑ · преславно̑ю̑ и чтѣ̑н̑ю̑ дво̑ицу̑ · прехвално̑ю̑ мчнк̑
 ѣ̑ романа̑ и двѣ̑да̑ имаже̑ х̑ъ̑ просвѣ̑ти̑ · всю̑ страну̑ рѣ̑сьскѣ̑ю̑ · |
 Даровавшемѣ̑ сима̑ даръ̑ блгдтныи̑ · ицѣ̑леныа̑ · страсти̑ и недѣ̑ги̑ ицѣ̑ла̑
 ти̑ · (л.б об.)

2. Канон Борису и Глебу в списке XVII в. [SUB Slav 1] начинается с названия праздника, которому посвящена служба:

В̑ тѣ̑и | дн̑ь̑ принѣ̑нїе̑ чтѣ̑н̑и̑ мѣ̑щїе̑ | стѣ̑ правѣ̑ны̑ стѣ̑тѣ̑ терпѣ̑ць | в̑глоубивы̑
 кнзѣ̑и̑ рѣ̑скы̑ ѡ̑вѣ̑до̑ | братѣ̑...̑ · плоти̑ · Бориса̑ | и̑ глѣ̑ва̑ · Нарѣ̑нны̑ во̑ стѣ̑мъ̑ |
 кр̑щенїи̑ · романа̑ · двѣ̑ · (л.186–186 об.)

3. Память Борису и Глебу в списке XVII в. [KB Rālab 4:0 n:0 130] не имеет привычной структуры. Это связано с тем, что данный список является функционально другим текстом —праздничной Минеей с проложными

житиями, или Трефологием: «Сия книга трефолог... церкви Рождества Пресвятыя Богородицы села горок Ивиных».

Начало текста выглядит следующим образом:

Мѧ:манѧ · в · в̄ · дѣ · парѣ · вѣсѣ · и · глѣ · вѣ · наречѣ · ны · въ · стѣ · кѣ · щѣ · ромѧ · и · дѣ · вѣ ·

Затем идет указание на библейский текст, который надо читать: **Ѡ бытъѧ**. Текст, связанный с убийством Бориса и Глеба, следует далее и носит нарративный характер. Лексика, которая объединяет служебный и четий текст, связана с мирскими и христианскими именами князей и характеристикой их личных качеств: **в̄ · глѣ · вѣ · ны · кнзѣ · ѣ** (Slav 1) – **вратолюбивоу · срѣ · це** [KB Rålamb 4:0 n :0 130] и определением, данным Святополку и его действиям: **вратоненавидѣ · ны · ѡ · гнь** (Т.113) – **вратоненавидцю** [KB Rålamb 4:0 n:0 130]. Следует отметить многообразие текстов, связанных с памятниками Бориса и Глеба и межтекстовую «переключку» содержательно значимых лексем.

4. Первоначально Бориса и Глеба почитали как целителей: второй тропарь в первой песне службы в Т.113 представляет собой прославление этого дара:

Даровавшему сима даръ · вѣ · дѣ · ны · и · цѣ · лѣ · ны · а · страсти · и · недѣ · ги · и · цѣ · лѣ · а · ти · (л. 6 об.)

Третий тропарь завершается словами, в которых еще раз подчеркивается целительный дар святых и способность противостоять нечистому:

... · бо · лѣ · ща · я · и · цѣ · лѣ · а · та · и · дѣ · лѣ · ны · а · ѡ · гнѣ · ны · а · (л.6 об.)

5. В корпус текстов, посвященных Борису и Глебу, входят два текста из Успенского сборника XII. Он представляет собой четью разновидность Минеи на май. Под 2 мая в нем расположены два текста этого цикла — анонимное «Сказание и страсть и похвала святой мученику Бориса и Глеба» и «Чтение о житии и погублении блаженную стратотерпцю Бориса и Глеба», написанное Нестором.

В исторической экспозиции «Сказания» просветительская и государственная деятельность князя Владимира передана в следующих словах: *стѣ · шѣ · мь · крѣ · це / нѣ · мь · в̄ · сью · про · свѣ · ти · сию · зем · лю · ро · ус · ско · у* [Успенский сборник 1971: 58] Агиографические реминисценции к этой фразе есть в первом тропаре службы Борису и Глебу из Т.113: **ѣ · ма · же · х̄ · ѣ · про · свѣ · ти · в̄ · сью · ст · ран · цю · р̄ · ус · сь · кю · ѣ ·** (л. 6 об.)

Минейные тексты в кругу древнерусских памятников цикла, связанного с именами Бориса и Глеба, очень важны. Архаичность структуры службы в списке июльской Минеи [СК 1984: № 42] позволяет вписать ее в самый древний корпус славянских текстов. Высказывалось мнение, что служба бы-

ла первоначально составлена на греческом языке. В таком случае можно предположить, что автор текста встречал оригинальные списки с архаичным расположением песнопений. Это и привело к появлению в русском варианте службы со структурой, которая долгое время считалась уникальной и связывалась только с Путятиной Минеей.

В списках XIII – XIV в. Т.113 . Mscr.708 и SUB Slav 1 под 3 мая помещена служба другому русскому святому — Феодосию Печерскому. Структурно она соответствует иерусалимскому типу расположения песнопений. Уже в стихирах списка Т.113, предшествующих канону, воспеваются деяния Феодосия Печерского и происходит его прославление:

Ты мнѣхѣмъ казатель· и рѣсьсѣи земли звѣ|зда пресвѣтлаа. (л. 14)

Феодосий стал одним из первых монахов Киево-Печерского монастыря, а в 1062 году был поставлен его игуменом. Начало текста службы в списке в SUB Slav.1 дает представление Феодосия как церковного деятеля русской земли:

В той днѣ оуспеніе| прѣвна ѿца ншго ·деѡсїа| пераго началника вбщѣмѡ|
жїтїю ·и в рѣско земли г҃҃҃҃|мена вѣвша чтнѣа вбвїте|ли пѣрскѣа иже в
кїевѣ (187 об.)

По его инициативе были возведены многие монастырские строения и заложен Успенский собор. Вот как это представлено в третьей стихире:

...црѣвѣ во тѣ авѣ вѣ|двїже феодосїа· преоукрашенѣ и всечюднѣ| в
ней же вси празднѣ оуспенье твое вѣрнїи·|окрѣтѣ стоаше раки твое
го оугодника· (л.14 об.)

Четвертая стихира содержит описание благочестивых деяний Феодосия:

вѣлможѣ твердое зашїщенье| сирѣ пакѣ оцѣ млрдѣ· вдовицам же пак
о тепло|е застѣпленье· скорбѣцїи оутѣшенье· ницїи|скровїще· мнї
шьскому же лїкѣ лѣствица· (л. 14 об.)

Текст организован по принципу параллелизма, создающего ритмизированную основу или нерифмованную силлабику [Былинин 1988: 33–51]. Ритмика опирается на повтор существительных в дательном падеже, так как автор оригинальной службы учитывает традиции переводного текста.

Памяти ростовским святым Леонтию Ростовскому и Игнатию Ростовскому представлены в большинстве анализируемых списков XIV–XVII вв.: Леонтий Ростовский — в Т.114, в списке Яр., в ОЛДП Q.180, в Mscr.708, в списке KB Rålamb 4:0 n:0 130, SUB Slav.1; Игнатий Ростовский — в списках Яр. и SUB Slav.1.. Списки территориально связаны с книжными центра-

ми на ярославской и псковской земле, где почитание этих святых было весьма распространено.

Норма книжных текстов диктовала регулярное воспроизведение языковых единиц по образцовому тексту. Однако реально списки каждого типа Минеи организуют языковую систему по собственным правилам: архаичный тип – студийский – иерусалимский. Определенным правилам подчиняются и списки, объединенные по такому признаку как наличие в них памятней местным святым, в данном случае — ростовским. В них употребляется лексема *блазнь* в соответствии с *льсть* в предшествующих по времени списках; *разумъ* на месте *воля*; *имовитець* – *купец*, *рожденик* – *ужик*, *сила* – *мощь*, *письменный* – *книжный*. Складывается внутренняя лексическая система, маркирующая списки, связанная с другими уровнями языка: неразрывны, например, новые совершенные формы и лексическое варьирование. В словообразовании элемент *все-* последовательно заменил приставку *пре-* и корень *много* (*всеславный*, *всезкозненую*), суффикс *-ник-* на месте *-тель* (*победник*). Текст этих списков имеет русскую фонетику: *преже, осуженья, олена*.

Грамматические и фонетические особенности списков отражают динамику языковой системы, а лексические чтения связаны с текстовыми особенностями списков определенного типа и находятся в связке: тип текста — его структура — языковые чтения.

Использованные сокращения

Рукописные хранилища

БАН, София — Българска академия на науките (София)

БАН — Библиотека Российской Академии наук (Санкт-Петербург).

РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург).

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)

Яр. — Ярославский областной краеведческий музей

TÜR — Библиотека Тартуского университета (Тарту)

КВ — Королевская библиотеки Швеции (Стокгольм)

SUB — Библиотека Стокгольмского университета (Стокгольм)

Vat. — Ватиканская библиотека (Ватикан)

Св. –Екат. — Библиотека Св.-Екатерининского Синайского монастыря (Синай)

Источники

- РНБ Соф. 202 — Минея служебная, май (Путятин Минея), XI в.
- РНБ Соф. 203 — Минея служебная, май, XII в.
- РНБ Соф. 204 — Минея служебная, май, XII в.
- РНБ Q.п. I. 25 — Минея праздничная, май, кон.XII в.– нач. XIII в.
- РНБ Соф. 382 — Минея праздничная, кон.XIII в.– нач. XIV в.
- РНБ ОЛДП Q180 — Минея , май-июнь, XIV в.
- РНБ Кир/Белоз.361/618 — Минея служебная, май, нач. XVI в.
- ГИМ Син. 166 — Минея служебная, май, XII в.
- ГИМ Син. 165 — Минея служебная, апрель, XII в.
- БАН 24.4.12 — Минея праздничная, март-август, втор.пол. XIII в.
- РГАДА Т.113 — Минея служебная, май, кон. . XIV в.
- РГАДА Т.114 — Минея служебная, май, . втор.пол.. XIV в.
- Яр. — Минея служебная, май, втор.пол.. XIV в.
- TÜR Mscr. 707 — Минея служебная, май, . перв. четв.XVI в.
- TÜR Mscr. 708 — Минея служебная, май, сер. XVI в.
- KB Rålamb 4: 0 n:0 130 — Минея праздничная (Трефологий), XVII в.
- SUB Slav 1 — Славянский кодекс XVII в.
- Vat. grec. 771 — Триодь греческая , XI в.
- №4/N — Минея (small menaion), XI – XII в.
- София, БАН, № 38 — Битольская Триодь вт. пол. XII в.

Литература

- Былинин 1988 — В. К. Былинин. *К проблеме стиха славянской гимнографии*. Славянские литературы. X Международный съезд славистов. Москва, 1988, с. 33–51.
- Верещагин 2001 — Е. М. Верещагин. *Церковнославянская книжность на Руси*. Москва, 2001.
- Кожухаров 1995 — С. Кожухаров. *Канон за Димитър Солунски*. Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. II. София, 1995.
- Кривко 2013 — Р. Н. Кривко *Древнерусская версия кондака вмч. Димитрию и её южнославянские параллели*. Веб-ресурс <http://www.academia.edu/945155/Old-Russian-Version-of-the-Kontakion-for-St-Demetrius-of-Thessaloniki-and-its-South-Slavonic-Counterparts>.

Манускрипт 2004–2013 — *Манускрипт, Древние славянские памятники*. Веб-ресурс: **Error! Hyperlink reference not valid.**

Matejko 1995 — L. Matejko. *K určeni, interpretácii a datovaniu Ostroznických zlomkov*. Slavica Slovaca, 30. Bratislava, 1995, s. 4–15.

Мурьянов 1981 — М. Ф. Мурьянов. *Из наблюдений над структурой служебных миней*. Проблемы структурной лингвистики. Москва, 1979, с. 263–178.

Нечунаева 2000 — Н. А. Нечунаева. *Минья как тип славяно-греческого средневекового текста*. Tallinn, 2000.

Нечунаева 2008 — Н. А. Нечунаева. *Минья: история текста и списков XI–XIV вв.* Славянское языкознание: покидая XX век. К XIV Международному съезду славистов (Охрид, 10–16.09.2008). Тарту, 2008, с. 9–23.

Нечунаева 2011 — Н. А. Нечунаева. *Рукопись Миней Соф. 203 XII в. из собрания РНБ как текст и список*. Humanora Slavica Tartuensia IX: Лингвокультурное пространство современной европы через призму малых и больших языков. К 70-летию профессора Александра Дмитриевича Дуличенко. Тарту, 2011, с. 167–175.

Никифорова 2010 — А. Ю. Никифорова. *Рождение Миней: Греческие Миней IX–XII вв.* Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. III: Филология. Москва, 2010, вып. 4 (22), с. 103–122.

ПС 1966 — *Предварительный список славяно-русских рукописей XI–XIV вв, хранящихся в СССР*. Археографический ежегодник за 1965 год. Москва, 1966.

Сергий 1901 — Сергий, архиеп. *Полный месяцеслов Востока*. Т. 1. Владимир, 1901.

Серегина 1994 — Н. С. Серегина. *Песнопения русским святым*. Санкт-Петербург, 1994.

СК 1984 — *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв.* Москва, 1984.

Толстой 1988 — Толстой Н. И. *История и структура славянских литературных языков*. Москва, 1988. с. 167–169, 173.

Успенский сборник 1971 — Успенский сборник XII– XIII в. Москва 1971.

Ягич 1886 — И. В. Ягич. *Служебные Миней за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковно-славянском переводе по русским рукописям 1095–1097 гг.* Санкт-Петербург, 1886.

ИМЯ БОГ И ДУША В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА СТАРОВЕРОВ ЭСТОНСКОГО ПРИЧУДЬЯ И БЕЛОРУССИИ

СВЕТЛАНА БОРИСОВНА ЕВСТРАТОВА

Русские старovery – эстонское Причудье – Белоруссия – языковая картина мира – Бог – душа

Занимая очень важное место в языковой картине мира старoverов, слова *Бог* и *душа* относятся к нравственным константам, которые во многом определяют менталитет народа и отражаются в созданных им устных и письменных текстах. В своей статье мы попытаемся эксплицировать культурную и этическую значимость этих языковых единиц для старообрядцев эстонского Причудья и Белоруссии.

С 2003 года Обществом развития и культуры старoverов Эстонии совместно с кафедрой русского языка Тартуского университета было организовано несколько диалектологических и культурологических экспедиций в места компактного проживания старoverов на западном побережье Чудского озера. В данной статье автор использует записи, сделанные во время этих поездок им и работавшей под его руководством студенткой А. Маалманн. Кроме того, в августе 2007 г. автор статьи в составе руководимой Я. Курсите экспедиции Латвийского университета посетил белорусское Полесье с целью изучения духовной и материальной культуры жителей этого края. Из Белоруссии также были привезены записи текстов, произнесенных местными старообрядцами. К сожалению, их оказалось намного меньше, чем мы планировали, поскольку тема беседы предполагала доверительность отношений между спрашивающим и информантами, а кратковременность поездки и небольшое количество встреч накладывали свои ограничения.

Анализируя высказывания о Боге и душе, записанные нами в беседах со старoverами, мы пытаемся воспроизвести небольшой фрагмент языковой картины мира носителей старообрядческой культуры. Результаты нашего

исследования могут быть использованы при продолжении детального изучения концептосферы старообрядчества, что имеет значение для объективного осмысления его места и роли в духовной жизни общества как в прошлом, так и в настоящее время.

Старообрядцы, поселившиеся в Эстонии более трехсот лет назад, относились в основном к беспоповцам. Староверы Причудья, обосновавшись на западном берегу Чудского озера, вели довольно изолированный образ жизни. Вероятно, именно эта изолированность помогла им пережить все выпавшие на их долю испытания и сохранить свою исконную веру и обычаи. Из поколения в поколение старообрядчество передает уникальный набор своих нравственных ценностей, моральных устоев, обычаев общежития и повседневного жизненного уклада. На сегодняшний день староверы вновь переживают испытание на прочность своей веры: быстро изменяется окружающий мир, все меньше и меньше остается истинных хранителей и последователей веры праотцов. Именно поэтому в Эстонии язык и культура староверов Причудья являются объектом пристального исследовательского внимания, и наша работа — это маленькая часть проводимых изысканий.

Не менее активно изучается старообрядчество Белоруссии, где в настоящее время действуют более тридцати пяти общин различных толков и направлений. До настоящего времени нам удалось посетить города Ветку и Гомель. Город Ветка Гомельской области занимает в истории старообрядчества особое место: в конце 17 в. он был основан пришедшими сюда из Московии приверженцами старой веры. В этом удаленном от центральных губерний уголке земли люди имели возможность жить так, как жили их предки, бережно сохраняя традиции староверов. Музей старообрядчества в Ветке до сих пор поражает богатством своей экспозиции. К сожалению, нам не удалось встретиться ни с одним из живущих в городе трех староверов. Первая встреча с приверженцами древлеправославной веры состоялась в Гомеле в Ильинской церкви, в день Яблочного Спаса. Наши собеседники разговор поддерживали охотно, но представиться (ведь мы были «пришлыми») и записывать свою речь на диктофон отказались, поскольку старообрядцы относятся к записывающим устройствам с опасением, в их культурной модели мира голос воспринимается как средство общения с Богом, а отторжение голоса от человека и передача его машине считается делом опасным и дьявольским [Никитина 1993]. Однако, отвечая (если могли ответить) на вопросы, информанты позволяли нам вести записи от руки.

Вопрос о Боге и душе — из главных не только философии, но и всей человеческой жизни. В народной традиции Бог обычно представляется в виде живущего на небе старца с бородой, живущего на небе, но нередко ходящего по земле в одиночку в образе странника, нищего или в сопровождении святых, поэтому противопоставление «небесный — земной» в ряде случаев приравнивается к противопоставлению «божеский — человеческий» и «верхний — нижний». Бог противостоит роду сатанинскому, прежде всего бесам, чертям и всей нечистой силе; он предохраняет от беды, предотвращает грехи, исцеляет больных, спасает мучеников. Согласно народной религии славян, небо принадлежит Богу, а земля — дьяволу. Религиозный дуализм выражается в том, что Бог мог быть как добрым, так и злым (Чернобог). Славянское слово *Бог* может означать в диалектах и представителей нечистой силы: серб. *бог из воде* ‘черт’; укр. *богиня* ‘злой дух, обменивающий младенцев’. В народном мифологическом восприятии Бог противопоставлен человеку, который смертен и после смерти отдает Богу душу (рус. *Богу душу отдать* — ‘умереть’) [Славянская мифология 1995: 55]. Именно Бог, согласно народным верованиям, вкладывает душу в тело; Бог из одного душу вынет, а в другого «всадит» (бел.). Душа живого человека обитает в теле, причем русские полагают, что душа постепенно «иссякает» в теле, ср. диал. *душа коротка стала*. Часто душа «выходит» (в Полесье, например, обычно выражение *о смерти душа вышла*), но она может и «улететь», «упасть», «отломиться». Смерть, черт, нечисть «урывают» душу косой, крюками, ножом и т.п.: бел. гомел. *анхал за правым вухам, нечисть за левым; хто з йих пераможа, той душу бярэ*. Грешные души не имеют постоянного пристанища, в полесской песне они летят поочередно в лес, в горы, на поля, на воды, на море и просят приютить их, но везде получают отказ.

Наряду с распространенным убеждением, что душу нельзя увидеть, во всех славянских традициях известны рассказы о том, что в определенных случаях (в момент смерти, когда душа покидает тело; в первые дни после смерти, пока тело находится в доме; в течение сорока дней после смерти; в поминальные дни и т. п.) праведникам удавалось увидеть душу. Встречаются утверждения, что душу нельзя увидеть, но можно услышать — по стуку двери или окна, по шагам в доме и т. п. Согласно различным верованиям, душа может появляться в виде прозрачного воздуха, или облака над могилкой, или прозрачного маленького человека (ср. в христианской иконографии изображение человеческих душ в виде спеленутых младенцев). Однако чаще всего душе приписывается зооморфный образ, когда душа уподобляется птицам и насекомым, особенно бабочкам, мотылькам, светлячкам, му-

хам), а также рыбам. К редким следует отнести полесское представление души в образе цветка. В виде предмета душа представляется достаточно редко. В виде предмета душа представляется достаточно редко: полес. *Як выходить душа, таким яичком полетит и покотится до порога.* По некоторым поверьям, звезды — это души умерших людей. «Проводы души» — это восточно-славянский обряд, совершаемый на сороковой день по смерти, когда, по поверьям, душа умершего окончательно покидает дом и отправляется в назначенное ей место. В Полесье этот обряд может называться *поднимать заздоровно* или *воздух знимать*. Пермские старообрядцы в этот день снимали с икон висевшее там со дня смерти полотенце, выносили его на окраину деревни и встряхивали [Толстая 1999: 162–167].

Наши информанты и в Белоруссии, и в Причудье согласились ответить на следующие вопросы о том, что для них значат слова *Бог* и *душа*.

1. Кто есть Бог? Каким Вы представляете себе Бога?
2. Как и за что Бог может наказать?
3. Дух и душа — это одно и то же?
4. Может ли человек жить без души?
5. Как душа связана с телом?
6. Сердце и душа — это одно и то же?
7. Где находится душа и в кого может превращаться?
8. Какие обычаи связаны с поминовением души?
9. Чем различаются православная вера и старообрядчество?
10. Как Вас учили вере? Что рассказывали родители?

Некоторые из приведенных вопросов частично дублируют друг друга, что предполагается правилами составления опросника.

На вопрос о том, каким они представляют себе Бога, наши информанты из эстонского Причудья дали следующие ответы:

- *Ну не знаю, доча, рассказать, я понимаю вот так: как он (Бог — С. Е.) на кресте нарисованный, такой и есть.*
- *Здесь, в старообрядчестве, в староверии, это как бы дух, невидимое существо над нами, как бы оно присутствует, невидимо нами, поэтому видеть его мы не видим. Ну вот такое чувство, что он все время с нами, что наблюдает за нами и если куда-то идешь, особенно в тяжелые времена, вот что-то хочется, или как что, просить у кого-то помощи, и вот все время говоришь: «Господи, помоги!», вот откуда-то или силы берутся, или как бы откуда-то приходят. Как бы говорят, второе дыхание, вот появляются силы и до конца доводишь то, что надо. Вот это такое представление.*

- Допустим, ну не знаю, что сказать. Я понимаю так, по-своему: мать Мария родила сына, ну, сама знаешь, не от ветра, с кем-то она его там нажила, не от воздуха же, с кем-то она его сделала, как я понимаю, — это и есть Бог.
- Да, он Сын Божий, потому что Мария зачала без мужа, а от святого духа. Дух снизошел на нее, и забеременела, как сейчас с пробирок, и это сейчас то самое.
- Внучок спрашивает: «Бабушка, Боженька есть?». — Я говорю: «Есть». — «А он высоко?» — Я говорю: «Да, высоко, он откуда-то смотрит на нас и видит, и следит за нашими действиями».

В представлении старообрядцев из Гомеля Бог или более материален и имеет вполне конкретные внешние признаки, или воспринимается как нечто непостижимое:

- Ну, как он нарисован, так и выглядит.
- Не знаем, да это не дано.
- Старичок старенький с седой бородой с длинными волосами.
- А я думаю — рыжая борода.

Мы уже упоминали в данной статье, что религиозный дуализм славян выражается в том, что Бог мог быть как добрым, так и злым (Чернобог). Старообрядцы Белоруссии и Причудья были единодушны в том, что Бог добр и наказывает только по заслугам:

- За грехи наши.
- И аварии, и болезни, и неприятности все.
- Вот раньше постничали. Бабушка и говорит: «Вот стоит кренка с молоком и сметаной, пост был, нельзя трогать, а то Боженька накажет, Боженька всем отрежет ушки», — и вот мы боялись маленькие, что Боженька ушки отрежет.
- Это да, нельзя матом ругаться, Бог тебя за это накажет.
- Ну, может, и накажет, это каждый по-своему. Да не обидь человека, это будет взаимно. Я тебя обижу, вот судьба накажет совсем иначе. Не осуди — не осужден будешь, говорят, не надо никого судить.
- Иногда некоторые так горбчатся, а их Бог наказывает и наказывает.
- Судьба така, наверно.
- Нет, не судьба даже, а, может быть, мы отвечаем за грехи. Бог знает кого, как говорится, до седьмого колена будем отвечать. Бог знает еще за кого наказывает, и это страдаем еще за чьи-то грехи. Грех же, он так просто не пропадет, его надо кому-то искупать.
- Ну не знаю, это просто наши слова, потому что мы не верим и говорим, что отвернулся, а он не отворачивался.
- Люди когда много хотят, а не получают, тогда говорят, от меня Бог отвернулся.

- *Сегодня нам плохо и хотим сразу хорошо на блюдечке, а раз не получим сразу, то Бог отвернулся.*
- *Молиться надо долго, а мы не молимся.*
- *Бог строгий, наверно. Почитаешь Библию — строгий, но справедливый.*
- *Он милосерден, потому что, если даже оступается человек, много, как говорят, мы грешим, грехов много у нас, и если мы потом просим, он милосерден, у него это есть, что он смилуется и прощает нам, и помогает нам дальше, если мы у него просим помощи...*

Таким образом, если судить по зафиксированным высказываниям, то представления староверов о внешнем виде Бога не отличаются от традиционных, но наши собеседники безоговорочно верят в его доброту и не сомневаются в его непогрешимости.

В христианской традиции душа, соединяя в себе свойства материального и идеального, с одной стороны, тяготеет к божественному началу, Духу, а с другой — объединяется с сердцем как средоточием эмоций [Wierzbicka 1992; Арутюнова 1998; Толстая 1999; Шмелев 2002 и др.]. Вопросы о духе и душе, о связи души с телом и сердцем оказались наиболее сложными для наших собеседников. Живущие в Эстонии староверы размышляли об этом следующим образом:

- *Душа — то, что в тебе, всегда; дух — то, что питает, что над тобой, вокруг тебя, привнесенное. Душа связана с телом посредством Бога: Бог в тебе — и душа есть, нет Бога — нет души. Есть вера — есть душа. Сердце и душа — одно и то же.*
- *Дух святой, а душа — это душа. Не могу тебе сказать. Душа связана с телом, еще и как. Почему был строгий режим? В третий день после смерти покойника надо предать земле, душа прощается с телом. До этого летает и плачет:*

*Душа убо плачущая идет,
Тело же к земли предается.*

Душа ближе к телу, мы говорим «душа заболела», когда болит сердце.

- *Они разные, а объяснить не могу. Нет, я думаю, не одно и то же. Сердце сердцем, душа душой. Я думаю, душа ближе, «душа от человека отходит и идет на Божий суд». «Душа с телом разлучается». Как-то до меня не доходило. Насчет дыхания тоже не знаю.*
- *Сердце — орган, а душа... «Послушай сердце, но сделай, как подскажет душа». Душа выше, чем всё остальное. Чистое, что остается. Душа счастливая, потому что все испытания надо принимать с достоинством. Сердце может быть злым, но не душа. Это Божья тайна, где душа находится. В живом теле — живой дух, и душа живая. Во всем теле. Нет, во всем теле.*
- *Я из грешных грешная, не святая. Враг на каждом шагу соблазняет. Но духа святого не отнимет от меня. Такая торопа, такая горячка вокруг. Забыли*

про душу, греха нет: время так время. Каждый лишь за себя в ответе. Пусто-му маханию бесы радуются. Кресты превратили в брошки. Что бахвалить-ся? В душе надо иметь Бога, а не напоказ. Душе, с первых лет получившей впечатление от слова Божия, трудно забыть страх Божий.

— *Чтобы сохранить староверскую душу, надо жить здесь.*

Ответы белорусских старообрядцев звучали следующим образом:

— *Душа — это какое-то сознание внутри. Трудно сказать. Это как любовь, или ненависть. Нельзя объяснить. Душа от Бога, а зло — от черта.*

— *Говорят — ой, душа болит. Вот болит ведь. Другой раз не хочется плакать, а заставляют.*

— *На современном языке — это депрессия, а на старинном — это душа болит.*

В кого (или во что) может превращаться душа? Как уже упоминалось, во всех славянских традициях душе приписываются зооморфные или антропоморфные образы, к редким следует отнести полесское представление души в образе предмета либо цветка: «Як умирае чоловик, то из рота у него выскакивае цветок синенький, чы вишневый, чы смешаный, то душа его» [Голстая 1999: 166]. По мнению наших информантов из Причудья, когда душа расстается с телом, она отлетает в виде птички, но никогда не воплощается в образе животного. К сожалению, беседа на аналогичную тему в Гомеле не сложилась, хотя можно предположить, что в данном регионе ответы на вопрос об инкарнации души могли быть более разнообразными.

— *Птица вьет гнездо — бабушка с дедушкой явились, их души. Сделали кормушку для души брата. Ждем птиц: прилетают родные, увидеть.*

— *Не могу сказать (ответ на мой вопрос о том, можно ли увидеть душу и в каком образе — С. Е.). Если душу так не увидишь, только в образе святого. А в виде животного — нет. Птичечка прилетает — може, мой сынок прилетел. И всегда перед памятью (днями поминовения усопших — С. Е.) птичка прилетит и постучит.*

— *Животное не увидишь, а птица будет: это душа прилетит. Птичка в окно стучит, просит подаяние.*

Чтобы душа успокоилась, а покойник «не ходил», необходимо поминать усопшего, давать милостыню просящим:

— *Чтобы покойник не ходил, надо давать хлебное подаяние, а если ходит, значит или забыли о душе человека, или давно не поминали. Раньше отвозили телегу хлеба, теперь — штрицеля и прочее. Девятый день — покойник еще в доме, сороковой — поднимается, годовая — всё связано с душой. Во все эти дни нужно поминать покойного, чтобы не потревожить его душу.*

- До сорока дней душа где-то летает твоя, вот там так судят. Мол, куда тябя опрядялить, там в рай или в ад, вот куда тябя опрядялить, не знаю расказать, как это будет происходить.
- Человека поминают до сорока дней, а душа — у Бога. Стол на Рождество и Успенские заговины не убирали, чтобы покойники пришли и заговели. Чужое горе далеко лежит от сердца, а свое — это уже будешь помнить пожизненно. «Чужую беду рукой разведи, а как своя беда придет — и в обхват не охватить». Даруй Вам Бог душевное спасение и телесное здравие.
- Деньги не подобает подавать как милостыню, чтобы успокоить душу усопшего, а вот хлеб — да. Я подавала булки. Во сне увидела его, сидит и жадно ест хлеб. Булки наелся и говорит: хочу хлеба.

В чем были единодушны все наши собеседники, так это в том, что без души, как и без сердца, человек жить не может, и именно душа во многом определяет поступки человека:

- Без души человек жить не должен. Может, но не должен. Люди-убийцы — те, у которых душа оставила тело. Хоть тоненькая душонка, а должна быть.
- Может, где и живут без души, а здесь (в Причудье — С. Е.) нет. Душа и есть сердце. Душа болит за то, что творится вокруг.

Такие явления современного общества, как утрата духовности, разобщенность людей, глубоко волнуют староверов и осуждаются ими — в этом смысле они социально активны.

«Чем различаются православная вера и старообрядчество?» — это был один из вопросов, которые мы задавали нашим информантам в Эстонии и Белоруссии. И здесь ответы наших собеседников были удивительно схожими, хотя время от времени отклонялись в сторону, переходя в общие рассуждения о вере, о наболевшем:

- Бог один, а сколько вер не знаю. Они у нас почти одинаковые, может, крестик не так, у нас кадилой не так пользуются, крестят детей не так. Там машет батюшка кадилой, а у нас просто так крестом.
- Что староверы, что православие — начало одно, Бог один. Раскол произошел уже среди людей. Говорят, православные не захотели с нами, со староверами.
- У нас просто батька, не настоящий поп, беспоповцы мы, по идее он называется наставник, и он имеет право выполнять только три обряда — это крещение, принимать на исповедь и похороны. У нас венчания практически нет, потому что нет настоящих священников священников наших старообрядческих, и вот то, что делает наш батька, вот и есть то, что осталось. И батюшек у нас тоже практически не осталось. У нас уже мужчины живут намного меньше, чем женщины, на все эти наши деревни один батюшка, и то Слава Богу. Вот вернулся мужчина из Тарту, а у остальных женщины замещают батюшку.

- Там (у федосеевцев — С. Е.) вообще молятся только люди, не знающие плотского греха. Там неженатые, незамужние, вдовы и вдовцы только имеют право молиться, такая строгая вера, но я считаю, уже все равно все смягчилось, уже не так, как должно быть. У нас уже и люди не такие, как раньше, стали, даже сравнить нашу бабушку и нашу маму, а нас и вообще уже не сравнить, уже с бабушкой. Так вот все смягчается, уходит, детям не передают, особенно внукам, ну, может быть, дети наши и веры-то знать не будут.
- А у нас матушки. Говорят еще, бабы — батьки, ну у нас женщина существо поганое считается, греховное, грязное, и уже женщина не имеет права читать в храме Евангелие, и этот момент заменяется просто поклонами. Так что и служба меняется, уже по-другому, уже теряем многое, не то, что теряем уже многое, уже многое потеряно. Дай Бог сохранить вот то, что у нас осталось. Еще то, что даже если батюшка есть, то народа иногда нет, не для кого службы служить, как говорила наша бабушка: «Отпадишие мы. Богом покинутые. Крещеные, но если в моленну не ходят, значит отпадишие».
- Дьявол слишком много завоевал. В Писании было, если из тысячи хотя бы один человек будет верующий, тогда продлю жизнь. Говорили, пока старики живы, и свет держится, токо они умрут, и свет рухнет — мало продолжателей.

По мнению наших собеседников, различия существуют не в самой вере, древле-православной или православной, а только лишь во внешней стороне богослужений.

Именно патриархальная старообрядческая семья является для наших собеседников образцом «правильных» взаимоотношений между людьми:

- Старшим людям не нравится такая жизнь, как живут сейчас молодые люди. Наш отец встанет утром, есть садится — перекрестится, три поклона положит. Мы этого уже не делаем, а наши дети тем более. Поест и опять три поклона положит, а теперь за стол сядут, песни начнут петь, это и не культурно и некрасиво: сиди за столом и ешь спокойно.
- Мы знали: нельзя — значит нельзя, не то что наши дети. Все потерялось в нашей вере. Теперь люди отдыхать хотят. Нас пятеро росли. Если в пять мать встанет, если спечь хочет в праздник, она встанет в четыре часа и корову подоит и все, все, все к восьми часам успеет. Может, другой раз и опаздывала, шла в моленну, а теперь у нас: «Ой, я хочу отдохнуть — да я не могу так рано вставать!».
- В праздник, например, нельзя работать, а у нас как выходные, так все и работают, ну все собираются в выходные дни помочь. Остались-то тут одни старики, тут как приедут, так и работать — нам нет времени в моленную итить. Это тоже не по-Божьему.
- Вот если б жили вместе, то знали бы больше, жизнь разобицала, так теряем из-за того, что живем не вместе. Раньше огромными семьями жили и все жили

вместе, с нами и бабушки жили, иногда даже и прабабушки, и все это, как говорится, что-то подслушаешь, что-то услышишь, что-то увидишь, все это откладывалось, и все это получалось, в конце концов получалась вера, а теперь, если своих внуков видишь, как я, раз в месяц, что там можно.

— *Много сбил советский строй, атеизм, отлучения от церкви. Вот те, кто более-менее наше поколение, еще наши родители, старые воспитывали нас в этой религии.*

— *В моленную все равно ходили, а сейчас не ходят. Не от власти идет, а от семьи.*

Таким образом, для живущих в Белоруссии и эстонском Причудье староверов старшего по-коления, объединенных общим верисповеданием и культурными традициями, по-прежнему характерна бесконечная преданность древлеправославной вере, хотя они и говорят о том, что в настоящее время она вновь переживает испытания на прочность. Вера наполняет духовную жизнь староверов, поэтому имя Бог и душа занимают очень важное место в их языковой картине мира. Для староверской этики оказывается очень важным трудиться, каждое дело начинать и заканчивать молитвой Господу и благодарению его за помощь. Бог находится в душе, в непосредственной близости к человеку, и именно душа определяет поступки человека. Бог и душа — исходные этические константы, а потому они не подвержены изменениям.

В записанных нами высказываниях Дух и душа противопоставлены, но не столь явно, как в текстах христианской литературы. Возможно, это связано с двоеперстием как символическим выражением человеческой и божественной природы Сына Божьего: два перста у староверов являют распятого Христа, а троеперстие, в свою очередь, символизирует святую Троицу, т.е. единство Отца, Сына и Святого Духа.

Некоторые различия с христианской традицией наблюдаются и в образах, которые приписываются душе: если во всех славянских традициях душе приписываются зооморфные, антропоморфные или предметные образы, то, по мнению наших информантов, расставаясь с телом, душа отлетает в виде птички, но никогда не воплощается в образе животного или предмета. Данное наблюдение нуждается в уточнениях и интерпретации.

Литература

Арутюнова 1998 — Н. Д. Арутюнова. *Язык и мир человека*. Москва, 1998.

Никитина 1993 — С. Е. Никитина. *Устная народная культура и языковое сознание*. Москва, 1993.

Славянская... 1995 — *Славянская мифология*. Москва, 1995.

Толстая 1999 — С. М. Толстая. *Душа*. Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Под общей редакцией Н. И. Толстого. Т. 2. Москва, 1999. С. 162–167.

Толстая 1999 — С. М. Толстая. *Славянские народные представления о смерти в зеркале фразеологии*. Фразеология в контексте культуры. Москва, 1999. С. 148–158.

Шмелев 2002 — А. Д. Шмелев. *Русская языковая модель мира*. Москва, 2002.

Wierzbicka 1992 — A. Wierzbicka. *Semantics, Culture and Cognition*. New York, 1992.

О ПАРАМЕТРАХ ОЦЕНКИ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ И РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ РУССКОГО ГЛАГОЛЬНОГО СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА БОГДАНОВА,
ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА БУРДАКОВА

Морфологические (словоизменяемые) классы глаголов – объем класса – степень глагольной деривационной активности класса – степень семантической активности класса – частота употребления в речи – интенсивность изменения объема класса – продуктивность класса – деструктивность класса – конкурентная активность класса – степень стабильности класса по отношению к конкурентной борьбе.

Как известно, современное русское глагольное словоизменение (в отличие от именного) представляет собой сложную разветвленную систему, состоящую из множества разнообразных элементов — морфологических типов (классов и групп). Типология словоизменяемых (иначе морфологических, формальных) классов русских глаголов разрабатывалась на протяжении всего XX века. Наиболее широкое распространение в России получили построенная на соотношении конечных элементов двух глагольных основ и признаке продуктивности классификация С. И. Карцевского [Карцевский 2000: 175; Карцевский 2004: 70–100] и ее варианты, предложенные в середине прошлого века В. В. Виноградовым [Виноградов 2001: 365–373] и А. В. Исаченко [Исаченко 2003: II, 40–126]. В американской русистике и практике преподавания РКИ более известна часто называемая «одноосновной» (а по сути тоже двуосновная) классификация Р. О. Якобсона [Jakobson 1948] и его последователей. В середине прошлого уже века проводилось планомерное научное исследование отдельных продуктивных глагольных классов, в рамках которого были выявлены и тщательно описаны словообразовательные типы и модели глаголов четырех из пяти продуктивных классов: первого [Самуйлова 1954], второго [Улуханов 1966], третьего [Авилова 1953; Авилова 1955] и пятого [Костомаров 1955; Морозо-

ва 1958]. Позднее интерес к основным типам русского глагольного словоизменения явно угас, и в наши дни проблема словоизменительных глагольных классов обсуждается главным образом в связи с актуальными вопросами психолингвистики: изучением структуры ментального глагольного лексикона [Свистунова 2008; Свистунова и др.; Черниговская и др.] и процессов усвоения глагольной морфологии детьми в ходе речевого онтогенеза [Цейтлин 2000: 138–147; Цейтлин 2008: 72–74].

Между тем естественный и постоянный процесс обновления словаря, подвижность состава и изменение объема отдельных классов являются причиной и одновременно следствием непрерывного развития системы: активный рост одних морфологических классов глаголов и стабильность или сокращение других постепенно изменяют их статус и взаимоотношения, а значит, и систему в целом. Процесс этот носит эволюционный характер, поэтому для построения прогноза развития системы и ее отдельных элементов — классов и групп — необходим оперативный мониторинг ее/ их состояний и изменений. Для организации мониторинга (системы наблюдений, оценки и прогноза изменений) необходимо выделить и определить основные и достаточные для оценки состояния в определенный исторический момент времени (в статике) и развития в заданный интервал времени (в динамике) параметры. К числу первых можно отнести такие базовые объективные количественные показатели, как синхронный (текущий) объем класса, степень (внутриглагольной) деривационной/ семантической активности класса и частота встречаемости в речи.

Объем, или количественный состав класса

Когда речь идет о количественных характеристиках глагольных классов, первое и самое простое, что приходит на ум — подсчитать количество глагольных лексем (V_{Lex}) и количество разнокоренных с позиции синхронии (или диахронии) лексем (V_{Rad}) в составе классов, определить доли глаголов различных классов в системе глагольной лексики и лексико-семантической системе современного русского литературного языка в целом¹. И то и другое позволит обоснованно судить о значимости класса в системе современ-

¹ Применяемые иногда при подсчетах единицы — бесприставочные глаголы, производные глаголы — не вполне пригодны для определения количественного состава классов, поскольку в языке имеются глаголы, которые без приставок не употребляются (со связанными корнями, типа *низвергнуть*, *повергнуть*, *свергнуть*; *замкнуть*, *отомкнуть* и т.п. и отыменные производные, вроде *прикарманить*, *узаконить*, *обюрократить* и мн. др.).

ного глагольного словоизменения и размере, величине его вклада в словарный фонд русского языка. Другим не менее важным для понимания места и системной синхронной значимости класса показателем можно считать суммарное количество значений, выражаемых глаголами того или иного класса (V_{Sem}^i). При этом, разумеется, всегда:

$$V_{Rad}^i \leq V_{Lex}^i \leq V_{Sem}^i$$

i — номер морфологического класса

Подробнее об истории и новейших данных по объему отдельных морфологических классов глаголов см. [Богданова, Бурдакова 2011а; Богданова, Бурдакова 2011б: 363–369].

Степень (внутри)глагольной деривационной активности класса

Теоретически число лексем в составе класса может в десятки (или даже сотни раз) превышать число разнокоренных глаголов, исходя из общего количества аффиксальных морфем (главным образом, префиксов, а также постфиксов), принимающих участие в (внутри)глагольном словопроизводстве. Точнее сказать сложно, поскольку, во-первых, по справедливому замечанию А. Н. Тихонова, «наше языкознание до сих пор не располагает точными данными о количестве служебных морфем в русском языке, о количестве морфем, встречающихся в составе слов той или иной части речи. Мешает этому прежде всего отсутствие единого подхода к вопросам варьирования и омонимии морфем» [Тихонов 2004: 661]. Так, например, Т. Ф. Ефремова в «Толковом словаре словообразовательных единиц русского языка» выделяет и описывает 11 действующих в подсистеме глагола омонимичных приставок *за-* (см. [Ефремова 2005: 14, 605]), авторы РГ–1980 — всего одну [РГ 1980: I, § 850]. В результате данные о количестве глагольных словообразующих приставок в языке несопоставимы: так, общий список глагольных словообразующих приставок Т. Ф. Ефремовой насчитывает 173 [Ефремова 2005: 9] глагольных префикса (из которых 107 самостоятельных словообразующих единиц, 2 приставки, выступающие только в составе циркумфиксов, и 64 варианта глагольных приставок) [Ефремова 2005: 605–606], в то время как в РГ–1980 [РГ 1980: I, § 850], а вслед за ней и в КРГ [КРГ 2002: 119] приводится всего 30 глагольных словообразовательных приставок. Во-вторых, на практике, как известно, производящие отличаются большой избирательностью в отношении словообразовательных средств (которая заключается в семантической, формаль-

ной, стилистической и проч. совместимости/ несовместимости производящего с тем или иным средством или в прихотливости выбора производящим одного или нескольких словообразовательных аффиксов из ряда синонимичных). Наконец, наличие в составе классов однокоренных глаголов, не имеющих беспривставочных соответствий и/ или не связанных отношениями производности (напр., *включить, выключить, отключить, подключить; добавить, отбавить, прибавить, сбавить, убавить; активировать, активизировать*), возможность последовательной полипрефиксации глаголов (напр., *ниспослать, предпослать; переутолмить; позадержать, попридержать, призадержать; поднажать; подразделить; понавезти; понаписать; предусмотреть; приободрить*) и т.п. затрудняют любые теоретические подсчеты.

Отношение общего количества лексем данного морфологического класса в заданный момент времени к общему количеству разнокоренных лексем (=корней) в составе того же класса в тот же момент времени можно считать степенью (внутри)глагольной деривационной активности класса (A_{Der}):

$$A_{Der}^i = \frac{V_{Lex}^i}{V_{Rad}^i}$$

Степень (внутри)глагольной деривационной активности у разных классов различна, изменчива и обусловлена множеством внутриязыковых и экстралингвистических факторов. Выявление факторов, влияющих на степень (внутри)глагольной деривационной активности, равно как и определение количественного и качественного состава аффиксальных и корневых морфем, словообразовательных типов и моделей отдельных классов представляют собой самостоятельные научные задачи, решение которых имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Наконец, высокая степень деривационной активности класса может свидетельствовать о более древнем происхождении глаголов класса (поскольку на материале английского языка, в частности, было установлено, что существует прямо пропорциональная зависимость между «возрастом» слова и его словообразовательной активностью [Галуцких 2008]).

Степень семантической активности класса

В свою очередь отношение общего количества значений, выражаемых глаголами данного морфологического класса в заданный момент времени, к

общему количеству глаголов того же класса в тот же момент времени можно считать глубиной семантической структуры глаголов класса, или степенью семантической активности класса:

$$A_{Sem}^i = \frac{V_{Sem}^i}{V_{Lex}^i}$$

Сопоставление двух и более глагольных классов по степени их семантической активности вкупе с детальным анализом долей одно-, дву-, трех-, четырехзначных (и более) единиц в составе классов даст возможность делать предположения не только об особенностях семантики, но и о «возрасте», периоде жизни и развития глаголов отдельных классов. Сравнение глубины семантической структуры глаголов двух классов (II продуктивного и I-го непродуктивного классов) см. в [Богданова, Бурдакова 2011б: 368–369].

Если попытаться представить себе график, на одной оси (Y) которого будут отложены текущие значения деривационной или семантической активности *i*-класса, а на другой (X) — синхронная доля глаголов класса в системе всей глагольной лексики данного языка, то, видимо, мертвые «окаменелые» классы и группы глаголов окажутся в левом верхнем углу графика, а наиболее живые, активные, подвижные — на противоположном конце воображаемой диагонали, в правом нижнем углу.

Частота встречаемости в речи, или употребительность класса

В принципе суммарную и среднюю частоту встречаемости глаголов *i*-класса (в ipm^1) можно признать объективными показателями употребительности в речи, или частоты встречаемости глаголов класса (*F*). С точки зрения прогнозирования, средняя частота встречаемости класса — это вероятность встретить глагол данного, а не иного класса в потоке речи.

О методических приемах и подходах к анализу частоты встречаемости, или употребительности класса при условии отсутствия данных о частоте встречаемости всех без исключения глаголов языка (поскольку словники частотных словарей всегда ограничены большим или меньшим числом наиболее популярных, употребительных в речи слов) см. [Богданова, Бурдакова 2011б: 369–372].

¹ ipm (от instances per million words) — принятая в современной лингвистике единица измерения частоты употребления слов, характеризующая количество вхождений на миллион словоупотреблений.

Рассмотренные выше базовые текущие характеристики глагольных классов дают адекватное общее представление о состоянии и положении различных классов в системе глагольного словоизменения на момент t , однако абсолютно ничего не говорят о том, как развиваются, растут и крепнут одни классы, ослабевают, уменьшаются в объеме и разрушаются — другие, стабилизируются — третьи, в какую сторону движется система. Количественными показателями развития глагольных классов в заданный интервал времени (в динамике) мы предлагаем считать такие переменные величины, как интенсивность изменения (увеличения/ уменьшения) объема класса, относительная текущая продуктивность/ деструктивность класса, конкурентная активность класса и степень стабильности класса по отношению к конкурентной борьбе.

Интенсивность увеличения объема, или скорость роста класса

Теоретически увеличение объема, пополнение словарного состава класса в общем случае может проходить тремя путями:

- 1) за счет новообразований, появления в языке новых лексических единиц в результате заимствования из других языков и/ или производства новых глаголов от слов других частей речи (и то и другое практически всегда ведет к обогащению состава класса новыми корнями);
- 2) вследствие внутривлаговой деривации (образования новых глагольных лексем от уже имеющих в составе класса глаголов);
- 3) в результате иммиграции («вселения») единиц других морфологических классов.

Образно выражаясь, первое и третье обеспечивает рост класса «вширь», второе — «вглубь» и представляет собой переработку внутреннего материала.

Интенсивность, или скорость роста морфологического класса глаголов (I_+) мы ранее [Богданова, Бурдакова 2009: 250] определяли как отношение количества единиц, пришедших в данный класс за определенный исторический период, к начальному на момент измерения количеству единиц данного класса¹:

$$I_+^i = \frac{\Delta V_+^i}{V_{t_1}^i}$$

¹ Подробнее о понятии «интенсивность», или скорость роста класса, методике и трудностях ее вычисления, а также применении для оценки скорости роста отдельных классов на практике см. [Богданова, Бурдакова 2009, 2011в].

ΔV^j — количество глаголов, пришедших в класс (+) / ушедших из класса (-) в определенный исторический период ($\Delta V^j = V_{t_2}^j - V_{t_1}^j$)

t_1, t_2 — момент времени.

В соответствии с намеченными выше различными путями пополнения словарного состава класса в общем потоке глагольных единиц, вливающих в i -класс в определенный исторический период, считаем целесообразным различать три составляющих питающих его источника:

$$\Delta V_+^i = \Delta V_{Rad}^i + \Delta V_{Der}^i + \Delta V_{Imm}^i$$

Так, можно выделить три основные разновидности увеличения объема класса, сумма которых будет общей интенсивностью, скоростью роста класса в заданный интервал времени:

$$I_+^i = \frac{\Delta V_{Rad}^i + \Delta V_{Der}^i + \Delta V_{Imm}^i}{V_{t_1}^i} = \frac{\Delta V_{Rad}^i}{V_{t_1}^i} + \frac{\Delta V_{Der}^i}{V_{t_1}^i} + \frac{\Delta V_{Imm}^i}{V_{t_1}^i}$$

В качестве гипотезы мы полагаем, что по количественному соотношению различных составляющих интенсивности увеличения объема класса можно будет судить о «возрасте» и «зрелости» последнего. Мы допускаем, что словообразовательный потенциал отдельных старых традиционно считающихся непродуктивными глагольных классов может быть не до конца исчерпан и они могут продолжать прирастать новыми словами, т.е. иметь $I_{Der}^i > 0$ при $I_{Rad}^i = 0$. Дифференцированный подход к проблеме увеличения объема класса с учетом трех возможных путей роста позволит отделить классы, рост которых в данный исторический период происходит или в принципе возможен исключительно благодаря комбинаторике (переработке внутреннего материала), а следовательно, ограничен, от классов, имеющих более широкие возможности развития и роста в системе языка.

Интенсивность уменьшения объема, или скорость убывания класса

Соответственно под интенсивностью уменьшения объема, или скоростью убывания класса (I_-) мы понимаем отношение количества единиц данного класса, покинувших или покидающих его пределы в заданный интервал времени, к начальному на момент измерения количеству единиц данного класса:

$$I_-^i = \frac{\Delta V_-^i}{V_{t_1}^i}$$

Она в свою очередь складывается из количества лексем, вышедших или выходящих из употребления (и далее из словаря) в силу естественного устаревания и/ или в результате вытеснения другими единицами, и количества глаголов, эмигрировавших или эмигрирующих из данного морфологического класса в другие словоизменительные классы или группы в анализируемый исторический период:

$$I_-^i = \frac{\Delta V_{Arch}^i + \Delta V_{Em}^i}{V_{t_1}^i} = \frac{\Delta V_{Arch}^i}{V_{t_1}^i} + \frac{\Delta V_{Em}^i}{V_{t_1}^i}$$

Интенсивность изменения объема класса

Разность полученных двух чисел (интенсивность роста минус интенсивность убывания) можно считать общей скоростью изменения объема класса и обновления его состава (I):

$$I^i = I_+^i - I_-^i = \frac{\Delta V_{Rad}^i + \Delta V_{Der}^i + \Delta V_{Imm}^i - \Delta V_{Arch}^i - \Delta V_{Em}^i}{V_{t_1}^i}$$

Таким образом, интенсивность морфологического класса — это объем класса в динамике, или величина, характеризующая процесс набора «массы» отдельно взятым классом.

Относительная текущая продуктивность класса

Под относительной текущей продуктивностью морфологического класса (P) мы понимаем отношение количества единиц, пришедших в данный класс в определенный исторический период, к общему количеству единиц классификации, вошедших в язык в этот же период времени¹:

$$P^i = \frac{\Delta V_+^i}{\Delta V_+}$$

¹ Подробнее о понятии «продуктивность класса», методике оценки продуктивности морфологических классов глаголов и технологии подготовки исходных для этой процедуры данных см. [Богданова, Бурдакова 2009].

Иными словами, продуктивность класса — это доля единиц i -го класса в общем объеме глаголов-неологизмов в лексической системе языка в заданный интервал времени или роль класса в процессе обогащения глагольной лексики языка в анализируемый исторический период. При таком подходе продуктивность класса глаголов за весь период истории развития языка будет равна текущей доле класса в системе глагольных единиц данного языка, т.е. прямо пропорциональна его объему:

$$P^i = \frac{\Delta V_+^i}{\Delta V_+} = \frac{V_{t_2}^i - V_{t_1}^i}{V_{t_2} - V_{t_1}} = \frac{V_{t_2}^i - V_{t_2-\alpha}^i}{V_{t_2} - V_{t_2-\alpha}} \Big|_{t_1=t_2-\alpha} \Rightarrow \lim_{\alpha \rightarrow t_2} = \frac{\Delta V_+^i}{\Delta V_+} = \frac{V_{t_2}^i}{V_{t_2}}$$

Относительная текущая деструктивность класса

В противоположность продуктивности под относительной текущей деструктивностью морфологического класса (D) мы понимаем отношение количества единиц, ушедших или уходящих из данного словоизменительного класса в заданный интервал времени, к общему количеству единиц классификации, ушедших или уходящих из словаря языка в этот же период:

$$D^i = \frac{\Delta V_-^i}{\Delta V_-}$$

Нужно подчеркнуть, что деструктивность не равна непродуктивности. Класс может быть непродуктивным, но при этом достаточно устойчивым в своем составе, не склонным к разрушению, стабильным, т.е. представлять собой замкнутую, закрытую, инертную систему, для прогноза дальнейшего изменения которой не будет никаких серьезных оснований.

Продуктивность и деструктивность (в отличие от интенсивности) — показатели системные и относительные, демонстрирующие степень участия i -класса и его роль в развитии системы словоизменения глаголов в заданный период и, таким образом, точно характеризующие направление развития системы словоизменительных глагольных классов. Наиболее высокий показатель продуктивности морфологического класса говорит о том, что в заданный период времени система концентрируется на данном классе, и он одновременно выступает в качестве основной движущей силы развития системы.

Конкурентная активность класса

Другим симптоматическим признаком развития системы русского глагольного словоизменения можно считать наблюдаемую в языке и речи конкуренцию глагольных форм (типа *махать*: *машут* — *махают*), которая в конечном счете обычно разрешается межклассовой миграцией, т.е. переходом глагола из одного класса в другой (напр., *хромать*: устар. *хромлют* — *хромают*). Количественным показателем внутрисистемной активности морфологического класса в этом случае может быть конкурентная активность класса, который пытается расширить свой состав и нарастить объем путем «захвата» единиц другого словоизменительного класса.

Под конкурентной активностью морфологического класса (A_{Con}) в данный момент времени мы понимаем общее количество глагольных классов, с которыми *i*-класс вступает в конкурентную борьбу в указанный отрезок времени. Мы полагаем, что она системно ограничена общим числом глагольных классов с одинаковыми или близко звучащими финалями основ инфинитива. Морфологические классы, ведущие внутрисистемную борьбу за материал и обладающие наиболее высокой конкурентной активностью, являются своего рода нарушителями «спокойствия» и прежнего порядка, дестабилизирующими систему.

Степень стабильности класса по отношению к конкурентной борьбе

Можно считать, что упомянутые выше так называемые «изобилующие» глаголы (имеющие в языке и речи параллельные, иначе — конкурирующие формы) принадлежат двум (а иногда и трем) формальным классам одновременно или не вполне принадлежат ни одному из них. Если гипотетически представить себе класс, на 100% втянутый в борьбу, то правомерно ставить вопрос: «А существует ли данный класс вообще?» Поэтому немало важно, выделив в составе класса неустойчивые, слабые и проницаемые для других классов участки — периферию (или подвижный край), очертить своего рода «твердое ядро», не поддающееся влиянию извне, и в результате установить степень стабильности морфологического класса глаголов по отношению к конкурентной борьбе.

Степень стабильности класса по отношению к конкурентной борьбе (S_{Con}) можно измерить как отношение количества глаголов данного класса, не вовлеченных в конкурентную борьбу в момент времени t , к общему количеству единиц класса в этот же момент времени:

$$S_{Con}^i = \frac{V_{nonCon}^i}{V^i}$$

или:

$$S_{Con}^i = 1 - \frac{V_{Con}^i}{V^i}$$

Подведем итоги. Таким образом, для правильного определения места, значимости и роли отдельных морфологических глагольных классов в сложной системе русского глагольного словоизменения целесообразно использовать набор статических и динамических показателей, которые позволят наиболее полно и адекватно (разумеется, при условии наличия данных) описать состояние отдельных словоизменяющих глагольных классов в любой момент времени и объективно оценить динамику и глубину происходящих в них изменений в заданный интервал. Подобное описание может быть сделано с использованием относительной и абсолютной (прямой) нотификации, которая позволит сравнивать классы и устанавливать их внутреннюю иерархию в системе применительно к каждой конкретной задаче.

Своей первоочередной задачей авторы считают необходимость получить текущие значения характеристик для наибольшего количества глагольных классов языка, которые позволят перейти к количественному объективному сопоставлению отдельных классов (=элементов системы) и станут базой для анализа развития системы морфологических глагольных классов в языке новейшего времени и построения научного прогноза дальнейшего развития отдельных классов и системы в целом.

Предложенные в настоящей статье основные параметры оценки современного состояния и развития системы русского глагольного словоизменения с некоторыми поправками могут быть использованы для оценки состояния и развития словообразовательных типов и моделей — в словообразовании или других грамматических классов слов (напр., типов склонения или родов имен существительных) — в морфологии.

Приложение

Параметры оценки состояния и развития системы русского глагольного словоизменения

V — объем, или количественный состав класса

V_{Lex} — в лексемах

- V_{Rad} — в корнях
 V_{Sem} — в значениях (лексико-семантических вариантах)
 F — частота встречаемости в речи, или употребительность класса
 I — интенсивность изменения объема, или количественного состава класса
 I_+ — интенсивность увеличения объема, или скорость роста класса
 I_{Rad} — за счет неологизмов, появившихся в результате заимствования из других языков и/ или производства от слов других частей речи
 I_{Der} — за счет неологизмов, появившихся в результате внутриглагольной деривации
 I_{Imm} — в результате иммиграции единиц других классов
 I_- — интенсивность уменьшения объема, или скорость убывания класса
 I_{Arch} — в результате устаревания единиц
 I_{Em} — в результате эмиграции единиц
 P — относительная текущая продуктивность класса
 D — относительная текущая деструктивность класса
 A_{Der} — степень (внутри)глагольной деривационной активности класса
 A_{Sem} — степень семантической активности класса
 A_{Con} — конкурентная активность класса
 S_{Con} — степень стабильности класса по отношению к конкурентной борьбе

Литература

- Авилова 1953 — Н. С. Авилова. *Вопросы глагольного суффиксального словообразования в современном русском литературном языке: Глаголы с суффиксом -ова-*. Кандидатская диссертация. Машинопись. Москва, 1953.
- Авилова 1955 — Н. С. Авилова. *Глаголы с суффиксом -ова- и его вариантами -ирова-, -изирова-, -изова- в русском языке*. Исследования по грамматике русского литературного языка. Москва, 1955.
- Богданова, Бурдакова 2009 — Н. Н. Богданова, О. Н. Бурдакова. *К вопросу об оценке продуктивности морфологических классов глаголов современного русского языка*. *Humaniora: Lingua Russica*. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. XII. Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту, 2009. С. 245–259.
- Богданова, Бурдакова 2011a — Н. Н. Богданова, О. Н. Бурдакова. *К вопросу об оценке объема и скорости роста морфологических классов глаголов в современном русском языке (на примере II продуктивного класса)*. Грамматика: (Русско-славянский цикл). Материалы XL Международной филологической конференции, 14–19 марта 2011 г., С.-Петербург. Санкт-Петербург, 2011. С. 14–25.
- Богданова, Бурдакова 2011б — Н. Н. Богданова, О. Н. Бурдакова. *О современном состоянии одного из непродуктивных морфологических классов глаголов*. *Humaniora: Slavica Tartuensis*

sia. IX. Лингвокультурное пространство современной Европы через призму малых и больших языков. К 70-летию профессора Александра Дмитриевича Дуличенко. Тарту, 2011. С. 363–375.

Богданова, Бурдакова 2011в — Н. Н. Богданова, О. Н. Бурдакова. *О состоянии и развитии II морфологического класса глаголов в современном русском языке*. Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. XIV. Развитие и вариативность языка в современном мире. II. Тарту, 2011. С. 48–65.

Виноградов 2001 — В. В. Виноградов. *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*. 4-е изд. Москва, 2001.

Галуцких 2008 — И. А. Галуцких. *Ядро лексической системы английского языка: зависимость интенсивности участия в эволюционных процессах от этимологических показателей*. Англистика XXI века. Сборник материалов IV Всероссийской научной конференции, посвященной 60-летию кафедры английской филологии ЛГУ/СПбГУ. Санкт-Петербург, 21–23 января 2008 г. Санкт-Петербург, 2008. URL: http://philarts.spbu.ru/structure/sub-faculties/eng-filolog/publications/anglistika_2008

Ефремова 2005 — Т. Ф. Ефремова. *Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: около 1 900 словообразовательных единиц*. 2-е изд., испр. М., 2005.

Исаченко 2003 — А. В. Исаченко. *Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким: Морфология*. Т. I–II. 2-е изд. Москва, 2003.

Карцевский 2000 — С. И. Карцевский. *Повторительный курс русского языка*. Из лингвистического наследия. Сост., вступ. ст. и коммент. И. И. Фужерон. Москва, 2000. С. 97–204.

Карцевский 2004 — С. И. Карцевский. *Система русского глагола*. Из лингвистического наследия. Т. II. Сост., перев., вступ. ст. и коммент. И. И. Фужерон. Москва, 2000. С. 25–205.

Костомаров 1955 — В. Г. Костомаров. *Словообразовательная структура глаголов класса -ить/-ят в современном русском языке*. АКД. Москва, 1955.

КРГ 2002 — *Краткая русская грамматика*. Под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. 2-е изд., стереотип. М., 2002.

Морозова 1958 — М. И. Морозова. *Словообразовательные модели глаголов V продуктивного класса в современном русском языке*. Ученые записки Вологодского педагогического института. Вып. 28. Ярославль, 1958.

РГ 1980 — *Русская грамматика*. Т. I–II. М., 1980.

Самуйлова 1954 — К. С. Самуйлова. *Вопросы суффиксального образования глаголов I продуктивного класса в современном русском языке*. Кандидатская диссертация. Машинопись. Москва, 1954.

Свистунова 2008 — Т. И. Свистунова. *Организация ментального лексикона: формирование в онтогенезе и распад при нарушениях языковой системы глагольной словоизменительной морфологии (экспериментальное исследование)*. АКД. Санкт-Петербург, 2008.

Свистунова и др. — Т. И. Свистунова, Е. Н. Газеева, Т. В. Черниговская. *Экспериментальное исследование эффекта морфологического прайминга на материале русского глагольного словоизменения*. URL: <http://www.genlingnw.ru/Staff/Chernigo/publicat/exp.pdf>

Тихонов 2004 — А. Н. Тихонов. *Русская морфемика*. Тихонов А. Н. Морфемно-орфографический словарь: Около 100 000 слов. М., 2004. С. 655–701.

Улуханов 1956 — И. С. Улуханов. *Глаголы на -еть в современном русском языке (О продуктивности и регулярности словообразовательного типа)*. Развитие словообразования современного русского языка. Под ред. Е. А. Земской, Д. Н. Шмелева. Москва, 1966. С. 127–141.

Цейтлин 2000 — С. Н. Цейтлин. *Язык и ребенок: Лингвистика детской речи*. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Москва, 2000.

Цейтлин 2008 — С. Н. Цейтлин. *Речевые ошибки и их предупреждение*. 3-е изд., испр.

Черниговская и др. — Т. В. Черниговская, К. Гор, Т. И. Свистунова. *Формирование глагольной парадигмы в русском языке: правила, вероятности, аналогии как основа организации ментального лексикона*. URL: <http://www.genlingnw.ru/Staff/Chernigo/publicat/Form.pdf>

Jakobson 1948 — Jakobson R. O. *Russian conjugation*. Word. Vol. 4. 1948. P. 155–167.

НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ ЛЮДЕЙ

(На материале городского сленга и островного говора)¹

ОКСАНА НИКОЛАЕВНА ПАЛИКОВА

Неофициальная урбанонимия – народная топонимия – народная географическая терминология – территориальная общность людей

Пространственная самоидентификация социума базируется на осознании и описании *своего* пространства. Соответственно, географическая лексика, объединяющая неофициальную топонимию определенной местности и народную географическую терминологию, является **актуальным** языковым отражением оппозиции *свое – чужое*. В данной статье будет рассмотрен вопрос о специфике лексического оформления *своего* пространства в городе и в деревне. В качестве языкового материала привлекаются данные семинарской работы Ольги Соколовой «Неофициальная урбанонимия² города Тарту» [Соколова 2012] и материалы статей, посвященных географической лексике острова Пийриссаар [Паликова 2012-а, 2012-б].

Группа людей, локализованная в географическом пространстве и тесно связанная множеством территориально опосредованных социальных, экономических, культурных, политических и духовных отношений, в социальной географии именуется **территориальной общностью людей** (ТОЛ) [Трофимов, Шарыгин, Исмагилов: 6]. Именно единство территории опре-

¹ Исследование выполнено при поддержке государственной программы «Eesti keel ja kultuurimälu 2009» в рамках проекта «Vanausulised kultuurimälu kandjana» (ЕККМ09-102), а также в рамках проекта базового финансирования «Eesti põlisvenelaste diskursus kognitiivsest aspektist».

² Урбанонимия — совокупность урбанонимов. Урбаноним — собственное имя любого внутригородского топографического объекта [Подольская 1988: 139–140].

делает сплочение такой группы людей: интенсификация социальных контактов между членами ТОЛ происходит «благодаря их пространственной сближенности, сходству их исторических судеб и единству особой природно-ресурсной среды, которое придает специфические черты их общественной деятельности» [Там же: 6].

На языковом уровне единство этой общности людей выражается в первую очередь в используемой ими специфической географической лексике: в топонимах и географических терминах. Причем в данном случае интересна неофициальная топонимия и народная географическая терминология, так как эти пласты лексики складываются стихийно и не регулируются, в отличие от официальной административно-номенклатурной и терминологической лексики. Названные группы географической лексики аккумулируют опыт людей, проживающих на определенной территории, и знание этих лексем объединяет членов данной территориальной общности, отграничивая их от других носителей языка.

Можно предположить, что состав и языковые особенности членов данной лексической группы в городе и в деревне могут различаться в силу внеязыковых (различие природно-ресурсной среды) и лингвистических (носители общерусского языка *vs* носители говора) условий.

1. Объем и лексический состав **неофициальной урбанонимии** у разных групп городского населения значительно варьируется, лишь некоторые наименования используются большинством горожан, например¹:

- (1) *Горбатый мост* (в речи русскоязычных жителей Тарту) — эст. *Kaarsild* ‘дуга, арка + мост’

1.1. Актуальными для всех жителей города являются различные городские объекты: здания (магазины, рестораны, школы и т.п.), точечные объекты (остановки, памятники и т.п.), районы и улицы города, площади, парки, скверы и т.д. Именно эти объекты получают неофициальные наименования, которые используются *а)* для идентификации (чтобы назвать магазин, в котором что-л. продается; школу, в которой учится ребенок, и т.п.); *б)* для ориентации в пространстве (чтобы назначить встречу в определенном месте, описать путь до нужной точки и т.п.).

Однако часто какая-либо социально ограниченная группа населения (например, студенты, домохозяйки, таксисты и т.п.) использует свой набор неофициальных урбанонимов, причем здесь особенный интерес представ-

¹ Здесь и далее все примеры урбанонимов приводятся из работы [Соколова 2012].

ляет как выбор объекта номинации, так и способ образования наименования. В качестве примера групп наименований социально ограниченного использования можно привести набор урбанонимов, функционирующих в речи студентов: это названия учебных зданий, общежитий, библиотек, а также объектов, которые служат ориентирами в пространстве города (памятники, мосты, магазины и т.д.).

Неофициальные урбанонимы могут мотивироваться либо официальным наименованием (2), либо внешним видом городского объекта (3). Причем официальное название может заменяться суффиксальными и др. словообразовательными вариантами (2.1) или обыгрываться на фонетическом уровне для псевдоэтимологизации в целях достижения комического эффекта (2.2). Мотивированность внешним видом объекта передается либо описательными апеллятивами (3.1), либо (значительно чаще) с использованием метафорической мотивации (3.2). Например:

- (2.1) **Сястик** = магазин *Säästumarket*;
Гёнка, Генклуб = клуб *Genialistide klubi*;
Льуник = торговый центр *Lõunakeskus*;
- (2.2) **Азкaban** = магазин *Abakhan*;
Трали-вали = ул. *Vallikraavi*;
Кошмаркет = магазин *Comarket* (на логотипе магазина изображена кошачья мордочка);
Гей-клуб = клуб *Genialistide klubi*;
- (3.1) **Развалины** = Домский собор; **Горбатый мост** — см. (1);
- (3.2) **Памятник прищепке, Прищепка** = памятник Ф. Г. Х. Струве (абстрактный памятник отсылает к форме солнечных и песочных часов и, действительно, может напоминать прищепку);
Памятник кузнечнику, Кузнечик = памятник Яану Тыниссону (позеленевший бронзовый памятник в виде художавой человеческой фигуры);
Брестская крепость = жилой дом (Пыхья пст./ ул. Ляэне 1; длинный многоподъездный дом из красного кирпича);
пьяные дома = жилые дома (ул. Луха, 2, 4, 6), построенные так, что выглядят неустойчивыми;
Эйфелева башня = эст. *Turu sild* 'рыночный мост' (издалека силуэт моста напоминает Эйфелеву башню).

Неофициальные урбанонимы, образованные путем метонимического переноса, отсылают *а)* к соседнему городскому объекту (5.1); *б)* к учреждению, которое находится/ находилось в данном здании, на данной улице (5.2); *в)* к жителям здания (5.3). При их образовании также может использоваться игровая псевдоэтимологизация (5.4), например:

- (5.1) *мост у Таску* — эст. *Võidu sild* ‘мост Победы’ (*Tasku* — название крупного торгового центра, расположенного около моста);
Свинья, у борова, рынок у свиньи — Тартуский крытый рынок (в связи с 70-летием рынка рядом с ним был поставлен памятник свинье);
у фрески — пятачок на пересечении улиц Юликооли и Лосси (на стене здания находится большая фреска, копия гравюры 1860 года, изображающей главное здание Тартуского университета);
Эдёнский Рими — магазин *Rimi* (находится через канал и реку напротив торгового центра *Eeden*);
Мост у Атлантиса, Мост у Ратуши — то же, что *Горбатый мост* (на одном берегу находится ресторан *Atlantis*, на другом — Ратушная площадь);
- (5.2) *Раковый корпус* — ул. *Vallikraavi* (здесь находятся здания онкологической клиники);
Ратуша — Ратушная площадь;
Морг, Трупняк — учебное здание (ул. Няйтузе 2; бывшее здание анатомического театра);
Роддом — учебное здание (ул. Лосси 36; бывшее здание роддома);
- (5.3) *Иностранное, для иностранцев, для эразмуцев* — студенческое общежитие (ул. Раатузе 22; *Erasmus* — программа студенческого обмена);
- (5.4) *у якобы Хурта* — парк около памятника Якобу Хурту (ул. Ванемуйзе).

Из примеров видно, что неофициальная урбанонимия допускает широкую вариативность, которая, в числе прочего, может отражать социальные характеристики групп носителей, например урбаноним *раковый корпус*, скорее всего, используется студентами-филологами; названия учебных зданий — студентами и преподавателями (при этом экспрессивные номинации типа *морг, трупняк* — явный признак студенческого сленга).

Если обобщить способы образования перечисленных урбанонимов, то можно сказать, что в основном это словообразовательные, описательные, игровые (псевдоэтимологизирующие), метафорические и метонимические номинации. Наиболее свободно образуемыми и при этом ограниченными в употреблении оказываются метонимические наименования типа (5.1), называющие городской объект по другому объекту. Такие неофициальные урбанонимы, с одной стороны, легко образуются «по случаю» и редко приобретают характер устойчивых номинаций; с другой стороны, в речи микрогруппы носителей (например, в семье, среди друзей) они могут становиться постоянными и единственными наименованиями. Вообще **метонимические номинации городских объектов** по сути своей **апеллируют к опыту участников коммуникации** (неизвестный объект соотносится с

известным) и поэтому как раз и могут становиться устойчивыми в речи ограниченного круга носителей языка.

1.2. Перед тем как перейти к вопросу о специфике географической лексики говора, обратим внимание на наименования природных объектов города.

Немногочисленны как сами природно-ландшафтные объекты в городе, так и их неофициальные наименования в речи горожан. Как правило, такие урбанонимы соотносятся с официальными вариантами и мотивированы соответствующими апеллятивами (6.1) или представляют собой экспрессивное суффиксальное производное (6.2):

- (6.1) **канал, котлован** — искусственный замкнутый водоем, эст. *Anne kanal* (в русских неофициальных вариантах урбанонима содержится отсылка к разным стадиям строительства искусственного водоема, который, по рассказам горожан, планировался как гребной канал для регаты);
Кошкина горка — эст. *Kassioru* 'кошачья ложбина' (парк с глубокой котловиной);
- (6.2) **Пироговка, Пи́рыч** — сквер возле памятника Н. И. Пирогову.

Эти немногочисленные примеры неофициальных наименований городских природно-ландшафтных объектов полностью вписываются в систему неофициальной урбанонимии и не демонстрируют отличий в выборе мотивировочного признака или в способе образования.

Итак, неофициальная урбанонимия вариативна и социально ограничена: значимые для разных групп носителей языка городские объекты имеют целый набор неофициальных номинаций, которые функционируют в речи этих групп и редко выходят в общее употребление. Такое положение вполне предсказуемо и связано со спецификой городского населения: его размерами, подвижностью и социальной неоднородностью.

2. Однако чем меньше расстояние между взаимодействующими людьми и чем дольше существуют условия их взаимодействия, тем сильнее проявляются в ментальности особенности среды и тем прочнее закрепляются особенности, отличающие данную территориальную общность людей от других ТОЛ [Трофимов, Шарыгин, Исмагилов: 6]. Примером такого тесного территориально-исторического сосуществования может служить деревенская община. В случае же с островом Пийриссаар мы имеем уникальную возможность рассмотреть такое проявление территориальной общности людей, в котором связующим звеном для общины оказывается не только

замкнутая и отрезанная от мира территория, не только общая история в несколько веков, но и конфессиональная общность.

2.1. История и население острова. На острове Пийриссаар, расположенном на границе Чудского и Тёплого озер, издавна проживает русское население. По преимуществу это старообрядцы, к которым примыкает значительно меньшее по численности русское новообрядческое и эстонское население. Как писала Т. Ф. Мурникова, начиная с XI–XII вв. остров использовался псковичами и новгородцами (последними в меньшей степени) для сезонной рыбной ловли; затем образовалось первое постоянное поселение — самая южная деревня острова, деревня *Желачек*¹ [Мурникова 1962: 345–346].

Переломным для острова стал XVIII век, когда Эстляндия и Лифляндия были присоединены к Российской империи и по острову прошла граница между Лифляндской и Петроградской губерниями. На острове, вплотную примыкая к новой границе, появилась новая деревня, получившая название *Межа* (то есть два поселения острова оказались по разные стороны губернской границы). Кроме того, на остров начали приходить старообрядцы, так как «уединенный островок был для гонимых сторонников старой веры именно тем укромным уголком, где можно было чувствовать себя в полной безопасности» [Мурникова 1962: 347]. Последняя, третья, деревня острова возникла позднее, географически расположилась между первыми двумя и получила название *Тони*.

Старообрядцы до сих пор преобладают на острове, причем не только с точки зрения численности. Так, например, различные события в истории острова привели к тому, что сейчас здесь действует только один храм²: старообрядческая моленная в деревне Желачек. Немногочисленные новообрядцы острова посещают службы в этой моленной, не имея, однако, права использовать крестное знамение и заходить дальше притвора.

Долгое сосуществование трех этноконфессиональных групп на географически ограниченном пространстве³ не могло не привести к тому, что у

¹ «Наиболее древнее русское поселение на острове известно с 1370 г. под названием Желачек» [Плаат 2012: 216].

² Если во времена первой Эстонской Республики на острове действовало четыре храма — два старообрядческих, один православный и один лютеранский, то сейчас из них сохранилось два: православный, в котором службы прекратились в 1964 г., и действующая и в настоящее время старообрядческая моленная в дер. Желачек.

³ Площадь острова составляет 7,5 км², из которых лишь 55 га пригодны для проживания — остальная часть острова заболочена (данные с официального сайта волости Пийриссааре: www.piiirissaare.ee).

их представителей выработалась некоторая общая картина мира и система ценностей¹. При этом можно предположить, что, хотя влияние и было взаимным, старообрядческий взгляд на мир мог оказаться доминирующим в силу как численного преобладания старообрядческого населения, так и в связи с особой конфессиональной цельностью этой группы населения.²

Можно сказать, что длительное соседство представителей трех этно-конфессиональных групп населения на ограниченном фрагменте суши привело к образованию особой территориальной общности людей, объединяющим фактором которой является территория, ее природно-ресурсная среда и история.

2.2. Географическая лексика говора представляет собой более сложную систему, чем неофициальная урбанонимия: она включает не только неофициальные топонимы, но и народные географические термины. Поскольку те и другие номинации являются диалектными и используются определенной группой населения для обозначения географических/ топографических объектов конкретной местности, логично рассматривать их все как отражение специфической территориальной (в нашем случае, островной) общности людей в лексике их говора. Иначе говоря, все освоенное, обжитое определенной группой населения пространство и объекты, значимые для жизнедеятельности группы, отражаются в виде специфического набора слов и устойчивых словосочетаний. Этот языковой материал можно условно назвать «внутренним», то есть неизвестным или малоизвестным за пределами территориального социума, а знание географической лексики говора — «стихийно эзотерическим», отделяющим *своих* от *чужих*.

Ниже будет предпринята попытка заглянуть в мир острова Пийриссаар через призму диалектных топонимов и географических терминов (в говоре функционируют и другие лексемы, описывающие пространственную локализацию объектов, например, наименования жителей, которые, однако, здесь рассматриваться не будут). В качестве языкового материала к анализу

¹ Например, анализ диалектного материала, собранного на острове и отражающего отношение островитян к труду, не выявил никакой специфики восприятия труда для какой-либо из групп, а напротив, показал общность взглядов всех жителей острова [Щаднева, Паликова 2012].

² Т. К. Шор, пишет об этом так: «По крайней мере с конца XVIII в. здесь уже постоянно жили староверы, которые считались свободными, в отличие от местных крепостных крестьян из русских старожилов и эстонцев, на которых они, в свою очередь, оказали **огромное влияние, как в конфессиональном, так и в бытовом плане**. <...> Поскольку ближайшая православная церковь находилась близ русского берега на о. Озолицы в 3 км от Пийриссаара, то прибывшие в конце XVIII в. старообрядцы быстро вошли в силу и вобрали в свои ряды не только местных русских старожилов, но и эстонцев» <выделено мною. — О. П.> [Шор 2012: 196].

привлекается географическая диалектная лексика (в том числе топонимы, всего около 80 единиц), собранная, в основном, в ходе диалектологических экспедиций и опубликованная в «Географическом словаре острова Пийриссаар» [Паликова 2012-б: 170–193].

2.2.1. К неофициальным топонимам острова Пийриссаар отнесем названия различных объектов окружающего пространства. Имена собственные в говоре присваиваются объектам, относящимся к а) заселенной территории острова, б) незаселенной территории острова, в) озеру.

Среди объектов заселенной территории наиболее регулярно имя собственное присваивается колодцам (7.1), далее следуют части деревень (7.2) и здания (7.3). Сюда же, разумеется, относятся и русские названия деревень (7.4), которые, с одной стороны, являются официальными (или общепризнанными), с другой стороны, при переходе на эстонский язык (в двух случаях из трех) в настоящее время не сохраняются:

(7.1) *Панкру́хин колодец, Попов колодец, Сто́гов колодец, Фирси́н колодец;*

(7.2) *Панкру́хин дом, Белый дом;*

(7.3) *Кабак, Эстонский край;*

(7.4) *Межа¹ (эст. Piiri), Желáчек (эст. Saare), То́ни (эст. Tooni).*

Что касается мотивировочного признака, положенного в основу образования данных онимов, то в подавляющем большинстве случаев мы имеем дело с метонимией: колодцы названы по фамилии (*Панкрухин, Стогов*), имени (*Фирсин*), роду деятельности (*Попов*) людей, которые владели домом по соседству с колодцем. Причем во всех случаях эта отсылка является «исторической»: три дома из четырех не сохранились, а *Панкрухин дом* назван по имени врача, который приехал на остров после войны и жил и работал здесь несколько десятилетий. Метонимия положена в основу наименований *Кабак* (место в деревне, где в начале XX в. был кабак), *Эстонский край* (часть деревни, где живут эстонцы) и всех трех деревень: *Желачек* — по названию реки *Желча*, откуда предположительно пришли русские поселенцы¹; *Межа* — так как располагалась вдоль губернской границы (*межи*); *Тони* — от слова *тоня*, которым, в частности, назывались участки озера для

¹ «... водное пространство между устьем реки Желчи и островом Пийрисаар — это самое богатое рыбой место во всем Чудском озере, причем особенно богата рыбой та часть озера, которая непосредственно омывает остров. Это, по-видимому, вызвало переход известной части населения с материка на остров. В дальнейшем перебравшиеся на постоянное жительство население и принесло с собой название *Желчь* или *Жолочь*» [Мурникова 1988: 123].

рыбной ловли¹. Нам встретилась лишь одна номинация по внешнему признаку: *Белый дом* (дом из белого кирпича, в котором располагается местная администрация, поэтому возможна и метафорическая поддержка — по ассоциации с общеизвестным *Белым домом*).

К объектам незаселенной территории острова, которым присваиваются имена собственные, относятся участки/ точки территории острова (8.1) и формы рельефа (8.2), например:

(8.1) *Костри́ще* (место, куда раньше привозили дрова и складывали из них костры ‘поленницы’), *Ляди́на* (лес);

(8.2) *Ули́тина гора* (возвышенность неподалеку от дома, в котором жила *Улита*), *Горде́ева канава*, *Межовска канава* (канал поблизости от деревни *Межа*).

В данном случае также только один оним не образован путем метонимического переноса: диалектное слово *лядина*, имеющее значение ‘небольшой лесок; опушка леса’ [СГСЭ 2008: 84], в условиях безлесого острова переходит из разряда апеллятивов в имена собственные.

Можно сказать, что топонимы в говоре выполняют, кроме номинативной, когнитивную функцию, так как содержат информацию об объекте²: *Кострище*, *Попов колодец* и т.д. — для *своих* в каждом названии содержится свернутая история, сюжет из жизни острова.

На пересечении двух стихий — суши и озера — располагаются важные для островитян географические объекты: участки берега/ береговой линии, заливы и др. формы рельефа (9.1). В силу того, что различать все эти точки и участки для жителей острова крайне необходимо (для переправы по воде, рыбной ловли, раздела пастбищных земель и проч.), обилие топонимических единиц здесь велико. Несмотря на то, что к настоящему моменту нам удалось собрать лишь некоторую часть этого топонимикона, можно предполагать, что таких названий значительно больше. Так, один из респондентов говорит о береговой линии острова: *Здесь каждые чуть ли не пятьдесят метров какое-то название* (Желачек, 2011). Существенны для потомственных рыбаков и участки озера, которые также получают имена собственные (9.2):

(9.1) *Русский берег*, *Разре́з*, *Рог*, *Гребню́к*, *Гольй берег*, *Ко́лгин берег*, *Ма́нька*, *Пя́тино*;

¹ Ср.: *тоня* — «удобное место на реке или на побережье озера; залив на море, где собирается рыба и успешно производится ее лов» [Мурзаев 1984: 557].

² Ср., Е. Л. Березович считает, что имя собственное обладает понятийным содержанием [Березович 2007: 73].

(9.2) *Курма, Курманское озёрко, Межа², Шавари́ха, За́пах, Тигалахта.*

В данном случае наблюдается большее разнообразие мотивировочных признаков: метонимия (*Колгин берег, Курманское озёрко, Русский берег*), номинация по внешнему виду (*Гольй берег*), использование апеллятива в качестве онима (*Разрез, Рог, Гребнюк*). Предположительно три последних онима являются народными географическими терминами, закрепившимися за одним конкретным местом, например:

Рог. Выступающая в озеро мель в районе дер. Тони. *Есть и Глыбокий Рог, есть Рог. Вот это Рог: Саарекюла <здесь>, и вот от Саарекюла про́ти Тоней тростник <... > — там тростник такой, этот и есть Рог. <... > Рог, это слово <называет> географическое не расположение, а форма: допустим, мели́, там намыло песка, и он как бы как **рог** оказался* (Желачек, 2011) [Паликова 2012-б: 183].

Ср.: *рог* — «мыс, коса; крутая меандра реки; <... > На Чудском оз. — мель, сложенная угловатыми камнями, линия которой продолжается от берегового мыса» [Мурзаев 1984: 482].

Здесь же мы встречаем заимствования из эстонского языка: залив *Курма* (эст. диал. *kurt* 'отдаленное, глухое место'), залив *Тигалахта* (эст. *Tsigalaht*, где *laht* 'залив'). Эстонский вариант названия есть и у заводи *Шавари́ха* — *Süvahaug*. Возможно, русский вариант представляет собой псевдоэтимологизацию созвучного эстонского источника¹, ср. объяснение, которое приводит респондент в (9.3) и которое хорошо встраивается в ряд преобладающих в топонимии острова метонимических номинаций:

(9.3) *Шавари́ха ввиду того так называется, она так и осталась, <что> женщина одна, отец рассказывал, её прозвище почему-то было Шавари́ха, и она там утонула. Тогда глубоко было и очень вязко. И утонула. Ну вот по преданию так.* (Межа, 2011)

Освоение нерусских названий важных для жителей острова географических объектов получает интересное развитие в случае с названием северо-западного залива и прилегающей к нему территории острова — *Курма*. Плохо поддающийся псевдоэтимологизации оним называет весьма отдаленную от заселенной части острова территорию суши, которая при этом была актуальна для жизни островитян, так как здесь они получали участки покосов: коров на острове было много, покосных угодий мало (остров заболочен). Участки раздавались по жребью, и, естественно, никто не радовался, получив участок в *Курмы*. И вот в говоре образовался основанный на

¹ Возможно, эст. *Süvahaug* от *sügav* 'глубокий' + *aik* 'дыра, углубление'.

этой ситуации фразеологизм — <пойти> в Курму, где беси турну <то есть заберут, прогонят (?)>:

- (9.4) *А вот Курма-то, я помню, пожня <там> досталась, и всё мама говорила папы: «Ну, опять ты в Курму пошёл, где беси турну!»* (Желачек, 2009)

Данный диалектный фразеологизм совпадает по своей логической структуре и семантике с общерусским выражением у черта на куличках, где куличка (правильнее кулижка) — луг на берегу реки или озера с хорошим травостоем; поляна, где хорошие покосы и пашни [Мурзаев 1984: 311]. Иначе говоря, Курма — место далекое, непонятное и, в силу «нерусскости» названия, подозрительное, связанное с нечистой силой.

2.2.2. Преобладание слов с **прозрачной внутренней формой** наблюдается не только среди неофициальных топонимов пийриссаарского говора, но и в числе примеров народных географических терминов, записанных на острове. Можно выделить две большие тематические группы: термины, называющие объекты, расположенные а) на суше и б) на озере.

На суше терминологизируются названия относительно возвышенных участков рельефа (10.1), качество почвенного покрова (10.2), участки территории в зависимости от растительного покрова (10.3). Такой набор объектов номинации связан с видами деятельности островитян (выпас коров, покос, огородничество, сбор ягод). При этом в основном используются словообразовательные дериваты с более или менее прозрачной внутренней формой (10.1–10.3) и метонимия (мох):

- (10.1) *сугорок* (пригорок), *горушка* (пригорок);
 (10.2) *пачочина* (вязкое, топкое место), *донница* (промерзший пласт земли);
 (10.3) *олешинок* (ольховая роща), *мох* (моховое болото, поросшее невысокими деревьями).

Однако среди собранных нами на острове народных географических терминов количественно преобладают единицы из семантического поля *озеро*: озеро оказывается лексически более разработанным и детализированным пространством, чем суша. Здесь мы наблюдаем более разнообразный набор как тематических групп, так и мотивировочных признаков. Терминологизируются названия объектов из следующих областей: береговая линия и прилегающие участки озера (11.1), рельеф озерного дна (11.2), рельеф ледового покрова (11.3), ветры (11.4); особое название получает место в озере, выделенное кому-либо для рыбной ловли (11.5):

- (11.1) *забо́й* (камни, сложенные вдоль берега для его укрепления), *наволо́к* (намывная полоса прибою, а также прилегающее к ней место в озере);
- (11.2) *зру́бе* (место резкого перехода от мели к глубине), *свал* (резкий переход от мели к глубине), *гри́ва* (каменистая подводная гряда), *гребню́к* (неровный рельеф дна), *перёсипа* (песчаная отмель);
- (11.3) *рубёц* (трещина во льду), *поро́га* (трещина во льду), *снеговой лёд* (лед, который возникает при подтаивании и последующем смерзании лежащего на льду снега), *чёрный лёд* (прозрачный (?) лед), *шилистый лёд* (пористый, ненадежный лед), *суво́й* (складка в ледовом покрове);
- (11.4) *зимня́к* (юго-восточный ветер: «с его всягда́ холод и снег»), *тепли́к* (южный/ юго-восточный ветер), *север* (северный ветер), *мокри́к* (юго-западный ветер, приносящий дождь), *полуденник* (южный ветер), *поперечёнь* (ветер, дующий поперек озера), *стачёнь* (прибойный, дующий с озера ветер), *дед* (северный ветер), *долевой ветер* (ветер, дующий вдоль берега), *пове́терье* (попутный ветер);
- (11.5) *уго́да*.

Как уже говорилось, среди рассматриваемых народных географических терминов преобладают словообразовательные дериваты, которые при этом имеют прозрачную внутреннюю форму и поэтому способны эффективно выполнять когнитивную функцию (см., например, *наволо́к*, *свал*, *перёсипа*, *зимня́к*, *тепли́к* и т.д.); в этом отношении к ним близки и терминологизированные словосочетания (*чёрный/ шилистый/ снеговой лёд*). Более редки лексемы, являющиеся семантическими дериватами, однако они также используют прозрачный образ, приравнивающий их по когнитивной эффективности к названным словообразовательным дериватам (*гри́ва*, *поро́га*). Исключение составляет название северного ветра — *дед*, которое также встречается в составе поэтического фразеологизма *дед в чёлне катается* ('северный ветер дует') и, по-видимому, является отражением реликтовых представлений (кстати, данное название нашим респондентам либо неизвестно, либо они указывают на его архаичный характер).

3. Подводя итоги, можно сказать, что неофициальная географическая лексика как города, так и деревни отражает социальные, экономические, культурные и др. отношения внутри территориальной общности людей, аккумулируя индивидуальный опыт, который может общественно закрепляться и становится коллективным опытом. Данный процесс, который можно назвать лексикализацией территориального коллективного опыта, имеет свои отличительные черты в ситуации с городским и деревенским пространством.

Метонимия, которая широко представлена в обоих случаях, в пространстве города часто остается в рамках индивидуального опыта и редко выходит за пределы микросоциума; в деревне, наоборот, метонимические номинации приобретают характер общественно закрепленного и наследуемого знания из области малой истории места.

Широко представленные в урбанонимии метафорические номинации, словообразовательные варианты официальных названий и единицы, отсылающие к внешнему виду городских объектов, зачастую являются игровыми номинациями и поэтому могут выполнять оценочную функцию. Такое словотворчество оказывается нетипичным для пространства деревни и представлено единичными примерами.

Географическая лексика говора аккумулирует опыт, существенный с точки зрения а) выживания на данной территории, б) малой истории социума, которая у носителей говора зачастую определяет текущие внутриобщинные отношения и систему ценностей. Именно поэтому в говоре в значительном объеме представлена народная географическая терминология и неофициальная топонимия метонимического происхождения.

Итак, система неофициальной урбанонимии отражает такие признаки городской территориальной общности людей как текучесть, социальную неоднородность и большую численность населения; она содержит информацию о системе ценностей городского населения и актуальных для него ассоциациях, в том числе лингвистических. А географическая лексика говора является источником содержательной информации об истории и географии территории проживания носителей говора.

Литература

Березович 2007 — Е. А. Березович. *Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования*. Москва: «Индрик».

Мурзаев 1984 — Э. М. Мурзаев. *Словарь народных географических терминов*. Москва: «Мысль».

Мурникова 1962 — Т. Ф. Мурникова. *Описание русского говора острова Пийрисаара*. Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по русской и славянской филологии. V. Тарту: Тартуский государственный университет. С. 345–363. // Републикация: Acta Slavica Estonica. I. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV. Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. III. Ред. И. П. Кюльмоя. Тарту: Тартуский университет. С. 40–59.

Мурникова 1988/ 2012 — Т. Ф. Мурникова. *Некоторые топонимические наименования на острове Пийрисаар*. Псковские говоры в их прошлом и настоящем. Межвузовский сборник

научных трудов. Ленинград: ГПИ им. А. И. Герцена. С. 122–126. // Републикация: Acta Slavica Estonica. I. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV. Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. III. Ред. И. П. Кюльмоя. Тарту: Тартуский университет. С. 60–64.

Паликова 2012-а — О. Н. Паликова. *Географическая лексика острова Пийриссаар: оценка окружающего пространства в говоре*. Русский язык и литература в поликультурном коммуникативном пространстве. Часть I. Отв. Ред. Н. В. Большакова. Псков: Псковский государственный университет. С. 53–59.

Паликова 2012-б — О. Н. Паликова. *Отражение географических представлений жителей острова Пийриссаар в их лексике и фольклоре*. Acta Slavica Estonica. I. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV. Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. III. Ред. И. П. Кюльмоя. Тарту: Тартуский университет. С. 160–193.

Плаат 2012 — Я. Э. Плаат. *Православные и старообрядцы на острове Пийриссаар*. Acta Slavica Estonica. I. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV. Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. III. Ред. И. П. Кюльмоя. Тарту: Тартуский университет. С. 211–225.

Подольская — Н. В. Подольская. *Словарь русской ономастической терминологии*. Ред. А. В. Суперанская. Москва: «Наука», 1988.

СГСЭ 2008 — Паликова О. Н., Ровнова О. Г. *Словарь говора староверов Эстонии*. Тарту. 160 стр.

Соколова 2012 — О. Г. Соколова. *Неофициальная урбанонимия города Тарту*. Семинарская работа. Рукопись. Научный руководитель: О. Н. Паликова. Тарту: Тартуский университет. 42 с.

Трофимов, Шарыгин, Исмагилов 2008 — А. М. Трофимов, М. Д. Шарыгин, Н. Н. Исмагилов. *Территориальная идентификация в географии и вернакулярные районы*. Географический вестник. № 1. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет. С. 5–12.

Шор 2012 — Т. К. Шор. *Старообрядческая ономастика острова Пийриссаар*. Acta Slavica Estonica. I. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV. Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. III. Ред. И. П. Кюльмоя. Тарту: Тартуский университет. С. 194–210.

Щаднева, Паликова 2012 — В. П. Щаднева, О. Н. Паликова. *Трудовые занятия старожилы острова Пийриссаар: лингвистический и культурологический аспект*. Acta Slavica Estonica. I. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV. Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. III. Ред. И. П. Кюльмоя. Тарту: Тартуский университет. С. 123–140.

II

СЛАВЯНСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ

УПОМИНАНИЕ ЕФРЕМА СИРИНА В ГРАФФИТО XI ВЕКА НОВГОРОДСКОЙ СОФИИ¹

СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ ТЕМЧИН

Древнерусская эпиграфика – новгородский Софийский собор – Ефрем Сири́н – русско-еврейские связи

Недавно опубликована информация о двух граффито 1050–1108/12 годов новгородского Софийского собора, предположительно выполненных на двух семитских языках: одно по-древнееврейски, а другое по-арамейски [Girpius, Gzella, Mikheev, Schaeken 2012: 271–284]. Обе эпиграфические надписи были известны и ранее, но оставались необъясненными. Теперь же они получили лингвистическую, содержательную и историческую интерпретацию.

Первое граффито *кунирони* выписано более 40 раз в местах, доступных священникам, но не обычным прихожанам: на западной стене перехода из алтаря в дяконник и на северной стене последнего. Эту надпись предложено делить на два слова (*куни рони*) и считать славянской адаптацией обращенного к дочери Сиона древнееврейского выражения *qīṭī rōnī* ‘вставай, взывай (императив ед. ч. ж. р.)’ из библейской книги Плач Иеремии (Плач 2.19: «Вставай, взывай ночью, при начале каждой стражи; изливай, как воду, сердце твое пред лицом Господа; простирай к Нему руки твои о душе детей твоих, издыхающих от голода на углах всех улиц»), выражающей скорбь о разрушении Иерусалима вавилонским царем Навуходоносором в 587 году до н. э. Данный стих крайне редко использовался христианами авторами: его цитировали лишь Ориген († 254), Амвросий Медиоланский († 397) и Феодорит Кирский († ок. 457). Многократная запись его древнееврейского инципита в новгородской Софии признана

¹ Искренне благодарю С. М. Михеева за помощь в работе со вторичной литературой.

древнейшим свидетельством прямых русско-еврейских контактов и предположительно связана с захватом Новгорода и разграблением его Софийского собора полоцким князем Всеславом Брячиславичем в 1066 году. Эти события могли мыслиться аналогичными разрушению Иерусалима.

Второе граффито *парехъ мари* выписано дважды одним почерком — по одному разу на западной стене перехода из алтаря в дьяконник и на северной стене последнего (в непосредственной близости многочисленных записей *кунирони*, выполненных иными почерками). Эту надпись предложено считать славянской адаптацией популярной классическо-арамейской литургической формулы *barreḵ māḥ* ‘благослови, Господи’, используемой перед началом и во время молитвы, и соотносить с иным граффито того же времени новгородской Софии *ефремъ сврин[ъ]* (первое имя в виде монограммы), выполненным предположительно тем же почерком, что и *парехъ мари*. Поскольку в том же соборе обнаружено десять случаев имен, выписанных на византийский лад в виде монограмм, и все они являются автографами писавших их людей, то и надпись *ефремъ сврин[ъ]* признана соотносящейся не с известным богословом и литургическим поэтом Ефремом Сириным, а с местным новгородским жителем Ефремом (вероятно, священником), получившим определение *Сирин* как прозвище, либо по причине своего сирийского происхождения. Согласно априорному предположению, этому же Ефрему (очевидно, монаху) может принадлежать берестяная грамота № 605 («Поклоняние от Ефрема к брату моему Исихию»), стратиграфически датируемая концом 80-х годов XI –1-й третью XII века (вероятно, первое 20-летие XII в.). Взаимное сопоставление почерка этой берестяной грамоты и граффита *парехъ мари* и *ефремъ сврин[ъ]* затруднено ввиду того, что записи сделаны на различных поверхностях (береста и стены храма). Наличие отдельных сирийцев в Киевской Руси подтверждено и иными источниками, однако сирийское происхождение новгородца Ефрема не обязательно означает, что он был носителем классического арамейского языка, поскольку жители Сирии, границы которой в античное время и в средние века были довольно расплывчатыми, говорили на целом ряде языков — различных арамейских диалектах, греческом, а позже и арабском языке.

Однако теперь оказалось, что граффито *кунирони* не имеет отношения к прямым еврейско-восточнославянским связям, поскольку точно воспроизводит искаженную словоформу греческого гебраизма *κινύρα* (← др.-евр. *kinior* ‘ветхозаветный струнный музыкальный инструмент, родственник лире’), содержащуюся в церковнославянском тексте стихире 7-го гласа Ма-

ксиму Исповеднику на 13 августа *Дньсь благоизвольною кунирони да похвалимъ Максима...* Эта стихира выписана на полях древнерусской рукописной нотированной минеи на август (Москва, Государственный исторический музей, Синодальное собрание (ф. 80370), № 168, л. 71 об.), которая принадлежит второму (из сохранившихся) поколению служебных миней (последней четверти XII в.) новгородского Софийского собора, где и было записано граффито. Содержащая форму *кунирони* стихира, даже если она, подобно иным записям на полях этой рукописи, приписана в XIV веке, отражает более ранний оригинал, к которому восходит и граффито 1050–1108/12 годов [Темчин 2013].

Вновь полученные данные заставляют внимательнее присмотреться ко второму граффито *парехъ мари* и предложенной для него исторической интерпретации. Последняя вызывает определенные сомнения, связанные прежде всего с использованной для его объяснения надписью *ефремъ сиринъ* [ѵ], текст которой был впервые опубликован по фотографии и в наборе В. Н. Щепкиным:

(монограмма «ефремъ») сури(н)[ъ]
 инкъ
 на вечерн[и]
 бѣженъ

Издатель интерпретировал граффито как

‘Ефремъ Сиринъ инокъ на вечерни блаженъ’,

но воздержался от комментария [Щепкин 1902:33, № XXXVIII; табл. III, № 15 (фото)].

Позже А. А. Медынцева на основании почерка пришла к выводу, что опубликованный В. Н. Щепкиным текст передает две надписи, выполненные разными лицами [Медынцева 1978: 92, № 138–139]:

а) первые две строки начерчены крупными буквами несколько вытянутых пропорций, вторая строка содержит знаки, прочитанные В. Н. Щепкиным как *инкъ*, но неясно, что означающие;

б) последние две строки, выполненные более мелким, с наклоном в левую сторону почерком, получили такую интерпретацию: «После слова *вечерни* можно различить следующие за ним буквы *ѵл* — остатки слова *ѵлѣ*. Вся строка читается: *на вечерни ѵлъ* [ѵ] (на вечерни писал). Естественно в последнем слове видеть имя писавшего.

Второй знак, прочитанный В. Н. Щепкиным как *л*, это скорее всего *ѵ* (здесь Медынцева смешивает прочтение Щепкиным надписи и предложен-

ную им интерпретацию — С. Т.), титло — случайная царапина. В таком виде последнее слово должно означать имя Божен, известное и по русским и по польским источникам. Следовательно, вся запись читается:

на вечерни ѡл[ъ]
б(ъ)жень».

Авторы недавней статьи, предложившие семитские интерпретации двух граффито новгородской Софии, лишь вскользь упомянули публикацию В. Н. Щепкина — видимо, потому, что приняли интерпретацию А. А. Медынцевой: они воспроизвели лишь первую строку *ефремъ сврин[ъ]*, без последующих (неясных для Медынцевой) знаков, которые В. Н. Щепкин читал как *инкъ*, а также без заключительных двух строк, которые А. А. Медынцева сочла отдельным граффито.

Предложенная А. А. Медынцевой интерпретация последних двух строк не безупречна: получается, что бывший на богослужении Божен начертил на стене храма текст, сообщающий о его присутствии на вечерни. Его интенция была бы понятна, если было бы написано просто **бѣжень ѡл[ъ]* 'Божен писал' — таким образом он бы засвидетельствовал свое присутствие в храме. Однако упоминание вечерни настораживает своей избыточностью, заставляя думать, что Божен был в данном храме лишь однажды, случайно или сознательно оказавшись лишь на вечерне. Но какой смысл записывать эту подробность? Насколько она информативна?

Более логично читать так: *на вечерни ѡл[мъ] бѣжень* 'на вечерни псалом блажен'. Словарные материалы [Аванесов 1988: 224–225] показывают, что даже в книжной традиции прилагательное *блаженный* и его производные иногда писались под титлом с ером после начального согласного, а в иных случаях — без корневого л, ср.: *бжѣнии* (Палея толковая 1406 г., Москва, Российская государственная библиотека, собр. Троице-Сергиевой лавры (ф. 304.I), № 38, л. 203б), *бѣлжнѣиѣ* (Пролог 1383 г., Москва, Российский государственный архив древних актов, собр. Библиотеки Московской Синодальной типографии (ф. 381), № 172, л. 115а). Если подобные написания действительно встречаются в рукописях, то предложенную В. Н. Щепкиным интерпретацию слова *бѣжень* как 'блажен' следует признать оправданной.

Предыдущее слово, прочитанное А. А. Медынцевой как *ѡл[ъ]* вполне может быть понято как *ѡл[мъ]* 'псалом', а сочетание *псаломъ блажень* может относиться к текстам Псалтыри, а именно к 1-му («Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых...») либо 40-му («Блажен разумеваая на нища и убога...») псалму. Предшествующие слова *на вечерни* позволяют считать,

что здесь имеется в виду 1-й псалом, которым начинается 1-я кафизма (ее 1-й антифон, или «слава»), исполняемая на воскресной вечерне, т.е. в субботу вечером [Скабалланович 1995: 104–106 (второй пагинации); Лукашевич, Живаева 2002: 343–346].

Вопреки недавнему предположению, слова *ефремъ сури(н)[ъ] инкъ* скорее всего указывают не на новгородца Ефрема по прозвищу Сирич, а на известного богослова и литургического поэта Ефрема Сирина. Типикон Алексия Студита, действовавший на Руси со второй половины XI века, предписывает регулярное чтение слов св. Ефрема за богослужением: на заутренях и на часах в мясопустное воскресенье, понедельник 1-й недели и прочие дни Великого поста вплоть до вторника Цветной недели [Пентковский 2001: 236, 239, 244]. Кроме того, приписываемая Ефрему Сиричу молитва исполняется в конце заутрени великопостных седмичных (т.е. будних) служб [Желтов 2008: 74].

Даже если А. А. Мединцева права в том, что надпись *ефремъ сури(н)[ъ] инкъ* является отдельным граффито, непосредственно не связанным с выписанным ниже текстом *на вечерни ѡл[мъ] бѣженъ*, то между ними все равно может существовать определенная тематическая связь, поскольку в своем литургическом прочтении оба граффито взаимно сочетаются в рамках великопостного богослужения, когда в начале воскресной вечерни исполняется 1-й псалом, а на заутрени и на часах регулярно читаются слова Ефрема Сирина, по будним дням дополняемые его же молитвой в конце службы. Таким образом, оба граффито можно интерпретировать как запись отдельных структурных элементов великопостного богослужебного чина (хотя для второй надписи великопостный контекст не обязателен). Хотя их взаимное расположение и не соответствует ходу службы, тем не менее эти граффито можно понимать как некоторый типологический аналог тексту новгородской берестяной грамоты № 727 [Зализняк 2004: 463–464], датируемой стратиграфически серединой 50-х годов XII – 1-й четвертью XIII века (предпочтительно 1180-е гг. – начало 1210-х гг.), а внестратиграфически — не позднее конца XII века и содержащей краткий «конспект» (запись структуры) церковной службы, в данном случае — Фоминой недели (воскресенья Антипасхи, следующего за Пасхой и ассоциируемого с именем ап. Фомы).

Но все же настаивать на богослужебной интерпретации граффито *ефремъ сури(н)[ъ] инкъ* нельзя — прежде всего потому, что неясным остается его заключительный фрагмент, прочитанный В. Н. Щепкиным как *инкъ*. Если он действительно означает 'инок', то всю надпись нужно считать внелитургической, но и в этом случае ее следует связывать не новгородцем

Ефремом по прозвищу Сирин, а с известным богословом и литургическим поэтом Ефремом Сириным, который с ранних времен традиционно считался монахом [Брок 2008: 82].

Дело в том, что при интерпретации древнерусских текстов современные исследователи, во-первых, часто недооценивают их церковную составляющую (что вполне естественно, ведь нынешние ученые хуже знакомы с церковной традицией, в том числе с богослужебной книжностью, чем авторы многих древнерусских текстов) и, во-вторых, склонны приписывать Средним векам господствующий ныне эгоцентризм, полагая, что средневековый человек прежде всего стремился писать о самом себе, чтобы увековечить собственную индивидуальность.

Если слова *ефреъм сури(н)[ъ] инкъ* действительно являются самостоятельным граффито, то с чисто формальной точки зрения оно может соотноситься как с новгородцем Ефремом по прозвищу Сирин, так и с известным богословом и литургическим поэтом Ефремом Сириным, поскольку, как кажется, не содержит прямого указания на признаки, позволяющие предпочесть какую-нибудь одну из этих двух личностей. Однако не следует забывать, что первая является чистым логическим конструктом, не подтвержденным какими бы то ни было историческими свидетельствами (кроме самого граффито, допускающего иную интерпретацию), тогда как вторая исторически реальна (засвидетельствована независимыми источниками). Кроме того, церковный контекст рассматриваемой надписи — начерченной не где-нибудь, а на стене храма — делает более предпочтительной не бытовую, а именно церковную ее интерпретацию в тех случаях, когда обе они возможны.

Наконец, написание имени в виде монограммы не может однозначно указывать именно на новгородца Ефрема — даже если все остальные случаи использования монограмм в граффити новгородской Софии безоговорочно являются автографами новгородцев. Авторы статьи, предложившие семитские интерпретации двух новгородских надписей, отметили, что использование монограммы является византийским по происхождению приемом записи имен [Gippius, Gzella, Mikheev, Schaeken 2012: 281, note 24]. Однако в византийской минускульной традиции монограммы не были связаны исключительно с автографами, а регулярно использовались также для записи имен давно почивших церковных авторитетов. Например, во время написания новгородского граффито 1050–1108/12 годов в византийско-греческих гимнографических рукописях перед началом канонических полей нередко в виде монограмм выписывались имена сочинивших их гимнографов — Иосифа Песнописца и иных (см. иллюстрацию), и эта традиция

позже перешла в церковнославянскую книжность. Таким образом, у нас нет достаточных оснований полагать, что в ранней древнерусской традиции монограммы не могли использоваться для записи имен традиционных церковных авторов типа Ефрема Сирина, как это делалось в Византии, а позже и у самих православных славян.

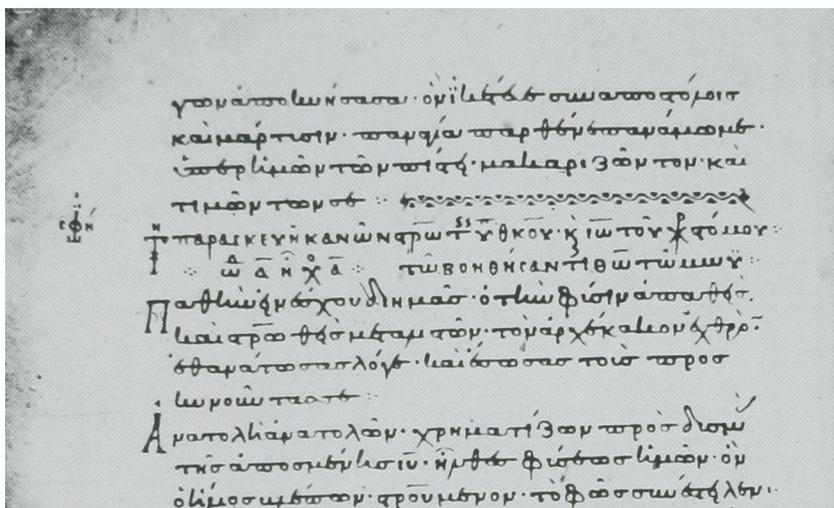

Иллюстрация: Монограмма ΙΩΣΗΦ как обозначение автора канона св. Иоанну Златоусту 1-го гласа на полях греческого Октоиха XI века монастыря св. Екатерины на Синае (Sinait. Gr. 778, л. 81 об.), фрагмент опубликованной страницы рукописи [Лозовая 2009: ил. 206].

В итоге получается, что хотя с формальной точки зрения текст *ефремъ сури(н)[ъ] инкъ* в принципе может соотноситься с нигде более не засвидетельствованным новгородцем Ефремом по прозвищу Сирина, по вышеизложенным соображениям такую потенциальную возможность следует признать маловероятной. Более реалистично считать, что здесь имеется в виду известный богослов и литургический поэт Ефрем Сирина. Следовательно, данная надпись не имеет непосредственной связи с граффито *парехъ мари*, предположительно написанным на арамейском (классическом сирийском) языке.

Литература

Аванесов 1988 — Р. И. Аванесов (ред.). *Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.*, т. 1. Москва, 1988.

Брок 2008 — С. Брок и др. *Ефрем Сирина*. Православная энциклопедия, т. 19. Москва, 2008, с. 79–105.

Желтов 2008 — М. Желтов. *Ефрема Сирина молитва*. Православная энциклопедия, т. 19. Москва, 2008, 74.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. *Древненовгородский диалект*, 2-е изд., переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. Москва, 2004.

Лозовая 2009 — И. Е. Лозовая. *Древнерусский нотированный Параклит XII века: Византийские источники и типология древнерусских списков*. Москва, 2009.

Лукашевич, Живаева 2002 — А. А. Лукашевич, О. О. Живаева. *Блажен муж*. Православная энциклопедия, т. 5. Москва, 2002, с. 343–346.

Медынцева 1978 — А. А. Медынцева. *Древнерусские надписи новгородского Софийского собора: XI–XIV века*. Москва, 1978.

Пентковский 2001 — А. М. Пентковский. *Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси*. Москва, 2001.

Скабалланович 1995 — М. С. Скабалланович. *Толковый типикон: Объяснительное изложение Типикона с историческим введением*. Москва, 1995 (перепечатка киевского издания 1910–1915 гг.).

Темчин 2013 — С. Ю. Темчин. *Греческий гебраизм «кунирони» в граффито XI века новгородской Софии и церковнославянская гимнография (в печати)*.

Щепкин 1902 — В. Н. Щепкин. *Новгородские надписи Graffiti, с 9 фототипическими таблицами*. Древности: Труды Императорского московского археологического общества, т. 19, вып. 3. Москва, 1902, с. 26–46.

Gippius, Gzella, Mikheev, Schaecken 2012 — A. A. Gippius, H. Gzella, S. M. Mikheev, J. Schaecken. *The oldest traces of Semitic (Hebrew and Syriac) in early Rus': two inscriptions in the St. Sophia Cathedral in Novgorod*. Russian Linguistics, vol. 36. 2012, p. 271–284.

VÝZNAM DÍLA VÁCLAVA FLAJŠHANSE PRO EVROPSKOU PAREMIOLOGII

ВАЛЕРИЙ МИХАЙЛОВИЧ МОКИЕНКО

Из истории чешского языкознания – языковед Вацлав Флаjšханс – его словарь Česká přísloví начала XX века – значение для европейской паремииологии

Historie slovníku Václava Flajšhans *Česká přísloví* [Flajšhans 1911–1913], který v roce 2013 oslaví své stoleté jubileum, je jednou z dosud nevyřešených záhad české lexikografie a paremiologie. Dvoudílný tezaurus V. Flajšhans je jedním z nejuplněnějších souborů českých i slovanských přísloví a rčení se západoevropskými paralelami. Tento slovník má velkou lexikografickou hodnotu, protože česká přísloví a rčení jsou v něm prezentována v plnohodnotném kontextu evropského folkloru malého žánru: najdeme zde paralely z mnoha slovanských jazyků, stejně jako paralely z němčiny, francouzštiny, angličtiny a latiny. Tato cizojazyčná rčení názorně demonstrují «evropskost» české národní kultury, propojení českých rčení a přísloví s folklorem mnohých evropských národů.

Dalo by se tedy předpokládat, že tak významná památka národní kultury musela být během těchto sta let vydána několikrát. *Česká přísloví* mohla být v podstatě opakovaně vydávána i během dlouhého a plodného Flajšhansova života. Když slovník spatřil světlo světa, bylo jeho autorovi totiž pouhých ... 46 let. Opravdu «pouhých», protože pro tak významné dílo to je poměrně nízký věk. Téměř všichni jeho evropští «kolegové», kteří vydali podobná díla, byli starší. Ruský «sběratel slov» V. I. Dal (1801–1872) vydal svou znamenitou sbírku *Prísloví ruského národa* (*Пословицы русского народа*) v roce 1861, když mu bylo 60 let, A. P. Záturecký (1837–1904) svoje *Slovenské příslovía, porekadlá a úslovía* — v roce 1896, tedy ve stejném věku jako V. I. Dal. K. F. W. Wander (1803–1879) se konečně verze své pětidílné sbírky německých přísloví *Deutsche Sprichwörter-Lexikon* (1886–1889) vůbec nedožil.

Pro sestavení takových slovníků není třeba jenom nadprůměrného pracovního nasazení a hlubokých znalostí, ale také mnoha životních a filologických zkušeností. Takové pokladnice národních přísloví a rčení, jakou je i sbírka

V. Flajšhanse, jsou zpravidla celoživotním dílem svých autorů. Objemem materiálu a rozsahem srovnání s jinými evropskými jazyky tato sbírka dokonce řadu podobných vydání v jiných slovanských zemích předčila. Tak například ruská sbírka přísloví V. I. Dala [Даль 1861–1862], ukrajinská sbírka M. Nomise [Номис 1864], srbská V. Karadžiče [Караџић 1933] nebo bulharská sbírka P. Slavejkova [Славейков 1972] neobsahují prakticky žádné paralely z jiných jazyků. Autoři těchto sbírek se orientovali na demonstraci národních specifíků ve folkloru malého žánru. To je jedním z důvodů, proč můžeme sbírku V. Flajšhanse klást do jedné řady s pokladnicemi slovanské a evropské paremiologie jeho doby.

V čem tedy spočívá «nevyřešená záhada» knihy V. Flajšhanse?

Záhadné je její téměř stoleté utajení. Na tuto knihu se skoro neodvolávali a dodnes se prakticky neodvolávají ani odborníci na slovanskou paremiologii. Nezmiňuje se o ní ve svých pozdějších pracích ani sám autor, který původně plánoval svou sbírku rozšířit a zdokonalit, ale již se k ní nikdy nevrátil.

Pokusíme se příčiny této zvláštní skutečnosti odhalit.

Ve druhé polovině 19. a na začátku 20. století dochází v oblasti paremiologie k velmi rychlému vývoji. V příslovích a rčeních mnozí (ne bezdůvodně) viděli odraz národního ducha. K sestavení tezurů jejich autory vedla právě tato národnostní idea.

Dále ale ukážeme, že V. Flajšhanse postupoval jinou, zcela protikladnou cestou. V českých příslovích neviděl primárně odraz něčeho národního, domácího, «svého», spatřoval v nich především obraz společného evropského kulturního a jazykového prostoru. Jeho dílo představovalo útok jak proti panslavistům, jejichž ideje v paremiologii prosazoval F. L. Čelakovský, tak proti těm, kteří se na přísloví a rčení dívali tradičně, jako na zdroj lidové moudrosti vlastní jen jednomu národu. Právě tento přístup byl v českém národním povědomí dlouho pěstován. Není náhodou, že i «učitel národů» J. A. Komenský, hlasatel obecně evropských myšlenek, nazval svou sbírku českých přísloví *Moudrost starých Čechů, za zrcadlo vystavěna potomkům*.

Právě proti pojetí přísloví jako odrazu národního ducha V. Flajšhanse před více než 100 lety vystoupil, čímž výrazně předběhl svou dobu — dobu hledání slovanské jednoty. Tato jeho «antiidea» neodpovídala době, a musela proto zůstat bez odezvy. Začala první světová válka, která byla mohutným impulsem jak ke vzniku nových národů, tak i k posílení národního ducha v mnohých zemích. Je samozřejmé, že v českých zemích a na Slovensku, jež se osvobodily ze staletých pout rakouského impéria, nemohla myšlenka evropskosti, obsažená ve slovníku V. Flajšhanse, získat popularitu. A to tím spíše, že autor dokazoval

opodstatněnost této myšlenky v mnohých slovníkových heslech, která opatřil četnými paralelami z germánských, románských a dalších evropských jazyků.

V. Flajšhans souběžně s důkladnou analýzou úzkých vztahů mezi českými a evropskými příslovími a rčeními podrobně analyzuje také «slovanské stopy» v české paremiologii. Stopy slovanizace vedou k takovým slavistickým a bohemistickým autoritám, jakými jsou J. A. Komenský a J. Dobrovský. Hlavní osobností, která implikovala slovanská přísloví do české paremiologie, byl samozřejmě F. L. Čelakovský se svou hymnologickou sbírkou s imponantním názvem *Mudrosloví národu slovanského ve příslovích. Připojena jest sbírka prstonárodních českých pořekadel* [Čelakovský 1852; 1893; 1949]. Tato sbírka, která byla vydána více než půl století před vydáním Flajšhansova slovníku, na dlouhou dobu determinovala národní a panslovanská hnutí ve slovanských zemích. Na rozdíl od sbírky V. Flajšhansse se na ni odborníci dodnes odvolávají jako na spolehlivý a autoritativní paremiologický zdroj.

Ano, osud sbírky přísloví F. L. Čelakovského byl mnohem šťastnější než osud dnes stoleté sbírky V. Flajšhansse. Kromě toho, že se na sbírku F. L. Čelakovského poměrně často různí autoři odvolávají, je tato sbírka také opakovaně vydávána. Podruhé vydal *Mudrosloví...* již v roce 1893 J. V. Novák ve vydavatelství A. Hynka [Čelakovský 1893]. Třetí, asi tisícistránkové vydání, se objevilo hned po druhé světové válce v roce 1949 ve vydavatelství Vyšehrad, kde vyšlo nákladem 5 500 výtisků. Ke sbírce byl připojen detailní rejstřík obsahující všechny komponenty přísloví, která se v ní vyskytují. Byla také opatřena poznámkami, jež obsahovaly velmi cenné kulturologické, historické a lingvistické informace, a také doslovem K. Dvořáka, který zdůrazňoval její přetrvávající význam. Kromě těchto tří úplných vydání se již od 19. století objevovaly různé «výňatky» z této sbírky.

Takový osud, jako byl osud paremiologické sbírky F. L. Čelakovského, byl pro podobné sborníky ve slovanské vydavatelské tradici poměrně typický. Například slovník *Prísloví ruského národa (Пословицы русского народа)* V. I. Dal'a [Даль 1861–1862] byl v Rusku vydán více než dvacetkrát, sbírka ukrajinských parémií V. Nomise [Номис 1864; 1993] byla opakovaně vydávána jak v Kanadě, tak i na Ukrajině, nedávno znovu vyšel také paremiologický tezaurus I. Franka [Франко 1901–1909; 2006]. Sborník slovenských přísloví byl vydán několikrát jak v plné, tak ve zkrácené verzi [Záturecký 1896; 1953; 1975 a další].

V čem tedy spočívá příčina «utajení» sbírky V. Flajšhansse?

Na tuto otázku částečně odpovídají autoři doslovů k jednotlivým vydáním F. L. Čelakovského. K. Dvořák na konci svého doslovu uvádí:

«Mudrosloví ... i dnes oceňujeme nejen jako jeden z vynikajících vědeckých činů své doby, nýbrž že se k němu vracíme jako k předúležitému prameni poznání oněch našich národních tradic, které právě v dnešku nabyly svého plného smyslu a uplatnění» [Čelakovský 1949: 917].

Právě fakt, že F. L. Čelakovský ve svém sborníku zachycuje národní tradice, je považováno za jeho největší zásluhu.

Národnostní idea, kterou byla kniha F. L. Čelakovského přímo nabitá, se tedy stala hlavní příčinou její popularity trvající jedno a půl století. Právě ona vysvětluje také trvalý zájem o sbírky přísloví v jiných zemích. Všechny tyto sbírky vznikaly v duchu národnostních idejí — ruského, českého, slovenského, německého národa. V období národního obrození a sociálních bouří, v letech mezinárodních konfliktů a válek byly tyto ideje samozřejmě podporovány jak spisovateli, tak politiky, ideology a také národy samotnými, které se snažily nejen o pochopení své autentičnosti, ale též o pozvednutí svého národního «Já». K tomu využívaly také přísloví a rčení — jako fragmentu kultury, který měl odrážet pravěkou moudrost těchto národů.

To je důvod, proč byla sbírka F. L. Čelakovského znovu vydána i těsně před rozpadem Rakousko-Uherska nebo (ve zkrácené podobě) také za prezidenta T. G. Masaryka a znovu pak po válce ... Během všech těchto historických období byla národnostní myšlenka velmi žádaná. Stejně žádaná byla myšlenka slovanské vzájemnosti, o kterou se F. L. Čelakovský při šíření národnostní ideje opíral. Není vůbec překvapující, že po druhé světové válce, po porážce fašistického Německa, byla myšlenka jednoty všech Slovanů podpořena početnými vydáními slovníku F. L. Čelakovského. Mluvit o tom, že v češtině, stejně jako i v jiných slovanských jazycích, existuje celá řada výrazů přejatých z němčiny, bylo — mírně řečeno — nepopulární.

V. Flajšhans byl právě jedním z těch, kteří si dovolili tvrdit, že česká přísloví a rčení jsou bližší německým a obecně evropským příslovím než příslovím jiných slovanských jazyků, zejména jazyků východoslovanských. Díky svým filologickým znalostem, znalostem staročeských textů a také mnohých evropských (jak slovanských, tak i neslovanských) jazyků dokázal podrobit shromážděný fond českých přísloví detailní analýze, během níž každé přísloví a rčení porovnal s příslovími a rčeními jiných jazyků.

Velkou předností Flajšhansova slovníku je také přesná chronologizace uvedených rčení a přísloví. Čtenář tak získá přesné údaje o tom, kdy bylo dané české přísloví nebo rčení zachyceno poprvé ve staročeských a také pozdějších literárních dílech, díky ilustračním kontextům může sledovat jeho vývoj a ohodnotit jeho rozšíření nejen v českých zemích, ale často v celé Evropě. Formou glos jsou ve slovníku uváděny také některé informace o původu zachyce-

ných přísloví a rčení. Komentáře k etymologii některých slov — komponentů přísloví a rčení — jsou z kulturologického hlediska velmi cenné. Velký význam mají také kontexty, které umožňují přesně určit význam a stylistické zabarvení přísloví.

Po tak důkladné práci musel V. Flajšhans jednoznačně zapochybovat o národnostní a panslovanské ideji, která tvoří základ *Mudrosloví*... F. L. Čelakovského. Fakta ukázala, že předchůdce V. Flajšhansse slovanizoval českou národní paremiologii tak, že doslovně překládal ruská, ukrajinská, polská, slovenská, lužickosrbská, srbská, bulharská, slovinská a chorvatská přísloví do češtiny. V. Flajšhans, který byl historikem českého jazyka a zároveň textologem, pracoval s každým příslovím jako s palimpsestem, který na sobě nese stopy různých historických období. Tato metoda ukázala, že mnohá uvedená přísloví nemají český původ a existují jenom jako důsledek slovanizační snahy F. L. Čelakovského. Příkladem je ukrajinské přísloví *Trp, kozáče, budeš atamanem*. Na druhou stranu tato analýza V. Flajšhansse přesvědčila o tom, že zatímco mnohá přísloví, uměle implantovaná do češtiny F. L. Čelakovským, se v češtině neujala, jiná, kalkovaná z latiny nebo němčiny, jsou již dlouho organickou součástí českého národního paremiologického prostoru a jsou mluvčími chápána jako «svá», a nikoli jako «cizí».

Je jasné, že takový závěr zásadně odporuje snaze F. L. Čelakovského slovanizovat česká přísloví a zcela vyvrací národnostní myšlenku, o kterou se paremiologové mnohých národů dosud opírají. «Nacionální duch» českých parémií se ve světle spektrální analýzy V. Flajšhansse stal duchem internacionálním.

Tento závěr potvrzuje sám V. Flajšhans v předmluvě ke svému tezauru:

«Jen nejmenší část dochované naší tradice příslovné jest původu domácího. A i tato domácí původní jsou téhož rázu, jako ostatní, přejetá z příslovného pokladu románského a germánského. I česká přísloví původní vznikala tímž způsobem jako ostatní západoevropská» [Flajšhans 1911–1913: XVI].

Toto je jednoznačně vyjádření prozápadní interpretace české paremiologické ideje.

V. Flajšhans tuto myšlenku ve své dlouhé předmluvě několikrát opakoval, uvedeme zde proto ještě jedno takové tvrzení:

«Vidíme-li tak, že česká přísloví i obsahem i svou formou hlásí se na západ, není divno, že nalézáme veliké množství *přísloví cizích* (kurzíva — V. Flajšhans). Často jsou přejímána i v cizím rouchu...» [tamtéž: XX].

Příčiny cizího původu mnoha českých přísloví vidí V. Flajšhans v české historii a v dlouhodobých kontaktech českého jazyka a jeho kultury se západoevropským areálem. Jako odborník na staročeské texty jde důsledně po stopách toho-

to západoevropského vlivu na českou literaturu a jazyk. Postupuje od *Dalimilovy kroniky* a *Alexandreidy* přes díla T. Štítného a J. Husa až po práce J. Dobrovského, který psal německy, přesto ale, byť je to paradoxní, dal silný impuls pro budoucí degermanizaci a slovanizaci češtiny. Podle nejnovějších výzkumů však nebyl západoevropský vliv (minimálně v implicitní podobě) přerušen ani v období národního obrození, a to nehledě na jazykový purismus a snahu zbavit se germanismů [Абисогомян 2009].

Nyní je záhada «utajení» tezauru V. Flajšhansse ještě pochopitelnější. Na pozadí obecné podpory národnostních myšlenek jak ve slovanském, tak i v neslovanském světě bylo prohlášení o «nečeskosti» české paremiologie chápáno jako výpad proti národnostní myšlence, který odporoval tehdy uznávanému přístupu k příslovím. Proto nebylo Flajšhansovo dílo masově vydáváno ani v období vzniku Československé republiky ani v poválečném, vlastenecky orientovaném období. To je důvod, proč se *Česká přísloví* V. Flajšhansse, na rozdíl od slovníku F. L. Čelakovského, nedočkala nového vydání. A to nehledě na jejich nespornou vědeckou kvalitu.

Je příznačné, že v biografích a přehledech vědecké činnosti V. Flajšhansse se jeho výzkumu přísloví nepřisuzuje hlavní úloha. To, že o jeho paremiologických zájmech není zmínka v *Ottově slovníku naučném*, v němž se objevila první zmínka o V. Flajšhansovi jako mladém výzkumníkovi staročeských textů (a zároveň o jednom ze spoluautorů *Ottova slovníku*), je logické: slovník byl vydán dříve než paremiologická sbírka V. Flajšhansse. *Ottův slovník naučný* uvádí pouze jeho práce o staročeském jazyce a publikace o J. Dobrovském. Slovník *Česká přísloví* ale není vůbec zmíněn ani v nekrologu napsaném jménem redakce časopisu *Naše řeč* [Naše řeč 1950: 160], jehož pravidelným přispěvatelem V. Flajšhans byl od prvního čísla. Také v nekrologu se uvádějí pouze jeho práce zaměřené na výzkum staročeských textů, publikace věnované J. Husovi a kniha o historickém vývoji českého jazyka *Náš jazyk mateřský* vydaná v roce 1924. Ani ve velmi rozsáhlém, obsahově bohatém článku Emanuela Michálka: Václav Flajšhans (1.7.1866 – 20.11.1950), který byl vydán v časopise *Naše řeč* a, který obsahuje bibliografii prací V. Flajšhansse [Michálek 1986: 153–158], je toto nejdůležitější lexikografické dílo jeho života komentováno pouze lapidární poznámkou: «Průkopnickou práci vykonal V. Flajšhans zejména v dvousvazkovém díle *Česká přísloví. Sběrka přísloví, průpovědí a pořekadel lidu českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku* (1911–1913). Práce přináší abecední soupis přísloví u nás doložených převážně do konce 15. stol. Ze 16. stol. je citována sbírka Blahoslavova a Srncova, doklady řadí chronologicky a provází bohatým materiálem slovanským (polským, slovenským, lužickosrbským) i neslovanským (latinským, německým)» [Michálek 1986: 157].

Jak vidíme, nejenže zde chybí jakékoli ohodnocení této fenomenální práce, je ale «zamlčena» i jeho hlavní myšlenka — myšlenka o propojenosti českých národních přísloví a rčení s evropskou paremiologií. Vždyť formulace «doklady řadí chronologicky a provází bohatým materiálem slovanským (polským, slovenským, lužickosrbským) i neslovanským (latinským, německým)» staví vše slovanské, latinské a německé do jedné řady, zatímco většina slovníkových hesel Flajšhansova slovníku dokazuje přímo opačný fakt, a to, že kalky ze slovanských jazyků implantované F. L. Čelakovským v jeho opakovaně vydávaném *Mudrosloví... v duchu myšlenky panslavismu jsou umělé a cizorodé. Není náhodou, že E. Michálek píše o «bohatém materiálu», ale jmenuje pouze tři západoslovanské jazyky, nezmiňuje ruštinu, ukrajinštinu nebo běloruštinu, které byly nejčastějším zdrojem kalků F. L. Čelakovského a jeho následníků a které V. Flajšhans kritizoval. E. Michálek se zřejmě chtěl vyhnout zmínce o Flajšhansově vztahu k myšlence slovanské vzájemnosti, která byla tehdy obecně přijímána.*

«Utajení» Flajšhansova slovníku samozřejmě neznamená, že by byly zamlčovány jeho zásluhy pro bohemistiku jeho doby. To by ani nebylo možné, protože V. Flajšhans je autorem více než 700 prací, které lze snadno najít v bibliografiích a bibliografických přehledech [Pražák 1949–1950: 236–238; Groh 1947: 1–48.]. Jeden z nejvýznamnějších novodobých bohemistů V. Šmilauer ve svém článku k osmdesátinám V. Flajšhansse zdůrazňuje takové vědecké zásluhy V. Flajšhansse pro bohemistiku, jako je hluboké zaujetí pro poznání, bystrost postřehu a vzácný smysl pro spolupráci filologie s historií [Šmilauer 1946: 255–256].

Toto hodnocení se týká bezpochyby především rozsáhlých a do hloubky analyzujících prací V. Flajšhansse o staré češtině, jejímuž výzkumu věnoval V. Flajšhans celý svůj život. Za svůj hlavní lexikografický cíl však považoval právě vydání slovníku českých přísloví. Právě s příslovími totiž spojovali své národnostní ideje buditelé a lexikografové Jungmannovy epochy i čeští spisovatelé. Není náhodou, že se k paremiologii obracel také J. Dobrovský, který vydal mimo jiné menší sbírku ruských přísloví v překladu do češtiny.

Hluboká znalost staročeských textů a znalost mnohých evropských jazyků dovolily V. Flajšhansovi podívat se jinými očima na česká přísloví a rčení vydávaná národními buditeli a panslavisty za projev jednoty Slovanů. Jedním z popudů pro tento jiný přístup se stala zřejmě ostrá vědecká polemika, která se rozpoutala kolem problému pravosti Královédvorského a Zelenohorského rukopisu vydaných V. Hankou. Český odborník na staré památky J. Gebauer již dávno o pravosti rukopisů pochyboval. V. Flajšhans, který byl jeho žákem, ale začal v polovině 90. let 19. století pravost Královédvorského rukopisu nečekaně hájit.

V r. 1896 vydal na toto téma článek s názvem *Boj o rukopisy* v Časopise Českého muzea [Flajšhans 1896: 195–282, 349–385]. Svou pravdu se snažil dokázat právě lexikograficky, proto v r. 1897 vydal *Podrobný seznam slov Rukopisu Královédvorského* [Flajšhans 1897].

Polemika mladého Flajšhanse zůstala v paměti jeho kolegů nadlouho. Přestože již ve 20. letech 20. století rozhodně odmítl tento rukopis jako falsifikát, byl za tuto chybu mládí stále kritizován.

Pro nás, čtenáře slovníku *Česká přísloví*, je tento starý spor důležitý jako demonstrace filologické metodiky, kterou V. Flajšhans používal. A to tím spíš, že její principy formuloval v jednom ze svých článků, v němž odmítl argumenty profesora F. Mareše pro pravost *Královédvorského rukopisu* a obvinění ze zrady národnostní myšlenky, které proti němu F. Mareš vznesl ve své monografii [Mareš 1928]. Tato stať V. Flajšhane má název *Něco o metodě filologické* [Flajšhans 1928: 156–163].

Pokusíme se stručně popsat základní zásady metodiky použité V. Flajšhansem při dokazování pravosti nebo nepravosti textu:

1. **Princip přísné chronologizace** — za pravý lze považovat pouze takový text, který byl zachycen dříve než jiné jemu podobné texty.
2. **Princip textologičnosti** — důkazem pravosti textů je taková textová hierarchie, která odpovídá hierarchii chronologické.
3. **Princip srovnání** — paralelismus textů a jejich fragmentů, které byly při srovnávání nalezeny, musí odpovídat jejich chronologické hierarchii. Pokud srovnání s jinými jazyky odhaluje totožnost slov a výrazů, lze o jejich pravosti v češtině pochybovat.
4. **Kulturologický princip** — o pravosti textů lze pochybovat, pokud srovnání ukazuje přítomnost cizorodých kulturních prvků.
5. **Princip glosárnosti** — pokud vzniknou pochybnosti o pravosti textu, je třeba důkladně prozkoumat konkrétní slovo nebo výraz, který vyvolává pochybnosti o pravosti textu (např. slovo *děva* v rukopisu Královédvorském).

V. Flajšhans, který začal svou filologickou metodu uplatňovat ve svém slovníku, vzal v úvahu specifika paremiologického jazykového materiálu, a proto prozkoumal všechny podobné sbírky v Evropě. V předmluvě ke svému slovníku nejen dává encyklopedický přehled slovanských, germánských, skandinávských, románských, baltských, maďarských, řeckých a dalších slovníků podobného typu, ale také hodnotí jejich kvalitu a způsob zpracování materiálu. Již tento kritický přehled svědčí jak o jeho jazykových kompetencích, tak i o jeho encyklopedických paremiologických znalostech. I dnes, kdy je paremiologická

a frazeologická literatura velmi početná, má tento přehled velkou vědeckou hodnotu.

Je přirozené, že zvláštní pozornost je v tomto přehledu věnována hodnocení české paremiografie — zvláštní osmou podkapitolu věnoval V. Flajšhans původu českých přísloví [Flajšhans 1911–1913: XIV–XVI]. V této podkapitole se znovu vrátil k dominantnímu tématu sbírky — západoevropskému, nikoli slovanskému základu českých přísloví a rčení. «Úvaha o vzniku přísloví českých měla by ovšem zakládati na rozboru přísloví slovanských», píše v úvodu této podkapitoly — «Ale má-li takovou povinnost český etymolog, již literární historik musí častěji obracet zrak na západ pro vzory a podněty. A v příslovích slovanských jeví se nejzřetelněji dvojí onen svět kulturní, který rozdělil jednotné kdysi Slovanstvo na dlouhá století ve dvě nestejně veliké oblasti kulturní. *Kultura byzantsko-orientální* zasáhla mocnou vlnou jižní a východní Slovanstvo, Slované v Alpech, nad Labem a při Visle obývající přijali vzdělanost *latinogermánskou*... (kurzíva — V. Flajšhans)» [Flajšhans 1911–1913: XIV].

Tento delší, avšak důležitý citát nejenže zdůrazňuje historické a kulturní příčiny západoevropského «ducha» české paremiologie, ale také vysvětluje výrazně kritický vztah V. Flajšhansse ke koncepci «slovanské jednoty», která byla uplatňována F. L. Čelakovským pomocí doslovného překladu cizích slovanských přísloví. Není proto náhodou, že ve svém velmi širokém přehledu slovanské paremiografie věnoval V. Flajšhans *Mudrosloví*... velmi málo pozornosti a že ve Flajšhansových *Českých příslovích* byly hlavním terčem kritiky právě slovanské paralely k českým příslovím a rčením, které ve svém *Mudrosloví*... uváděl F. L. Čelakovský. Kritizoval také autory, kteří nekriticky přebírají přísloví z *Mudrosloví*...

Po důkladném studiu děl svých předchůdců vypracoval V. Flajšhans zásady pro vytvoření svého vlastního slovníku. Svůj hlavní cíl formuluje takto:

«*Úkol sbírky nynější* podává se <...> sám sebou. Má snésti všechnu látku moudrosti lidové, uloženou v památkách (knižních, písemnostech i v tradici) a ve sbírkách staročeských <...> Paralely mají ukazovati souvislost jednak s příslovími národů západních (tu látka byla <...> omezena na přísloví latinskogermánská) a jednak s ostatními slovanskými (tu opět <...> látka omezena na přísloví polská, slovenská a lužickosrbská)» [tamtéž: XXV].

Tento citát je zároveň formulací tří parametrů slovníku:

1. Jedná se o slovník úplného typu [více o typech slovníků viz Мокиенко 1999].
2. Jedná se o slovník diachronní, tedy historický, který přesně popisuje, kdy se příslušná paremie poprvé objevila ve staročeských textech a jak se dále

vyvíjela. Slovník zachycuje, jak to uvádí sám V. Flajšhans, také «největší díl živého jazyka staročeského» [Flajšhans 1911–1913: XXV].

3. Jedná se o slovník srovnávací, protože většina českých paremií je uváděna ve srovnání s vybranými západoevropskými a slovanskými příslovími. Tento velký cíl vyžadoval od autora mimo jiné také řešení zásadní otázky: Jaký princip uspořádání slovníkových hesel pro popis bohatého materiálu zvolit — abecední nebo tematický?

V. Flajšhans se řídil zkušenostmi svých předchůdců a pro slovník zvolil jeden ze základních principů strukturní organizace slovníku — ne **tematický**, jak tomu bylo u J. A. Komenského, F. L. Čelakovského, V. I. Dala a mnohých dalších současných paremiologů, ale **komponentní**, při němž je každé přísloví uvedeno pod klíčovým komponentem a ostatní komponenty jsou vybaveny odkazy.

Toto uspořádání umožnilo systematický popis objemného materiálu, vyčlenění nejdůležitějších tematických bloků, v nichž se přísloví koncentrují, a také seskupení všech jejich variant. A právě tak jsou uspořádána přísloví ve Flajšhansově slovníku. Přestože zde můžeme najít určitou nedůslednost (v některých případech např. nejsou klíčovými komponenty podstatná jména, ale slovesa nebo jména přídavná), působí tento systém zcela přehledně, čtenář snadno zvolené přísloví nebo rčení ve slovníku nalezne.

V předmluvě ke svému slovníku, kterou by bylo možné považovat za krátkou monografii o paremiologii, vyslovuje V. Flajšhans několik teoretických a pragmatických myšlenek, které jsou dodnes aktuální — např., o korektní definice termínů *přísloví* a *rčení*; o třídění paremií na metaforická a gnómická; o zvláštním postavení ustálených přirovnání v paremiologickém systému; o specifice struktury paremií; o diachronní hierarchii přísloví a rčení; o variantnosti přísloví a rčení; o transformech přísloví (které se teď označují moderním termínem *antipřísloví*) atd.

Pozorný čtenář rozsáhlé Flajšhansovy předmluvy nalezne také velké množství výstižných poznámek o českém jazyce a kultuře minulých období. V. Flajšhans například jen jakoby mimochodem, v závorce, konstatuje, že v českých zemích byla již ve středověku gramotnost rozšířena nejen mezi muži, ale také mezi ženskou částí obyvatelstva. Přitom byl jazyk žen mnohem bohatší na přísloví a rčení než jazyk mužů:

«Vedle jednotlivých přísloví, zachovaných v rozmanitých obměnách u spisovatelů staročeských XIV. a XV. století a v troskách tradice i zápisech listinných *tu bývají důležitý hojností přísloví listy paní a dívek českých, píšících obyčejně upřímněji a srdečněji nežli mužové téže doby* (kurzíva naše — V.M.) ... jsou velmi důležité také staré sbírky a záznamy» [Flajšhans 1911–1913: XXV].

Velkou hodnotu ženských dopisů při zkoumání vývoje spisovné češtiny konstatují i badatelky J. van Leeuwen-Turnovcová a J. Straníková [van Leeuwen-Turnovcová, Straníková 2012].

Některé cenné Flajšhansovy myšlenky týkající se lexikografické teorie a praxe lze doplnit z pozic současné lingvistiky a lexikografie. Hlavní myšlenkou jeho slovníku je poukázání na západoevropský (resp. latinsko-germánský) a nikoli geneticky slovanský základ českého paremiologického fondu. S touto myšlenkou souhlasili i někteří členové Pražského lingvistického kroužku, zejména N. S. Trubeckoj, který přišel s vlastní euroasijskou teorií, podle níž Evropa (resp. Západ) stojí v opozici ke zbytku světa, který je ztotožňován s Východem. Koncem 20. století také známý moskevský slavista N. I. Tolstoj na materiálu odlišných biblických tradic demonstroval rozdělení jazykové a kulturní Slávie na *Slavia latina* a *Slavia orthodoxa* [Толстой 1988]. Teorie V. Flajšhansse, která byla základem pro vytvoření jeho slovníku, má tedy i potvrzení ze strany současné vědy.

V. Flajšhans nepopíral, že většina přísloví a rčení má lidový původ, a to přesto, že velké množství z nich je dědictvím západoevropské kultury. Je třeba říci, že vztah mezi «svým» a «cizím» řeší V. Flajšhans velmi dialekticky a diplomaticky:

«Bylo by však omylem, i když vidíme jasně velikou závislost přísloví našich formálně a obsahově na příslovích západních, pokládati tento poklad lidové tradice za cizí a nám nenáležící. Lid sám toho nečiní; není pouze uschovatelem nebo přechovávačem tohoto pokladu, nýbrž právním jeho majitelem a rozmnožovatelem. Aby cizí látka a cizí forma mohla vniknouti tak hluboko do lidu, že dnes teprve zevrubným zkoumáním odhalujeme její knižní původ, k tomu bylo potřebí mnohých změn a mnohého přizpůsobení k pokladu ostatnímu, stálého vyrovnávání a upravování v duchu jazyka a ve smyslu národní moudrosti i života lidu. Proto i přísloví zdomácněla u nás úplně, tak jako nesmírné množství cizích slov, dávno přejatých a zdomácnělých, která nejsou již cizím a překážejícím tělesem v zdravém těle národním, nýbrž pouze ukazovateli cest, po nichž k nám jednotlivé věci kulturní přecházely» [Flajšhans 1911–1913: XXIII].

Takové dialektické vyřešení problému je, zdá se, přijatelné pro kteréhokoli paremiologa. Vždyť «moudrost národa» není pouze výsledkem zkušeností vlastního lidu, ale také zkušeností jiných národů, zkušeností přejatých do své kultury během kulturní výměny trvající několik staletí. Je to moudrost bezesporu kolektivní a internacionální, vždyť za ní stojí autorita Bible, světová literatura i paremiologické tezaury mnohých národů, které do sebe absorbovaly «své» i «cizí» v různých proporcích.

Také soudobé studie poukazují na internacionální povahu mnoha slovan-
ských přísloví a rčení [viz Мокиенко 1986, Степанова 2004, БМС 2005 aj.].
Bylo prokázáno, že čeština čerpala cizí výrazy především z německého jazyka (a
rovněž z latiny a dalších jazyků prostřednictvím němčiny), a to v původní grafi-
cké podobě, nebo — častěji — v podobě polovičních (*mít pech, nemít ánung o*
čem, mít kliku aj.) a úplných kalků (*dát komu košem, krví a železem, udělat botu,*
zapsat si za uši aj.).

Skupina internacionálních frazémů není homogenní, ale zahrnuje jednotky
různých typů. Většina současných frazeologických prací vyčleňuje genetické a
typologické internacionalismy. Ke genetickým internacionalismům se řadí bi-
blismy a jiné ustálené výrazy pocházející ze společného kulturního dědictví
evropských národů a výpůjčky z cizích jazyků. K typologickým internacionalis-
mům patří tzv. frazeologické paralely, tj. shodné jednotky, které vznikly v růz-
ných jazycích nezávisle na sobě díky podobným ekonomickým a kulturním ži-
votním podmínkám (čes. *dřít jako kůň*, angl. *to work like a horse*, něm. *arbeiten*
wie ein Pferd, rus. *работать как лошадь* atd.), a obraty, které vznikly v různých
jazycích na základě stejného strukturně sémantického modelu (čes. *rozumí to-
tu jako koza petrželi*, něm. *wie die Kuh vom Sonntag*; bulh. *като свиня от кла-
денчева вода*; ukr. *як баран в аптеці (в біблії, в книзі)*; běl. *разумець, разбіра-
ца як (што) свіння ў апельсінах, як баран у біблії*; pol. *znać sie na czym jak kura*
na pieprzu rus. *разбирается как свинья в апельсинах*).

Určení podílu nacionálních a internacionálních prvků je jedním z nejdůleži-
tějších úkolů současné frazeologie. To ovšem zdaleka neznamená, že určením
internacionální povahy některého přísloví nebo rčení úkol badatele končí. Prá-
vě studium lexikálních vztahů tohoto výrazu k jednotkám jazyka překladu umo-
žní nejenom sledovat cesty a důvody jeho převzetí, nýbrž také odhalit specifič-
nost frazeologické zásoby a lexikálně gramatického systému daného jazyka, po-
může určit charakteristické rysy vlastního lexikálně-gramatického systému.

Velkou zásluhou V. Flajšhans byla především obrovská textologická práce,
s jejíž pomocí důsledně a přesvědčivě dokázal «nečeskost» mnohých slovanis-
mů doslova přeložených F. L. Čelakovským a vydávaných později jeho násle-
dovníky za «domácí». Paremiology a frazeology mnohých zemí, nejen slovan-
ských, ale také románských, germánských a ugrofinských, čeká ještě hodně prá-
ce, aby dokázali oddělit od sebe jednotlivé vrstvy tohoto paremiologického pa-
limpsestu, který byl během národních obrození evropských národů vydáván za
projev vlastního národního ducha.

Lze tedy bez nadsázky říci, že V. Flajšhans vystoupil jako předvoj evropské
unie paremiologické. Pokusil se odlišit «své» a «cizí», přičemž «cizí» pře-
svědčivě odhalil také v části svého. Odvážně to prokázal na začátku 20. století,

kdy se evropské národy připravovaly k válkám a revolucím a jejich ideologické učení směřovalo k rozdělování a tvoření států podle národnostního příznaku. Zaměření V. Flajšhansse na jednotnou paremiologickou Evropu bylo v rozporu s historickými dogmaty té doby.

A právě v tom spočívá záhada «utajení» jeho slovníku, o níž jsme mluvili na začátku.

Ve svých komentářích ke druhému, současnému olomouckému vydání Flajšhansova tezauru [Flajšhans 2013] jsme se pokusili explikovat jeho metodu rozlišování «svého» a «cizího» z pohledu současných výzkumů, ukázat, které z jeho prognóz byly oprávněné a které zůstaly na úrovni hypotéz, doplnit údaje o etymologii některých paremií a frazémů. V těchto komentářích jsou použity nejnovější paremiologické a frazeologické výzkumy a slovníky evropské paremiologie a frazeologie. Doufáme, že bibliografie uvedená na konci tohoto vydání bude užitečná pro všechny, které zajímá lidová moudrost a kteří si chtějí rozšířit své poznatky o evropské paremiologii.

Příprava tezauru k vydání byla pro nás, autory komentářů, velmi tvrdým oříškem. A to nejen proto, že korektury starých textů a paralelních přísloví v mnohých evropských jazycích vyžadovaly velké úsilí a velké množství času, ale také proto, že přehodnocení hypotéz, které V. Flajšhans označuje jako «omylné», vyžadovalo řadu dialektických rozhodnutí a velmi opatrnou práci s originálem. Pokud se nám to podařilo, tak pouze díky našim kolegům a pomocníkům a rovněž příbuzným Václava Flajšhansse, kteří souhlasili s vydáním slovníku. Máme naději, že nové vydání Flajšhansova tezauru přispěje k přehodnocení česko-eurospkých jazykových vztahů v současném světě.

Literatura

Čelakovský 1852 — L. Čelakovský. *Mudrosloví národu slovanského ve příslovích, k němuž připojena jest sbírka prstonárodních českých pořekadel*. Uspořádal a vydal František. Lad. Čelakovský. Praha: nakl. Českého musea, 1851 (vročení 1852).

Čelakovský 1893 — L. Čelakovský. *Mudrosloví národu slovanského ve příslovích, k němuž připojena jest sbírka prstonárodních českých pořekadel*. Uspořádal a vydal František. Lad. Čelakovský. Vyd. 2-é. Vydal. J. V. Novák. Praha: nakl. A. Hynek, 1893.

Čelakovský 1949 — L. Čelakovský. *Mudrosloví národu slovanského ve příslovích. Připojena jest sbírka prstonárodních českých pořekadel*. Uspořádal a vydal František. Lad. Čelakovský. Vyd. 3-é. Praha: nakl. Vyšehrad, 1949. 922 s.

Flajšhans 1896 — V. Flajšhans. *Boj o rukopisy*. Časopis Musea Království českého, 70. Praha, 1896, s. 195–282, 349–385.

Flajšhans 1897 — V. Flajšhans. *Podrobný seznam slov Rukopisu Kralodvorského*. Praha, 1897.

Flajšhans 1911–1913 — V. Flajšhans. *Ceská přísloví. Sbíрка přísloví, přípovědek a pořekadel lidu Českého v Cechách, na Moravě a v Slezsku. Díl I. Prísloví staročeská. Díl I (A–N), díl II (O–Ru).* Praha, 1911–1913.

Flajšhans 1928 — V. Flajšhans. *Něco o metodě filologické.* Naše řeč, roč. 12, Praha, 1928, č. 7, s. 156–163.

Flajšhans 2013 — V. Flajšhans. *Ceská přísloví. Sbíрка přísloví, přípovědek a pořekadel lidu Českého v Cechách, na Moravě a v Slezsku. Díl I. Prísloví staročeská. Díl I (A–N), díl II (O–Ru).* 2-é, rozšířené vydání. Předmluva V. Mokienko, komentáře V. Mokienko, L. Stěpanova. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2013.

Groh 1947 — K. Groh. *Soupis prací Václava Flajšhans.* Věstník KČSN. Tř. Filosoficko historicko-filologická, roč. 3. Praha, 1947 (1950), s. 1–48.

Mareš 1928 — F. Mareš. *Klamnost důkazů podvržení rukopisů Královédvorského a Zelenohorského.* Praha, 1928

Michálek 1986 — E. Michálek. *Václav Flajšhans (1.7.1866 – 20.11.1950).* Naše řeč, roč. 69. Praha, 1986, č. 3, s. 153–158.

Naše řeč 1950 — *Zemřel Václav Flajšhans.* Naše řeč, roč. 34. Praha, 1950, č. 7–8, s. 160.

Pražák 1949–1950 — A. Pražák. *Publikační činnost V. Flajšhans.* Slovesná věda, roč. 3. Praha, 1949–1950, s. 236–238.

Šmilauer 1946 — V. Šmilauer. *Osmdesátiny prof. V. Flajšhans.* Časopis pro moderní filologii, roč. 29. Praha, 1946, s. 255–256.

van Leeuwen-Turnovcová, Straníková 2012 — J. van Leeuwen-Turnovcová, J. Straníková. *Schreiben im Alltag des 19. Jahrhunderts. Band 2: Tschechisch-deutsche Synthesen-Partnerbeziehungen der Wiedergeburtzeit.* München–Berlin: Verlag Otto Sagner, 2012. – 489 S.

Záturecký 1896 — Adolf Peter Záturecký. *Slovenské přísloví, porekadlá a úsloví.* Praha: Česká akademie věd a umění, 1896.

Záturecký 1953 — Adolf Peter Záturecký. *Slovenské přísloví, porekadlá a úsloví.* Sostavil Andrej Melicherčík a Eugen Pauliny. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry, 1953. – 274 s.

Záturecký 1975 — Adolf Peter Záturecký. *Slovenské přísloví, porekadlá a úsloví.* 3. vyd. Bratislava: Tatran, 1975. – 760 s.

Абисогомян 2009 — И. Абисогомян. *Становление чешской лексикографии в эпоху национального возрождения: традиции и новаторство.* Humaniora: Dissertationes Philologiae Slavicae Universitatis Tartuensis 22. Tartu, 2009. – 200 с.

БМС 2005 — А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. *Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Около 6000 фразеологизмов.* СПбГУ: Межкафедральный словарный кабинет им. Б. А. Ларина. Под ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Астрель: АСТ: Льюкс, 2005. – 926. [2] с.

Даль 1861–1862 — В. И. Даль. *Пословицы русского народа.* Москва, 1861–1862.

Караџић 1933 — В. С. Караџић. *Српске народне пословице и друге различне као и оне у обичај узете ријечи и загонетке*. Београд, 1933.

Мокиенко 1986 — В. М. Мокиенко. *Образы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии*. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1986. – 278 с.

Мокиенко 1999 — В.М. Мокиенко. *Принцип лексикографической полноты и славянская фразеология*. Славянская филология. Вып. VIII. Санкт-Петербург: изд-во СПбГУ, 1999, с. 56–70.

Номис 1864 — *Українські приказки, прислів'я і таке інше*. Збірники О. В. Марковича и других. Спорудив М. Номис. Санкт-Петербург, 1864.

Славейков 1972 — П. Р. Славейков. *Български притчи и пословици и характерни думи*. София, 1972.

Степанова 2004 — А. И. Степанова. *Взаимодействие фразеологического и лексического фондов языка. Frazeologia słowiańska i inne płaszczyzny systemu językowego*. Pod red. Janiny Bartoszewskiej, Walerija Mokijenko, Harr'ego Waltera. Gdańsk: wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2004, с. 133–139.

Толстой 1988 — Н. И. Толстой. *История и структура славянских литературных языков*. Москва: Наука, 1988. – 239 с.

Франко 1901–1909 — *Галицько-руські народні приповідки*. Зібрав, упорядкував і пояснив Іван Франко. Т. 1–3. Львів, 1901–1909, 2-е вид., 2006.

HASŁA KWALIFIKOWANE W GÓRNOŁUŻYCKO-NIEMIECKIM SŁOWNIKU JAKUBAŠA (1954)

TADEUSZ LEWASZKIEWICZ

Język górnołużycki – leksykografia łużycka (Pful, Rězak, Kral, Völkel) – słownictwo – hasła kwalifikowane – sławizmy wyrazowe

1. Uwagi wstępne

Języki łużyckie (górnno- i dolnołużycki) zalicza się do mikrojęzyków słowiańskich (Дуличенко 1981). Kształtowały się one i kształtują w trudniejszych warunkach niż języki narodów, które mają własne państwa.

Dolnołużycki język piśmiennictwa/ język literacki powstał w ciągu XVIII w. na podstawie dialektu chociebuskiego. Na Górnych Łużycach do połowy XIX w. funkcjonowały dwa języki piśmiennictwa: wariant protestancki (oparty na dialekcie budziszyńskim) i wariant katolicki (oparty na dialekcie katolickim, tj. gwarach Kulowa i później gwarach okolic Chróścić). Do końca XVIII w. Piśmiennictwo górno- i dolnołużyckie miało prawie wyłącznie charakter religijno-biblijny. W pierwszej połowie XIX w. na Górnych Łużycach pojawia się coraz więcej tekstów świeckich (m.in. w latach 1809–1812 pierwsze miesięczniki polityczno--informacyjne oraz utwory poetyckie H. Zejlera). Ogromny wpływ na rozwój łużyckich języków literackich miał od połowy XIX w. ruch odrodzenia narodowego. Doprowadził on do powstania w ciągu drugiej połowy XIX w. ogólnego (bezwyznaniowego) języka górnołużyckiego, nawiązującego pod względem systemu gramatycznego i leksykalnego prawie wyłącznie do wariantu protestanckiego¹. Od tego czasu stopniowo wzrastało w obu językach łużyckich znaczenie piśmiennictwa świeckiego (głównie prasy i literatury pięknej). Języki te przekształcały się w języki literackie nowego typu, tj. takie języki, które mogły być sprawnymi narzędziami logicznego i abstrakcyjnego myślenia, językami na-

¹ Jednak w tekstach biblijno-religijnych oraz w prasie religijnej katolików i protestantów odrębności językowe (głównie leksykalne i frazeologiczne) utrzymują się do dzisiaj.

dążącymi za postępem cywilizacyjnym. Jak się okazało, w przyszłości warunki te spełniał język górnołużycki w większym stopniu niż język dolnołużycki.

Nowoczesny język literacki musiał udoskonalić przede wszystkim składniowe, leksykalne i stylistyczne środki językowe. Szczególnie ważne było zapelnienie luk leksykalnych, zwłaszcza wprowadzenie do krwioobiegu językowego słownictwa odzwierciedlającego zdobycze cywilizacyjne ludzkości.

Niemal do połowy XX w. największą rolę w rozwoju słownictwa odgrywały prasa i literatura, później istotne było również oddziaływanie szkoły (poprzez podręczniki szkolne) i instytucji lużyckich (poprzez pisma urzędowe i materiały propagandowe). Autorzy tekstów wprowadzali neologizmy oparte na lużyckich modelach słotwórczych oraz internacjonalizmy, jak również często zapożyczali słownictwo słowiańskie, głównie pochodzenia czeskiego. Do połowy XX w. — w związku z silnym oddziaływaniem puryzmu językowego — unikano przeważnie pożyczek niemieckich (często starano się usuwać dobrze zadomowione germanizmy leksykalne); znacznie częściej stosowano kalkowanie odpowiednich wyrazów niemieckich, co łagodziło odczuwanie obcości nowych leksemów.

Słowniki lużyckie nie tylko dokumentowały rozwój słownictwa (tj. potwierdzały ich obecność w piśmiennictwie), ale były również źródłem bardzo licznych propozycji leksykalnych — często opartych na słownictwie słowiańskim (najczęściej czeskim, rzadziej polskim, sporadycznie na leksyce innych języków słowiańskich).

Bardzo dużo propozycji leksykalnych (w tym około półtora tysiąca słów wprowadzonych pod wpływem słowiańskim — ponad 1000 to różnego typu zapożyczenia z czeskiego) zawiera Słownik Pfula (1866)¹. Liczne neologizmy (częściowo oparte na wzorach słowiańskich, zwykle będące kalkami wyrazów niemieckich oraz rodzimymi twórcami leksykalnymi) zaproponowali również Rězak (1920)² oraz Kral (1927–1931)³. Fakt ten jest wynikiem popularności na Łużycach od XIX w. idei wzajemności słowiańskiej. O rozwoju słownictwa górnołużyckiego do połowy XX w. pisali m.in.: Bura 2012, Jentsch [Jenč] 1993, 1999, Schuster-Šewc 1991, Stone 1971 a, b, 1979.

W czasach hitleryzmu (zwłaszcza po 1937 r.) prawie nic nie ukazywało się drukiem po lużycku. Fakt ten wpływał negatywnie na rozwój i normalizację słownictwa górno- i dolnołużyckiego. Po II wojnie światowej ludzie odpowiedzialni za politykę językową starali się udoskonalić sprawność leksykalną języ-

¹ K. B. Pful, Lužiski serbski słownik, Budyšin 1866.

² F. Rězak, Němsko-serbski słownik, Bautzen 1920.

³ J. Kral, Serbsko-němski słownik, Budyšin 1927–1931.

ków łużyckich, przede wszystkim górnołużyckiego. Korzystano często z Rězaka i Krala. Germanizmy wyrazowe i internacjonalizmy często zastępowano łużyckimi neologizmami oraz zapożyczeniami z czeskiego i znacznie rzadziej z polskiego [Serbšćina 1998: 244–246].

Słowniki Rězaka i Krala nie spełniały oczekiwań górnołużyckiej praktyki językowej, ponieważ od ich ukazania się minęło sporo lat (1920 oraz 1927–1931), a oprócz tego funkcjonowała opinia, że zawierają one bardzo dużo sztucznych tworów leksykalnych. Ogólnie można się zgodzić z tym stanowiskiem, ale warto też dodać, że część osobliwego słownictwa Rězaka i Krala znajduje jednak potwierdzenie w piśmiennictwie górnołużyckim.

Do przygotowania obszernego Słownika górnołużycko-niemieckiego zobowiązał się Filip Jakubaš (1895–1966). Miał on tylko średnie wykształcenie nauuczycielskie, ale dzięki samokształceniu uchodził za bardzo dobrego znawcę języka górnołużyckiego. Istotne jest też to, że zdobył pewne doświadczenie w pracy leksykograficznej, ponieważ pomagał F. Rězakowi (jako jego siostrzeniec) w zbieraniu materiału do słownika. Jakubaš rozpoczął pracę w 1949 r. (w 1951 r. zatrudniono go w Instytucie Łużyckim w Budziszynie), a ukończył słownik w marcu 1953 r. W 1954 r. dzieło ukazało się drukiem¹; zawiera około 30 tys. haseł.

Słownik miał mieć charakter normatywny, a zatem wyrazy hasłowe i jego formy nie powinny budzić zastrzeżeń poprawnościowych. Wobec tego Jakubaš niektóre hasła opatrzył gwiazdką, która informuje, że wyraz jest już przestarzały lub niepoprawnie utworzony². W zasadniczej części swojego dzieła leksykograficznego zamieścił 329 gwiazdek. Oprócz tego w części wstępnej (poświęconej wzorom odmiany rzeczowników, przymiotników, zaimków, liczebników, czasowników — s. 1–50) znajduje się przy formach gramatycznych również kilkadziesiąt gwiazdek, ale sprawa ta nie jest przedmiotem rozważań w niniejszym artykule.

Najczęściej gwiazdki dotyczą haseł leksykalnych Jakubaša, tj. kwalifikacji (ocenie językowej) podlegają konkretne wyrazy. Haseł takich jest 303: rzeczowniki (200), czasowniki (66), przymiotniki i imiesłowy przymiotnikowe (32), przysłówki (5). Oprócz tego 26 gwiazdkami leksykograf opatrzył odmianki znaczeniowe haseł (7 przykładów), odmianki morfologiczne haseł (3 przykłady), odmianki ortograficzno-fonetyczne haseł (11 przykładów) oraz nazwy własne (5 przykładów).

¹ F. Jakubaš, Hornjoserbsko-němski słownik/ Obersorbisch-deutsches Wörterbuch, Budyšin/ Bautzen 1954.

² We Wstępie Jakubaš pisze: «Veralteten oder falsch gebildeten Formen ist ein Sternchen (*) beigefügt» (s. IX).

Wyrazy i formy wyrazowe Jakubaša oznaczone gwiazdkami skonfrontowałem z Pfulem (skrót: **Pf**), Rězakiem (skrót: **R**), Kralem (skrót: **K**) i Völkelem¹ (skrót: **V**). Na podstawie porównań z Völkelem (z IV i V wydaniem) udało się ustalić, które hasła kwalifikowane Jaku baša nie przyjęły się ostatecznie w języku górnołużyckim². Choć jest to głównie słownik ortograficzny, to jednak informuje on rzetelnie o żywotnych zasobach leksykalnych języka górnołużyckiego. Wykorzystanie Pfula, Rězaka i Krala pozwoliło ustalić rolę tych słowników w upowszechnianiu części słownictwa górnołużyckiego. Jeśli konkretne hasło odnotował jedynie Jakubaš, to najprawdopodobniej pojawiło się ono w górnołużycczyźnie dopiero po roku 1930 (niekiedy nawet po 1945 r.). Znak + przy skrótowym oznaczeniu słownika (**Pf**, **R**, **K**, **V**) oznacza jego poświadczenie, znak – brak w danym dziele leksykograficznym. Przy niektórych hasłach kwalifikowanych Jakubaš zamieszcza dodatkowo uwagi poprawnościowe (*richtig* ‘właściwie’, *besser* ‘lepiej’, *eig.* = *eigentlich* ‘właściwie’, wyjątkowo: *gebräuchlicher* ‘częściej używany’). Przeważnie chodzi tutaj o propozycje zastąpienia hasel kwalifikowanych innymi wyrazami. Tego typu uwagi poprawnościowe znajdują się również u Pfula, Rězaka i Krala. Będą one przedmiotem odrębnego opracowania.

Materiał dzielę głównie na niepoświadczony i poświadczony w Słowniku Völkela. W ramach tych grup informuję również o związkach poszczególnych grup hasel z Pfulem, Rězakiem i Kralem. W dziale słów kwalifikowanych Jakubaša z propozycjami zastąpienia ich innymi wyrazami podaję w nawiasach dane o obecności/ nieobecności tych hasel w poszczególnych słownikach. W uwagach końcowych zwracam również uwagę na poświadczenia/ brak poświadczeń hasel Jakubaša (udokumentowanych przez Völkela) w dwutomowym Słowniku niemiecko-górnołużyckim (1989–1991)³. W funkcji objaśnień znaczeniowych hasel górnołużyckich występują wyrazy niemieckie z Jakubaša.

Za hasła odrębne uważam także wyrazy różniące się jednym morfemem, np. *swinja* – *swinjŏ*, *mól* – *mola*, *hrajidło* – *hrajadło*, *wurodźec* – *wurodźic*.

¹ P. Völkel, Prawospisny słownik. Hornjoserbsko-němski słownik, Budyšin 1981 (wyd. IV — w przygotowaniu tego wydania uczestniczył F. Michalk; wyd. V z 2005 r. przygotował T. Meškank).

² Czasem wykorzystane słowniki nie notują odpowiednich hasel Jakubaša, ponieważ są to potencjalne formy wyrazowe (np. imiesłowy przymiotnikowe).

³ Deutsch-obersorbisches Wörterbuch/ Němsko-hornjoserbski słownik. Założył R. Jenč. Spisali: H. Jenč, F. Michalk a J. Šěrakowa. Sobu dźěłał J. Měrcink. Leitung des Autorenkollektivs: H. Jentsch [Jenč], I–II, Bautzen/ Budyšin 1989–1991.

2. Prezentacja materiału

2.1. Górnołużyckie hasła leksykalne Jakubaša oznaczone gwiazdkami

2.1.1. Hasła kwalifikowane Jakubaša niepoświadczone przez Völkela (171)

2.1.1.1. Rzeczowniki (111)

2.1.1.1.1. Hasła poświadczone przez Pfula, Rězaka i Krala (59): *čeledžin* (Dienstbote), *čujer* (np. Spürer), *čělarnja* (Leichenhalle), *čěsno* (Enge), *čísło* (Wurf – m. Wurfschaufel), *čok* (np. Fließen), *depla* (Kartoffel), *drěwc* (np. Lanzenschaft), *flinka* (Ohrfeige), *ker* (Strauch), *komor* (Mücke), *kowt* (Hoffart), *kralowa* (Königin), *krasa* (Schönheit), *kryjer* (Decker), *kuntyrypysk* (np. Stechmücke), *kwětnica* (Blumengarten), *ludžiznajer* (Menschen-kenner), *mlějidło* (Mahlwerkzeug), *mól* (Motte) [V:mola], *myjerka* (Aufwaschfrau), *pich* (np. Stich), *pilnik* (Feile), *postola* (Stellage; Bett(gestell)) – słowo dolnołużyckie, *přehib* (Gelenk), *přeporučnik* (np. Anwalt), *rož* (Roggen), *ryža* (Goldwäscherei), *seločok* (path. Salzfluß), *smolina* (np. Fackel), *stróžišćo* (Wachposten), *stud* (Kühle), *stwor* (Geschöpf), *suš* (np. Darrsucht), *synowc* (Enkel-(kind)), *synowka* (Enkel-(kind)), *šěsnak* (Gulden), *škrějadło* (Schmelzmittel), *šuba* (Pelz), *trějer* (Abwischer), *trjech* (Treffer), *trocha* (Kleinigkeit), *truha* (np. Bach), *tryk* (Oheim), *trykowa* (Tante), *tužica* (np. Trauer), *wary* (Warmbad), *wiwa* (np. Krampfzug), *wobtud* (np. Täuschung), *wobmjerzlina* (Rauhrost), *wobžiwa* (np. Nahrung), *woslon* (np. Span), *wótčim* (Stiefvater), *wćip* (Witz), *wurada* (np. Ratschluß), *wurój* (np. Utopie), *zabr* (np. Schlamm Boden), *znajerstwo* (Kenerschaft), *žar* (np. Brand(stätte)).

2.1.1.1.2. Hasła niepoświadczone przez Pfula, Rězaka i Krala (14): *hamtar-nja* (Amtsgebäude), *hrajidło* (Spieldose) [u R i V: hrajadło], *chrymp* (Knorpel) [u R: krymp], *lubk* (der Geliebte), *přesančki* (Gemüseegärtchen), *(r)džěn* (Holzmark bes. im Holunder), *słóh* (Stil), *šibač* (Rutenteich), *torh* (Markt), *turnar* (Turner), *wozduch* (Luft), *wukonosć* (Leistungsfähigkeit), *wutlina* (hohler Baum f. Bienen), *žnějerka* (Ernter(in)).

2.1.1.1.3. Hasła niepoświadczone przez Pfula, ale poświadczone przez Rězaka i Krala (12): *husa* (Gans)¹, *kmjeć* (np. vornehmer Bauer), *kmoch* (Gevatter), *krótčicy* (kurze Ackerbeete), *křesel* (Feuerstein), *lanjo* (Hirschkalb), *nutra* (das Innere), *předmołwa* (Vorwort), *stok* (np. Mündung), *sćěž* (Zaunkönig), *woblanka* (Solei), *zahradž* (np. Sperre).

¹ Pful i Vökel poświadczają formę *huso* (Rězák i Vökel również rzeczownik *husyca*).

2.1.1.1.4. Hasła niepoświadczane przez Pfula i Rězaka, ale poświadczane przez Krala (9): *rozćisk* (Verschwendung), *ruch* (Bewegung), *sosna* (Kiefer), *stowarstnjenje* (Vergesellschaftung) [Völkel poświadczają formę: stowaršnostnjenje], *strop* (Zimmerdecke), *waryto* (Laute), *wróh* (Mörder), *wučidło* (Lehrmittel) [u R: wučadło], *žnějer* (Ernter).

2.1.1.1.5. Hasła niepoświadczane przez Rězaka, ale poświadczane przez Pfula i Krala (6): *druh* (Genosse), *kryjerstwo* (Dachdeckerei), *kura* (Huhn) [V: plt. kury 'Hühner'], *mus* (das Muß – Müssen), *pjelž* (Schnecke) [u R: pjelžik], *swinja* (Sau)¹ [u R i V: swinjo; u K: swinja 'Schwarte'].

2.1.1.1.6. Hasła niepoświadczane przez Pfula i Krala, ale poświadczane przez Rězaka (5): *chiba* (Mangel), *chłopc* (np. Bube) [u R: khlopc], *chmur* (Wolkenmasse), *chmura* (finstere Regenwolke), *zapomnjeće* (Vergessenheit).

2.1.1.1.7. Hasła niepoświadczane przez Rězaka i Krala, ale poświadczane przez Pfula (5): *kumpawa* [R i K: kupawa] (Badewanne), *štrych* (np. junge Fische), *šćokow* (Pfahl), *tróška* (ein wenig, etwas), *tuchlawa* (Luftröhre).

2.1.1.1.8. Hasło niepoświadczane przez Krala, ale poświadczane przez Pfula i Rězaka (1): *potřižk* (Schnipsel).

2.1.1.2. Przymiotniki i imiesłowy przymiotnikowe (15)

2.1.1.2.1. Hasła niepoświadczane przez Rězaka, ale poświadczane przez Pfula i Krala (6): *džaty* (gewirkt), *kelki* (der wieviel(s)te), *nadznamjenjeny* (oben bezeichnet), *rozjaty* (np. auseinandergenommen), *wšědnjacy* (alltäglich), *wusnjeny* (eingeschlafen).

2.1.1.2.2. Hasła niepoświadczane przez Pfula i Rězaka, ale poświadczane przez Krala (3): *wočitany* (belesen), *woliwknjeny* (lau geworden), *zmoknjeny* (naß geworden; durchnäßt).

2.1.1.2.3. Hasła niepoświadczane przez Pfula, ale poświadczane przez Rězaka i Krala (3): *nijaki* (neutral), *njesčitaly* (unbelesen), *wusknjeny* (ausgetrocknet).

2.1.1.2.4. Hasła niepoświadczane przez Pfula, Rězaka i Krala (1): *mróženy* (gefroren) – *mróžene mjaso* (Gefrierfleisch).

2.1.1.2.5. Hasło poświadczane przez Pfula, Rězaka i Krala (1): *rudy* (rotbraun).

2.1.1.2.6. Hasło niepoświadczane przez Pfula i Krala, ale poświadczane przez Rězaka (1): *chmurny* (bewölkt) – R: (*po*)*chmurny*.

2.1.1.3. Przysłówki (4)

2.1.1.3.1. Hasła poświadczane przez Pfula, Rězaka i Krala (2): *naposlez* (zuletzt), *wottad* (von hier, seither).

¹ U Pfula *swinja* jako wyraz dolnołużycki.

2.1.1.3.2. Hasła niepoświadczane przez Rězaka, ale poświadczane przez Pfula i Krala (2): *kepa* (kaum), *zasy* (wieder) – u V: *zaso*.

2.1.1.4. Czasowniki (41)

2.1.1.4.1. Hasła poświadczane przez Pfula, Rězaka i Krala (22): *družiť* (*so*) (Gesellschaft leisten), *džeć* (sagen), *jeć* (fassen), *klusac* (traben), *nochnyć* (nachgeben), *pjeć* (spannen), *rihać* (rülpsen), *robić* (arbeiten), *rozjeć* (auseinandernehmen), *róznić so* (sich auseinanderbringen), *swobodzić* (frei machen), *šćućić* (schnüffeln), *wićežić* (siegen), *woblac* (np. umgarnen), *wobzajeć* (sich (gänzlich) verschulden), *wobzajimać* (sich (gänzlich) verchulden), *wobžrěć so* (sich besaufen), *wotćec* (abfließen) [R: wotćeć], *wrěć* (*so*) (np. kochen), *wumjeć* (np. können; verstehen (etw zu tun)), *wupomóc* (aushelfen), *zrać* (reifen).

2.1.1.4.2. Hasła niepoświadczane przez Rězaka, ale poświadczane przez Pfula i Krala (6): *čělesnić* (np. verkörpern), *musyć* (müssen), *pojić* (tränken), *šćenić so* (Junge werfen – v. Hund), *wěcować* (über Gemeindeangelegenheiten verhandeln), *wobžrěwać so* (sich besaufen).

2.1.1.4.3. Hasła niepoświadczane przez Pfula, ale poświadczane przez Rězaka i Krala (3): *makać* (tappen), *rejić* (brüllen), *zalěsyć* (vergattern).

2.1.1.4.4. Hasła niepoświadczane przez Pfula, Rězaka i Krala (5): *kwapić* (eilen), *wuwěchćeć* (entlocken), *wonhladać* (hinaussehen), *zalažować* (hin-, hineinkriechen), *zalěšować* (vergattern).

2.1.1.4.5. Hasła niepoświadczane przez Pfula i Rězaka, ale poświadczane przez Krala (2): *chwěć* (np. zittern), *zalěšeć* (vergattern).

2.1.1.4.6. Hasła niepoświadczane przez Rězaka i Krala, ale poświadczane przez Pfula (2): *džěć* (tun), *zalažyć* (hin-, hineinkriechen).

2.1.1.4.7. Hasło niepoświadczane przez Pfula i Krala, ale poświadczane przez Rězaka (1): *chibić* (fehlen; irren; fehlschlagen).

2.1.2. Hasła kwalifikowane Jakubaša poświadczane przez Völkela (72)

2.1.2.1. Rzeczowniki (48)

2.1.2.1.1 Hasła poświadczane przez Pfula, Rězaka i Krala (28): *basnjer* (Dichter), *bijer* (Schläger), *čeknjenc* (Flüchtling), *čulen* (Robbe – Seehund), *dopomnjeće* (Erinnerung), *dujer* (Bläser), *dujerka* (Bläserin), *ducyk* (Stickstoff), *hadrija* (np. Zank), *hrajer* (Spieler), *lampa* (Lampe), *muler* (Maurer), *myjernja* (Waschhaus), *plawba* (Schiffahrt), *ředžernja* (Spinnerei), *řepik* (Raps), *runjeća* (runjo): *mojeho runjeća** (meinesgleichen), *swjatk* (Feiertag), *syjer* (Säer), *šćěpjo* (Prise), *třih* (Schnitt m. d. Schere), *widžer* (Seher – in die Zukunft), *wobwěšenc* (der Gehängte), *wojnar* (Wagner, Stellmacher), *wožranc* (Fresser), *znajer* (Kenner), *žabra* ((Fisch-)Kieme), *železolijernja* (Eisengießerei).

2.1.2.1.2. Hasła niepoświadczane przez Pfula i Rězaka, ale poświadczane przez Krala (7): *stuha* (Band; Nestel; Senkel), *stužka* (dem. od *stuha*), *tkajer* (Weber), *tkajernja* (Weberei), *wojnarstwo* (Stellmacherei), *wupowěšnyć* (aushängen) – u K: *wupowisnyć*, *železolijer* (Eisen gießer).

2.1.2.1.3. Hasła niepoświadczane przez Pfula, ale poświadczane przez Rězaka i Krala (7): *čujadło* (Taster), *kachlestajer* (Ofensetzer), *njecnota* (Wollust), *wěco* (Dinggericht), *wobora*: *wohnjowa wobora** (Feuerwehr), *zańdzenosc* (Vergangenheit), *zastupjer* (Vertreter).

2.1.2.1.4. Hasła niepoświadczane przez Rězaka, ale poświadczane przez Pfula i Krala (3): *hamt* (Amt), *hort* (Mund), *trompe(j)ta* (Trompete).

2.1.2.1.5. Hasła niepoświadczane przez Pfula, Rězaka i Krala (2): *nadhodžina* (Überstunde), *třěchikryjer* (Dachdecker).

2.1.2.1.6. Hasło niepoświadczane przez Krala, ale poświadczane przez Pfula i Rězaka (1): *lěņjoška* (Lehnstuhl).

2.1.2.2. Przymiotniki i imiesłowcy przymiotnikowe (15)

2.1.2.2.1. Hasła niepoświadczane przez Pfula i Rězaka, ale poświadczane przez Krala (6): *wojnarski* (Stellmacher-), *wusaknjeny* (versiegt – Wasserquelle), *wusmahnjeny* (verschossen (Farbe); verbrannt (v. d. Sonne), *wustudnjeny* (abgekühlt), *zapućowany* (verreist), *zmjerzjeny* (gefroren).

2.1.2.2.2. Hasła poświadczane przez Pfula, Rězaka i Krala (5): *wožrany* (verfressen), *wustaty* (np. ausgestanden), *zańdženy* (vergangen), *zaspany* (verschlafen), *znajerski* (Kenner).

2.1.2.2.3. Hasła niepoświadczane przez Rězaka, ale poświadczane przez Pfula i Krala (2): *snědy* (braun), *sydnjeny* (Gesetz in Flüssigkeit).

2.1.2.2.4. Hasło niepoświadczane przez Pfula, ale poświadczane przez Rězaka i Krala (1): *wurośceny* (ausgewachsen).

2.1.2.2.5. Hasło niepoświadczane przez Pfula i Krala, ale poświadczane przez Rězaka (1): *wuchudnjeny* (verarmt).

2.1.2.3. Przysłówek (1)

Hasło niepoświadczane przez Rězaka, ale poświadczane przez Pfula i Krala (1): *nikak* (keineswegs, elend).

2.1.2.4. Czasowniki (8)

2.1.2.4.1. Hasła poświadczane przez Pfula, Rězaka i Krala (3): *bjechtować* (liederlich umgehen, wüsten) [Pf: *bjechtować*/ *buchtować*, u R i K: *buchtować*], *ćeć* (hauen), *pomóc* (helfen).

2.1.2.4.2. Hasła niepoświadczane przez Rězaka, ale poświadczane przez Pfula i Krala (2): *hóčkować* (häkeln), *warnować* (warnen).

2.1.2.4.3. Hasło niepoświadczone przez Pfula i Rězaka, ale poświadczone przez Krala (1): *wobwěsnyć* (aufhängen – am Galgen).

2.1.2.4.4. Hasło niepoświadczone przez Pfula, ale poświadczone przez Rězaka i Krala (1): *wupowěsnyć* (aushängen) [u K: wupowisnyć].

2.1.2.4.5. Hasło niepoświadczone przez Krala, ale poświadczone przez Pfula i Rězaka (1): *domapytać* (np. heimsuchen).

2.1.3. Hasła kwalifikowane Jakubaša

z propozycjami zastąpienia ich innymi wyrazami (60)

2.1.3.1. Niepoświadczone przez Völkela hasła kwalifikowane Jakubaša

z odpowiednikami poprzedzonymi wyrazem *richtig* 'prawidłowy, poprawny' (16)

2.1.3.1.1. Rzeczowniki (8)

2.1.3.1.1.1. Hasła poświadczone przez Pfula, Rězaka i Krala (2): *morjak* (Matrose) – richtig: *namórník* (Pf–, R–, K–, V+), *pomnjeće* (Gedenken) – richtig: *pomnjenje* (Pf+, R–, K+, V–).

2.1.3.1.1.2. Hasła niepoświadczone przez Rězaka i Krala, ale poświadczone przez Pfula (2): *šwajcar* (Berufsmelker) – richtig: *dejer* (Pf+, R+, K+, V+), *tyšer* (Tischler) – richtig: *blidar* (Pf+, R+, K+, V+).

2.1.3.1.1.3. Hasła niepoświadczone przez Pfula i Rězaka, ale poświadczone przez Krala (2): *lichomc* (Wucherer) – richtig: *lichowar* (Pf+, R+, K+, V+), *waštot* (Hobelbank) – richtig: *tružnica* (Pf+, R+, K+, V+).

2.1.3.1.1.4. Hasła niepoświadczone przez Pfula, Rězaka i Krala (2): *tyšernja* (Tischlerei) – richtig: *blidarnja* (Pf–, R–, K–, V+), *wuscěłarnja* (Sendestation – Radio) – richtig: *wusyłarnja* (Pf–, R–, K–, V+).

2.1.3.1.2. Przymiotniki (z pochodzenia imiesłowu przymiotnikowe) (2): *slaknjeny* (verwünschter) (Pf+, R+, K+) – richtig: *slakły* (Pf–, R–, K–, V–), *wopřijacy* (umfassend) (Pf–, R–, K+) – richtig: *wopřijmacy* (Pf–, R+, K–, V–).

2.1.3.1.3. Czasowniki (6)

2.1.3.1.3.1. Hasło poświadczone przez Pfula, Rězaka i Krala (1): *přeposlušać* (überhören) – richtig: *přesłyšeć* (Pf+, R+, K+, V+).

2.1.3.1.3.2. Hasło niepoświadczone przez Pfula, Rězaka i Krala (1): *přeposkać* (überhören) – richtig: *přesłyšeć* (Pf+, R+, K+, V+).

2.1.3.1.3.3. Hasła niepoświadczone przez Pfula i Rězaka, ale poświadczone przez Krala (4): *powlac* (Schlingen stellen – pasle powlac) – richtig: *polac* (Pf+, R+, K+, V+), *powlakować* (Schlingen stellen – pasle powlakować) – richtig: *polakować* (Pf+, R+, K+, V–), *zahradźeć* (verrammeln) – richtig: *zaraćić* (Pf+, R+, K+, V+), *zahradźować* (verrammeln) – richtig: *zaraćić* (Pf+, R+, K+, V+).

2.1.3.2. Poświadczone przez Völkela hasła kwalifikowane Jakubaša z odpowiednikami poprzedzonymi wyrazem *richtig* 'prawidłowy, poprawny' (10)

2.1.3.2.1. Rzeczowniki (8)

2.1.3.2.1.1. Hasła poświadczone przez Pfula i Krala, ale niepoświadczone przez Rězaka (3): *šrót* (Schrot; Schrotmehl) – richtig: *tołč* (Getreideschrot) (Pf+, R+, K+, V+) oraz *drob* (Schießschrot) (Pf+, R+, K+, V-), *štryk* (Strick) – richtig: *powjaz* (Pf+, R+, K+, V+), *wojnar* (Wagner, Stellmacher) – richtig: *kolodžej* (Pf+, R+, K+, V+).

2.1.3.2.1.2. Hasła niepoświadczone przez Rězaka, ale poświadczone przez Pfula i Krala (2): *tróšt* (Trost) – richtig: *pokoj* (Pf, R, K, V: *pokoj/ spokoj*), *tróštar* (Tröstar) – richtig: *pokojičer* (Pf-, R-, K+, V-) [Pf, R, V: *pokojičeł*].

2.1.3.2.1.3. Hasło poświadczone przez Pfula, Rězaka i Krala (1): *wopomnjeće* (Andenken) – richtig: *wopomnjenje* (Pf+, R+, K+, V+).

2.1.3.2.1.4. Hasło niepoświadczone przez Pfula i Rězaka, ale poświadczone przez Krala (1): *štryčk* (Bindfaden; Schnur) – richtig: *bórnica* (Pf+, R+, K+, V+).

2.1.3.2.1.5. Hasło niepoświadczone przez Rězaka i Krala, ale poświadczone przez Pfula (1): *šwabl* (Schwefel) – richtig: *syrik* (Pf: *syrk*, R+, K+, V+).

2.1.3.2.2. Czasowniki (2)

2.1.3.2.2.1. Hasło niepoświadczone przez Pfula, ale poświadczone przez Rězaka i Krala (1): *připoslušać* (zuhören) – richtig: *poslušać* (Pf, R+, K+, V+).

2.1.3.2.2.2. Hasło niepoświadczone przez Pfula i Rězaka, ale poświadczone przez Krala (1): *wotpójsnyć* (abhängen) – richtig: *wotpójsyć* (Pf-, R-, K-, V-).

2.1.3.3. Niepoświadczone przez Völkela hasła kwalifikowane Jakubaša z odpowiednikami poprzedzonymi wyrazem *eig.* = *eigentlich* 'właściwie, w zasadzie' (7)

2.1.3.3.1. Rzeczowniki (6)

2.1.3.3.1.1. Hasła niepoświadczone przez Rězaka, ale poświadczone przez Pfula i Krala (2): *bjentuch* (Pflaster) – eig. (*za*)*wobal(k)*: (Pf: *wobal*, R: (*za*)*wobal(k)*, K: *zawobalk*, V-), *měrkuš* (Gedächtnis) – eig. *pomjatk* (Pf+, R+, K+, V+).

2.1.3.3.1.2. Hasło poświadczone przez Pfula, Rězaka i Krala (1): *hadrak* (Zänker) – eig. *wadžak* (Pf+, R+, K+, V+).

2.1.3.3.1.3. Hasło niepoświadczone przez Pfula, ale poświadczone przez Rězaka i Krala (1): *šwikawa* (Wendehals) – eig. *kwikawa* (Pf+, R+, K+, V+).

2.1.3.3.1.4. Hasło niepoświadczone przez Pfula i Rězaka, ale poświadczone przez Krala (1): *wotškodženje* (Entschädigung) – eig. *zarunanje* (Pf-, R+, K+, V+).

2.1.3.3.1.5. Hasło niepoświadczone przez Pfula, Rězaka i Krala (1): *kósty* (Kosten) – eig. *pláčizna* (Pf+, R+, K+, V+), *wudawki* (Pf: wudawk, R+, K+, V+).

2.1.3.3.2. Czasownik (1)

Hasło poświadczone przez Pfula, Rězaka i Krala (1): *kumpać so* (sich baden) – eig. *kupać (so)* (Pf+, R+, K+, V+).

2.1.3.4. Poświadczone przez Völkela hasła kwalifikowane Jakubaša z odpowiednikami poprzedzonymi wyrazem *eig* = *eigentlich* 'właściwie, w zasadzie' (16)

2.1.3.4.1. Rzeczowniki (11)

2.1.3.4.1.1. Hasła poświadczone przez Pfula, Rězaka i Krala (2): *dybzak* (Tasche) – eig. *kapsa* (Pf+, R+, K+, V+), *hewjer* (Grubenarbeiter) – eig. *hórnik* (Pf+, R–, K+, V+).

2.1.3.4.1.2. Hasła niepoświadczone przez Rězaka, ale poświadczone przez Pfula i Krala (7): *ganzor* (Gänserich) – eig. *husor* (Pf+, R+, K+, V+), *herba* (Erbe) – eig. *namrěwc* (Pf–, R+, K+, V+) ~ *džědzićel* (der Erbe) (Pf+, R+, K+, V+), *hěbl* (Hobel) – eig. *truhak* (Pf+, R+, K+, V+), *hěta* (Hütte) – eig. *jět(k)a* (Pf: *jěta*, *jětka*, R: *jatka*, *jětka*, K: *jětka*, V–), *jaka* (Jacke) – eig. *pjezl* (Pf–, R+, K+, V+) od. *kabat* (Pf+, R+, K+, V+), *lódka* (Lade) – eig. *křinja* (Pf+, R+, K+, V+), *mandl* (Mandel) – eig. *pjatnatka* (Pf–, R–, K–, V+).

2.1.3.4.1.3. Hasło niepoświadczone przez Pfula, ale poświadczone przez Rězaka i Krala (1): *deba* (Schmuck) – eig. *(woz)doaba* (Pf: *wozdoaba*, R: *wozdoaba*, K–, V+ *wozdoaba*).

2.1.3.4.1.4. Hasło niepoświadczone przez Rězaka i Krala, ale poświadczone przez Pfula (1): *kecar* (Ketzer) – eig. *bludnik* (Pf+, R+, K+, V–).

2.1.3.4.2. Czasowniki (5)

Przykłady: *hěblować* (hobeln) (Pf+, R–, K+, V+) – eig. *truhac* (Pf+, R+, K+, V+), *koštować* (kosten) (Pf–, R–, K+, V+) – eig. *pláčic* (Pf+, R+, K+, V+), *wop-tac* (Pf+, R+, K+, V+), *wuposkać* (aushorchen) (Pf–, R–, K+, V+) – eig. *wupo-słuchać* (Pf+, R+, K+, V+), *wupójsnyć* (aushängen) (Pf+, R–, K+, V+) – eig. *wu-powěsyć* (Pf–, R–, K–, V–), *wupójšeć* (aushängen) (Pf–, R–, K+, V+) – eig. *wu-powěšeć* (Pf–, R–, K+, V+).

2.1.3.5. Niepoświadczone przez Völkela hasła kwalifikowane Jakubaša z odpowiednikami poprzedzonymi wyrazem *besser* 'lepiej' (6)

2.1.3.5.1. Rzeczowniki (3): *škowrončina* (Lärchenbaum) (Pf+, R–, K–, V–) – besser: *larik* (Pf–, R+, K–, V+), *wjedźićel* (Führer) (Pf–, R+, K+, V–) – besser:

wodźiciel (Pf-, R+, K+, V+), *wjedźicielstwo* (Führerschaft) (Pf-, R+, K+, V-) – besser: *wodźicielstwo* (Pf-, R-, K-, V-).

2.1.3.5.2. Czasowniki (3)

Przykłady: *připoručeć* (befehlen) (Pf-, R- [R: připoručić], K+, V-) – besser: *poručec* (Pf+, R+, K+, V+), *připoručić* (befehlen) (Pf-, R+, K+, V-) – besser: *poručec* (Pf+, R+, K+, V+), *připoručować* (befehlen) (Pf-, R-, K+, V-) – besser: *poručec* (Pf+, R+, K+, V+)

2.1.3.6. Poświadczone przez Völkela hasła kwalifikowane Jakubaša z odpowiednikami poprzedzonymi wyrazem *besser* (4)

2.1.3.6.1. Rzeczowniki (4): *škrějter* (Schmelzer) (Pf+, R+, K+, V+) – besser: *škrěwec* (Pf-, R-, K-, V-), *škrějternja* (Schmelzhütte) (Pf+, R-, K+, V+) – besser: *škrělnja* (Pf+, R-, K-, V-), *špihel* (Spiegel) (Pf+, R-, K+, V+) – besser: *hladaŋko* (Pf: hladaŋko), R+, K: hladaŋko, V: hladaŋko), *šumjel* (Schimmel) (Pf+, R-, K+, V+) – besser: *bětoš* (Pf+, R-, K+, V-).

2.1.3.7. Hasło kwalifikowane Jakubaša

z odpowiednikiem poprzedzonym słowem *gebräuchlicher* 'częściej używany' (1)

2.1.3.7.1. Rzeczownik (1): *elektricity* (Elektrizität) (Pf-, R-, K-, V-) – gebräuchlicher: *milina* (Pf+, R+, K+, V+).

2.2. Górnołużyckie odmianki znaczeniowe

hasel leksykalnych Jakubaša oznaczone gwiazdkami (7)

Chodzi o następujące przykłady (w nawiasie wyraz niemiecki wskazujący na odmiankę znaczeniową): *klijer* (Flucher), *měnjter* (der Meinende), *poměrnosc* (Friedlichkeit), *smažić* (brachen), *šćukać* (schluchzen) [u V brak tego hasła], *wobora* (Hürde), *zwuk* (Gewohnheit).

Völkel nie dokumentuje tych znaczeń.

2.3. Górnołużyckie odmianki morfologiczne

hasel Jakubaša oznaczone gwiazdkami (3)

Völkel nie rejestruje odmianek morfologicznych hasel opatrzonych przez Jakubaša gwiazdką: *wobžrěć* (V: *wobžrać*), *wurodźec* (V: *wurodźić*), *zwonolijer* (V: *zwonylijer*).

2.4. Górnołużyckie odmianki ortograficzno-fonetyczne hasel Jakubaša oznaczone gwiazdkami (11):

Völkel nie rejestruje kilku postaci ortograficzno-fonetycznych hasel Jakubaša (6): *čěłnosť* (Körperlichkeit) – V: *čěłnosť, načec* (anschneiden) – V: *načec, nahramnosť* – V: *nahrabnosť, tuna* – V: *tona, zrěbje* (Grobgarn) – V: *zhrěbje, zrěbjo* = *žrěbjo* (Fohlen, Füllen) – 4. wyd. V: *žrěbjo*, 5. wyd. V: *zrěbjo||žrěbjo*. Potwierdza jednak propozycje Jakubaša w sprawie poprawności ortograficzno-fonetycznej następujących hasel (5): *rjosa* (Tau) – richtig: *rosa, wjentok* (np. Abflußrinne) – richtig: *wentok, wjezmo* (Frucht) – richtig: *wjezwo, worcl* (Stahl) – richtig: *woc(e)l, zjew* (Erscheinung) – richtig: *zjaw*.

2.5. Górnołużyckie nazwy własne Jakubaša oznaczone gwiazdkami (5)

Postać ortograficzno-fonetyczna kilku nazw nie znajduje potwierdzenia u Völkela: *Sas* (Sachse) (V: *Saks||Saksa*), *Sasowka* (Sächsin) (V: *Saksowka*), *Šwejda* (Schwede) (V: *Šved||Šweda*). Völkel nie notuje nazwy *Džěwin* (V: *Magdeburg*) oraz *Włóska* (Welschland) (V: *Italska*).

3. Uwagi końcowe

Ograniczę się w tym miejscu do uwag o 303 hasłach kwalifikowanych Jakubaša. Słownik Völkela odnotował 102 takie hasła (33,6% wszystkich hasel), pominął zaś 202 hasła (66,4%). Można zatem przyjąć, że 202 wyrazy ostatecznie wyszły z użycia lub w ogóle nie znalazły zastosowania w powojennej praktyce językowej. Prawdopodobnie są to w większości neologizmy Pfuła, Rězaka, Krala lub wyrazy, które wymienieni leksykografowie bezskutecznie starali się upowszechnić.

Warto wspomnieć, że niektóre wyrazy kwalifikowane Jakubaša — spośród pominiętych w Słowniku Völkela — przejął jednak dwutomowy Słownik niemiecko-górnołużycki (zob. przypis 8). Znajduje się w nim 19 interesujących nas hasel (tj. prawie 10% hasel pominiętych przez Völkela). Następujące hasła zamieszczono bez kwalifikatorów (7): *křesel, ludźiznajer, mlějidło, mól* (obok rzeczownika *mola*), *nochnyć, rejć* (w postaci *rjejić*), *wurada*. Przy pozostałych słowach (12) znajdują się kwalifikatory: *veralt.* = *veraltet* ‘przestarzały’ (*kralowa, napaslez, pich*), *buchspr.* = *buchsprachlich* ‘książkowy’ (*rihać, wučidło*), *geh.* = *gehoben* ‘podniosły’ (*wotćec, wupomóc*), *selt.* = *selten* ‘rzadki’ (*chrymp, nutra*), *salopp* ‘niedbały’ (*robić*), *reg.* = *regional* ‘regionalny’ (*musyć*), *folkl.* = *folkloristisch* ‘folklo rystyczny’ (*kepa*). Wydaje się, że większość powyższych wyrazów mogłaby figurować u Völkela z odpowiednimi kwalifikatorami. Roz-

bieżność między zasobem wyrazów hasłowych Völkela i słownika z lat 1989–1991 jest też konsekwencją tego, że w leksykografii niemiecko-górnołużyckiej w większym stopniu niż w leksykografii górnołużycko-niemieckiej uwzględnia się wyrazy przestarzałe i nacechowane stylistycznie, aby jak najdokładniej oddać znaczenia wyściowych hasel niemieckich.

Wśród 171 niepoświadczonych przez Völkela hasel kwalifikowanych Jakubaša najwięcej jest słów udokumentowanych przez Krala (130), nieco mniej przez Rězaka (110) i Pfula (106). Völkel przejął 72 hasła kwalifikowane Jakubaša, które we wcześniejszych źródłach mają następujące poświadczenia: Kral (67), Rězak (48), Pful (46).

Mniejszą grupę stanowią wyrazy, przy których znajdują się odpowiedniki poprzedzone wyrazami: richtig, eigentlich, besser, gebräuchlicher (60). Völkel 30 takich wyrazów odrzucił i 30 zaakceptował. Tylko Kral zawiera większość słów pominiętych przez Völkela — 23 (Pful — 11, Rězak — 10). W drugiej grupie na 30 przejętych leksemów aż 26 potwierdza Kral, 22 znajdują się u Pfula i tylko 4 u Rězaka.

Spśród hasel kwalifikowanych Jakubaša znaczną większość stanowią wyrazy odnotowane lub zaproponowane przez Pfula, Rězaka i Krala; niewiele jest nabytków leksykalnych wprowadzonych do górnołużyckiego po 1930 r. Dalsze losy tych wyrazów dowodzą, że były to rzeczywiście w większości archaiczne lub sztuczne jednostki leksykalne. W przyszłości należy dokładnie porównać zasoby hasłowe najważniejszych słowników górnołużyckich od wydania Słownika Pfula (1866). Wówczas można będzie przekonująco wypowiedzieć się o zasadniczych cechach ewolucji słownictwa górnołużyckiego.

Kilkadziesiąt hasel kwalifikowanych Jakubaša można uznać za sławizmy. Są to różnego rodzaju zapożyczenia i neologizmy utworzone pod wpływem słowiańskim — upowszechniane przez słownikarzy (Pfula, Rězaka i Krala) oraz wprowadzane po 1945 r. przez słowianofilów górnołużyckich (głównie byłych uczniów gimnazjów lużyckich w Czechosłowacji oraz studentów czeskich i polskich uczelni akademickich). Niektórzy słowianofile lużyccy (np. A. Nawka — znany polonofil) wręcz przesadzali «we wzbogacaniu» słownictwa górnołużyckiego (Šewc 1954). Wpływom tym częściowo uległ również F. Jakubaš. Warto w tym miejscu zacytować pogląd H. Jenča [Serbščina 1998: 155]:

«W słowniku Jakubaša namakamy mnóstwo zdžěla ze słownika Krala přewzatych, zdžěla wot awtora wutworjenych neologizmov. Su to mjez wjele druhimi na př.: *ruch* (...), *kroj* ‘Zuschnitt (der Kleidung), Kleidung, Tracht’, *strop* (...), *chwuć* (...), *džěć* (...), *wćip* (...), *wróh* (...), *jazyk* w zmysle ‘Sprache’. Město wšěch tutych slawizmov eksistowachu synonymne normatiwne leksikaliske srědky w hornjoserbskej spisownej rěči; nowotwórby běchu njetrjebawše a desorientowace za wužiwarja».

Warto wspomnieć, że przy wyrazach *kroj*, *jazyk* Jakubaś nie zamieścił gwiazdki, a więc uznał te rzeczowniki za przyswojone.

Sprawa sławizmów w Słowniku Jakubaśa zasługuje na wnikliwe zbadanie. Obecnie ograniczę się do kilku wzmianek.

Niektóre z tych wyrazów istniały dawniej w górnołużyckim; wyszły one z użycia, ale zostały sztucznie ożywione niewątpliwie pod wpływem słowiańskim, np. *chłopc* (pol. *chłopiec*, czes. *chlapec*), *šuba* (ros. *šuba*), *wótčim* (pol. *ojczym*). Dawnymi lub nowszymi propozycjami zapożyczeń słowiańskich są m.in. jednostki leksykalne: *kralowa* (czes. dawne *králová* – współczesne *královna*, pol. *królowa*), *mróženy* (czes. *mražený*, pol. *mrożony*), *pilnik* (pol. *pilnik*, czes. *pilník*), *róznit so* (czes. *různit se*, pol. *różnić się*), *ruch* (pol. *ruch*, czes. *ruch*), *šćenit so* (pol. *szczeniść się*), *wćip* (czes. *vtip*), *wozduch* (ros. *wozduch*, czes. *vzduch*).

Czasem przyczyną sprawczą zaistnienia zapożyczeń słowiańskich był fakt, że wyrazy te dobrze znał dolnołużycki (w identycznej lub podobnej postaci fonetycznej), np. *chmura* (słowo dawniej znane, współczesne *mróčel*) — pod wpływem dłuż. i pol. *chmura*, *komor* (współczesne głuż. *kuntwora*) — pod wpływem dłuż. *komar*, czes. *komár*, pol. *komar* (dawne *komor*, *komór*), *robić* — pod wpływem dłuż. *robiš*, pol. *robić*, czes. *robit*, *sosna* — pod wpływem dłuż. (archaicznego i gwarowego) *sosna*, pol. *sosna*, czes. *sosna*. W górnołużyckim istnieje plurale tantum *kury*; w lp. używa się słowa *kokoš*. Formę *kura* (mian. lp.) zaproponowano zapewne pod wpływem dłuż. i pol. *kura*.

Powyższe sławizmy nie przyjęły się w górnołużyckim; możliwe jest jedynie użycie czasownika *robić* w niestarannym języku potocznym¹

Brak dotąd syntetycznego opracowania o zapożyczeniach słowiańskich w dolnołużyckim i przede wszystkim w górnołużyckim. Niezbędne jest podjęcie odpowiednich prac materiałowych i ustalenie przekonującej metodologii badań².

Ze Słownika Jakubaśa korzystano powszechnie w latach 50-tych i 60-tych XX wieku. Duże zmiany w słownictwie górnołużyckim spowodowały jednak, że po ukazaniu się pierwszego wydania Słownika Völkela (1970) z Jakubaśa korzystają właściwie tylko historycy słownictwa górnołużyckiego.

¹ Przy hasłach *zacořanosć* (Rückständigkeit) i *zacořany* (rückständig) — zamieszczonych bez gwiazdek — Jakubaś informuje o ich polskim pochodzeniu (aus dem Poln.). Wyrazy te zadomowiły się w górnołużyckim. Słowniki polskie nie notują rzeczownika *zacořanosć* (jest to jedynie formacja potencjalna) — w użyciu jest słowo *zacořanie*.

² Od kilku lat R. Bura intensywnie bada górnołużycko-czeskie kontakty językowe. W moim artykule (Lewaszkiwicz 2013: 102) przedstawiłem zbyt uproszczony (z powodu braku miejsca) pogląd na temat polonizmów i bohemizmów w powojennym języku górnołużyckim.

Bibliografia

Bura 2012 — R. Bura. *The language of students at the Sorbian Seminary in Prague and the Prague Serbowka*. *Studia Linguistica Universitatis Iagellonicae Cracoviensis* 2012 (129), s. 341–351.

Jentsch 1993 — H. Jentsch. *K prašenju druhošłowjanskich leksikaliskich wliwow na hornjo-serbsku spisownu rěč w dobję do narodneho wozrodženja*. «Lětopis» 1993 (40), s. 70–76.

Jentsch 1999 — H. Jentsch. *Die Entwicklung der Lexik der obersorbischen Schriftsprache vom 18. Jahrhundert bis zum Beginn des 20. Jahrhunderts*. Bautzen, 1999.

Lewaszkiwicz 2012 — T. Lewaszkiwicz. *Polsko-łużyckie kontakty językowe od X/XI do XXI wieku*, [w:] *Z polskich studiów slawistycznych*. Językoznawstwo, Seria 12. Warszawa, 2012, s. 97–104.

Schuster-Šewc 1991 — H. Schuster-Šewc. *Zur lexikalischen Nomination im Sorbischen*. «Zeitschrift für Slawistik» 1991 (36), S. 261–270.

Serbšćina 1998 — Serbšćina. Red. H. Faska. Opolę, 1998 (Najnowsze Dzieje Języków Słowiańskich).

Stone 1971a — G. Stone. *Elementy polskie w słownictwie górnołużyckiego języka literackiego*. «Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej» 1971 (10), s. 261–268.

Stone 1971b — G. Stone. *Lexical Changes in the Upper Sorbian Literary Language during and following the National Awakening*. «Lětopis» 1971 (A/ 18), s. 1–127.

Stone 1979 — G. Stone. *Dalsze uwagi o zapożyczeniach słowiańskich w górnołużyckim języku literackim*. «Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej» 1979 (18), s. 267–273.

Šewc 1954 — H. Šewc. *Knjez Anton Nawka, Waša rěč njeje serbska!* «Rozhlad» 1954 (1), s. 31–32.

Дуличенко 1981 — A. D. Дуличенко. *Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития)*. Таллин, 1981.

«ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ» БРОКГАУЗА-ЕФРОНА КАК TERRA INCOGNITA РУССКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

(Взгляд из XXI века)

ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ НИКИТИН

История языкознания – лексикография – лингвистическая терминология – компаративистика – славистика – персонология – филологическая культура

В истории отечественного языкознания есть события особого значения и смысла, вбирающие в себя лучший опыт лингвистического традиционализма, передовых идей филологии и прогностику. Таким явлением стал выход в свет монументального лексикографического труда, ставшего вершиной достижений отечественной науки, культуры и издательской деятельности конца XIX – начала XX вв., — «Энциклопедического словаря» Брокгауза–Ефрона. Он состоял из 82 «полумов» и четырех дополнительных книг. За рекордно короткие по тем временам сроки, с 1890 по 1907 гг., было издано 86 книг ручной сборки, в твердом переплете, с золотым тиснением и очень качественным полиграфическим исполнением. Впервые в истории России был создан тезаурус (от греч. *thēsauros* ‘сокровище’, ‘сокровищница’), отражавший культурные срезы мировой цивилизации с древнейших времен до начала XX столетия в максимально полном, как это представлялось возможным тогда, объеме.

Издание выходило под известными фамилиями Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, имевшими свою издательскую фирму, специализировавшуюся на подготовке и выпуске в свет энциклопедических словарей и многотомных книжных проектов (об истории создания и редакторах этого русского издания см.: [Никитин 2007]).

В предисловии к первому тому «Энциклопедического словаря» его главный редактор, проф. И. Е. Андреевский, так объяснял задачи данного издания:

- «1) В основу Энциклопедического Словаря положить известное немецкое (XIII-е) издание Брокгауза *Conversations Lexikon*, со всеми его богатыми приложениями, как географических карт, так и рисунков <... >.
- 2) Полагая в основу немецкое издание Брокгауза, я извлекаю из него путем перевода все те статьи, которые, по моему мнению, вполне удовлетворительны и не требуют никаких изменений. Те же статьи его Лексикона, которые не могут удовлетворить предъявлению строгих требований, я представляю себе изменять, дополнять и совершенно заменять новыми статьями на основании других энциклопедий... и самостоятельных научных сочинений и специальных работ.
- 3) Все статьи, касающиеся России, а им отводится широкое место, помещаются в Словаре *совершенно самостоятельные* (курсив наш. — О. Н.), представляющие обширный и свежий материал, самобытно и совершенно заново обработанный почтенными русскими учеными, принявшими участие в составлении этого словаря <... >» [ЭС 1890: I–II].

Но основная задача состояла в том, чтобы

«дать соотечественникам по возможности полные, совершенно объективно поставленные данные как общечеловеческой культуры, так и специальных условий России...» [там же: II].

«Энциклопедический словарь» при всей его «популярности» — это прежде всего научный труд, над составлением которого трудились выдающиеся отечественные ученые, опытнейшие редакторы, консультанты, верстальщики и т.д. Они смогли воплотить весьма амбициозный замысел создания самого авторитетного справочного словаря, который давал сведения практически из всех областей знания: математики, техники, логики, философии, биологии, географии, истории, политики, экономики, религии, искусства, антропологии...

С «Энциклопедическим словарем» сотрудничали в том числе и крупнейшие отечественные ученые-филологи и лингвисты: профессора А. С. Архангельский, Д. И. Багалей, И. А. Бодуэн де Куртенэ, С. К. Булич, А. Г. Горнфельд, Ф. Ф. Зелинский, А. И. Кирпичников, А. Е. Крымский, Д. Н. Кудрявский, Н. И. Стороженко, Ф. И. Успенский и др., а также действительные члены Императорской АН — академики К. Н. Бестужев-Рюмин, А. Н. Веселовский, В. И. Ламанский, В. Ф. Миллер, А. Н. Пыпин, А. А. Шахматов. Их подвижнической работой впервые в отечественной традиции был сформирован и обработан понятийный аппарат явлений и

терминов, охватывающих словесность в целом — и в сравнительно-историческом масштабе, и в современной для того периода плоскости. Получили критическую, но объективную оценку многие историко-культурные и литературные события, в том числе даны характеристики деятельности писателей и поэтов XIX века и мн. др.

Еще одна особенность словарных статей филологического цикла состоит в том, что они носят в большинстве своем энциклопедический характер. В центре внимания авторов был не только русский язык, но и древние, и современные европейские языки. Их лингвистические и литературно-филологические традиции также не были обойдены в этом издании. В то же время перед нами *специальный* словарь, дающий толкование конкретных языковедческих терминов, например, «Гласные звуки», «Междометие», «Род», «Ударение» и др.

«Энциклопедический словарь» стал по сути дела первым печатным лингвистическим терминологическим словарем, составленным на профессиональном научном уровне и охватившим всю палитру словесного искусства: от элементов знаковых систем, экзотических и международных языков до освещения проблем стилистики и риторики, подробнейшего описания фонетических, грамматических и общелингвистических понятий.

Заметим также, что в Словарь вошли и отдельные статьи по персоналиям отечественных и зарубежных лингвистов (некоторые из них на момент выхода этого издания еще плодотворно работали) с оценкой их вклада в науку. Здесь интересно то, что в словник были включены и редкие, забытые сейчас имена, малоизвестные фамилии, чьи труды и деятельность были связаны с лингвистикой. Таков, например, очерк о профессоре русского языка в Гельсингфорском университете Сергее Васильевиче Соловьеве.

Если внимательно ознакомиться с языковедческой частью «Энциклопедического словаря», то можно заметить некоторый уклон в сторону компаративистики. Это и понятно: почти все авторы статей воспитывались в недрах Московской и Казанской лингвистической школ, некоторые, например, И. А. Бодуэн де Куртенэ, сами создали влиятельное научное направление, выросшее из традиций сравнительно-исторической языковедения. Кроме того, большое влияние на авторов статей имела немецкая лингвистика, тщательно разрабатывавшая многие грамматические и в целом языковедческие проблемы в русле компаративистики и находившаяся и в XIX в. на передовых рубежах этой науки.

Не все статьи равнозначны по объему и трактовке лингвистических явлений и терминов. Есть проблемные материалы, представляющие собой монографии (таковы, например, разделы «Русский язык», «Сравнитель-

но-историческое языкознание», «Язык и языки», «Языкознание» и др.), а есть статьи, ограничившиеся кратким определением понятия.

Еще один «уклон» словаря заключается в обилии статей, посвященных языкам, литературам, культурам и религиям стран юго-восточной Азии, особенно Индии, и вообще редким языкам, научная разработка которых более совершенными методами тогда еще только начиналась. В этой тенденции осветить подробно данную проблематику сказался интерес одного из талантливых и самых плодовитых авторов издания — профессора С. К. Булича, который как раз был знатоком Востока и крупнейшим историком мирового языкознания.

Отметим, что лингвистический материал встречается не только в терминологических статьях, но и в отдельных работах по истории, этнографии, страноведению, где в той или иной мере освещались и проблемы языковых связей.

Часто авторы статей выступали не беспристрастными «наблюдателями» языка, а руководствовались личными мотивами, симпатиями и антипатиями. Но такая субъективность в известной степени уравновешивала широкий диапазон мнений, встречавшихся на страницах Словаря. В этом смысле данному изданию был присущ известный полемизм. Ведь его авторы *впервые* создавали такой объемный терминологический тезаурус и при этом — что надо отметить как выразительный факт — во многом шли экспериментальным путем, старались отойти от довлевших над ними немецких источников и прототипа Словаря. Таковы, например, статьи С. К. Булича о международных вспомогательных языках, И. А. Бодуэна де Куртенэ — о фонетике и фонологии и др.

Многое, о чем писали наши лингвисты, только получало свое решение в науке рубежа XIX–XX вв., находилось на перепутье жестких дискуссий и т.д. Поэтому ученые не могли хладнокровно относиться к происходившим в мире языкознания событиям. Как положительный факт отметим также отсутствие лингвистической цензуры в Словаре. Редакторы соответствующих разделов вели лишь общую разработку тематических словников и решали концептуальные вопросы издания. Они не вмешивались в конкретную реализацию замысла, не диктовали авторам, как и что писать и какие делать акценты. В этом смысле «Энциклопедический словарь» Брокгауза–Ефрона, по крайней мере в его лингвистической части, можно считать самым демократичным изданием такого рода в конце XIX – начале XX вв.

Очевидно, что многие идеи рождались и обсуждались в процессе подготовки Словаря. Содержательная часть словника, ее качество и приоритеты лежали целиком на доверии к авторам — подлинным подвижникам фило-

логического труда. Потому, наверное, при некоторой пестроте и неравномерности изложения и размещения языковедческого материала, иногда отсутствия четкого структурирования все статьи написаны глубоко, профессионально, научно, с элементами популярности и энциклопедичности и читаются на одном дыхании; в них брызжет живая мысль, и выражено незапороенное «лингвистическое сознание», желание объяснить и донести до читателя мельчайшие подробности того или иного явления, в том числе и «периферийного». Показательно, что Словарь и начинается с языковедческой статьи о букве А (далее, кстати, во всех последующих томах, дается детальное объяснение истории букв русского алфавита, их происхождение — эти «литерные» обзоры принадлежали С. К. Буличу).

Особое место в Словаре занимают статьи по грамматике, большая часть которых написана проф. Д. Н. Кудрявским — видным отечественным лингвистом и педагогом, специалистом по теории языка, древним языкам и индологии (именно он дал путевку в жизнь ставшую впоследствии классической книге А. М. Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении: по отзыву Кудрявского ее автор получил академическую премию). Его публикации в этом издании отличаются особенной четкостью и продуманностью изложения и представления материала, последовательной концепцией (именно так!), объективными характеристиками лингвистического факта или явления с точки зрения его происхождения и особенностей не только в русском, но и в древних и новых языках (см. статьи «Творительный падеж», «Предложный падеж», «Род» и др.). Именно такая позиция автора, как, впрочем, и других ученых, позволила им написать не статьи-однодневки, а глубокие материалы, до сих пор имеющие научную ценность.

Самым плодовитым автором «Энциклопедического словаря» был ученик И. А. Бодуэна де Куртенэ, впоследствии профессор Императорского Санкт-Петербургского университета Сергей Константинович Булич, не оцененный современникам по достоинству ученый-энциклопедист. Его перу принадлежали очень разнообразные статьи: по отдельным разделам фонетики, грамматики, персоналии, литературам и языкам Индии, лингвоэкзотика и др. Кажется, что он разбирался во всем. Причем давал всегда очень обстоятельный комментарий. Вот, например, казалось бы, совсем «простая» статья «Местоимение». Он начинает ее с того, как понимали эту часть речи древнегреческие и римские грамматисты и, в частности, замечает:

«Какие бы различные системы классификации ни предлагались разными грамматиками, у всех личное местоимение является основой, центром всего клас-

са м<естоимений>. Первичная разница между м<естоимением> и именем заключается в различии корней для того и другого. Корни м<естоимений> не обозначают ни понятия, ни качества; они только *указывают* на них» [Булич 1896: 336].

Далее в статье идет сравнительная характеристика корней в древних языках (латинском и санскрите), в английском и немецком языках. Автор говорит о характере форм местоимений в старославянском языке и об общих свойствах этой части речи. Он замечает:

«Одной из характерных особенностей м<естоимения> является частая разносклоняемость их. Здесь чаще, чем у других частей речи, наблюдается явление так называемых дефективных систем склонения, т.е. образование одной системы из осколков разных, чуждых первично друг другу систем» [там же].

Столь же подробно, с объяснением многих нюансов языковых связей, описаны С. К. Буличем и Д. Н. Кудрявским падежи, некоторые фонетические явления, например, гортанные звуки, спирант и др. Очень познавательны статьи С. К. Булича: «Увулярное *p*», «Возвратное местоимение», «Возвратный залог», «Глагол» и др.

Из других особенностей грамматической и вообще лингвистической терминологии, применявшейся в Словаре, необходимо отметить наличие ныне забытых, не использующихся, устаревших наименований понятий и явлений. Таковы статьи «Гомогенные звуки», «Гомоним» и некот. др. Они свидетельствуют о неустойчивости в целом терминологического аппарата языкознания того времени.

Мы уже отмечали, что многие статьи Словаря носили дискуссионный, экспериментаторский характер. Отдельным явлениям, только входившим в лингвистическую традицию и «моду» уделялось большее внимание, чем традиционным терминам. Так, великолепно написана статья «Всемирный, или международный, язык» (автор — С. К. Булич), занявшая 5 страниц убористого текста и впервые рассказавшая в отечественном энциклопедическом издании в таком объеме об этапах становления и реализации идеи искусственного языка, «на котором все цивилизованные народы могли бы сноситься между собою письменно и устно» [Булич 1892: 393]. В ней автор указывает и на факты «соперничества»:

«Система [эсперанто] отличается большой простотой и сжатостью, делающей язык эсперанто (т. н. *Linguo Internacia*) опасным соперником воляпюка. Были известия, что в Нюрнберге целый ферейн воляпюкистов перешел от воляпюка к языку эсперанто» [там же: 396].

С. К. Булич указывает и на спорные, неудачные, по его мнению, особенности этого языка:

«Неудачным следует признать широкое применение выражения контрастов в значении с помощью частицы *mal*: *bona* — хорош, *malbona* — плох; *mola* — мягкий, *malmola* — жесткий и т.д. В подобных случаях напрашивается сам собой вопрос, почему *жесткий* противопоставляется *мягкому*, а не наоборот, или почему *мягкий* понимается, как нечто положительное, а *жесткий*, как нечто отрицательное? Язык эсперанто таким образом тоже страдает произвольностью приемов изобретателя, известным субъективизмом» [там же: 396–397].

Завершается статья философским рассуждением автора о состоянии языков в будущем и перспективах «вавилонского столпотворения» мировых глосс:

«Перешагнет ли человечество через эту последнюю преграду при помощи сознательного установления каких-нибудь общих форм в этой области, или в области морфологии (что весьма маловероятно) произойдет нечто подобное тому процессу взаимного заимствования, который замечается в лексическом составе современных культурных языков — сказать, разумеется, невозможно. Мы не можем и догадываться, что произойдет с языком в эту отдаленную эпоху, если развитие культурного мира будет идти без всяких помех и препятствий извне. Как бы то ни было, постоянное появление проектов всеобщего языка не только указывает на известные общественные потребности, но и служит, быть может, симптомом каких-то нам еще неясных будущих эволюций общества» [там же: 397].

Этот вопрос, несмотря на столетие со времени написания статьи, до сих пор остается открытым.

Отдельный полутом (55) «Энциклопедического словаря» Брокгауза–Ефрона, как мы уже писали, был посвящен России. Цикл статей, охватывающих «Русский язык», подготовил для него академик А. А. Шахматов. Сюда же вошли и другие историко-лингвистические обзоры: «Востоковедение» (автор — приват-доцент В. Бартольд), «Классическая филология» написана А. Малейным, «Славистику» подготовил приват-доцент А. Погонин, а очерк «Русский язык и сравнительное языкознание» — С. Булич.

В нашей статье мы коснулись преимущественно русистской проблематики, но следует заметить, что значительный корпус статей посвящен описанию языков и литератур разных народов: объемны очерки о французском и итальянском языках, об исторических разновидностях немецкого языка и т.д.

По нашим подсчетам, общий объем «лингвистической части» Словаря даже при строгом отборе (не принимая во внимание смежные проблемы

стилистики и литературоведения) может составить не менее 100 печатных листов. Таков был *первый* опыт терминологических и энциклопедических статей по языкознанию для самого фундаментального издания рубежа XIX–XX вв.

В этой статье едва ли возможно осветить сколько-нибудь подробно все стороны создания и особенности этого уникального издания в рамках даже одного лингвистического блока. Отметим только, что все последующие, возникшие в советское время, энциклопедии с их огромным штатом и более совершенными техническими возможностями не смогли повторить «Брокгауза–Ефрона». Популярность этого словаря возросла в 1990-е гг., когда было предпринято репринтное переиздание ставшего библиографической редкостью «Энциклопедического словаря». Позднее стали выходить отдельные тематические «выжимки» из этого словаря, его современные иллюстрированные версии и т. п. новоделы, питающиеся до сих пор классическим наследием рубежа XIX–XX вв. Однако подлинный «Энциклопедический словарь» — не только интереснейший исторический памятник, книга для чтения и современный словарь, своего рода учебное пособие для самостоятельного овладения информацией по общему языкознанию. В отличие от нынешних учебников оно не давит своей «дидактичностью», которая здесь проявляется в другом: вдумчивый читатель понимает, что каждый вопрос в истории, культуре, языкознании имеет не одно, а несколько решений и остается открытым для исследования будущими поколениями, что невозможно навязать «авторитетное» прочтение текста в угоду «передовым» концепциям, что наше прошлое — неиссякаемый кладезь мудрости. С него и следует начинать просвещение.

Поучительны слова известного философа начала XX века Густава Шпета:

«Дряблая бесстыльность эпохи — в терпимом отношении к дилетантизму, когда дилетантизм становится бесстыден и вопреки правилам общественного приличия ведет жизнь публично открытую» [Шпет 1989: 348].

Это особенно чувствуется сейчас. «Энциклопедический словарь» Брокгауза–Ефрона есть своего рода отклик на «дряблую бесстыльность» современной массовой (и отчасти научной лингвистической) культуры, не видящей и не знающей своих корней.

Остается надеяться, что когда-нибудь выйдет отдельным изданием языковедческая часть этого словаря и каждый думающий читатель сможет прикоснуться к летописным страницам истории лингвистики, которые до сих пор продолжают жить и питать новое поколение ученых и педагогов ори-

гинальностью мысли, последовательностью рассуждений, глубиной и широтой познаний мира знаков и звуков.

Литература

Булич 1892 — С. К. Булич. *Всемирный, или международный, язык*. Энциклопедический словарь. Т. 13 (VII). Издатели Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. С.-Петербург, 1892, 393–397.

Булич 1896 — С. К. Булич. *Местоимение*. Энциклопедический словарь. Т. 37 (XIX). Издатели Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. С.-Петербург, 1896, 336.

Никитин 2007 — О. В. Никитин. *Тезаурус*. Московский журнал (История государства Российского), 2007, № 10, 2–14.

Шпет 1989 — Г. Г. Шпет. *Сочинения*. Москва, 1989.

ЭС 1890 — *Энциклопедический словарь*. Т. I. Издатели Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. С.-Петербург, 1890, [с. I–II].

РУСИНСКИЕ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ ПОДКАРПАТЬЯ (1939–1944 гг.)

МИХАИЛ КАПРАЛЬ/ KÁPRÁLY MIHÁLY

История периодики – Подкарпатье 1939–1944 гг. – русинские периодические издания – периодика Подкарпатского общества наук – русскоязычные издания Венгрии – религиозные издания

История периодики Подкарпатья периода Второй мировой войны еще только ждет своих исследователей. Советские ученые уделяли внимание преимущественно коммунистической прессе, а все другие издания (самые разнообразные как по форме, так и по содержанию более двадцати газет и журналов того времени) огульно называли «профашистскими» изданиями (см. напр.: Хайнас 1963; Лисовой 1970). Подобная оценка, к сожалению, автоматически накладывала табу на их исследование. К тому же игнорирование советских исследователей периодики Подкарпатья военных лет объяснялось еще и отсутствием коммунистической периодики в тот период как таковой. Недостаточное внимание к настоящей теме современных украинских исследователей, по-видимому, связано с тем фактом, что в те годы в крае выходили не украинские, а русинские периодические издания. Проблему усугубляет и недоступность изданий для сегодняшних исследователей. Достаточно сказать, что большая часть наличествующих в библиотеке Ужгородского национального университета номеров периодических изданий сохранилась лишь благодаря деятельности специальных карательных органов, которые оперировали ими (и соответственно хранили их) в качестве вещественных доказательств. Многие журналисты в крае преследовались еще во время войны, первые лица были уничтожены. Новая идеологическая сила воинственно и решительно отвергала нежелательное для нее видение исторических событий, особенно если это касалось документов эпохи, в частности, периодических изданий предшествующих государственных режимов. Печатная продукция была просто уничтожена. Ситуация по изучению истории «второго» венгерского периода Подкарпатья

(1938–1944 гг.) представляется весьма парадоксальной, поскольку ближайший по времени ее отрезок досоветского периода, в частности, история местных масс-медиа, в научно-популярной литературе, да и в специальных изданиях представлена недостаточно.

Увы, полных подшивок периодических изданий нет ни в одной библиотеке или архивном учреждении. Лучше представлены издания Подкарпатского общества наук, в частности, в фондах научной библиотеки Ужгородского национального университета (далее — УНУ). В значительном количестве издания 40-ых годов прошлого века представлены в Закарпатском государственном архиве (далее — ЗГА), в фондах Областного краеведческого музея (далее — ОКМ), в Государственной библиотеке имени Сечени Будапешта (далее — ГБС), отдельные периодические издания частично представлены в библиотеках Дебреценского университета (далее — ДУ) и Ниредьхазской грекокатолической богословской академии имени святого Афанасия (далее — НГБА). Наше описание периодических изданий, безусловно, нуждается в дальнейшей доработке. Так, например, в ужгородской прессе в марте 1944 года сообщалось о выходе газеты для гимназистов «Фронтъ Молодежи» [Капраль 2011, 174], однако нами до сих пор не выявлено ни одного номера этого издания.

Наиболее полное библиографическое описание ужгородских изданий тех лет представлено в работе венгерского библиографа [László Gézáné Szarka Ágota 2002].

В результате Венской конференции 2 ноября 1938 года, которую провели Германия и Италия, значительная часть территории нынешней Закарпатской области Украины была возвращена в состав Венгерского королевства. Уже 3 ноября в Будапеште были решены все вопросы и 10 ноября венгерские войска (без сопротивления чехословацких властей, армия которой организованно отступила, а ее арьергард дождался первых венгерских гонведов и официально передал власть) заняли важнейшие экономические и культурные центры края — Ужгород, Мукачево и Берегово. Центр, в котором решались все жизненно важные вопросы для Подкарпатья на протяжении следующих шести лет, переместился из Праги в Будапешт. Произошли изменения и в государственной политике, которые непосредственно касались периодических изданий. Уже через три дня после I Венского арбитража 5 ноября 1938 года (за неделю до появления венгерских гонведов в Ужгороде!) газета Степана Фенцика «Нашъ Путь» опубликовала решение новой власти по периодическим изданиям:

«Недавнее распоряжение карпаторусского правительства о закрытии всѣх русскихъ газетъ, сегодняшнимъ днемъ отмѣняется. Одновременно запрещается издание всѣхъ чешскихъ и украинскихъ газетъ в Ужгородѣ, Мукачевѣ и Береговѣ. Русскія и мадьярскія газеты съ сегодняшняго дня на основаніи этого распоряженія не подлежатъ цензурѣ.

Постановленіе вступаетъ въ силу съ момента его опубликованія.

Ужгородъ, 4 XI. 1938

Съ повѣренія

Мадьярскаго Національнаго Совѣта П. Бернатъ»

Появление гонимых генерала Гейзы Сиглера в Ужгород 10 ноября 1938 года ознаменовало начало нового устройства в крае до прихода в октябре 1944 года бойцов Красной Армии. Оставались, правда, еще восточные территории Подкарпатской Руси со столицей в Хусте, которые контролировались чехословацким правительством [об этом периоде см.: Вегеш 1998; Федака 1998].

Весной 1939 года после ликвидации этой административно-территориальной единицы все Подкарпатье оказалось в составе Венгрии. Тогда на Подкарпатской территории (венг. Kárpátaljai terület) проживало всего 667561 человек. Из них — 498290 русин, что составляло 74,7% от всего количества населения. 9,1% обывателей края составляли евреи, 8,6% — венгры, 3,4% — словаки, 2,2% — румыны, 1,4% — немцы. По конфессиональной принадлежности население края распределялось следующим образом: 61,9% — грекокатолики, 17,2% — православные, 12,1% — иудеи, 6,0% — католики [Статистика Подкарпатья 1943, 31–34].

В составе венгерского государства Подкарпатье получило статус регентского комиссариата, глава которого назначался непосредственно Миклошем Горти, и был подотчетным только ему и премьер-министру Венгрии. Наиболее острые и актуальные для интеллигенции вопросы, связанные с языковой ориентацией периодики края и органов государственного управления, Венгрия решила исходя из собственных государственных интересов. Были запрещены украинские издания. Русофильские газеты «автономистов» Андрея Бродия «Рускій Вѣстникъ» и Степана Фенцика «Карпаторусскій Голось» в этих условиях сохранили свое существование, а в первый год венгерской власти (особенно до введения цензуры осенью 1939 года) чувствовали себя весьма комфортно. Однако прерогатива новыми властями была дана так называемому «третьему» направлению, т. е. тем политическим и общественным силам, которые в противовес русофильскому и украинофильскому направлению отстаивали собственную автономию, писали родным (на основе местных говоров) русинским языком. Наиболее

влиятельной и организованной силой на то время была Мукачевская греко-католическая епархия, которая еще в условиях Чехословацкой демократии начала объединять представителей «третьей» силы, формировать «свои» политические идеи, которые в условиях Подкарпатской Руси практически сводились к борьбе за автономию края и решению языкового вопроса путем формирования литературного языка на базе местных говоров. Уже в первом номере газеты «Недѣля» 6 октября 1935 года в передовице «Розвиваеме» предлагается «отстранити всѣ недорозумѣнья и споры меже русинами». Идеологи русинского направления считали, что сумеют объединить враждующие лагеря русофилов и украинофилов на базе альтернативной «объединительной», на их взгляд, теории отдельности местного населения. Передовая статья первого номера газеты провозглашала:

«Мы честуеме пересвѣдченѣ кожного чоловѣка. Мы высоко цѣниме културну силу так великорусского як и украинского народа, мы в почести держиме их справедливиѣ націоналнѣ цѣли и стремленья, але притом не хочеме забыти о своєм... Зато рѣшили мы сю нашу новинку выдати и писати на чисто народном языкѣ».

В условиях Чехословакии такого объединения не произошло, традиции противостояния враждующих лагерей в конце 30-ых годов достигли стабильных резко антагонистических форм. Языковую проблему стремилось решить насильственным путем правительство Августина Волошина, однако запрет русофильских изданий продержался всего несколько дней до прихода венгров, которые решили этот вопрос в крае¹ аналогичным образом, но уже в пользу русинофилов и частично русофилов. После вхождения в состав Венгрии западных территорий правительство Волошина переместилось в Хуст, где и далее действовали антирусофильские и антирусинские законы по отношению к языковой и политической ориентации населения Подкарпатья [об этом см.: Чаварга, Виноградов, Гичка 1998]. Периодические издания украинофильской ориентации продолжали выходить до марта 1939 года в Хусте, позже в Праге.

В настоящем обзоре не представлены венгероязычные периодические издания, которые выходили в Ужгороде и других городах Подкарпатья в исследуемый период, ср., «Kárpáti Híradó», «Kárpáti Magyar Hírlap», «Hátárszéli Hírlap», «Hajrá!», «Az Őslakó», «Tiszaháti Magyar Gazda», «Huszt és vidék» [László Gézáné Szarka Ágota 2002].

¹ В данном случае речь идет о территории, которая практически тождественна нынешним административно-территориальным границам Закарпатской области Украины, включая около 70 тысяч преимущественно русинского населения округов Свидник и Снина сегодняшней Словакии, которые были возвращены в состав Венгрии в марте 1939 года.

Издания Подкарпатского общества наук

«Литературна Недѣля Подкарпатского Общества Наукъ»

Выходные данные за 1942 год:

Виходить два разы въ мѣсяць. За издавництво отвѣчае: др. Иван Гарайда. Редагуе и за редакцію отвѣчае: др. Иван Гарайда. Редакція и администрація: Унгварь, Другетова пл. ч. 21. Подкарп. Общества Наукъ. Передплата: на рокъ: 4 — П, на повъ рокъ 2 — П, одно число 15 филлеровъ.

Журнал на газетной бумаге формата 235×305 мм выходил сначала на четырех, шести, позже на восьми, двенадцати страницах с 25 мая 1941 года под несколько иным названием «Литературно-Наукова прилога Карпатской Недѣля» (соответственно за его издание отвечали главный редактор Александр Ильницкий, издатель и ответственный редактор Александр Немет (5 номеров), а уже с № 6 от 3 августа в качестве органа Подкарпатского Общества Наукъ (далее — ПОН), под редакцией Ивана Гарайды [о нем см.: Дзензелівський 1998]. Начиная с 8 номера, издание значительно улучшило свой внешний облик. Увеличился формат и количество страниц, значительно улучшился дизайн, определились рубрики. В этом облике журнал регулярно дважды в месяц выходил до 15 октября 1944 года. В 1941 году вышло 16 номеров газеты (140 страниц, нумерация сквозная), 1942–24 (264 с.), 1943–24 (288 с.), 1944–19 (228 с.).

Издание концентрировало свои интересы в сфере литературного творчества русинских авторов. Здесь публиковались поэтические и малые прозовые формы, переводы с других языков, в частности, венгерского, языковедческие, литературоведческие исследования, рецензии и информация о новых изданиях художественной литературы.

Наиболее полно издание представлено в фондах УНУ и НГБА. Полное его собрание еще в начале 2000-ых было в частной библиотеке ужгородского профессора Й. А. Дзензелівского. Литература: [Капраль 2002].

«Руська Молодежь»

Часопись для подкарпатской молодежи. Выходить каждого мѣсяця кромѣ юлія и августа. Выдае Подкарпатское Общество Наукъ. Редагуе и за редакцію отповѣдае: Др. Иван Гарайда. Предплата на рокъ: 1.50 П., одно число 15 фил. Всѣ заказы, матеріялы и письма посилати на адресу редакціѣ. Редакція и администрація: Подкарпатское Общество Наукъ, Унгварь, Другетова площа число 21.

Издание для школьников, которое печаталось на газетной бумаге формата 155×230 мм на 16 или 24 страницах, с использованием графических

рисунков, реже фотографий. Журнал пользовался большим спросом, уже на втором году его существования тираж достиг 8 тысяч экземпляров. Он официально использовался в школах в качестве литературы для чтения, поскольку отсутствовали в достаточном количестве учебники русинского языка. Главной своей задачей перед родителями редакция провозгласила:

«...чтобы ваших дѣточокъ и учениковъ научала и розвеселяла, а часом въ школахъ и читанку заступила» (1941, ч. 1, с. 1).

На страницах издания в адаптированной форме публиковались небольшие литературные произведения, материалы из географии, истории, краеведения. Много внимания уделялось фольклору. Именно в этой сфере редакция сотрудничала со своими юными читателями, которые с удовольствием публиковали на страницах издания «дорогоцѣнности нашей народной словесности: народнѣ казки, спѣванки, колядки, приповѣдки, проговорки, пословицѣ и т. д.»

В 1941 году вышли из печати три номера журнала, в 1942 еще семь (6–7, 9–10 номера спаренные), далее выходили в 1942/43 учебном году — 10 номеров (5–6, 9–10 — спаренные); 1943/44 — 10 (9–10 номера спаренные); 1944/45 — 1 номер. На цене журнала сказывалась инфляция военных лет: 1941 — 15 филеров за номер, 1942/43 — 20, 1943/44 — 30, 1944/45 — 40 филеров. Как и «Литературна Недѣля» журнал печатался в собственной типографии ПОН. Все номера журнала представлены в научной библиотеке УНУ.

Литература: [Капраль 2002].

«Зоря – Hajnal»

Научовый часопись Подкарпатского Общества Наукъ. Выходить каждого третёго мѣсяця въ роцѣ подь головною редакцією Иринаея Контратовича [в выходных данных второго и последующих томов значилось: Редагуе и за редакцію отповѣдае: Иван Гарайда]. За редакцію отповѣдае Иванъ Гарайда. Рукописи, книги для рецензій и оголошеня принимаються въ канцеларіи Общества Передплата на годъ 6– П, одно число 1.50 П. Редакція и администрація: Унгваръ, Другетова пл. ч. 21.

Выходные данные как и содержание журнала, резюме к каждой из публикаций дублировались на венгерском, немецком и французском языке. Бóльшая часть материалов была представлена на русинском языке, часть — на венгерском. Заявленный в качестве главного редактора первого номера Иринаей Контратович практически не выполнял эту функцию в дальнейшем, его изданием, как и другой периодикой ПОН, занимался неутомимый Иван Гарайда.

Научный журнал, публикации которого носили высокий профессиональный уровень и в большинстве своем актуальны до нашего времени [Дидик 1998]. Печаталось научное издание в типографии ПОН на качественной бумаге формата 175×245 мм. Отличался журнал высокой полиграфической культурой, что позволяло его издателям на должном уровне представлять, в частности, иллюстративные материалы, в том числе, репродукции картин, гербарии и т. п. Всего вышло из печати 4 тома научного журнала: 1941 год — 2 части в одном томе, 1942 — отдельно вышли 1–2 и 3–4 тома, в 1943 году в одном томе были опубликованы все четыре части. Все номера журнала представлены в фондах УНУ, ДУ, ГБС, находятся в частных собраниях. Больше о изданиях ПОН и их полное содержание представлено в отдельной публикации [см. Капраль 2002].

Исследователям периодических изданий ПОН также следует обратить внимание и на один из самых популярных среди широких кругов читателей в крае жанр периодических изданий — календари, которые также издавало ПОН, ср.: Великий селскогосподарский календарь на год... Зложив: Др. Иван Гарайда, которые выходили в Ужгороде в 1941–1943 гг.

Издавались и другие календари в те годы, ср.: Календарь культурно-просвѣтительнаго общества имени Александра В. Духновича на обыкновенный годъ 1941. Ужгородъ, 1940. Типографія «Викторія»; Всеобщій календарь на 1941 год. Составил Г. П. Долматовскій. Ужгород, 1940; Русскій календарь 1942. За издание отвѣчае Эрнестъ Малиничъ. Типографія Викторія, Ужгородъ. 1941 и т. п. По данным П. Р. Магочи в разные годы выходило около 50 подобных периодических изданий, которые представляли различные общественные, политические и религиозные сообщества в крае до советского периода [Магочій 1994, 253].

Еженедельные издания

«**Нова Недѣля**»

Еженедѣльна, политична, литературна, безпартійна газета для подк. Русинів [в номере за 22 октября — ...для угрорусинов].

Внизу на последней странице располагались полные выходные данные:

Редакція: Унгвар, Капитульна ул. ч. 19. Тел. 71 Администрація: Унгвар, Епарх. Фонд. Касса. Тел. 377. Выдаватель и отвѣчательный редактор: Александер Ильницький. Головнѣ сотрудники: Теодор Ортутай и Др. Александер Немет. [позже: Редагуе: Редакційный комитет] Передплата: на рок 6 п., на поврок 3 п., для селян на рок 4 п. До заграниць 8 п. Одно число 10 фил. Книгопечатня Г. Миравчика, Унгвар, Ракоція улиця ч. 7.

Газета выходила по воскресеньям с 1 января по 22 октября 1939 года преимущественно на четырех полосах («пасхальный» номер за 9 апреля вышел на восьми) формата 290×415 мм. Издание продолжило традиции (в том числе и формально: в выходных данных значился пятый год ее существования) своей предшественницы газеты «Недѣля», которая печаталась в чехословацкий период (1935–38 гг.) и курировалась непосредственно Мукачевской грекокатолической епархией (издатель и ответственный редактор газеты Александр Ильницкий занимал второй по значимости пост в иерархии епархии). Под этим названием вышло всего 37 номеров.

Содержание газеты представляет интерес еще и потому, что выходила она в период значительных общественно-политических изменений в крае, к тому же в «бесцензурный», наиболее благоприятный для периодических изданий период (цензура была введена в Подкарпатье только осенью 1939 года с началом Второй мировой войны).

К сожалению, значительная часть номеров газеты утеряна. Достаточно сказать, что в фондах ЗГА, где хранится большая часть этого издания, подшивка начинается с 5 номера, который вышел 5 февраля 1939 года, а в ГБС, главном хранилище Венгрии, на территории которой и выходило издание, представлены всего 6 и 7 номера за 19 февраля и 5 марта того же года.

Литература: [Капраль 2000; РД I.; РД III/1.].

«Карпатска Недѣля»

Орган мадярско-руського братерства. Выходить каждой недѣлѣ. Рок выдання V. Ч. 1. Унгвар, 5. новембра 1939. [На последней полосе газеты]: Редакція: Унгвар, Капитульна ул. ч. 19. Администрація: Унгвар, Епарх. Фунд. Касса. Выдаватель и отвѣчательный редактор: Александер Ильницкий. Редагуе: Редакційный комитет [позже до декабря 1940 года]: Головный редактор: Александер Ильницкий. Выдаватель и отвѣчательный редактор Др. Александер Немет, тел. 198. [с января 1941 только] — Отвѣчательный редактор и выдаватель: Александер Ильницкий. Передплата: на рок 6 п. [с января 1940 — 8 п.] на поврок 3 п. [с января 1940 — 4 п.], для селян на рок 4 п. До заграниць 8 п. [с января 1940 — 10 п.] Одно число 10 фил. Книгопечатня Уніо–Миравчик, Унгвар, пл. Сеченія ч. 24. — Телефон 266.¹

Об изменениях в названии газеты ее издатели сообщали в передовице первого номера 5 ноября 1939 года:

¹ Выходные данные как и цены почти не изменились по сравнению с теми, что были представлены в газете «Нова Недѣля», если не учитывать отсутствие одного из «головных сотрудников» Теодора Ортуга, который перешел на другую работу, и некоторые изменения реквизитов типографии.

«...ся зміна относиться выключно лиш на титул нашой газеты, бо внутрѣшний зміст еѣ, а лѣпше кажучи дух газеты останеся и на дале неизмѣненным. Головною програмою нашою было досѣ выбудованя русько-угорьского приятельства и взаимного порозумѣня».

С вхождением Александра Ильницкого во владные структуры (он стал вторым после регентского комиссара человеком в органах местного самоуправления) процесс «выбудованя русько-угорьского приятельства и взаимного порозумѣня» обрел новые качественные характеристики. За замыслом главного идеолога епархии и главного редактора газеты Александра Ильницкого эта программа должна была усилиться параллельным изданием венгерского дубликата. Впервые о намерении издавать газету и на венгерском языке он сообщал еще во второй половине сентября того же 1939 года в своем журнале «Душпастырь». Однако, «из технических причин» венгерская версия газеты начала выходить несколько позже, с 26 ноября.

Материалы представлялись преимущественно на четырех полосах (праздничные номера выходили на большем количестве полос) формата 400×270 мм.

Как и «Нова Недѣля» выходила «Карпатска Недѣля» небольшим тиражом — до 1000 экземпляров. В 1939 году было напечатано 9 номеров газеты, в 1940 — 52 номера «Карпатской Недѣля». За неполные два года вышло из печати 90 номеров «органа мадярьско-руського братерства». Выходила газета до 20 июля 1941 года, когда появился ее 29 номер з передовицей Александра Ильницкого «Карпатска Недѣля» прощаеся из своими читателями». Эта публикация носила определенный программный характер, и подытоживала деятельность доминирующего с самого начала хортистского правления русинофильского направления в общественной жизни края:

«Хоть не можеме хвалитися партійною политикою, что есть зрозумѣлою для каждого, кто знае, что на Подкарпатю от часов присоединеня до Короны Св. Стефана политичное житя задля заграничной компликованой политики и задля военных часов анѣ до днешного дня не могла рушитися. Але никто не може заперечовати, что на культурном полю мы досягнули величезнѣ успѣхи».

Почти все экземпляры газеты представлены в фондах ЗГА, все номера газеты за 1940 и 1941 год, включая и газеты на венгерском языке, представлены в ГБС.

Литература: [Капраль 2006; РД I.; РД II.; РД III/1.].

«Недѣля»

Унгварь, 3 августа 1941 Рочник: I. Число I. Обществена новинка. Редакция и издавництво: Унгварь, ул. Казинция чис.: 7, I. Головный редакторъ: Александръ Ильницкий. Отвѣтательный редакторъ и издаватель: Андрей Кутланъ. Цена поодинокихъ чисел 8 филлеровъ. Появится каждой недѣль. Мѣсячно два разъ съ литературной прилогой. Предплатное съ литературной прилогой: на I рокъ только 4 пенге, на повъ рокъ только 2П, на 3 мѣсяцѣ 1 пенге. [на последней 4 странице]: «Недѣля» обществена новинка для молодежи и для народа. Издаватель: КАЛОТ. Будапешт. ул. Цукоръ, ч. 3. За издавництво отвѣчае: Андрей Кутланъ, гол. секретарь Организации Греко-католической Молодежи въ Унгварѣ. Книгопечатня Подкарпатского Общества Наукъ, Унгварь. Nyomatott a Kárpátaljai Tudományos Társaság nyomdájában.¹

В название газеты не случайно было вмонтировано эмблему КАЛОТ (общевенгерская католическая организация аграрной молодежи) и ее местной филии ОГМ (общество грекокатолической молодежи), официальным органом которой и была газета с 3 августа 1941 по октябрь 1944 года. Такой союз принес местным журналистам некоторую финансовую поддержку не только местных, но и центральных органов власти. Последнее обстоятельство и подвижническая деятельность молодого учителя Андрея Кутлана позволили изданию достаточно стремительно стать газетой с наивысшим тиражом в крае. С 800 экземпляров «Карпатской Недѣль» в 1940 году он вырос до 10 000 в 1944 году [Офіцинський 1997, 178]. Не взирая на тяжелые военные годы и инфляцию, газета стала доступнее. Если отдельные номера изданий «Нова Недѣля» и «Карпатска Недѣля» стоили 10, то «Недѣля» только 8 филлеров. Значительно была уменьшена и подписная цена издания на год, с 6 до 4 пенге.

До конца 1941 года вышло 22 номера газеты, в 1942 году — 51 номер, в 1943 — 50 номеров, в 1944 году (за нашими данными) последний 41 номер вышел из типографии 15 октября, то есть за две недели прихода в Ужгород Красной Армии.

¹ В дальнейшем изменения в выходных данных были связаны преимущественно с повышением цен, которые повышались по мере роста инфляции: с 8 до 10 в мае 1942 года, далее до 16 в сентябре 1943, а позже до 20 филлеров за экземпляр. С 27 июня 1943 года главным редактором стал «Д-ръ Василий Шерегий», «Александръ Ильницкий» значился уже только как ее «основатель», а «Андрей Кутланъ» сохранил за собой должность «отвѣтательный редакторъ и издаватель». Эти имена значились на первой странице газеты, за исключением номера от 15 октября 1944 года, когда было изъято имя Василия Шерегия. Изменился и адрес редакции. До прихода Красной Армии она размещалась вместе с администрацией и редакцией Подкарпатского общества наук: Унгварь, Другетова площа 21.

Как и ее предшественницы, выходила газета по воскресеньям на четырех или шести полосах формата 420×300, реже 455×310 или 475×315 мм. Издание оставалось проводником позиций Мукачевской грекокатолической епархии. Основателем газеты оставался Александр Ильницкий, одновременно второе лицо в епархии и в местных государственных органах (с ноября 1939 года главный советник регентского комиссара возглавлял советодательный орган комиссариата из числа наиболее авторитетных лиц края). Оба работника редакции Василий Шерегий и Андрей Кутлан в разное время параллельно возглавляли практическую работу ОГМ, организовывали функционирование Высшей школы народного образования. Как и в языковом отношении, так и по содержанию газета была близкой к изданиям ПОН. Правда, в отличие от изданий Ивана Гарайды, газета была активным проводником идеологических интересов ее издателей. Содержание было построено преимущественно на кратких сообщениях с фронтов Второй мировой войны и сообщений из столиц воюющих сторон.

В этот период вновь в одном государстве оказались русины Подкарпатя и Воеводины (район Бачки и Срима), что нашло свое отражение на страницах издания. Корреспонденции из Югославии печатались литературным русинским языком, которым и сегодня пользуются русины Сербии и Хорватии.

Почти все номера газеты представлены в фондах ЗГА.

Литература: [Kárpály 2012; РД I.; РД II.; РД III/2.].

«Kárpátaljai közlöny—Подкарпатский вѣстникъ»

Hivatalos lap. — Официальный органъ. Megjelenik minden vasárnap. — Выходит по недѣлямъ. Издатель регентскій комисаръ Подкарпатской территоріи. Отвѣчальный редакторъ Togoczkoí József. Отвѣчальный редакторъ dr. Balás Vilmos [позже в выходных данных отвечал за издание Dr. Siska István] Редакция: Унгаръ площ. Ник. Гортія, 7. Администрація: Гонведска ул. 5. Подписна плата [цены за декабрь 1941 года]. Урядам ежемѣсячно 1 П 00 ф. Приватн. особам 2П50 ф. Цена отд. числа до 4 стор. 16 ф. за каждѣ дальшѣ 4 стор. 16 ф.

Официальный орган венгерского правительства формата 285×395 мм выходил еженедельно с 30 июля 1939 года до конца венгерского периода (очевидно, последний 39 номер за 1944 год вышел из печати на двенадцати полосах 24 сентября) и печатал распоряжения центральных и местных органов власти сразу на венгерском и русинском языках (с правой стороны полосы по-русински, с левой — по-венгерски). На первой полосе, как правило, был представлен перечень материалов, документов, которые печата-

лись в номере: «Оглавление розпоряженій, помѣщенныхъ въ днешнемъ числѣ».

Количество полос (соответственно и цена издания) зависела от величины документов, которые преимущественно перепечатывались из будапештского издания «Budapesti Közlöny». Так, напр., номер газеты за 12 октября 1941 года вышел на 34 полосах и стоил 1 пенге 44 филлера; за 14 декабря того же года на 26 полосах (1 пенге 12 фил.).

Подшивки издания относительно хорошо представлены в фондах ГБС и ЗГА.

Русскоязычные издания

«Карпаторусскій Голось»

Выходные данные 1 номера от 7 ноября 1938 года: Независимая ежедневная газета. Редакція и администрація: Ужгородъ, набережная Палацкаго 40 [в дальнейшем]: Унгваръ, набережная Юкая 19). Подп. плата въ Венгрии, Чехосл. Польшѣ, Югосл. на годъ 40 П (Селянам скидка 5%). Въ проч. европ. государств. и в Америкѣ год — 12 ам. дол. Цена отд. номера 50 гел. [Позже]: Подписная плата въ Венгрии Югославии на годъ 12 пенге, Селянамъ 6 пенге. Въ проч. европ. госуд. и въ Америкѣ на годъ 5 американскихъ долларовъ на 1 мѣсяць 50 ам центовъ — Цѣна отдѣльнаго номера 12 ф. [Внизу последней полосы]: Издатель и ответств. ред. Василій Лабаничъ. Ужгородъ Палацкаго, 20. Типографія «Викторія» [позже]: Унгваръ—Ужгородъ Плотени наб. 7 — Издатель и отв. редакторъ: д-ръ Ст. А. Фенцикъ.

Издание с таким названием появилось еще в 1931 году. После выхода 690 его номеров было закрыто чешскими центристами. Соратники С. Фенцика (партийный лидер ультраправых находился в США) некоторое время издавали газету «Нашъ Карпаторусскій Голось», вышло 97 номеров. После очередного конфликта с властью вышли сначала четыре номера газеты «Нашъ Авангардъ», а с 1934 года по 5 ноября 1938 года 355 номеров газеты «Нашъ Путь». Поэтому в выходных данных «нового» «Карпаторусскаго Голоса» 7 ноября того же года значилось: «Годъ издания VII. Но 1. Ужгородъ, понедѣльникъ, 7 ноября 1938 от основанія Но 1.146».

Выходила газета «Карпаторусскій Голось» два раза в неделю на четырех (часто и на двух) полосах газетного формата сначала ежедневно, а позже за редким исключением дважды в неделю, в четверг и в субботу до октября 1944 года. Тираж газеты был небольшим, около тысячи. В данных последнего обнаруженного нами сдвоенного (№№74, 75) номера за тот год от 8 октября, обозначен и номер газеты «отъ основанія» — 1. 747.

Наиболее полные подшивки издания хранятся в фондах ЗГА, ОКМ и ГБС.

Литература: [Káprály 2003].

«Русская Правда»

Независимая политическая газета. Основатель А. И. Бродій. За редакцію отвѣчаетъ: Главный редакторъ: Иванъ Г. Шпакъ. Издаеть Комитеть подъ предсѣдательствомъ А. И. Бродія. Рукописи не возвращаются и по ихъ поводу редакція въ переписку не входитъ. Печатаеть типографія Школьной Помощи въ Унгварѣ — Гейза Цакль. [В дальнейшем газета печаталась и в типографиях «ЛАМъ и Ко», «Уніо», «Г. Миравчикъ»] Редакція и администрація Унгварѣ, Надъгидъ ул. чис. 5. Подписная плата: На годъ 18– П, на $\frac{1}{2}$ года 9– П, на $\frac{1}{4}$ года 4.50 П, на мѣсяць 1.50 Пенго.

Газета продолжила традиции предыдущего издания Андрея Бродия «Рускій Вѣстникъ», который был официальным органом партии «Автономный Земледѣльскій Союз» с 1924 года. В выходных данных газеты значился год выхода — второй (под этим названием газета начала выходить летом 1938 года). Выходила ежедневная газета на шести страницах формата 315×480 мм без малого год (в 1939 году вышло 54 номеров; последний 186 номер газеты в 1940 году вышел 5 сентября).

Наилучше представлено издание в фондах ЗГА, где хранятся почти все номера газеты.

Литература: [Капраль 2001].

«Русское Слово»

При сохранении характера издания, штата сотрудников, за всеми формальными показателями «Русское Слово» было новой газетой. В выходных данных от 5 сентября 1940 года значился год издания — I. Новыми были и цены (12 филлеров вместо 6 за один экземпляр издания, для заграничных подписчиков — 6 американских долларов за годовую подписку) и информация о том, что газета выходит дважды в неделю и печатается «въ унгарской экспозитурѣ м. кор. держ. Типографіи», позже «Уніо — Г. Миравчикъ», «ЛАМЪ а.т.».

Издание выходило регулярно: в 1942 году из печати вышло 102 номера газеты, 1943 — 103, 1944 — график выхода из печати также не нарушался, 85 (последний, по нашим данным) номер газеты вышел 22 октября (27 октября 1944 года в Ужгород вошли советские войска).

Также как и предыдущее это издание наиболее полно представлено в фондах ЗГА и ОКМ.

Литература: [Капраль 2001].

Ежемесячные издания

«Народна Школа»

Выходные данные: Журнал Учительского Товарищества Карпатского Края. Годъ издания: I. Ужгородъ. Январь 1939/40. № 1. [с 1941/42 года]: Часопись подкарпатскихъ учителей и воспитателей. Kárpátaljai tanítók és nevelők lapja. Рокъ выд. III. évfolyam Ungvár — Унгваръ. [С внутренней стороны обложки]: «Народна Школа» выходитъ ежемѣсячно, къ 1-му числу мѣсяца, кромѣ юля и августа. Подписна плата: Членамъ УТ бесплатно. Не-членамъ на годъ 5 Пенге въ предѣлахъ Угорщины, за границую и въ Амери-кѣ 1 долларъ. Отдѣльное число 50 филлеровъ. Объявления принимаются. [На последней странице]: Редактируетъ: Редакціонный Комитетъ. Отвѣт-ственный редакторъ: В. Шпеникъ. Главный редакторъ: Павелъ Федоръ. Ре-дакторъ: Иванъ Мартинъ [позже]: Михаилъ Грига, М. Василенко. Изда-тель: Учительское Т-во Карпатского Края. Редакція и администрація: Унг-варъ-Ужгородъ, Регентскій Комиссаріатъ № 116. Издательство: Унгваръ–Ужгородъ, пл. Сеченія № 24. [Позже]: Выдае: Школьное Отдѣленія регент-ского комиссаріата Подкарпатя, Унгваръ. Редагуе: Редакційный Комитетъ. Отвѣчательный редакторъ и за выданя отповѣдае: Андрей Кутланъ. Унг-варъ. Редакція и администрація: Унгваръ, Регентскій Комиссаріатъ, I. По-верхъ ч. дв. 115. Типографія Уніо-Миравчикъ. Унгваръ-Ужгородъ, пл. Сече-нія № 24. [Позже]: Печатано въ книгопечатнѣ Уніо–Миравчикъ въ Унгва-рѣ. — Телефонъ: 266. На внешней стороне титульного листа эти данные дублировались на венгерском языке, кроме того были представлены имена редакционной комиссии и всех авторов, которые публиковались ранее, ин-формация, которая помогала правильно оформить подписку и оплатить ее.

Орган «Учительского Товарищества Подкарпатской Руси» журнал «Народна Школа» выходил с 1921 до 1938 года. В венгерский период журнал начал выходить уже в качестве официального органа на то время единственной учительской организации «Учительского Товарищества» с января 1940 года. В чехословацкий период в крае сформировались доста-точно четкие представления о данном типе изданий, достаточно упомянуть печатные органы «Учительской Громады» и «Учительского товарищес-тва Подкарпатской Руси»¹, которые издавали журналы «Учитель» (1920–36), «Учительский голос» (1930–38), «Підкарпатська Русь» (1923–36) и

¹ 5 мая 1929 года учительство края было расколото на две организации. 29 членов Учительского Конгресса, который проводился в тот день, отделились от едино учительско организации в украинофильски ориентированную группу учителей, которые со временем учредили собствен-ную организацию «Учительська Громада».

другие [см. об этом: Туряница 1998]. «Народна Школа» во многом следовала этим традициям, однако, конечно же, не оставалась без влияния идеологии новых хозяев края.

Журнал печатался преимущественно без иллюстраций на 24–32 страницах (нумерация сквозная) формата 230×165 мм. Сначала журнал печатался русским языком местной редакции (на страницах издания можно проследить за этапами языкового строительства в крае в 1939–41 годах), позже, с появлением грамматики Ивана Гарайды, русинским языком. Отдельные специальные статьи публиковались на венгерском и словацком языках. Некоторое время (до появления изданий Подкарпатского общества наук) в журнале печаталось «Литературно-научное приложение».

В 1939/40 учебном году вышло 6 номеров (журнал выходил со второго полугодия); в 1940/41; 1941/42; 1942/43; 1943/44 — по 10 номеров; в 1944/45 году появился только первый, сентябрьский номер.

Наиболее полно издание представлено в фондах библиотек УНУ и ДУ.

«Гандя»

Выходные данные за 1943 год:

Подкарпатский дружественный вѣстникъ. Отповѣдный редакторъ: Дръ. витязь Евгень Габриѣл. Отповѣдный издаватель: Юлій Золтанъ. Редакція: Будапешть, Гандя, 45. Администрація: Унгваръ, пл. Николая Горти 7. IV. ет. 406. Филияльна редакція: Экспозитура «Гандя» въ Унгварѣ. — Желѣзнодорожный магазинъ. Предплатна цѣна: На цѣлый рокъ 2– П. Поодинокое число — 20 гел. Книгопечатня Подкарпатского Общества Наукъ, Унгваръ.

Ежемесячное издание выходило с 1939 по 1944 год на четырех полосах формата 300×210 мм и печатало преимущественно собственные материалы о деятельности общевенгерского кооперативного общества, в частности, о его работе на Подкарпатской территории.

Отдельные номера за 1942 и 1944 годы представлены в фондах ГБС.

Религиозные издания

«Благовѣстникъ»

Религи́но-духовный орган угрорусинов. [На внутренней странице обложки]: Выдае: «Т-во дѣла ширеня вѣры» для угрорусинов. Выходить каждого мѣсяця. Головный редактор: Александер Ильницький [с 1941 года: отвѣчае за издавництво]. Отвѣчательный редактор: о. Др. Александер Немет [с 9

номера за 1940 год]: Редагують: Отцѣ Василянє; [с апреля 1941 года]: редагує и за редакцію отвѣчає: о. Вартоломей Дудаш ЧСВВ. Редагує: Комитет унгарских гр. кат. богословов. Редакция: Унгвар, Капитульска ул. 19. Администрація: Унгвар, Учительска 8/а. Передплата на рок 2 П. Поодинокое число 30 ф. [Выходные данные номера журнала за декабрь 1939 года].

Журнал под этим названием начал выходить в Ужгороде с 1921 года под редакцией Августина Волошина. Интересно, что его единственный номер, который вышел в начале 1939 года не в Ужгороде, в Хусте, был опубликован на украинском языке. Возможно, чтобы подчеркнуть свою прорусинскую направленность, при возобновлении издания в конце того же 1939 года в его выходных данных значилось: «Рочник І. Децембер 1939. Ч. 1».

Выходил журнал регулярно (некоторые номера спаренные; в 1940 вышло 10 номеров, в 1941 — 12, 1942 — 10, 1943 — 12, 1944 — ?) преимущественно на 32 страницах формата 225×155 мм [с января 1943 года 200×145 мм].

Рубрика журнала «Миссійна часть» с 10 номера издания за 1941 год переросла в самостоятельный орган, хотя продолжала печататься на страницах журнала, правда, уже под названием «Миссійный Фронт Молодежи». Редактором «издания в издании» был «Вас. Худа, богослов», а у ее редакции был собственный адрес: «Унгвар, Кейпезде 8».

«Душпастырь»

Число. 9–10. Септ.– окт. 1939. Рочникъ: XVI. Урядовый и духовный органъ Епархїи Мукачевской. Ужгородъ Ungvár 1939. Выходить двомѣсячно. Редакция и администрация: Унгваръ, Епархіальна касса. Отвѣчательный редакт.: о. Ал. Илницкій протоіерей Капитулы Мукачевской. Передпл. На сей рокъ: 5 П. Одинокое число 1 П. Въ Америкѣ 3 долл. Рукописи не вертаеме.

Официальный орган Мукачевской грекокатолической епархии под этим названием начал выходить с января 1924 года под редакцией Др. Юлия Григашия сначала ежемесячно, потом сдвоенными номерами и квалифицировался его издателями как «чисто священнической органъ». Многолетним его редактором (за исключением первых восьми номеров) был Александр Ильницкий. Журнал объемом 16–20 страниц формата 290×210 [с января 1928 года: 235×160, позже 225×150 мм] печатался в исследуемый период в типографии УНЮ. В последнем сдвоенном 11–12 номерах за 1939 год его редактор попрощался со своими читателями, и сообщил о выходе нового издания «Благовѣстникъ», который в дальнейшем и исполнял его функции.

«Добрый Пастырь»

Прилога Душпастыря. [В 40-ые годы также на венгерском языке: *Lelkipásztor melléklete*] Зборникъ пропов[ѣдей] для гр. ка». духовенства. [Hitz. Folyóirat] Выходить періодично. Редакція и администр.: Епарх. Фунд. Касса, Ужгородъ — Унгварь, (замокъ). Отвѣчательный редакторъ: о. Евгений Петрикъ [с 1928 года до конца 1939 г. о. Алекс. Илницкій] Предплата: на рокъ 12.– П. До Америки 31/2 долл. Рукописи не вертаеме.

Сборник проповедей в качестве приложения к журналу «Душпастырь» выходил с 1 января 1928 года преимущественно сдвоенными номерами на 24 страницах книжного формата 145×230 мм.

С 1940 до октября 1944 года издание продолжало выходить в качестве частного органа. Как и «Душпастырь» представляет интерес для исследователей истории русинского литературного языка, ибо именно в этих изданиях формировались языковые нормы, которые легли в основу грамматики Ивана Гарайды 1941 года. Как и «Душпастырь» издание достаточно хорошо представлено в фондах УНУ.

К религиозным периодическим изданиям следует относить и следующие ежегодники, ср.: Миссійный календарь на рок 1940. Составив: Александр Ильницкій, Унгвар, 1939; Церковный оуставъ на обычайный годъ 1943. Въ употребленіе епархіи Мукачевской. Годъ изданія XLVII. Книгопечатнѣ Уніо — Г. Мирявчика въ Унгварѣ. — 1942.

Литература

Вегеш 1998 — М. Вегеш. *Закарпаття в контексті центральноєвропейської політичної кризи напередодні Другої світової війни*. Т. I. Київ–Ужгород: Колір Прінт.

Дзензелівський 1998 — Й. О. Дзензелівський. *І. А. Гарайда як філолог*. *Acta Hungarica* 1996–1997, VII–VIII роки видання. Ужгород — Дебрецен, 144–167.

Дідик 1998 — В. Дідик. *Внесок часопису «Зоря–Најнал» (1941–1943) у розвиток історичної думки Закарпаття*. Українські землі в роки Другої світової війни. Ужгород, 196–205.

Капраль 2002 — М. Капраль. *Пудкарпатське Общество Наук. Публикації: 1941–1944*. Спередслово и редакція Іштвана Удварі. *Kárpátaljai Tudományos Társaság. Kiadványok: 1941–1944. Második kiadás*. Вуданя другое. Ungvár–Ужгород.

Капраль 2006 — М. Капраль. *Карпаторусинські мас-медіа 1938–1944гг.: новинка «Карпатська Недѣля»*. *Carpatho-Rusyns and their Neighbors. Essays in Honor of Paul Robert Magocsi*. Eds. Bogdan Horbal, Patricia A. Krafcik, Elaine Rusinko. Eastern Christian Publications. Fairfax, 233–247.

Магочій 1994 — П. Р. Магочій. *Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948)*. Ужгород.

Лисовой 1970 — П. Н. Лисовой. *Журналистика Закарпаття второй половины XIX — первой половины XX столетий и ее связи с другими украинскими землями и Россией*. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Киев.

Офіцинський 1997 — Р. Офіцинський. *Політичний розвиток Закарпаття у складі Угорщини (1939–1944)*. Передм. В. Задорожного. Київ: Інститут історії України Національної Академії Наук України.

РД I. — *Русинський дайджест 1939–1944. I*. Наука. *Научні і научно-популярні тексти з новинок 1939–1944 гг.* Матеріали ушорив и передслово написав Михаил Капраль. *Studia Ukrainica et Rusinica Nyiregyháziensia* 23. Nyiregyháza, 2008.

РД II. — *Русинський дайджест 1939–1944. II*. *Красное писемство*. *Тексты з новинок «Карпатска Неделя» и «Неделя»*. Матеріали ушорив и передслово написав Михаил Капраль. *Studia Ukrainica et Rusinica Nyiregyháziensia* 24. Nyiregyháza, 2008.

РД III/1. — *Русинський дайджест 1939–1944. III/1*. *Кроника*. *Тексты з ужгородських новинок «Нова Неделя» и «Карпатска Неделя» 1939–1941 гг.* Матеріали ушорив и передслово написав Михаил Капраль. *Studia Ukrainica et Rusinica Nyiregyháziensia* 25. Nyiregyháza, 2010.

РД III/2. — *Русинський дайджест 1939–1944. III/2*. *Кроника*. *Тексты з ужгородської новинки «Неделя» 1941–1944 гг.* Матеріали ушорив и передслово написав Михаил Капраль. *Studia Ukrainica et Rusinica Nyiregyháziensia* 27. Nyiregyháza, 2011.

Статистика Подкарпаття. Земледільський календарь на высокосный годь 1944. Составиль: Михайль Демко. Книгопечатня Юлія Фельдешія въ Унгварѣ, 1943, 31–34.

Турияница 1998 — В. В. Турияница. *Педагогічна періодика Закарпаття між двома світовими війнами*. Українські землі в роки Другої світової війни. Ужгород, 183–191.

Федака 1998 — С. Д. Федака. *Труди і дні Карпатської України: хроніка подій*. Ужгород.

Хайнас 1963 — В. Хайнас. *Здійснення мрії (З історії Закарпатської комуністичної організації 1938–1945 років)*. Ужгород. (Бібліотечка пропагандиста).

Чаварга, Виноградов, Гичка 1998. — І. М. Чаварга, Є. Виноградов, А. Гичка. *Роль Августина Волошина у героїчній та трагічній долі Карпатської України*. Українські землі в роки Другої світової війни. Ужгород, 41–48.

Káprály 2001 — М. Káprály. *Русскоязычная периодика Венгрии: газеты Андрея Бродия (1938–1944)*. *Studia Russica* XIX. Budapest, 60–67.

Káprály 2003 — М. Káprály. *Русскоязычная периодика Венгрии: «Карпаторусский Голос»*. *Slavica Szegediensia*. Szeged, 121–131.

Káprály 2012 — М. Káprály. *Ужгородская русинская еженедельная газета «Неделя» 1941–1944 гг.* *Studia Slavica Hung.* 57/2, Budapest, 357–365.

László Gézáné Szarka Ágota 2002 — László Gézáné Szarka Ágota (szerk.). *Szabolcs-Szatmár-Bereg megye (a történelmi Bereg, Szabolcs, Szatmár, Ugozca és Ung vármegyék) sajtóbibliográfiája (1845–2000)*. Nyiregyháza.

ЗАСТУПЕНОСЦ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИХ ЭЛЕМЕНТОХ У ДУХОВНЕЙ СФЕРИ РУСКОЙ НАРОДНОСЦИ

МИХАЙЛО ФЕЙСА

Церковнославянски язык – руски язык – адаптация церковнославянизмов – духовна сфера

Церковнославянски язык бул литературни язык Руснацох пред приселеньом до Бачки, у рамикох Австро-Угорскей монархии. Знание церковнославянского, медзитим, не було исте при особох хтори го хасновали, цо, з часом, привело и до наставаня вариантох церковнославянского языка. Кед авторе жадали же би их твори наишли на цо точнейше похопйоване при припадничкох руского народа, а знаючи же им церковнославянски язык не цалком розумливи, намагали ше до своїх творох инкорпоровати и народну бешеду. По 18. век медзи Руснацами/ Русинами Карпатского ареала на таки способ наставали казані, рукописни зборніки, полемични религиозни розправи, хроніки, а познейше и наукова проза и поезия. Так напр. очувани Березански, Бодански, Грабски, Колочовски, Ладомирски, Мирошовски, Няговски, Прешовски и други зборніки казаньох (Plishkova 2009: 15).

Карпаторусинска варианта церковнославянского языка зафиксована як «славено-руський язык», та отадз и наслов граматики Михайла Лучкая, хтора публикована 1850. року, глаши «Grammatica Slavo-Ruthena» (Плішкова 2008: 147). Факт же Граматика публикована на латинским языке указуе и на тото же старославянски язык як литературни язык у Карпатским ареалу трацел улогу хтору пред тим мал.

У другой половки 19. века место общеславянского языка почал пребрац русийски, хтори наволовани и велькоруски и общеруски.

За вигледовательох историі руского языка Сербии и Горватскей окреме значни штири граматики «словенскаго» або «русскаго» языка василианского монаха Арсения Коцака. Коцакова граматика представя учебник литургийного церковнославянского языка восточнославянскей редакції. Во-

на настала праве у чаше присельованя Руснацох до Бачки, стредком 18. вика, а базована є на народней бешеди Маковицког краю, у хторим ше народзел и сам автор (у русинским валале Буковец у сучасним округу Стропков). У Коцаковей граматики похасновани и етноним «Руснак». Автор, меdzi иншим, визначел же бул надихнути написац свою граматику и прето же би ше не думало же Руснаци заостати («... дабы і нась мѣзерныхъ Руснаковъ не судили всѣ аки спростаковъ ...»; Плішкова 2008: 14-15).

По приселеню Руснацох зоз Горніци до Керестура и Коцура церковно-славянски язык затримал значну улогу у духовним живоце парохийох. Предлужел ше хасновац у церковним обряду. Лабош преноши податок же у Керестуре 1792. року число жительох виросло на 2.100 особи и же з роснуцом числа дзецох росла и жажда за ученьом, же би голем кельо-тельо научели читац, писац, раховац, виронауку, Давидово псалми и други предмети хтори ше теди учело, а гу тому часто и шветовни шпиваня. Дзеци ше учили на руским языку, але при тим ше хасновал и мадярски а дакус и латински язык, голем даєдни слова (Лабош 1979: 251). На основи єдней очуваней кніжки («Кнїжица читална дла начинающих»), друкованей у Будиму 1850. року, Лабош виводзи заключеня о програми ученя у конфесийних школах. За тоту нагоду значне же кніжка почина зоз друкованима малима буквами церковней азбуки, за хторима ишли вельки букви, вец писана азбука, мали и вельки букви, а потим вокали, консонанти, полугласи, склади и тексти на штирох бокох (Лабош 1979: 258).

Удвари утврѣзел публикованє пейцох русинских букварох — 1699, 1746, 1770, 1797 и 1799. року. Остатні, пяти, буквар Йоана Кутки дожил штири виданя (1797, 1799, 1815, 1846) (Удвари 1998: 63). З оглядом же Кутков буквар покривал першу половку 19. вика и же го друковал Будимски кральовски университет, предпоставяме же уходзел и до школах на югу Угорскей. «Букварь языка рускаго съ прочіимъ руководіемъ начинающих оучитиса» иншак почина зоз: Печатнаѣ писмена, Рукописнаѣ писмена, Гражданскаѣ писмена.

По словох професора Рамача найстарше зачуване виданє на церковно-славянским языку предствя апокрифни текст «Сон Богородици» (обсяг 8 боки, 1899), хтори публиковани у друкарні братох М. Попович у Новим Садзе. У истей друкарні, истого року, друковани и найстарши преложени твор — апокрифни текст «Заповидание Господне» (обсяг 15 боки) (Рамач 2002: 547-548). Шлїдом свойого спознаня же руске народне єство указує виразну прикмету моцней повязаносци гу церкви, и же руске священство у култури дѣба за просвищованє и писменосц вирнікох, отец Михаил Холошняй предлужел виглєдовац. Глєданє му не було даремне бо пренашол

молитвенік (обсяг 452 боки), зоз на концу молитвеніка приложеним додатком «Страсци Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа» (обсяг 90 боки). Назва молитвеніка «Молитвослов для русских детей», а автор му Александер Духнович. Молитвенік видати 1865. року у друкарні А. Вагнера и друга у Сомборе. Цо ше дотика языка Молитвеніка, вон настал на подобни способ як и подобни виданя у Карпатским ареалу.

«Гоч є написани на церковнославянским языку, вон порусначени з веліма елементами народней карпаторускей бешеди» (Холошняк 2009: 178).

Єдна з писньох пошвечена Матери Божей Водицовой при Руским Керестуре:

Чудна єси помочнице, пречистая Мати;
изобилано и по свюду, твоя благодати.
От востока до запада, твое имя славно,
и од юга до севера; везде вернымъ явно.
Во керестурскей капели, ясно процветаєшь;
яко слонце по всей Бачкой, пределе сіяєшь ...

Дюрдьовска Русска одлога иншак нашла штири прикладніки Духновичового «Молитвослова».

Здогадайме и на податок же 25 роки познейше публіковани зборнік народних писньох «Русский соловей» (1890) Михаила Врубеля, хтори представя початок писаного слова на народней бешеди бачванско-сримских Руснацох. У корпусу зборніка находза ше народни писні «на разных угорусских наречиях», т. є. на языку у хторим попри церковнославянских були и елементи руских/ русинских бешедох. Врубель хасновал *ъ, ы, ъ, ё, і*.

Графічно-фонетични и морфологийни форми хтори характеризовали угроруске «язичіє» и церковнославянски язык були присутни при руских авторох концом 19. и у першей третины 20. столітия (Дуличенко 2002: 18). До того приходзело прето же млади хлапци одходзели на школованє до грекокатолицких семинарох у Ужгородзе и Прешове. Цо ше дотика характеристикох «язичія» мож повесц же воно у сущности до себе инкорпоровало церковнославянски язык русийскей редакції хтори бул дополнени зоз елементами руских/ русинских народних бешедох. Наприклад:

Выходитъ мѣсячокъ на Бачванскей долинь,
Давно я не була съ милымъ на розгвари;
Ани на розгвари, ани на шептаню,
Бодай ся ми приснилъ въ моимъ сладкимъ спаню.

А. Д. Дуличенко заключує же ше у drugiej половки 19. и на початку 20. вику у Бачкей формовала **окремна варианта угроруского литературного язи-**

ка або язичия — бачванска (бачванско-сримска). У бачванской вариян-ти мож обачиц и месни фонетични и граматични характеристики, ест досц и слова з народного языка (Дуличенко 2002: 22).

Преношимо виривки зоз записнікох Церковного одбора Грекокатоліц-кей церкви у Коцуре:

- а) Записникъ у одбору церковношкольнимъ при присустве цалого одбора триманымъ 1889го Децембра 30го прорачунъ за офиранѣ церквѣ на-правиль ополномочени П. Павло;
- б) Записникъ вжати изъ главного засѣданія коцурской греко католическо-го собранія дня 6-го февраля 1903. подъ предсѣдательствомъ пана От-ца Александра Абодича... Предсѣдатель отвѣраетъ засѣданіе и упозоря-етъ собравшихъ ся вѣрниковъ на важность вибора, да се предварително добро промислятъ о личностѣ на котору хотятъ гласати за церковного одборника.

Часц тей графії, насампредз присуство ята (*ъ*), заступена и у першей лите-ратурней кнїжки Руснацох — Идилским венцу «З мойого валала» др Гав-риїла Костельника. Наприклад:

Слунко горе, витрик шуци, житко ше колѣше.

Док у записнікох коцурского церковного обдору вредносц ята (*ъ*) була *и* /*и*/, у цитираним, першим стиху Идилского венца ят ма вредносц *ї* /*ји*/.

Розпад Австро-Угорскей монархиї 1918. року одражел ше и на статус церковнославянского языка. Неодлуга по формованю Краљовини Сербох, Горватах и Словенцох, у условийох кед шицким народом оможлівене же би основали школи на мацеринским языку, и Руснаци ше самоорганізовали и вихасновали понукнуту можлівосц. На сновательней схадзки «Руского на-родного просвитного дружтва», першей културно-просвитней організації Руснацох, у вязи зоз язичну ориентацию, керестурски парох, о. Михайло Мудри, медзи иншим, визначел же ми мушине розвивац на руским языку а не на русийским або украинским. У вязи зоз языком «Недѣлі» вон гварел же «то правенїна и мишанїна зоз церковного и других русских языкох» и же так як вона писала «так ше ні҃дзе не гуторело» (Варга 1989: 531-537).

Спомнута историйна хвилька (2. юлий 1919) предствая и початок писа-ня числених учебнікох и литературних творох на руским языку.

Церковнославянски язык предлужел жиц лем у Грекокатоліцкей церкви.

Седемдзешатих рокох 20. вику рускокерестурски парох о. Михайло Ма-кай розпочал прекладане церковних кнїжкох на руски язык. Псалми прекла-дали Гавриїл Надѣ и Михайло Фейса, а комплетно их преложел Михал Ра-мач. Отец Михаїл Холошняя преложел Молитвенік «Миръ всѣмъ» (Хо-

лошняй 2007). Преклада ше и «Святе писмо»; перше преложени «Нови завит» (Святе писмо: 2006), а у цеку прекладане и «Старого завита» (у предлуженьох ше обявює у «Шветлосци»). Мож заключиц же прекладане духовней литератури на руски язык у розвою.

Нешка, у рамикох Служби Божей, на руским языку вирніки маю можлівосц чуц Апостол, казані, оглашки и дзепоедни писні. Шицко инше на церковнославянским языку.

Остатню децению 20. вику порядне почал виходзиц и християнски часопис «Дзвони». На початку 21. века розвива ше и духовна литература. Прешлого року напр. опубликовани и капитални твор «Церковни литургийно-литургични лексикон» о. Романа Миза.

Наведземе даскельо илюстративни приклади хтори недвосмыслово поволую на усоглашоване нормованя очуваних церковнославянских елементох. Так напр. у Церковним литургийно-литургичним лексикону винімно илюстративне же гречески модел euangelion ма аж 8 реплики. То шлідуюци вариянтни форми: *евангелия, евангелия, евангеля, Евангелия, Євангелия, Евангелія, Євангелиє, евингелия*. Ёу начишленим мож додац ещи два вариянти и то кед ше перши два начишлени форми пишу зоз вельку букву у стредку виреченя — *Евангелия* и *Євангелия*, цо число вариянтних формох звекшує на 10. У каждым случаю, и 8 варияції 1 форми без семантичних ниянсох, наисце превельо.

Жридлово єврейске мено архангела, хторе глаши *Микаел* («хто як Бог»), мало би буц адаптоване у складу зоз адаптованьом векшей векшини менох. Кед, дзекуюци восточней адаптації — *Гавриїл* и *Рафаїл*, вец синтагма-одредніца *Михайла* швето и подпис Св. Михайла под илюстрацию вожда добрих ангелох у ЦЛЛ Лексикону не представляю праве ршене.

Прикметніки на *-ски* тиж барз неусоглашено зазначовани: *глаголяшски/ глаголяшки, Ефешки собор ...* Попри формох *Израїлови* и *Израїлови*, находзиме и *Израїльски* и *израїлски* — при чим окреме збунює же исти прикметнік, у истим значеню, зоз истим семантичним змістом, перше записани з вельку букву а лем кус далей у тексту з малу букву.

Писане малей и велькей букви, генерално патраци, барз рижнородне. Наприклад: *папа* и *Папа, Други ватикански собор/ Други Ватикански собор, Велька ноц/ Велька ноц, Стари завит/ Стари Завит, Православна Церква/ Православна церква, Служба Божа/ служба Божа, Свитла субота/ свитла субота, Правилник/ правилник, Божествена литургия/ Божествена Литургия, Юлиански календар/ юлиански календар, кирбай/ Кирбай, Австро-Угорска/ Австро-угорска ...*

Вельо ест приклади за два або аж и за три вариянти, при чим єдна скоро по правилу непотребна. Наприклад: *бдиниє/ бдиніє, повечериє/ повечере, Посланє/ Посланиє, тиждні/ тижні, мисионар/ мисионер, игуман/ игумен, правилник/ правилнік, требник/ требнік, жертвенік/ жертovníк, святилище/ святиліще, полуноцница/ полуноцніца/ полуноцніца, мисяцослов/ мешацослов, гимн/ гимна, копия/ копие, небесни/ небесни, хагиография/ агиография, халдейски/ галдейски, пресвитериум/ презбитерий, Пийо/ Пий, Исус/ Исус, преславльовац/ преславйовац, коронувац/ короновац/ коруновац, кресцильница/ хрестильница, благодать/ благодат, Октоїх/ Октоих, епитрахиль/ епитрахиль, свитли/ швитли/ шветли, пристолна/ престолна (зависа), чесни/ честни (крест), причасни/ причастни, страсти/ страсци, Коринтяне/ Коринтияне, арапски/ арабски, грузийски/ грузийски, фарисей/ фаризей, балдахин/ балдахим, серафин/ серафим, Грегорий/ Григорий, Андрей/ Андрий, Георгий/ Гиоргий, Косма/ Козма, Арон/ Аарон, карактеристика/ характеристика, витраж/ витрай, на приклад/ наприклад ... Дзепоедні приклади, а окреме даскелї зоз конца некомплетного списку, ришени и у актуалним правопису руского языка. Так напр. *статия, диадема, сенаториум, преславляц, смядни, божественни, троугельнік, симболизувац, достоїнственіци* би требали глашиц *статя, диядема, сенаториум, преславляц, смиядни, божественни, троугелнік, симболизовац, достоїнственіки*.*

Неусоглашени и назви церковних шветох. При начишьованню Вельких шветох обачуеме, з єдного боку, векшину на суфикс *-ниє* (*Обризание, Богоявление, Стритение, Благовищение, Преображение Господне, Успение Пресвятей Богородици, Воздвижение чесного хреста, Воведение, Сошествие Святого Духа*), але, з другого боку, и порусначени вариянти на суфикс *-не* (*Воскресене и Вознесене Исуса Христа*) и *Непорочне зачаце Ани*. У ЦЛЛЛ ше, медзитим, зяваю и *Воскресение, и Вознесение, и Зачатие*. Нет потреби, условно поведзене, «шейтац» зоз стандарту церковнославянского до стандарту сучасного руского языка.

Непотребни ані три вариянти: *Обризанє, Обрезанє и Обризание*, кед друга и треца цалком досц. Тиж так, нет потреби ані за штирома вариянтами *слідуюци, шлідуюци, слідуюци* и шлїдуюци, кед цалком достаточни церковнославянски *слідуюци* и стандартни руски *шлїдуюци*.

Автор и лектор хтори ше опредзелели за наслов «Церковни литургийно-литургични лексикон» у хторим прикметніки виведзени зоз меновнікох *литургия* и *литургика* (з оглядом же у прикметнікох консонант *г* а не *з*) збуною хасновательох Лексикона кед ше напр. стретаю зоз шлїдуюцима двома и то сушеднима одредніцами: *Литургийна драма* и *Литургийна музика*. Як

кед би прикметнік у першей одредніци бул виведзени з меновніка од *литургия*, а прикметнік у другой — з меновніка од *литургия*. Точне же ест основи бешедовац о можлівосци виєдначованя меновнікох и прикметнікох на форми лем зоз *г* (значи: *литургия* и *литургийни*) кед бизме за основи, єдини и пресудни критериум вжали постредуюцу восточносц адаптованя лексемох (конкретно карпаторусинску, чи русийску редакцию церковнославянизмох), занедзбуюци їх жридлову греческосц (при чим маме у оглядзе присуство греческого /*г*/ у лексеми *leiturgia*). Додајме же и у ЦЛЛЛ одвитуюци одредніци глаша *литургия*, *литургийни кнїжки* и *литургикон*, а одвитуюци противни прикметнік лем *алитургийни*.

Пообщено патрене, адаптованє церковнославянских елементох у сучасних публикацийох духовного характера мож охарактеризовац, кед не як рашомонске и гаотичне, а воно як максимално неусоглашене. Главну причину тому видзиме у полвиковеј роздзеленосци лингвистох и теологох, цо резутовало и зоз занедзбованьом церковней терминології зоз першого, условно наволаного «червеного» «Правописа руского языка» Миколи М. Кошиша. Превозисц тоту подзеленосц и понукнуц конструктивни и усоглашени терминологийни рижня у адаптованю церковнославянских елементох мож лем зоз сотрудзованьом фаховцох-лингвистох и фаховцох-теологох. Пракса виключованя священїкох з нормованя терминох и поняцох з духовней сфери другой половки 20. века непродуктивна и погришна у истей мирі як и виключованє лингвистох зоз проектох у хторих незаобиходни рижни аспекти стандардизованя теологийней лексики на початку 21. веку. Друге спомнуге препознатліве напр. у констатації же

«нашо лингвисти не познаю достаточнo дух церковних терминох и вец не даваю одвитуюци поради. А ми маме барз моцно присутну церковнославянщину и чежко ю мож заменїц з даякими народними виразами» (Миз 2011: 6).

Перше, ніхто з лингвистох не дума церковнославянски поняца, термини и вирази, заменьовац зоз «даякими народними виразами», гоч ніч не завадза же би ше вони у текстох за мирянох, там дзе то можліве, паралелно хасновали — зоз коректно присподобенима и усоглашенима виразами. Значне же би ше при тим випочитовали нормативни узуси стандартного руского языка, а не же би ше термини теологийней сфери препущовали стихийі и индивидуалному чувству каждого поєдинечного автора.

Ситуация подобна як при адаптації найновшого лексичного фонда у руским языку — англизмох. И у тим случаю лаики/ непрофесионалци преферую власни идиолекти. И у тим случаю до тирвацого рижня мож дойсц лем з помоцу професионалцох, а пресудни унапрямователъ при нормованю

треба же би бул модел дотичней реплики. Док то при англизмох — англійски модел, при церковнословянизмох, односно при грекокатоліцкей теологічній термінології — найчастейше гречески модел, але и карпатска редакція церковнословянського языка.

Друге, вецейніста морфологічна варіантносц без семантичних ниянсох, наисце не представля ані «чуване духа церковних термінох» ані «даване одвитующих порадох». Основна характеристика такого приступа, найблагше поведзене, гаотичносц.

Треце, кед зме коло «духа церковних термінох» (спатраного з боку стила) треба буц винімно осторожни. Його одредзоване досц вапорозне и неясне. Чи напр. термин «церковнословянщина» у горнім цитату похасновани позитивистично чи негативистично, афирмативно чи пейоративно? Особне, по моім духу/ чувству, термини «сербщина», «горватщина», та и «церковнословянщина», з єдного боку, пейоративни (т. є. додаваю бридки смисел и, по мне, аж и деформую тото цо автор жада пренесц), а, з другого боку, аж и дероґативни (т. є. процивя ше духу руского языка, чи скорейшому предписаню, базованому ані не на власним духу автора тих шорикох, але на общим духу бешеднікох рускей націоналней заєдніци, чи духу руского народа).

З тей нагоди горні напрямки у адаптованю церковнословянських елементох у руским языку попрубуєме применіц у елиминованю велького числа варіантох єдного истого модела — греческого слова *euangélion*.

Поставя ше, насампредз, питанє як адаптовац гречески суфикс *-ion* зоз *euangelion*, кед у видзелених варіантох обачуєме и *-ия*, и *-ія*, и *-иа*, и *-ія*, и *-я*, але и *-иє* (евентуално и *-ий?*). Понеже слово о вистки (або, у узшим значеню, о кніжки), а вона/ вони женского ґраматичного роду, першенство би, по аналогії, требали мац закончення на *-я*, а не на *-є* (хторе характеризує стредні род).

З оглядом же гречески меновнік *angelos* (‘гласнік, вистка’) инкорпоровани до зложеного слова *euangelion*, а вон у руским языку дошлідно адаптовани, у подполносци у складу зоз восточну адаптацию, як цо случай и зоз основним меновніком *ангел*, тота часц хтора инкорпорує греческе /g/ мала би глашиц /г/. Мож бешедовац о евентуалней варіантносци заснованей на семантичней основи, так як цо у руским правопису покончене и прилапене зоз доктор и дохтор. У тим случаю би ше могло зявиц *г*, односно /г/ и одношиц ше на еванґелика (греч. *euangelikós*), припадніка християнского вироповіданя хтори своєю учене базує лем на еванґелії (протестант, калвинист и под.). Тота би правописна варіанта преношела окремене значенє и указовала же вона походзи (як и други лексеми з ней виведзени, як напр.

прикметнік *евангелицки/ евангелистични* або синтагма *Евангелицка/ Евангелистична церква*) зоз сфери чи традиції у хторей доминовал латински язык.

На варианты зоз иницијалним *е*, Евангелия, як найприлапівшу, патриме у вязи зоз напр. *Еволия, Евхаристия* (уклучуюци и синтагми виведзени з варијанти *Евхаристия: Евхаристийна адорация, Евхаристийна молитва, Евхаристийна побожносц, Евхаристийни канон, Евхаристийни конгрес, Евхаристийни пост*) и *Евхологий*, хтори, мож повесц, наисце дошлїдно запровадзени у ЦЛЛЛ. На таким зме становиску насампредз прето же ше гречески дифтонг */еу/* у церковнославянизмох восточней сфери чи традиції дошлїдно адаптовал зоз складом */ев/*. У новших руских лексемах (интернационализмох) по походзеню углавним зоз заходней културней сфери, дзе доминовал уплїв латинского языка, гречески дифтонг адаптовани зоз вокалску групу */еу/*. Пре подобни причини нешка ше стретаме не лем зоз *евром*, але, дзекеди, и зоз варианты *еуро*. Нешка ше континент на хторим жиєме вола *Европа* (та и прето *евро*), але у прешлосци ше зявїовала и форма *Європа*, у хторей бул читлїви восточнославянски уплїв. Праве як и у форми евангелия.

То, иншак, не єдини приклад же *е* и *є* алтерную у иницијалним положеню словох у руским языку. То, наприклад, случай и у ЦЛЛЛ зоз словами *ектения, Єгипет* и *єгипетски* з оглядом же наиходзиме и на фреквентнейшу варијанту *ектения* и меней фреквентни варијанти *Египтяне* и *египетски*. Обаване у тих словох чи писац *е* чи *є* у иницијалним положеню, медзитим, не ма вязи зоз рефлексамы греческого дифтонга */еу/* записованого зоз *еи*. Двоєне у тих словох ма други два коренї. Читане *е* як */йе/*, з єдного боку, стимулує русийска редакция церковнославянизмох, по хторей ше написане *е* чита як */йе/*, а, з другого боку, звладоване такв. живкнуща (гята) медзи двома сущедними вокалами зоз гласом хтори ше артикулує дзешка медзи */и/* и */й/*. Глас/ фонему */й/* єдни фонетичаре у теї улоги третирую як полуконсонант, а други як полувокал.

Ситуация подобна и на бокох мешачного, християнского часописа «Дзвони». Констатация ше, медзитим, одноши и на церковнославянизми и на нецерковнославянизми, з оглядом же ше авторе прилогох кеди-некеди оглушую и на важацу правописну норму руского языка. Приклади наводзиме зоз найновших, тогорочних числох «Дзвонох» — януарского (рок XX, ч. 1, одн. ч. 229) и фебруарского (рок XX, ч. 2, одн. ч. 330). Наприклад:

- «Хлеб насущни» (ч. 1, б. 3) би спрам *существовац, существо* и под. требало глашиц *сущни*, без огляду же ше при каждодньовому вигваряню траци *щ* и редукує на *ш*.

- На истим боку (ч. 1, б. 27) на два заводи находзимо «после Всаночного», а на єден «зоз Всеночним»; требало би *Всеночне, Всевишинї, Всемогутнї* (2, 15), *вселена* и под.
- Исти автор хаснує номинатив *Господь*, а у косих припадках без мегкого знака, напр. «самоу Господу Богу» (1, I-II).
- Док у предходним случаю мегки знак звишок, як и у «госциньскей шестри» (1, 19), и у *випольненє* (2, 7), и у *дзециньски* (2, IV) (а уж на шлїдуюцим боку ше находзи и форма *дзецински*), з другога боку, мегки знак хибѣ у *приятелство* (1, 7);
- На истим боку и *литургия* и *литургия* (1, III).
- Вельку букву *P* би похасновац у «радио Ватикан» (1, 10), а малу букву *ц* у *Сербска Православна Церква* (1, 5) и протестантска *Церква* (2, 12); *n* у *протестантска Церква* би требало буц вельке. Неусоглашеносц ше видзи и у истим тексту (2, 19) кед автор раз пише *Євангелска церква*, а кус нїжеј *Протестантска церква*.
- Малу букву би похасновац у прикметнїку у «у Израилским народу» (2, 7); гу тому би место и, по шицким судзаци, *ї* — *израїлски*.
- Исти автор исту синтагму пише раз ведно раз окреме у истим виреченю: *Шицки, зпокон вику*, так як и Бог з *покон вику* (2, II)
- Чи *Лївов* и *Лївовски* (1, 11), чи *Львов*?
- Виєдначиц би *c* и *z* на *c* у *Питсбург* и *питзбургски* у истим тексту (1, 10)
- Не *хорор* (1, 20), але *горор*; не *фейс-бук* (2, IV), але *Фейсбук*;
- Не «крадшу назву» (1, 8), але *кратшу назву*.
- Повеме *Русия*, та би прикметнїк мал буц *русийски*, а не *росийски* (2, 4); корень *рус* ше, иншак, прецагує през историю шицких восточнославянских народох.
- *Содома* и *Гомора* (2, I), чи *Содома* и *Гомора*? *Английски язык* (2, 10), чи *английски язык* (2, 15)? Требало би за нормованє странских словох консултовац странски словнїки.
- *Оче* (2, IV), чи *Отче* у духовней сфери?

Тримаме же ше церковнославянски язык и руски язык добре комбиную под час Служби Божей, але не и у сучасней духовней литератури на руским языку. Неусоглашеносци и недошлїдносци находзимо не лем при двох авторох, але и при єдному авторови у рамикох истого текста. Тота работа, медзи иншим, унапрямена и на то же би церковнославянски елементи були усоглашенше и дошлїднейше заступени.

Литература

- Ајдуковић 2004 — Ј. Ајдуковић. *Увод у лексичку контактологију. Теорија адаптације русизама*. Београд: Фото Футура.
- Ajduković 2010 — Ј. Ајдуковић. *About the First Volume of a Contactological Dictionary of Slavic Languages*. Россия и русские глазами инославянских народов: язык, литература, культура 1. Hokkaido University, Slavic Research Center, Sapporo, 167–182.
- Святе писмо. Нови завит* 2006 — *Святе писмо. Нови завит*. Преложели: Тадеј Войнович, Михаел Рамач, Јанко Рамач. Нови Сад: Апостолски егзархат за грекокатоликох у Србији и Чарней Гори.
- Biljnjaja 1987 — V. Biljnjaja. *Rusini u Vojvodini*. Novi Sad: Dnevnik.
- Горняк-Кухар 1998 — М. Горняк-Кухар. *Церковна терминологија у руским језику*. Шветлосц. Нови Сад, Дружтво за руски језик, литературу и културу, 250–278.
- Ћуставсон 1983 — С. Ћуставсон. *Руски језик у Југославији — дияхрония и синхрония*. Творчосц 9. Нови Сад, Дружтво за руски језик и литературу, 20–30.
- Дуличенко 1981 — А.Д. Дуличенко. *Русинский язык*. А.Е. Супрун, А.М. Калюта. Введение в славянскую филологию. Минск: Вышэйшая школа, 132–134.
- Дуличенко 2002 — А.Д. Дуличенко. *Книжка о руском језику*. Нови Сад: Руске слово, Дружтво за руски језик, литературу и културу.
- Костельник 1975 — Г. Костельник. *Проза*. Нови Сад: Руске слово.
- Кочиш 1978 — М.М. Кочиш. *Лингвистични работи*. Нови Сад: Руске слово.
- Лабош 1979 — Ф. Лабош. *История Русиных Бачкей, Сриму и Славонии (1745–1918)*. Вуковар: Союз Русиных и Украинцох Горватскей.
- Медеша 2008 — Г. Медеша. *Језик наш насущни*. Нови Сад: Дружтво за руски језик, литературу и културу.
- Миз 2011 — Р. Миз. *Церковни литургијно-литургијни лексикон*. Нови Сад: Руске слово, Грекокатоличка парохија св. Петра и Павла.
- Надь 1983 — Г.Г. Надь. *Лингвистични статии и розправи*. Нови Сад: Руске слово.
- Никифорова 2009 — С.А. Никифорова. *Старославянская традиция в современной русской и чешской христианской терминологии*. Славянские языки и культуры в современном мире: Труды и материалы. Москва, МГУ, 230–231.
- Плїшкова 2008 — А. Плїшкова. *Русинський језик на Словенську*. Пряшів: Світовий конгрес Русинів.
- Plishkova 2009 — A. Plishkova. *Language and National Identity: Rusyns South of Carpathians*. East European Monographs, New York: Columbia University Press.
- Рамач 1983 — Ю. Рамач. *Руска лексика*. Нови Сад: Универзитет у Новим Садзе, Филозофски факултет, Институт за педагогију, Катедра за руски језик и литературу.
- Рамач 1992 — Ю. Рамач. *Словник лексики Гавриїла Костельника*. Нови Сад: Руске слово.

Рамач 2002 — Ю. Рамач. *Граматика руского языка*. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства

Сидор 2005 — Д. Сидор. *Граматика русинського языка/ Grammar of the Rusyn Language*. Ужгород: Межинародный Карпатський Інститут, Кирило-Мефодиевська Академія Славянського Просвіщення, Закарпатське подкарпато-русинське Общество имени Кирила и Мефодія, Сойм Подкарпатських русинов.

Удварі 1998 — І. Удварі. *Русинські букварі из XVIII столітя. Букварь языка рускаго*. Nyíregyháza, Bessenyei György Tanárképző Főiskola, Ukrán és Ruszin Filológiai Tanszék, 63–83.

Фейса 2004 — М. Фейса. *Соціолінгвистични аспект руского языка у Војводини*. P. R. Magocsi, ред. Русинський язык. Opole, Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej, 375–392.

Фейса, ред. 2007 — *Русини/ Руснаци/ Ruthenians (1745–2005)*. 1. Нови Сад: Филозофски факултет – Одсек за русинистику, ИК Прометеј, КПД ДОК.

Фейса, ред. 2009 — *Русини/ Руснаци/ Ruthenians (1745–2005)*. 2. Нови Сад: Филозофски факултет – Одсек за русинистику, ИК Прометеј, КПД ДОК.

Фейса 2010 — М. Фейса. *Нова Србија и њена русинска мањина/ Нова Сербия и еѝ руска меншина/ The New Serbia and Its Ruthenian Minority*. Нови Сад: ИК Прометеј, КПД ДОК.

Холошняй-Матїџов М. (пририхтаџ) 2007 — *Молитвенїк Мирџ всџмџ*. Дюрдьов: Грекокатолицка парохија Рождества пресвятей Богородици.

Холошняй 2009 — М. Холошняй. *Александар Духнович и бачванско-сримски Руснаци з окремним огляднуџом на еден непознати твор*. Карпатские русины в славянском мире. Москва – Братислава, Univerzita Komenského v Bratislave, Filozofická fakulta, Katedra všeobecných dějin, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Исторический факультет, Кафедра истории южных и западных славян, 171–181.

Хорњаџ 2006 — М. Хорњаџ. *Бачко-сремски Русини*. Русини/ Руснаци/ Ruthenians (1745–2005). 1. том. Нови Сад, Прометеј, Одсек за русинистику Филозофског факултета, КПД ДОК, 23–73.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ЭСТОНСКО-ПОЛЬСКИХ И ПОЛЬСКО-ЭСТОНСКИХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

АЛИСИЯ ЧЕКАДА

Эстонский язык – польский язык – лексикография – двуязычные словари – разговорники – справочники

По словам Э. Росс, в Эстонии «традиция переводных словарей живет более трех с половиной столетий», но «о наличии действенной лексикографической системы эстонского языка можно говорить лишь в XX столетии» [Росс 1998: 45]. В период Первой Эстонской республики процесс составления и издания двуязычных словарей вышел на новый уровень. «Особенно хорошим подбором слов и необходимым числом удачных переводных соответствий отличались словари, подготовленные в 1930-ые годы <...>. В определенном отношении эти словари вполне удовлетворяют пользователей и сегодня» [Там же: 46]. Прежде всего это англо-эстонский, финско-эстонский, шведско-эстонский, немецко-эстонский и русско-эстонский словари. Каждый из них переиздавался по нескольку раз как в Эстонии, так и за ее пределами [Там же: 47].

В сороковые годы XX в. работа лексикографов в Эстонии в силу исторических и идеологических причин была практически приостановлена. Лишь на рубеже 1950–1960-ых гг. вновь стали появляться двуязычные словари. Среди славянских языков, представленных в качестве одной из параллелей в таких словарях, на первом месте, по-прежнему, оставался русский язык. В 1966 г. появился первый чешско-эстонский словарь, составленный А. Райдом и С. Смирновым [Raid, Smirnov 1966]. Позднее было издано несколько эстонско-польских и польско-эстонских лексикографических изданий. Некоторое время назад появились проекты по составлению эстонско-украинского, эстонско-болгарского и болгарско-эстонского словарей, но эта работа над ними пока не завершена.

Если говорить в целом о плодах эстонско-славянской лексикографии, то следует отметить, что на сегодняшний день имеется целый ряд исследований, посвященных различным аспектам изучения русского и эстонского языков. Выпущено большое количество русско-эстонских и эстонско-русских лексикографических пособий в виде справочников и словарей. В Тартуском университете защищена докторская диссертация «Двуязычный словарь и функционально значимые связи слова» О. Н. Паликовой, посвященная проблеме представления языкового материала в двуязычном словаре на материале русского и эстонского языков. Автор отмечает, «что русско-эстонская лексикография не только имеет долгую историю, но и богата достижениями» [Паликова 2007: 9]. Наиболее значимые из достижений последнего времени — эстонско-русский словарь в 5-и томах «Eesti-vene sõnaraamat» [Eesti-vene sõnaraamat 1997–2009], русско-эстонский словарь в 2-х томах «Vene-eesti sõnaraamat» [Vene-eesti sõnaraamat 2000].

На этом фоне двуязычная польско-эстонская лексикография, как и сопоставительное изучение польского и эстонского языков, пока находится на начальном этапе развития. При этом потребность в польско-эстонских переводах (технических, юридических, художественных, научных), в польско-эстонской справочной литературе в последнее время только возрастает. Как специалистам, так и, напр., эстонским студентам, изучающим польский язык, а также другим возможным пользователям до сих пор приходится сталкиваться с отсутствием в имеющихся словарях искомой лексики. Выйти из трудной ситуации помогают словари с русским или английским выходным языком. Но, как известно, перевод с использованием промежуточного — третьего — языка усложняет и замедляет работу переводчика, а самое главное — ухудшает качество его труда.

Наше основное исследование посвящено сопоставлению польского и эстонского языков с целью разработки теоретических основ составления принципиально нового двуязычного словаря для этой языковой пары. Несомненно, что приступить к подобной работе можно лишь после тщательного изучения истории формирования определенной лексикографической традиции. Для этого нами было выявлено, проанализировано и сопоставлено семь известных на сегодняшний день эстонско-польских и польско-эстонских лексикографических источников, а также один проект по созданию электронного многоязычного словаря. Результаты этой работы будут представлены в данной статье. Считаем, что, имея максимально полное представление об этих лексикографических изданиях и учитывая все достижения и возможные недостатки, мы сможем предложить, на основе совре-

менной лексикографической теории и технологии, свою разработку лексикографических принципов для составления польско-эстонского словаря.

Для того чтобы более-менее четко представить каждое издание, выявить определенную традицию, мы руководствовались следующими критериями: краткая характеристика издания, сведения об авторах-составителях, целевая группа пользователей словарем, объем и содержание словаря/ разговорника, разделение представленной в нем лексики на тематические группы, способ представления языкового материала, наличие и достаточность/ недостаточность грамматических и пр. комментариев, а также общие выводы относительно значимости издания в области двуязычной лексикографии.

Первым опытом составления польско-эстонского разговорника стала совместная работа М. Нурмика и Е. Скоморовского «Praktiline eesti-poola, poola-eesti käsiraamat. Praktyczny podręcznik estońsko-polski i polsko-estoński» [Nurmi, Skomorowski 1937]. Он был впервые издан в Тарту в 1937-м г. Это пособие в течение нескольких последующих десятилетий оставалось первым и единственным в данной области.

Надо полагать, что этот справочник-учебник снискал популярность среди читателей, так как позднее он дважды переиздавался — в 1938-м и 1939-м гг. Издания 1938-го и 1939-го гг. ничем не отличаются от первого, в них нет никаких исправлений или же дополнений. Даже опечатки, закрапившиеся в издание 1937-го года, так и остались неисправленными: напр., неверное *liezby* вместо *liczby* [Nurmi, Skomorowski 1937: 8], ошибочное *nie ta* вместо *nie ta* [Там же: 10] и др.

Авторы пособия поставили перед собой исключительно прагматическую цель — написать небольшой по объему учебник со словарем для поляков, приезжающих на территорию Эстонии на сезонные сельскохозяйственные работы, и для их эстонских работодателей, чтобы те и другие смогли понимать друг друга в повседневных ситуациях. Во введении к изданию авторы прямо говорят об этом [Там же: 5]. Здесь же есть пояснение о том, что справочник был выпущен довольно быстро, поэтому в нем может быть много недоработок, о которых составители просят сообщать, чтобы учесть их в будущем при возможном переиздании справочника.

Об авторах пособия есть некоторые сведения в дипломной работе К. Тедер «Из истории полонистики в Эстонии перед Второй Мировой войной» [Тедер 1996]. Ежи Скоморовский был владельцем действовавшего в то время в Тарту издательства «Skomorowski kirjastus». К. Тедер отмечает, что «Скоморовский владел эстонским языком и даже переводил с

эстонского на польский художественную литературу» [Тедер 1996: 26]. М. Нурмик был учителем эстонского языка [ЕЕ 6 1992: 685].

Данное пособие выглядит очень солидно, его никак нельзя назвать любительским, непрофессиональным. Справочник состоит из нескольких разделов. Сначала идет введение, написанное параллельно на эстонском и польском языках; затем даются краткие сведения об особенностях польской графики и фонетики (как отмечает К. Тедер, «в целом авторы правильно выделили основные фонологические трудности польского языка для эстонцев» [Тедер 1996: 29]); далее на польском языке представлены краткие сведения о грамматике эстонского языка — «наиболее важные сведения, необходимые поляку для того, чтобы заговорить по-эстонски» [Там же: 30]; на эстонском языке написан небольшой обзор польской грамматики.

При описании фонетических особенностей эстонского и польского языка авторы в некоторых случаях пытаются дать объяснение посредством русского языка: напр., «*żaba = żaba – konna (venek. жаба)*»; «*ö – nos (podobnie do rosyjskiego ě w słowie лён) <курсив наш — А. Ч.>*» [Nurmik, Skotmogowski 1937: 5–6]. Возможно, авторы привлекли русский языковой материал в силу близкого родства с польским языком, рассчитывая при этом, что носители как польского, так и эстонского языка имеют хотя бы минимальные навыки владения русским языком.

Грамматический комментарий удивляет своей подробностью. Отметим, что ни в одном из последующих эстонско-польских и польско-эстонских словарей и справочников нет настолько подробного описания польской и эстонской грамматики, выдержанного в рамках научного стиля.

Нурмик и Скоморовский подробно останавливаются на основных частях речи и связанных с ними основных грамматических понятиях (склонение имен существительных и прилагательных, местоимений, степени сравнения прилагательных и наречий, спряжение глаголов и пр.). Авторы указывают на основные отличительные особенности обоих языков, наглядно поясняя их: например, отсутствие в эстонском языке форм будущего времени глаголов, наличие у польских существительных, прилагательных и порядковых числительных грамматической категории рода, наличие у польских существительных четырех типов склонения; указываются также особенности образования форм прошедшего и будущего времени в польском языке.

Основной объем книги занимает разговорник, где представлен языковой материал, распределенный по тематическим разделам (напр.: «Рабочие инструменты», «Полеводство», «Домашние животные», «В сланце-

вой шахте») с соответствующими ситуативными диалогами, которые приводятся параллельно на обоих языках.

В конце справочник снабжен небольшими словариками — эстонско-польским и польско-эстонским. При каждом слове выходного языка указаны самые основные грамматические показатели. У польских существительных указывается род. Исключения составляют существительные *pluralia tantum*, так как в этом случае соответствующей информации при слове нет: напр., *uks – drzwi* ‘дверь’, *raha – pieniądze* ‘деньги’, *huuled – usta* (в последнем примере мы имеем дело с неточным переводом, так как эстонскому слову *huuled* ‘губы’ соответствует польское слово *wargi*, а польскому слову *usta* ‘рот’ соответствует эстонское слово *suu*).

У эстонских существительных и прилагательных указываются формы второго и третьего падежей (*Omastav, Osastav*), у эстонских глаголов даются окончания/ формы обоих инфинитивов (*ma-infinitiiv, da-infinitiiv*).

Справочник действительно оправдывает те прагматические цели, которые ставили перед собой его авторы. Грамматическим комментарием можно пользоваться как учебником, а те части издания, которые составляют собственно разговорник и словарь, содержат необходимый для базовой языковой коммуникации лексический минимум.

Следующее польско-эстонское учебное лексикографическое пособие появилось спустя почти полвека — лишь в 1980-м году. Скромный по объему разговорник (всего 81 страница) «*Mini-rozmówki estońskie*» был написан в соавторстве В. и Р. Сепре и А. Вуйчик и издан в Варшаве [Sepre, Sepre, Wójcik 1980]. Один из составителей — Алина Вуйчик — участвовала в более чем десяти подобных проектах [см., напр.: Kowalowa, Wójcik 1980; Damborský, Wójcik 1981; Salwa, Wójcik 1982]. В кратком вступлении к изданию авторы пишут о том, что разговорник предназначен для польских туристов, отправляющихся в Советский Союз, а именно в Эстонскую ССР. Читатель найдет здесь слова, выражения и диалоги, которые позволят общаться на элементарном уровне в типичных ситуациях, связанных с выездом за границу и пребыванием в другой стране (см. [Sepre, Sepre, Wójcik 1980: 5]).

Далее следует краткий комментарий относительно эстонского алфавита и фонетической системы языка. Специфику эстонских гласных *õ, ä, ö* и *ü* авторы объясняют при помощи примеров из польского, немецкого и английского языков. В заключении раздела приводится информация об ударении в эстонском языке — оно всегда падает на первый слог, в случае многослоговых лексем появляется дополнительное ударение, которое падает на третий и пятый слог [Там же: 7–9].

В разговорнике отсутствует грамматический комментарий. В основной части издания есть довольно большое количество примеров, которые иллюстрируют наличие в польском языке категории рода и ее отсутствие в эстонском, напр.: *Czy ta pan (pani) ...? – Kas teil on ...?* Как нам кажется, во введении все же необходимо было указать, что в эстонском языке, в отличие от польского, при обращении к незнакомому человеку используется форма «вы», и при этом родовой признак никак не проявляется.

Нами были обнаружены примеры типа *chcialbym... – tahaksin...* ‘я хотел бы...’, в которых отсутствует форма женского рода *chcialabym* ‘я хотела бы’. Здесь, по всей видимости, в польской части можно было ограничиться лишь формой мужского рода, но при этом для польского пользователя словарем (а именно, на него, прежде всего, рассчитано это издание) необходимо было указать об отсутствии категории рода в эстонском языке. Однако, если предположить, что этот разговорник попадет в руки носителю эстонского языка, то отсутствие формы *chcialabym* может стать причиной грамматической ошибки и шире — ошибочного представления о польском языке.

В основной части разговорника имеется несколько авторских комментариев, касающихся жизни в Эстонии и ее традиций (напр., по поводу транспорта в Таллинне, национальной кухни и т. д.). Список тем, в которые включена соответствующая лексика, довольно стандартен: «Покупки», «Транспорт», «В городе», «Продукты». Отдельно приводятся числительные, названия цветов, единицы времени, меры и веса.

Довольно большой объем отводится под спортивную лексику. Здесь необходимо отметить крайне любопытную деталь: в выходных данных есть указание на то, что разговорник был сдан в печать в октябре 1979-го года, а напечатан он был в апреле 1980-го года. Это наводит на мысль о том, что издание приурочено к главному событию 1980-го года — Олимпийским играм. Как известно, в Таллинне проходила олимпийская парусная регата, которая привлекла большое количество туристов из-за пределов СССР. В разговорник авторы включили несколько лексических тем, которые связаны со спортом и непосредственно с олимпийскими играми: напр., разделы «*Dojazd na miejsce igrzysk*» (т. е. «Проезд на место игр»), «*Rodzaje obiektów sportowych*» («Типы спортивных объектов»), «*Letnie olimpijskie dyscypliny sportowe*» («Летние олимпийские спортивные дисциплины»), «*Akcesoria sportowe*» («Спортивный инвентарь») и пр.

В конце издания есть раздел «*Ważniejsze organizacje i instytucje*» («Важнейшие организации и учреждения»), в котором на обоих языках приводится список польских и эстонских государственных и общественных

организаций, обществ, союзов и пр., существовавших в то время. В этом разделе есть как полные названия, так и их сокращения (аббревиатуры). Ни в одном другом издании подобного списка нет.

В некоторых разделах разговорника приводятся примеры типичных вывесок — сначала в оригинале на эстонском языке, а потом в переводе на польском. С подобными вывесками носители польского языка могут встретиться на территории Эстонии: *Meestejuuksur – Fryzjer męski* 'Мужской парикмахер', *Piletite müük – Sprzedaż biletów* 'Продажа билетов', *Sõiduplaan – Rozkład jazdy* 'Расписание движения' и пр.

На внутренней обложке издания указано, что тексты (по всей видимости, только эстонская часть) разговорника записаны на кассету. Как сказано, запись демонстрирует правильное произношение и помогает на слух запоминать вопросы и ответы на них, а также слова и выражения.

Польско-эстонский разговорник «*Mini-rozmówki estońskie*» содержит базовую лексику и речевые конструкции эстонского языка. Издание рассчитано только на носителей польского языка. В конце издания имеется небольшой индекс тем, который позволяет искать лексику по определенным тематическим параметрам. В целом это издание можно считать разговорником-путеводителем для польских туристов, направляющихся в Эстонию. Нельзя сказать, что это издание устарело и им невозможно пользоваться: за исключением некоторых советских реалий и небольшого объема лексики, исчезнувших из жизни обеих стран, этот разговорник может быть рекомендован как языковая база, необходимая для межъязыковой коммуникации.

В 2000-м году появился составленный М. Майор и напечатанный в Таллинне эстонско-польский разговорник «*Eesti-poola vestmik. Rozmówki estońsko-polskie*» [Major 2000]. Нам не удалось, к сожалению, выяснить, кем является составитель этого издания.

Краткое предисловие к изданию написано параллельно на эстонском и польском языках. В эстонской части сказано, что разговорник предназначен для тех, кто желает общаться с носителями польского языка. В нем содержатся простые слова, выражения, вопросы и ответы на обоих языках, которые «могут оказаться полезными во время поездок в Польшу» [Major 2000: 3]. В польской части предисловия говорится, что разговорник предназначен для выезжающих за границу людей, а содержащиеся в нем обращения, вопросы, ответы и разговорные выражения помогут в различных коммуникативных ситуациях, связанных с поездками и пребыванием в Эстонии и в Польше.

Таким образом, целевая аудитория данного эстонско-польского разговорника — это носители эстонского языка и/или люди, владеющие эстонским языком, у которых нет никаких предварительных знаний польского языка и носители польского языка или люди, владеющие польским языком. Причем интересно, что автор разговорника исключает возможность того, что с польским языком читатель может столкнуться и в Эстонии, а не только непосредственно в Польше.

Далее М. Майор дает очень сжатую и даже поверхностную информацию о фонетической системе польского и эстонского языков. В эстонском предисловии автор вскользь упоминает о наличии в польском языке особого этикета при обращении на «вы»: формами вежливости в польском языке являются существительные *pan* и *pani*.

О наличии грамматической категории рода у глаголов в форме прошедшего времени сказано следующее: «Глагол также имеет род, и это выглядит в тексте следующим образом: *chciałem (-am)* (*chciałem* – meess., *chciałam* – naiss.) <перевод наш — А. Ч.>» [Там же: 4–5].

Вводная часть разговорника заканчивается сведениями об орфоэпии: в польском языке ударение падает на предпоследний слог, а в эстонском языке — на первый.

Основная часть разговорника разделена на тематические группы, напр.: «Путешествие», «Деньги. Банк», «Время» и пр. Несмотря на то, что в разговорнике есть только эстонско-польская часть, им вполне можно пользоваться и в обратную сторону — с польского на эстонский. Благодаря подробному двуязычному указателю тем в «Содержании», как эстонский, так и польский читатель сможет найти нужный языковой материал.

У разговорника М. Майор есть и некоторые недостатки. В ряде случаев польский перевод является полностью или частично неверным, или же неточным. Напр., *veerand kümme – kwadrans po dziesiątej* (эст. 'четверть десятого', пол. 'четверть одиннадцатого'); *keel seitse – o siódmiej wieczorem* (эст. 'в семь часов', пол. 'в семь часов вечера'); *Mul valutab hammas – Bolał mnie zęby* (эст. 'у меня болит зуб', пол. 'у меня болят зубы').

Отметим случаи неудачного способа отражения лексических особенностей обоих языков. У ряда слов, относящихся к теме «Тело человека», как в польском, так и в эстонском языке имеются основы с чередованием: эст. *hammas – hambad*, пол. *ząb – zęby* 'зуб – зубы', эст. *käsi – käed*, пол. *oko – oczy* 'глаз – глаза', пол. *ręka – ręce* 'рука – руки', и пр. Поэтому необходимо указывать обе формы — как единственного, так и множественного числа. В разговорнике, к сожалению, не указаны формы множественного числа этих, и некоторых других лексем. В рамках исключения даны обе формы

(единственного и множественного числа) лексемы ухо: *kõrv, kõrvad – ucho, uszu*.

Здесь же можно найти несколько «обратных» примеров, когда пригодится только форма множественного числа лексем с чередованием основы: *õlad – ramiona* ‘плечи’, *põsed – policzki* ‘щеки’.

В основной части разговорника в польском переводе в ряде примеров не указывается форма: а) женского рода, напр.: *Ta on vana – On jest stary* ‘Он старый’, *Millal te peate reisile minema? – Kiedy Pan ma wyjechać?* ‘Когда вы (м. р.) должны ехать?’; б) мужского рода, напр.: *Kas teile meeldib tantsida? – Czy Pani lubi tańczyć?* ‘Вы (ж. р.) любите танцевать?’.

В большинстве примеров указаны все-таки обе формы: напр.: *Millega te sõidate? – Czym Pan(i) jedzie?* ‘На чем вы ездите?’, *Kas te olete kindlustatud? – Czy Pan(i) jest ubezpieczony(-a)?* ‘Вы застрахованы?’.

В целом этот эстонско-польский разговорник охватывает большой пласт лексики, включая числительные, названия эстонских и польских праздников, названия животных и пр. Им может пользоваться как носитель эстонского, так и польского языка.

Самый последний эстонско-польский разговорник «Eesti-poola vestmik» был издан в 2008-м году. Его составители — С. Боровска-Петерсон и М. Петерсон [Borowska-Peterson, Peterson 2008]. Отметим, что одним из редакторов этого издания является Катажина Хатлас, с 2003 по 2007 год преподававшая польский язык в Тартуском университете в качестве приглашенного лектора.

Во «Введении», написанном на эстонском языке, поясняется, что этот «разговорник предназначен для эстонцев, направляющихся в Польшу, а также для всех тех, кто находится в этой стране проездом, и не намерен общаться только посредством третьего языка» [Borowska-Peterson, Peterson 2008: 3]. Авторы добавляют, что объем лексики и идиоматических выражений в разговорнике достаточен, чтобы «донести и понять основную информацию, а также задать вопрос и ответить на него в типовых ситуациях» [Там же]. Здесь же, во «Введении», авторы дают краткую информацию, касающуюся фонетических, орфоэпических и грамматических особенностей польского языка.

Данный эстонско-польский разговорник состоит из 38 разделов. Лексический объем этого разговорника небольшой. Среди представленных тем можно найти как совершенно типичные для подобного справочного издания, (напр.: «Знакомство», «Спорт», «В магазине»), так и темы с новой или специальной лексикой («Интернет», «Деловая встреча», «О политике», «Об экономике», «В авторемонтной мастерской» и пр.).

В разговорнике есть также раздел, посвященный церкви и религии. Здесь представлена лексика, относящаяся к различным концессиям. В конце темы на эстонском и польском языках приводится текст христианской молитвы «Отче наш».

В самом конце дается небольшой список эстонских пословиц и поговорок с польскими эквивалентами. Отметим, что авторами отобраны такие фразеологизмы, которые в обоих языках, прежде всего, максимально близки по форме. Напр.: *Seintel on kõrvad* — *Ściany mają uszy* 'И у стен есть уши'; *Hirmul on suured silmad* — *Strach ma wielkie oczy* 'У страха глаза велики'.

Грамматический комментарий в данном лексикографическом издании сведен до минимума. Теория упрощена с расчетом на пользователя-нефилолога, ряд моментов требует, по нашему мнению, дополнительного лингвокультурологического комментария. К сожалению, в этом разговорнике нет словарика или индекса слов, что значительно затрудняет поиск нужных лексем и словосочетаний.

Языковой материал разговорника позволяет передать не только «основную информацию» «в наиболее типичных ситуациях», как это было заявлено во «Введении», но представляет собой базу, от которой можно отталкиваться при возможной дальнейшей разработке и составлении двуязычных польско-эстонских и эстонско-польских справочников или словарей общей и специальной лексики.

В течение последних 15-и лет было выпущено три двуязычных словаря для данной языковой пары, кроме того, существует проект электронного польско-эстонского-английского словаря [подробнее об этом проекте см.: Matulewska, Wasielewska 2004: 1–9], но на данный момент работа над его созданием не закончена, поэтому здесь мы не можем говорить о полноценном издании.

Польский язык оказался включенным в число девяти языков в словаре Т. Кальюсте «Languages around the Baltic Sea. Dictionary in Nine Languages. Keeled ümber Läänemere. Üheksakeelne sõnastik» [Kaljuste 1996]. Словарь вышел в Таллинне в 1996 году. О составителе нам, к сожалению, ничего не известно. Исходным языком в нем является английский, перевод с которого дается на восемь языков: немецкий, шведский, финский, эстонский, латышский, литовский, польский и русский.

В предисловии, написанном на английском и эстонском языках, Т. Кальюсте раскрывает цель составления подобного словаря. Он пишет о том, что за последние годы расширились возможности для передвижения по странам региона Балтийского моря, а укрепление контактов между странами способствует сближению культур и языков по обе стороны Балтийского

моря. Однако, несмотря на очевидные факты межкультурной и межъязыковой коммуникации, нет необходимых словарей для того, чтобы можно было вести непосредственное, живое языковое общение и изучать язык соседей. По поводу связей между Эстонией и Польшей, а также по поводу эстонского и польского языков автор отмечает, что эстонцам приходится понимать польский язык посредством другого языка [Kaljuste 1996: 4].

Кальюсте предлагает вниманию читателей словарь, включающий базовую лексику на девяти языках. Всего издание содержит более 16 000 слов, примерно по 1700 слов для каждого языка.

Во вступительной части словаря есть краткий раздел, посвященный фонетическим особенностям каждого из девяти языков. Приводится польский алфавит, есть упоминание о том, что польский язык знаменит своими «шипящими» согласными (*sz, cz, dz, dź, dż, rz, szcz*). Автор ошибочно пишет, что ударение в польском языке обычно падает на последний слог (в действительности — на предпоследний слог).

Лексика словаря распределена примерно по 60-ти тематическим группам. Входной язык — английский. По этой причине данный словарь нельзя назвать эстонско-польским. Им довольно проблематично пользоваться, не владея английским языком. Помочь в поиске переводного эквивалента может индекс слов в конце издания.

В основной части словаря польский перевод почти не снабжен грамматическими или же другими пометами. Исключение составляют существительные *pluralia tantum*. В этом случае при них стоит помета *pl*: *nożyce* ‘ножницы’, *szachy* ‘шахматы’, *studia* ‘учеба’ и пр. В предисловии есть упоминание о том, что в польском языке (так же, как в русском, латышском и литовском) у глаголов есть категория вида, а у существительных (как в русском, немецком, литовском и латышском) есть категория рода, которая релевантна и для прилагательных. Отметим, что немецкая часть, в отличие от польской, русской, литовской и латышской, снабжена пометами, указывающими род имен существительных.

Что касается системы глагольных спряжений, то здесь автор ограничивается лишь двумя примерами. В словаре приводятся формы настоящего и прошедшего времени глаголов *быть* и *иметь*. Парадигма спряжений является неполной, так как автор не приводит формы нелично-мужского рода для местоимений 1-го, 2-го и 3-го лица множественного числа, т. е. не указаны формы *ты byłyśmy/ miałyśmy, wy byłyście/ miałyście, one są/ mają, one były/ miały*. Для глаголов в некоторых случаях, довольно непоследовательно приводятся обе видовые формы — совершенного и несовершенного вида: *mówić, powiedzieć; brać, wziąć; ukazywać, ukazać*.

При наличии в польском языке нескольких, не всегда синонимичных вариантов перевода английского слова пользователь словарем окажется перед неразрешимым выбором — без объяснения или хотя бы минимального количества примеров ему сложно будет выбрать правильный эквивалент, например, в следующих случаях: *rent* – *czynsz*, *dzierżawa*, *renta* ‘аренда, рента, плата’; *noise* – *hałas*, *szum* ‘шум’; *general* – *główny*, *generalny*, ‘главный, общий’.

В конце словаря на каждом из девяти языков приводится индекс слов, который отчасти позволяет переводить лексику в обратную сторону — на любой из представленных языков. Таким образом, этот словарь нельзя назвать строго эстонско-польским или польско-эстонским. Словарь содержит лексику очень разного характера. Данным словарем можно пользоваться как базой для перевода самых необходимых в повседневной жизни понятий.

Теперь мы обратимся к эстонско-польскому словарю Л. Эрин и В. Стефанчика «Eesti-poola sõnastik. Słownik estońsko-polski» [Erin, Stefańczyk 2000a], который был издан в 2000 г. в Кракове. В том же году Эрин и Стефанчик издали в соавторстве учебник польского языка для эстонцев [Erin, Stefańczyk 2000b]. Скажем несколько слов об авторах словаря. Лемми Эрин в течение последних нескольких лет работает гидом в Таллинне. Ее основной рабочий язык — польский. Веслав Стефанчик в период с 1998-го по 2000-й год преподавал польский язык в качестве приглашенного лектора на отделении русской и славянской филологии Тартуского университета. В данный момент он работает в должности научного сотрудника на кафедре польского языка как иностранного в Ягеллонском университете.

Объем словаря — примерно 10 000 словарных статей. Лексический состав словаря покрывает в основном общеупотребительную лексику, но в него включено и небольшое количество специальных слов и фразеологизмов. На сегодняшний день этот словарь является самым объемным. Издание рассчитано на широкую читательскую аудиторию без специальной филологической подготовки и предварительного владения польским языком.

В эстонском предисловии к словарю в очень сжатом виде дается информация для носителя эстонского языка о том, как пользоваться словарем. Авторы словаря попытались максимально упростить для читателя, не имеющего соответствующей филологической подготовки, принципы польской грамматики, и поместили во введении только общие сведения о польском языке. Но, к сожалению, при этом многие аспекты они вообще не затронули. Пользуясь только той информацией, которая содержится во введении, носителю эстонского языка будет крайне сложно порождать на польском языке грамматически правильные высказывания.

В 2010 г. вышел учебный эстонско-польский и польско-эстонский словарь «Język estoński dla początkujących. Słownik estońsko-polski i polsko-estoński» Р. Белецкого [Bielecki 2010]. Это первый словарь для данной пары языков, который обращен в оба направления. Роберт Белецкий проработал лектором польского языка на отделении русской и славянской филологии Тартуского университета в период с 2001-го по 2003-й год. Словарь издан в рамках проекта, включающего учебник эстонского языка для поляков, рабочую тетрадь и словарь [Bielecki, 2009, 2010, 2011]. Все три книги рассчитаны на носителей польского языка, которые только начинают изучать эстонский язык.

Словарь содержит в общей сложности около 5000 словарных статей. Каждая словарная статья в эстонско-польской части словаря снабжена подробным описанием наиболее важных фонологических особенностей эстонского языка. В словарных статьях содержится подробная информация о флексии. В словарных статьях польской-эстонской части имеется большое количество примеров фраз и выражений к каждому заглавному слову. Польско-эстонская часть словаря является первым подобным лексикографическим опытом.

В 2000-м году приглашенный лектор польского языка Тартуского университета М. Васелевска и методик кафедры славянской филологии С. Вомм начали работу над польско-эстонским словарем «Słownik minimum polsko-estoński z indeksem estońsko-polskim» [Tóth, Wasielewska 2000]. Предполагалось, что объем словаря составит примерно 3000 слов. Согласно планам авторов, каждая словарная статья должна была быть снабжена большим количеством грамматической и семантической информации. В статье С. Тота и М. Васелевской даже есть примеры двух словарных статей для имени существительного и глагола.

Нам удалось выяснить, что, вернувшись в Польшу, Васелевска продолжила работу по составлению словаря в Институте лингвистики университета им. А. Мицкевича в Познани. Теперь работа идет над уже нами упомянутым исследовательским проектом по составлению польско-эстонско-английского тематического электронного словаря — «Polsko-estońsko-angielski elektroniczny słownik tematyczny» [см.: Matulewska, Wasielewska 2004: 1–9]). Целью проекта является составление двухтомного польско-эстонско-английского словаря. Общий объем лексики — около 100 000 единиц.

Лексика первого тома будет охватывать 10 разделов, таких, как, напр.: «Państwo i polityka», «Prawo», «Unia Europejska», «NATO». Второй том будет включать лексику по 12 темам, напр.: «Człowiek – w rodzinie i społec-

czeństwie», «Ubiór i pielęgnacja ciała», «Zdrowie i choroba». По словам авторов, все слова будут распределены по тематическим разделам, и снабжены грамматическими показателями, примерами словоупотребления и пр. информацией. В статье А. Матулевской и М. Васелевской есть фрагмент словаря в виде таблиц. Эти таблицы представляют собой список лексем, по всей видимости, являющихся одновременно и словарными статьями. В готовой электронной версии материал будет располагаться в поисковой программе, которая поможет ориентироваться в обширном языковом материале. Авторы планировали выход первого тома словаря в 2006 г., а второго тома — в 2008–2009 гг. Но, как выяснилось в ходе нашей личной переписки с А. Матулевской, которая на данный момент является руководителем проекта, словарь до сих пор не завершен и не известно, когда он будет закончен. А. Матулевская поясняет, что сейчас имеется рабочая версия словаря, которая требует доработки. Сам словарь планируется публиковать отдельно по тематическим блокам.

Проведенная работа позволяет нам сделать заключение о том, что на эстонско-славянском фоне эстонско-польская лексикография представлена довольно большим количеством справочников и словарей. Основная их часть появилась за последние 20 лет — в период, когда тесные языковые и культурные контакты между Эстонией и Польшей обусловили необходимость составления учебников, справочников, разговорников и двуязычных словарей. Несмотря на то, что научная традиция в этой области еще не успела сформироваться, сделано за этот короткий период времени было удивительно много. При этом на сегодняшний день эстонско-польская лексикография нуждается не только в новых изданиях, но, прежде всего, в теоретических работах по составлению словарей — как традиционных, так и словарей нового типа.

Литература

Паликова 2007 — О. Паликова. *Двуязычный словарь и функционально значимые связи слова*. *Dissertationes Philologiae Slavicae Universitatis Tartuensis* 18. Тарту, 2007.

Росс 1998 — Э. Росс. *Эстонская лексикография во второй половине XX столетия. Направления развития и выводы*. *Linguistica Uralica* XXXIV. Tallinn, 1998, 1, с. 45–52.

Тедер 1996 — К. Тедер. *Из истории полонистики в Эстонии перед Второй Мировой войной*. Дипломная работа (Рукопись). Тарту, 1996.

ЕЕ 6 1992 — *Eesti Entsüklopeedia* 6. Tallinn, 1992.

Matulewska, Wasielewska 2004 — M. Matulewska, M. Wasielewska. *Polsko-estońsko-angielski elektroniczny słownik tematyczny*. *Investigationes Linguisticae*. 2004, IX, s. 1–9. URL: http://www.staff.amu.edu.pl/~inveling/pdf/matulewska_wasielewska1_inve11.pdf (07.04.2013)

Tóth, Wasielewska 2000 — S. Tóth, M. Wasielewska. *Vanemat ja uuemat eesti-poola leksikograafia alalt*. Keel ja kirjandus. XLIII. Tallinn, 2000, 11, lk. 827–829.

Словари и пособия

Bielecki 2009 — R. Bielecki. *Język estoński dla początkujących. Teksty i gramatyka*. Poznań, 2009.

Bielecki 2010 — R. Bielecki. *Język estoński dla początkujących. Słownik estońsko-polski i polsko-estoński*. Poznań, 2010.

Bielecki 2011 — R. Bielecki. *Język estoński dla początkujących. Ćwiczenia i rozwiązania*. Poznań, 2011.

Borowska-Peterson, Peterson 2008 — S. Borowska-Peterson, M. Peterson. *Eesti-poola vestmik*. Tallinn, 2008.

Damborský, Wójcik 1981 — J. Damborský, A. Wójcik. *Mini-rozmówki czeskie*. Warszawa, 1981.

Eesti-vene sõnaraamat 1997–2009 — *Eesti-vene sõnaraamat*. I–V. Tallinn, 1997–2009.

Erin, Stefańczyk 2000a — L. Erin, W. Stefańczyk. *Eesti-poola sõnastik. Słownik estońsko-polski*. Kraków, 2000.

Erin, Stefańczyk 2000b — L. Erin, W. Stefańczyk. *Poola keel: podręcznik języka polskiego dla Estończyków*. Warszawa, 2000.

Kaljuste 1996 — T. Kaljuste. *Languages around the Baltic Sea. Dictionary in Nine Languages. Keeled ümber Läänemere. Üheksakeelne sõnastik*. Tallinn, 1996.

Kowalowa, Wójcik 1980 — G. Kowalowa, A. Wójcik. *Mini-rozmówki rosyjskie*. Warszawa, 1980.

Major 2000 — M. Major. *Eesti-poola vestmik. Rozmówki estońsko-polskie*. Tallinn, 2000.

Nurmik, Skomorowski 1937 — M. Nurmik, E. Skomorowski. *Praktiline eesti-poola, poola-eesti käsiraamat. Praktyczny podręcznik estońsko-polski i polsko-estoński*. Tartu, 1937.

Raid, Smirnov 1966 — A. Raid, S. Smirnov. *Tšehhi-eesti sõnaraamat*. Tallinn, 1966.

Salwa, Wójcik 1982 — P. Salwa, A. Wójcik. *Mini-rozmówki włoskie*. Warszawa, 1982.

Sepre, Sepre, Wójcik 1980 — W. Sepre, R. Sepre, A. Wójcik. *Mini-rozmówki estońskie*. Warszawa, 1980.

Vene-eesti sõnaraamat 2000 — *Vene-eesti sõnaraamat*. I–II. Tallinn, 2000.

III

ВОПРОСЫ СЛАВЯНСКОГО СИНТАКСИСА И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

НЕМЕЦКО-РУССКИЙ РУССКИЙ — ОТ ИГРЫ К ЯЗЫКУ?

HOLGER KUBE, МАРИНА ШАРЛАЙ

Смешанные языки – немецко-русский язык в Германии – особенности употребления

1. Шпраха Qwelja

Один из берлинских музыкантов Саша Пушкин пародирует в своих песнях, написанных на шуточном языке «квеля» манеру русских эмигрантов выражаться на смеси русского и немецкого языка, который на сайте www.strannik.de представляется следующим образом:

«На шпрахе Квеля шпрехают цирка миллион бевонающих в Бундесе, Ёстерайхе и Швицерляндии ауслендеров фон Руссланд (...). На Qwеле создан великий могучий литератур и фольклёр, который занимает вихтижный платц в шатцкаммере мировой культур» [URL: <http://www.strannik.de/quelia/>, дата обращения 23.01.2013].

Игровое смешение языковых систем в такого рода фольклоре, псевдокодифицированном в «Wertabuche Qwelja» вызывает комические эффекты и на самом деле ограничивается относительно узким кругом пользователей [см. также: Vrehmer 2007]. Это, как правило, эмигранты последней волны (1990-ые гг.), культурно-языковая среда которых делится на русскоязычную сферу общения в частной коммуникации и немецкоязычную общественную сферу. В их русскую речь, т.е. в русскую языковую систему, вкрапливается немецкая лексика, в результате чего (на русской основе) возникает немецко-русский русский идиом.

Смешивание немецкой лексики с русской грамматикой, а также другие формы трансференции — явления изначально окказиональные и в данной (как и в любой другой) ситуации взаимного контактирования языков и культур неизбежные. Использование смешанной речи в устном, в первую очередь, семейном или дружеском общении, а также в интернете или в шуточном фольклоре позволяет, однако, предположить, что с ее распростране-

нием может возникнуть определенная системность. Ведет ли смешение языков от индивидуальной и последующей за ней коллективной креативности к новому (суб)стандарту или (микро)языку — центральный вопрос статьи. Ее целью является анализ современного состояния русского разговорного и письменного языка в Германии в его взаимодействии с немецким языком. Фокус исследования направлен на выявление особенностей речи эмигрантов и связанную с этим систематизацию примеров, записанных в интервью с русскоговорящими респондентами, а также фигурирующих в русскоязычной эмигрантской прессе ФРГ и на интернет-форумах, где обсуждаются повседневные вопросы.

2. Лингвистика смешанных языков

Немецко-русский русский идиом в Германии представляет собой смешение на основе русского языка и отличается тем самым от влияний русского языка на немецкий, характерных населению немецкого происхождения в России и немецкоязычным эмигрантам. В последнем случае следует говорить о русско-немецком немецком идиоме. Оба идиома относятся к кругу языковых феноменов, статус и классификация которых широко обсуждаются в сегодняшней контактной лингвистике под термином «смешанный язык» (*Mischsprache*, *mixed language*) [см. Thomason 2001: 157–221].

Явления такого типа наблюдаются и в любых других межъязыковых отношениях, когда культурный и языковой контакт между двумя (или больше) разноязычными этносами обладает некой стабильностью [см. сборник: Matras, Bakker 2003; относительно русского см.: Golovko 2003]. Давно уже известно и достаточно хорошо описано в контактной лингвистике, что языки, попадающие в разноязычное окружение, могут превращаться в новые разновидности. В англоязычном мире, особенно в Индии и в Африке, возникли так наз. *новые* или *мировые* английские языки (*New Englishes*, *World Englishes*) [см. Platt/Weber, Lian 1984; Kachru 1992; Bolton, Kachru 2006]. Такие же явления наблюдаются и во Франкофонии [см. Müller 1975; Erfurt 2005a; Tétu 1997; Erfurt 2005b; Wolton 2006]. В немецкоязычном пространстве наблюдается множество региональных разновидностей, представляющих собой не просто диалекты, а лексически и грамматически явно смешанные с окружающими языками идиомы. Так, например, венгерское влияние на немецких венгерских немцев исследует Földes [2005], о смешении немецкого и датского языков пишет Fredsted [2008; 2009], о немецком языке в русскоязычном окружении в Сибири Blankenhorn [2003].

Говоря о русском языке в разноязычном окружении, следует, с одной стороны, различать речевые особенности разных волн эмиграций, которые по-разному взаимодействуют с внешними влияниями [см. Земская 2001], с другой стороны, однако, можно выделять и специфические пути развития русского в зависимости от окружающих и влияющих на него языков. В литературе встречаются такие понятия, как *американский русский* (American Russian) или *австралийский русский* (Australian Russian), *феннорусский* и т.д. [Polinsky 2000; Rethage 2012: 52–61; Протасова 2004]. Взаимовлияние русского и немецкого исследовалось сначала в немецкой германистике и описывалось ею как отличительная черта языка переселенцев из России [Berend 1998; Meng 2001; Meng, Protassova 2005; Менг, Протасова 2002]. Кроме того, сегодня существует ряд исследований немецких интерференций или трансференций в русской речи мигрантов с русским языком как первым, например, в коммуникации детей, вырастающих в двуязычной среде, а также в речи лиц русскоязычного происхождения, которые проживают только некоторое время в Германии (в т. ч. студенты) [Goldbach 2005; Pabst 2007; Anstatt, Dieser 2007; Brehmer 2007; Brehmer, Ždanova 2007; Kuße 2011; Rethage 2012; Karl 2012; Levkovych 2012; Протасова 1996; Шиндлер 2001; Жданова 2006].

При оценивании конкретных речевых явлений смешения возможны, как минимум, три варианта:

- 1) речевые факты представляются речевыми, т.е. лишь актуальными явлениями (*ad hoc*-явления, Code Switching);
- 2) они составляют особую разновидность русского языка;
- 3) они являются выражением возникновения нового, в данном случае ни русского, ни немецкого, а третьего, смешанного из них языка.

Сопоставление первой и третьей возможности приводит к альтернативному вопросу: немецко-русский русский идиом представляет собой только совокупность произвольных, случайных и преходящих смешений языков (нем. Sprachmischungen) или же это, по крайней мере отчасти, — гомогенная языковая разновидность, развивающаяся в сторону полного смешанного языка (нем. Mischsprache)?

Сам вопрос о статусе взаимовлияния языков, хотя и ставится в конкретных ситуациях развития двух или больше идиомов каждый раз по-новому, не новый. Х. Шухардт обсуждал его уже в конце XIX в. в рамках основанной им креолистики. Известна и гипотеза Я. Н./ И. А. Бодуэна де Куртене [1963 (1900/1901)] «о смешанном характере всех языков», следуя которой немецко-русский русский и другие смешения на русской языковой основе представляют собой не исключения в жизни языков, а обычные, хо-

тя и бросающиеся в глаза случаи. Иными словами, речь здесь идет о реализации универсального языкового процесса. Типы смешения, однако, отличаются друг от друга, на что обратил внимание уже ученик Бодуэна де Куртенэ Л. Щерба. Он настаивал на том, что нельзя отождествлять влияние одного языка на другой в виде заимствования и смешения, так как именно благодаря смешению языки существенно меняются [Щерба 1974 (1936)]. О последнем мы можем говорить в случае креольских языков.

Явления немецко-русского смешения, в свою очередь, нельзя считать ни кодифицированным креолом, ни функционально ограниченным пиджином. Они относятся скорее к типам, которые С. Томасон классифицирует как «другие смешанные языки» (*other mixed languages*) [Thomason 2001: 196–221]. Пиджин и креол возникают как языки общения между группами, невладеющими или недостаточно владеющими языком собеседника (*mixed languages based on imperfect learning*) [Thomason 2003: 22], причем между этими группами нередко наблюдается явная иерархия (креольские языки развивались, как правило, в условиях рабства). Другие смешанные языки, среди которых Томасон называет и бывший «медный алеут» (*Mednyj Aleut*), язык русско-алеутского населения в «русской Америке» XIX в. [Thomason 2001: 202–203], она определяет как двуязычно смешанные языки (*bilingual mixed languages*).

Такие игровые явления как «Шпраха Qwelja» свидетельствуют о том, что немецко-русский русский идиом скорее относится к этому типу. По классификации Томасон, он принадлежит к типу смешения, который не формировался долгосрочным процессом слияния языков в контактной ситуации (как, например, в случае креольских языков), а внезапно создавался двуязычными говорящими: «*abrupt creation by people who are active bilinguals in both languages*» [Thomason 2001: 205; см. также: Golvoko 2003: 191, где подобный тип считается смешанным языком в прямом смысле]. Однако, определяя немецко-русский русский идиом как двуязычный смешанный язык, нельзя не учитывать того, что он и на уровне системного состава и на уровне коммуникативного функционирования весьма ограничен. С социолингвистической точки зрения следует констатировать тот факт, что, с одной стороны, этот идиом обычно не служит для коммуникации между разноязычными группами (немецкоязычными и русскоязычными говорящими) как пиджин или креол, но, с другой стороны, он и не является средством формирования нового «этноса» в исконно немецкоязычном или русскоязычном обществе, а используется в основном внутри русскоязычного населения Германии и немецкоязычных стран. К тому же надо признать, что немало явлений в бытовом общении возникают именно из-за

отсутствия полного знания языка, зачастую даже и обоих языков, как это показывает следующий комментарий из интернет-форума, где смешение приписывается именно началу освоения нового языка в новом жизненном окружении:

- (1) «Это называется от одного языка отстал, а к другому не пристал. А мне это кажется вполне нормальным явлением в начальный период овладения языком» [URL: <http://www.uroki-russkogo.ru/?page=41>, дата обращения: 22.01.2013].

Из сказанного следует, что определение статуса немецко-русских языковых смешений остается открытым.¹ Возможным представляется лишь оценка тенденций языкового развития по фактам живой коммуникации.

3. Языковые формы немецко-русского русского

Обращаясь к причинам смешения языков, в т.ч. немецкого и русского, следует в целом заметить, что смешанная речь обосновывается, во-первых, принципом экономии, во-вторых, потребностью заполнения лексических пробелов, и, в-третьих, поэтической (эстетической) функцией языка. Так, принципу экономии следуют такие примеры:

- (2) «С этим анмельдунг рулите в тамошний социальамт (...) Если в социальамте и арбайтсамте спросят ...» (*анмельдунг* вместо *регистрация*, *социальамт* вместо *ведомство по социальным вопросам*, *арбайтсамт* вместо *служба занятости*) [URL: forums.germany.ru/forums/legal/14033254.html, дата обращения: 23.01.2013].
- (3) «У *Selbständigen* заработок учитывается, исходя из трёх последних лет» (*Selbständigen* вместо *у частных предпринимателей*) [Анонс 2009/89: 23].

Как показывают примеры, в словарном составе эмигрантов укоренились лексические заимствования в сфере общественных служб и профессий, которые так и называются в немецко-русском русском *амты* (мн. ч. от нем. *Amt* 'служба, должность') и *беруфы* (мн. ч. от нем. *Beruf* 'профессия') [Жданова 2006: 94]. Использование немецких лексических единиц вместо существующих русских удобно из-за их краткости. Часто немецкое составное слово не только короче русского, но и обозначает реалии, несуществующие в русскоязычных странах. Так, студенты очень часто употребляют в их русской речи немецкое слово *Prüfungsamt* из-за отсутствия в российских

¹ При этом нужно упомянуть, что здесь не учитывается отрицательная оценка, дающаяся с пуристической точки зрения и определяющая все эти явления как ошибки.

университетах организации, занимающейся только экзаменационными вопросами. В этом случае речь идет о заполнении лексических пробелов.

Типичными примерами тому являются немецкие культурные реалии, такие, как празднование Рождества. В речи эмигрантов эти реалии обозначаются лексемами *вайнахтский рынок*, *вайнахтский праздник/ стол*, *вайнахтская культура* (от нем. *Weihnachten* 'рождество'). Сюда же относится и заимствование лексемы *кнайпа/ кнайпе* (от нем. *Kneipe*):

(4) «Они пошли в *кнайпу* и поужинали» [Meng/ Protassova 2003: 182].

Также немецкий *Termin* (назначение встречи, встреча, срок, дата) прочно вошел в обиход эмигрантов. Русский ежедневник, документирующий такого рода встречи и мероприятия, заменяется при этом на немецкий *терминкалендер*:

(5) «Может на пасхальную субботу и забьём *термин?*» (...); «Надо будет на работе *терминкалендер* посмотреть» [URL: talks.guns.ru/forummessage/220/584319-5.html, дата обращения: 23.01.2013].

Поэтическая функция языка играет роль, как уже упоминалось, в пародийном преломлении речи. Так звучит текст одной из песен «банды», который мы находим на «сервере странников»¹:

(6) «Блауе вагон бежит и швингает
И дер шнельцуг набирает ход
А варум же этот день фершвиндает
Золь он зих хинциен целый год
Тепихом-тепихом дальний вег стелится
И упирается в блауер химелёк
Едому-едому в бессере глаубится
Ролится-ролится блауер цуганёк»

[URL: <http://www.strannik.de/quelia/wagen.htm>, дата обращения: 23.01.2013].

Здесь очевидно, что языковое смешение представляет собой речь в грамматическом плане русскую, налагающуюся на немецкую лексику. Подобное смешение соответствует в классификации Бэкера или Головки типу «*intertwined language*», в котором грамматика принадлежит одному языку, а лексика заимствована из другого языка [ср. Bakker 2003; ср. Golovko 2003: 194–195]. Так, например, глагол в русском 3-ем лице ед. ч. *швингает* образован от нем. *schwingen* 'качаться'. Немецким лексемам *Zug* 'поезд' или *Himmel* 'небо' присваивается русский уменьшительно-ласкательный суффикс

¹ Название «странник», с одной стороны, указывает на «странность», т.е. экзотичность говорящих смешанной речью, с другой стороны, на языковую игру с лексической единицей «иностранный».

(*цуганёк, химелёк*). Русский возвратный глагол в 3-ем лице ед.ч. *катится* заменяется в корне на немецкий (*sich*) *rollen* – *ролится* и т.д.

Таким образом, наряду с классификацией языковых явлений по их функциям можно систематизировать собранные примеры и по отдельным феноменам, касающимся системы языка, в первую очередь, лексики, морфологии и синтаксиса.

С выше названной профессиональной сферой связано широкое употребление существительного *Bewerbung* (мн.ч. *Bewerbung'u*, рус. *резюме*) и образованного от него глагола *бевербоваться* (ср. нем. *sich bewerben*, рус. *подавать документы*), встречающегося во всех временных формах и наклонениях:

- (7) «Анонимный *Bewerbung*» (...); «Их *Bewerbung'u* «первыми выпадают из стопки» [URL: <http://www.partner-inform.de/index.php/partner/detail/2011/2/195/4728>, дата обращения: 23.01.2013]
- (8) «буду *бевербоваться* на *вербунгманангера*» [URL: <http://turism-miras.ru/jbje-turism16-miras860849.htm>, дата обращения: 23.01.2013].
- (9) «Я *бевербовался* в Коммерцбанк» [URL: www.it-ru.de/forum/viewtopic.php?t=149010, дата обращения: 23.01.2013].
- (10) «Так что *бевербуйся* как можно быстрее!!» [URL: forum.33b.ru/printTopic23772_0.html, дата обращения: 23.01.2013].

В примерах этого типа речь идет и о принципе экономии в смешении речи, и о реалиях, с которыми эмигранты столкнулись впервые в Германии. Подобное мы наблюдаем и в случае с лексемой *ангебот* (нем. *Angebot* ‘специальное предложение, скидка’). От немецкого существительного в немецко-русском русском может образовываться прилагательное *ангеботное* (*ангеботное* печенье, *ангеботный* альбом) и переноситься конструкция *im Angebot* — *в ангеботе* [ср. Боль-Палиевская]. Иногда за лексическим заимствованием кроется неправильный перевод, в результате чего возникают так наз. ложные друзья:

- (11) «*Ноты?* Не все ли равно какие *ноты?*» (имеются ввиду не музыкальные ноты, а оценки) [Begeer 2010: 31].
- (12) «А я вот тут хотел *зарекламирровать* этот прибор, что у вас купил» (предъявить рекламу) [URL: <http://wap.podruzhka23.forum24.ru/?1-11-0-00000011-000-0-0>, дата обращения: 23.01.2013].

Интересным представляются так наз. «квазилатинизмы». Это слова латинского происхождения в немецком языке, которые перенимаются в русский и подстраиваются под его грамматический строй. Здесь не совсем понятно, уверены ли носители смешанной речи в том, что такие латинизмы, как *кри-*

тировать ('вводить в заблуждение'), *реширишировать* ('собирать информацию'), существуют в русском языке или что они прибегают к языковой игре. В случае с выражением *не эритируй меня*, например, вторая причина кажется более весомой, так как она напоминает известную цитату из фильма «Подкидыш»: *Муля, не нервируй меня*.

Анализ примеров показывает, что имя существительное, заимствованное из немецкого, перенимает маркировку русского рода, числа и падежа (*требование Sozialamt'a, Bewerbung'i* и т.д.). Имя прилагательное тоже склоняется согласно русской парадигме (*вихтижный платц, ангеботное печенье, немало байшпилей берюмнутого фольклора*). Наречие имеет те же формы, какие мы имеем в русском языке (*вармно, моргеном* и т.д.). Глагол, имеющий немецкий корень, способен образовывать вид, наклонение и все временные формы, характерные для русского языка. Так, в устной речи и в интернете часто встречаются такие формы, как *реновировать – отреновировать* (от нем. *renovieren* 'ремонтировать'), *шпайшерить, шпайшеровать – зашпайшерить* (от нем. *speichern* 'сохранять'), *шафовать, шафать – шафать* (от нем. *schaffen* 'успевать'). Характерно образование видовых пар с приставкой *по-*, указывающей на краткость того или иного действия: *потринькать* (от нем. *trinken* 'пить'), *поессать* (от нем. *essen* 'есть'). Типично и образование временных форм по образцу: *бевербуюсь – бевербовался – буду бевербоваться* (от нем. *sich bewerben*), *анмелюдуюсь – анмельдовалась* (от нем. *sich anmelden*).

Кроме лексических заимствований и их адаптации к русской морфологической системе, в речи эмигрантов встречаются и синтаксические интерференции. Особенно часто синтаксический перенос наблюдается в конструкциях с глаголами *делать* (от нем. *machen*), *получать* (от нем. *bekommen*) и *мочь, уметь* (от нем. *können*). Вместо русского словосочетания *сдавать экзамены* — *делать экзамены* (от нем. *eine Prüfung machen*), вместо *проходить практику* — *делать практику* (*ein Praktikum machen*), вместо *родить ребенка – получить ребенка* (от нем. *ein Kind bekommen*) и т.п. [ср. Goldbach 2005: 56; Жданова 2006: 78]. Перенимается и немецкая синтаксическая конструкция с безличным местоимением *man*. По этому образцу строятся безличные предложения типа [по Жданова 2006: 82]:

- (13) «В России *man* делает ...» (от нем. *man macht* 'делают').

Кроме того, встречаются целые устойчивые словосочетания и цитаты-вставки:

- (14) «Я себе в Германии так много *геданков* делаю» (от нем. *sich Gedanken machen* 'думать, размышлять') (пример из устной речи — М. Ш.).

- (15) «Это потому, что он *ин мих ферлибт*, говорит» (от нем. *in mich verliebt* 'влюбиться') [Goldbach 2005: 48].

Характерно, что языковое смешение наблюдается и на уровне прагматики. Особенно четко мы это видим в употреблении немецких частиц и прагма-лексем:

- (16) «Ну *dann tschüss*, пока» ('Ах так, ну тогда пока') [Жданова 2006: 83].
 (17) «Спроси его, он *bestimmt* (рус. *наверняка*) знает» [там же].
 (18) «Тебе холодно! – Нет, мне не холодно, я же крепкая немка. – *Дох* (рус. *все же*), тебе холодно» [Goldbach 2005: 61].

Приведенные примеры свидетельствуют об определенной системности, просачивающейся хотя бы в повторении одних и тех же лексических, грамматических и синтаксических единиц и конструкций разными носителями языка и в разных ситуациях. Ответ на вопрос «имеет ли эта коллективная системность потенциал субстандарта?» во многом зависит от внелингвистических факторов и возможен на данном этапе только в форме спекулятивных сценариев.

То, что смешанный идиом сойдет со сцены немецко-русской коммуникации и уступит место либо одному либо другому (немецкому или русскому) литературному языку, маловероятно. Ибо смешанная речь отвечает коммуникативным потребностям ее носителей и экономическому принципу языка, а кроме того является отличительным признаком эмигрантов и частью их самоидентификации.

Следующий вариант — развитие на этой основе кодифицированного креола и (микро)языка меньшинств в Германии — на первый взгляд маловероятно из-за динамичности языковой общности, не образующей этноса. Кроме того, здесь нужно учесть важный признак смешанной речи, по которому *ad hoc*-образования — нормальные явления. Грамматическая и лексическая кодификация в серьезном, а не в шуточном варианте, как в словаре «Квели», на данном этапе противоречит коммуникативному характеру немецко-русского русского идиома, в котором наблюдаются структурные закономерности на уровне *parole*, но еще не нормы на уровне *langue*.

4. Трилингвизм транскультурной личности

Размышляя о дальнейшем развитии смешанной речи, следует учитывать прежде всего такой критерий, как престиж. Если носители немецко-русского русского будут оценивать свою речь как «плохой русский», то укорениться этому идиому будет сложно. Другое дело, если они будут рас-

сма́тривать их речь как одну из полноправных форм коммуникации (наряду с русским и немецким литературным языком) и делать упор на критерии самоидентификации, т.е. принадлежности к одной группе. В этом случае может развиться новая культурно-языковая общность, говорящая на новом языке, обладающем высоким символическим потенциалом. Будущее этого идиома не в монолингвизме, не в двуязычии, а скорее всего в трилингвизме, в котором немецкий и русский и немецко-русский русский языки будут употребляться в разных коммуникативных ситуациях и с разными коммуникативными целями.

В настоящее время оценка смешанной речи может быть отрицательной (напр., Боль-Палиевская), но и положительной. Последняя не так редко встречается на различных форумах. Показательными являются следующие примеры:

- (19) «А я в смешивании языков не вижу ничего страшного. Так проще объясняться с соотечественниками, живущими рядом. (...) Если я общаюсь на 'официальном' уровне, тогда конечно язык должен быть чистым, а если с друзьями или в семье, то почему нет?» [<http://www.uroki-russkogo.ru/?page=41>, дата обращения: 22.01.2013].
- (20) «на форуме люблю писать ближе к разговорному языку... а не литературным... мне лично так больше нрааавится» [там же, дата обращения: 22.01.2013].

Примеры иллюстрируют, что смешивание допускается и положительно оценивается в основном как составляющее разговорной и обиходной речи (19), включая полуустную интернет-коммуникацию (20). В оценке пишущих смешивание просто облегчает жизнь. Но в примере (19) уже видно, что оно выполняет еще и важную социальную функцию. Посредством смешивания выражается близость между коммуникантами. В данном высказывании речь идет только об общении с друзьями и в семье, об особой групповой идентичности не говорится. Хотя смешанный идиом может служить как раз и этой цели.

В своем эмпирическом исследовании феннорусского Е. Протасова замечает, что

«(...) через смешение языков говорящим удается более адекватно выразить и самих себя, и свое отношение к происходящему» [Протасова 2004: 26].

Подобным образом Е. Головки определяет смешанный язык мигрантов «внутригрупповым маркером» (group identity marker) [Golovko 2003: 191]. Смешанный идиом выражает новую групповую идентичность, отличающуюся от окружающей культуры. В этой связи характерно положитель-

ное отношение к новой культуре и новому обществу. Как таковой смешанный идиом можно считать идеальным средством самовыражения межкультурной личности, которая принадлежит не только одной, но разным культурам [Welsch 1995, ср. Erfurt 2003: 2005b; Hinnenkamp 2005; Hinnenkamp, Meng 2005; Kuße 2012: 258–263].

Для обеспечения социальной цели коммуникации, стремящейся выразить и утвердить особую межкультурную групповую идентичность, смешанный идиом выполняет в первую очередь *фатическую (контактную) и поэтическую коммуникативные функции*. Здесь имеется в виду известная типология коммуникативных функций в изложении Р. Якобсона [Jakobson 1960], в которой задача фатической функции определяется как установление, подтверждение и сохранение контакта. Фатическую коммуникативную цель смешанный идиом достигает именно тем, что он придает группе, говорящей на нем, такую социальную стабильность, которая позволяет сохранение и продолжение ее внутренней коммуникации. Еще важнее, может быть, является поэтическая функция, которая выражается в сосредоточивании на форме сообщения.

Среди языковых форм, реализующих поэтическую функцию, немаловажная роль принадлежит языковой игре [к теме языковой игры см.: Норман 2006]. В употреблении смешанного идиома игра движется от периферии к центру языковой коммуникации, на что обратил внимание еще Л. Щерба, утверждая, что мы используем смешивание «шутки ради или для того, чтобы сделать более выразительным наш язык» [Щерба 1974 (1936): 72].

Разумеется, что немецко-русский русский идиом не является языком в смысле развитого литературного языка [см. Rehder 1995], но он может развиваться дальше в сторону не вполне функционального микроязыка в понимании А. Д. Дуличенко [Дуличенко 1981; 2000; 2008]. Это возможно при допуске и признании того, что язык и речь проявляются не только в информативной и референциальной, выразительной и апеллятивной функциях коммуникации, но и в поэтической функции. Исходя из этого, можно предположить, что немецко-русский русский находится на пути к поэтическому микроязыку.

Литература

Anstatt, Dieser 2007 — *Sprachmischung und Sprachtrennung bei zweisprachigen Kindern. Am Beispiel des russisch-deutschen Spracherwerbs*. Mehrsprachigkeit bei Kindern und Erwachsenen. Erwerb, Formen, Förderung. Tübingen: Attempto Verlag, 139–162.

- Bakker 2003 — P. Bakker. *Mixed languages as autonomous systems*. The Mixed Language Debate. Theoretical and Empirical Advances. Berlin/ New York, 107–150.
- Beger 2010 — M. Beger. *Deutsche Einflüsse im deutsch-russischen Russisch*. Dresden. (неопубликованная работа на получение степени магистра).
- Berend 1998 — N. Berend. *Sprachliche Anpassung. Eine soziolinguistisch-dialektologische Untersuchung zum Rußlanddeutschen*. Tübingen: Gunter Narr.
- Blankenhorn 2003 — R. Blankenhorn. *Pragmatische Spezifika der Kommunikation von Russlanddeutschen in Sibirien: Entlehnung von Diskursmarkern und Modifikatoren sowie Code-switching*. Frankfurt am Main u.a.
- Bolton, Kachru 2006 — K. Bolton, B. B. Kachru (eds.). *World Englishes: Critical concepts in linguistics*. London: Routledge.
- Brehmer 2007 — B. Brehmer. *Sprechen Sie Qwelja? Formen und Folgen russisch-deutscher Zweisprachigkeit in Deutschland*. Mehrsprachigkeit bei Kindern und Erwachsenen. Erwerb, Formen, Förderung. Tübingen: Attempto Verlag, 163–185.
- Brehmer, Ždanova 2007 — B. Brehmer, V. Ždanova. *Zum Problem der Sprachkompetenz bilingualer Migranten mit Russisch als Erstsprache*. Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik PO-LYSLAV. München: Sagner, 188–198.
- Erfurt 2003 — J. Erfurt (Hg.). *'Multisprech': Hybridität, Variation, Identität*. Osnabrück: Redaktion OBST.
- Erfurt 2005a — J. Erfurt. *Frankophonie: Sprache, Diskurs, Politik*. Tübingen, Basel: Francke.
- Erfurt 2005b — J. Erfurt (Hg.). *Transkulturalität und Hybridität: l'espace francophone als Grenzerfahrung des Sprechens und Schreibens*. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang.
- Földes 2005 — C. Földes. *Kontaktdeutsch: Zur Theorie eines Varietätentyps unter transkulturellen Bedingungen von Mehrsprachigkeit*. Tübingen: Gunter Narr.
- Fredstet 2008 — E. Fredstet. *«We make such a mishmash» Bilingual language usage in class room peer group talk*. Contrastive Pragmatics: Interlanguage and Cross-Cultural Perspectives. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 181–207.
- Fredstet 2009 — E. Fredstet. *Sprachen und Kulturen in Kontakt — deutsche und dänische Minderheiten in Sønderjylland/ Schleswig*. Neben Deutsch. Die autochthonen Minderheiten- und Regionalsprachen Deutschlands. Bochum: Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer, 1–23.
- Goldbach 2005 — A. Goldbach. *Deutsch-russischer Sprachkontakt: deutsche Transferenzen und Code-switching in der Rede Russischsprachiger in Berlin*. Frankfurt am Main u.a.: Peter Lang.
- Golovko 2003 — E. V. Golovko. *Language contact and group identity: The role of «folk» linguistic engineering*. The Mixed Language Debate. Theoretical and Empirical Advances. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 177–208.
- Hinnenkamp 2008 — V. Hinnenkamp. *«Zwei zubir miydi?» — Mischsprachliche Varietäten von Migrantenjugendlichen im Hybriditätsdiskurs. Sprachgrenzen überspringen: sprachliche Hybridität und polykulturelles Selbstverständnis*. Tübingen: Gunter Narr, 51–103.

Hinnenkamp, Meng 2005 — V. Hinnenkamp, K. Meng (Hg.). *Sprachgrenzen überspringen: sprachliche Hybridität und polykulturelles Selbstverständnis*. Tübingen: Gunter Narr.

Jakobson 1960 — R. Jakobson. *Linguistics and Poetics. Style in Language*. New York: Wiley, 350–377.

Kachru 1992 — B. Kachru (ed.). *The other tongue. English across cultures*. Urbana et al.: University of Illinois Press.

Karl 2012 — K. B. Karl. *Bilinguale Lexik. Nicht materieller lexikalischer Transfer als Folge der aktuellen russisch-deutschen Zweisprachigkeit*. München, Berlin, Washington, D.C.: Otto Sagner.

Kuße 2011 — H. Kuße. *Jan Baudouin de Courtenay und die korrelative Sprachbeschreibung. Лингвокультурное пространство современной Европы через призму малых и больших языков. К 70-летию профессора Александра Дмитриевича Дуличенко*. Tartu: Tartu University Press, 86–102.

Kuße 2012 — H. Kuße. *Kulturwissenschaftliche Linguistik. Eine Einführung*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht.

Levkovich 2012 — N. Levkovich. *Po-russki in Deutschland. Russisch und Deutsch als Konkurrenten in der Kommunikation mehrsprachiger Gruppen von Personen mit postsowjetischem Hintergrund in Deutschland*. Bochum: Universitätsverlag Brockmeyer.

Matras, Bakker 2003 — Y. Matras, P. Bakker (eds.). *The Mixed Language Debate. Theoretical and Empirical Advances*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.

Meng 2001 — K. Meng. *Russlanddeutsche Sprachbiografien. Untersuchungen zur sprachlichen Integration von Aussiedlerfamilien*. Tübingen: Gunter Narr.

Meng, Protassova 2005 — K. Meng, E. Protassova. *Aussiedlerisch: Deutsch-russische Sprachmischungen im Verständnis ihrer Sprecher. Sprachgrenzen überspringen: Sprachliche Hybridität und polykulturelles Selbstverständnis*. Tübingen: Gunter Narr, 229–267.

Müller 1975 — B. Müller. *Das Französische der Gegenwart. Varietäten – Strukturen – Tendenzen*. Heidelberg: Winter.

Pabst 2007 — B. Pabst. *Russisch-deutsche Zweisprachigkeit als Phänomen der multikulturellen Gesellschaft in Deutschland*. Frankfurt am Main u.a.: Peter Lang.

Platt, Weber, Lian 1984 — J. Platt, H. Weber, H. M. Lian. *The New Englishes*. London u.a.: Routledge, Kegan Paul.

Polinsky 2000 — M. Polinsky. *The Russian Language in the USA. Sprachwandel in der Slavia. Die slavischen Sprachen an der Schwelle zum 21. Jahrhundert. Ein internationales Handbuch. Bd. 2*. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 787–803.

Rehder 1995 — P. Rehder. *Standardsprache. Versuche eines dreistufigen Modells*. Die Welt der Slaven, Nr. 40, 352–366.

Rethage 2012 — W. Rethage. *Strukturelle Besonderheiten des russischen in Deutschland. Kontaktlinguistische und soziolinguistische Aspekte*. München, Berlin, Washington, D.C.: Otto Sagner.

Thomason 2001 — S. G. Thomason. *Language Contact. An Introduction*. Washington, D.C.: Georgetown University Press.

Thomason 2003 — S. G. Thomason. *Social factors and linguistic processes in the emergence of stable mixed languages*. The Mixed Language Debate. Theoretical and Empirical Advances. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 21–40.

Tétu 1997 — M. Tétu. *Qu'est-ce que la Francophonie?* Vanves: Hachette-Edicef.

Welsch 1995 — W. Welsch. Transkulturalität. *Zur veränderten Verfaßtheit heutiger Kulturen*. Zeitschrift für Kulturaustausch, 45/1, 39–44. [URL: http://www.forum-interkultur.net/uploads/tx_textdb/28.pdf]

Wolton 2006 — D. Wolton. *Demain la francophonie*. Paris: Flammarion.

Бодуэн де Куртенэ 1963 (1900/1901) — И. А. Бодуэн де Куртенэ. *О смешанном характере всех языков (вступительная лекция, С.-Петербургский университет, 21-е сентября 1900 г.)*. Избранные труды по общему языкознанию. Москва: АН СССР, 362–372.

Больш-Палиевская — Д. Больш-Палиевская. «Ангелотное печенье», или как мы обращаемся с родным языком. URL: http://www.russian-online.net/ru4ki/de_start/blog/texte.php?auswahl=kekse_im_angebot (дата обращения 22.01.2013).

Дуличенко 1981 — А. Д. Дуличенко. *Славянские литературные микроязыки. Вопросы формирования и развития*. Таллин.

Дуличенко 2000 — А. Д. Дуличенко. *Славянские микроязыки в Европе на пороге XXI века*. Sprachwandel in der Slavia. Die slavischen Sprachen an der Schwelle zum 21. (Jahrhundert. Ein internationales Handbuch. Bd. 2). Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 843–852.

Дуличенко 2008 — А. Д. Дуличенко. *Статус и проблемы развития славянских микроязыков в контексте современной Микрославии*. Славянское языкознание: покидая XX век. К XIV международному съезду славистов (Охрид, 10–16.09.2008). Tartu University Press, 63–95.

Жданова 2006 — В. Жданова. *Русская культурно-языковая модель пространства и особенности индивидуальной ориентации в ней*. Русские и «русскость». Лингво-культурологические этюды. Москва: Гнозис, 5–178.

Земская 2001 — Е. А. Земская (отв. ред.). *Язык русского зрubeжья. Общие процессы и речевые портреты*. Москва/ Вена: Языки славянской культуры/ Wiener Slawistischer Almanach.

Менг, Протасова 2002 — К. Менг, Е. Протасова. *Языковая интеграция российских немцев в Германии*. Известия РАН, т. 61, Серия литературы и языка, № 6, 29–40.

Норман 2006 — Б. Ю. Норман. *Игра на гранях языка*. Москва: Флинта/ Наука.

Протасова 2006 — Е. Ю. Протасова. *Немецко-русское двуязычие. Особенности русского языка у живущих в Германии*. Русистика сегодня, Москва, 2006, 1, 51–71.

Протасова 2004 — Е. Ю. Протасова. *Феннороссы: жизнь и употребление языка*. Санкт-Петербург: Златоуст.

Шиндлер 2001 — Н. Шиндлер. *О русском языке трех волн эмиграции*. Deutsch-russischer Dialog in den Philologien. Frankfurt am Main u.a.: Peter Lang, 343–357.

Щерба 1974 (1936) — Л. В. Щерба. *О понятии смешения языков*. Языковая система и речевая деятельность. Ленинград: Наука, 60–74.

ЯЗЫК ДИАСПОРЫ ИЛИ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В ПЕРЕВОДЕ?

КАТРИН КАРУ

Язык диаспоры – русский язык – эстонский язык – перевод – интерференция

В течение последних двух десятилетий заметно возрос интерес исследователей к изменениям, происходящим в русском языке. Отдельное направление в этой области представляют исследования, посвященные языку русской диаспоры в разных странах. Так, в частности, проблемам русского языка в рассеянии были посвящены три тома ученых записок кафедры русского языка Тартуского университета [Труды 2000; Труды 2002; Труды 2009]. Закономерно, что большая часть исследований, представленных в этих сборниках, посвящена языку русской диаспоры в Эстонии¹.

В числе особенностей, характеризующих русский язык в Эстонии, часто указывается, например, распространенность латиницы, эстонские заимствования (варваризмы, кальки и полукальки), неологизмы и неосемантизмы, особенности глагольного управления, тяготение к атрибутивным словосочетаниям, отдельным типам предложений и др. (см., напр., [Адамсон 2009, Евстратова 2000, 2002, Костанди 2002, 2009, 2011, Кюльмоя 2009, Щаднева 2002, 2009]).

Обращаясь к этим работам, мы обратили внимание на гетерогенность анализируемого материала: исследователи привлекают как тексты оригинальные, созданные на русском языке, так и переведенные с эстонского. Напр.:

«Отметим некоторые черты, свойственные языку диаспоры и проявляющиеся и в письменной речи, которая представлена прежде всего печатными СМИ, как в бумажной, так и в электронной версии, <...> а также рекламными текстами. Последние, правда, **как правило, переводные**, поэтому в них **влияние эстонского языка бывает наиболее очевидным**» [Кюльмоя 2009, 19–20]. «В рус-

¹ Русский язык является родным для 29,6% жителей Эстонии [Перепись 2011].

² Здесь и далее, если не указано иначе, в приводимых цитатах выделено мною — К. К.

скоязычных газетах Эстонии, **особенно в переводных текстах**, встречается немало калек-буквализмов, нарушающих русский речевой узус» [там же, 21].

«Многочисленные примеры из оригинальных и **переводных текстов** на русском языке, появляющихся в Эстонии, подтверждают, что и синтаксическую связь, и типы предложений можно определить как «слабые места»¹, подверженные влиянию эстонского языка» [Костанди 2009, 67].

«Причины, побудившие остановиться именно на этих изданиях, заключаются в следующем: тексты этих газет **почти все переведены с эстонского**» [Адамсон 2009, 31].

«<...> на русской веб-странице имеется русскоязычное тематическое меню и необходимые разъяснения, облегчающие пользование услугами портала, **сопровождающиеся русским переводом** [Щаднева 2009, 231].

Симптоматично, что при этом материал, почерпнутый из переводных и оригинальных текстов, как правило, рассматривается вместе. Нам же представляется принципиально важным разделение этих двух типов источников, поскольку механизмы порождения оригинального и переводного текста различны.

Во-первых, переводной текст всегда вторичен по отношению к исходному тексту. Л. С. Бархударов отмечает, что перевод всегда следует понимать, как «определенного типа языковое, точнее межъязыковое преобразование или трансформацию текста на одном языке в текст на другом языке» [Бархударов 1975, 6].

Во-вторых, общеизвестно, что перевод всегда следует рассматривать как частичную передачу смысла исходного сообщения. «Абсолютная передача всех смыслов — это некая переводческая сверхзадача, к достижению которой следует стремиться, но достичь ее практически невозможно» [Гарбовский 2007, 212]. В процессе перевода преобразуется вся система смыслов исходного сообщения, что выражается в более или менее значительных **изменениях** семантики исходного сообщения, его прагматики, порядка взаимного расположения элементов сообщения и т.п. [там же, 217].

Из сказанного следует, что работа с переводным текстом требует учета его специфических особенностей.

В частной теории перевода² много внимания уделяется изучению языкового влияния исходного текста на текст перевода. Одним из важных по-

¹ «Слабыми местами» языковой системы Е. А. Земская называет места, в наибольшей степени подверженные внешнему влиянию и, соответственно, изменениям [Земская 2001].

² Частные теории перевода изучают системы переводческих соответствий в разных языках по отношению к единицам данного языка. Для каждой пары языков существует свой набор соответствий и, следовательно, своя частная теория перевода.

нятий при этом является понятие **межъязыковой интерференции**. Однако содержание этого понятия несколько отличается от принятого в языкознании. В переводоведении под интерференцией понимается

«проецирование специфических черт ИТ на ПТ¹, результатом которого оказывается нарушение норм, конвенций и дискурса ПТ. Эти нарушения могут затрагивать лексический состав, грамматический строй, предметно-содержательные, лингвотекстуальные и культурные аспекты текста. <...> При переводческой межъязыковой интерференции наиболее частотными являются **нарушения языковых норм** (выделено И. С. Алексеевой) как в тексте, так и при говорении» [Алексеева 2010, 178].

Теоретики перевода неоднократно обращали внимание на то, что при переводе интерференции избежать невозможно. Как отмечает Н. К. Гарбовский,

«ошибки возникают тогда, когда переводчик стремится **как можно более точно передать отдельные элементы текста**, соотносимые с отдельными фрагментами действительности. Причина этих ошибок в том, что единицы, или элементы первичного объекта и отношения между ними не совпадают с единицами и отношениями между ними в моделируемом объекте» [Гарбовский 2007, 320].

Таким образом, неизбежность интерференции в переводе предопределяется, с одной стороны, особенностями отношений между ИТ и ПТ, с другой стороны, — стремлением переводчика к гиперкорректной передаче языковых структур ИЯ в ПЯ, что ведет к нарушению узуса ПЯ, поскольку «знаки языков, языка оригинала и языка перевода, завораживая своей **мнимой эквивалентностью**» [там же].

Как показывает практика, даже во время окончательной шлифовки текста на этапе редактирования [Комиссаров 2011, 151] переводчик нередко не замечает некоторых отклонений от узуса, с одной стороны, из-за кажущейся эквивалентности между элементами ИЯ и ПЯ, с другой стороны, из-за стремления к гиперкорректной передаче отдельных элементов исходного текста в переводе. Примечательно, что даже редактор устраняет лишь часть отклонений, и некоторые следы переводческой интерференции сохраняются и в отредактированных текстах.

По наблюдениям И. С. Алексеевой, «сравнительный анализ научных текстов и их оригиналов с немецкого языка на русский показывает, что в русском языке часто появляется неестественный «немецкий» порядок

¹ И. С. Алексеева использует сокращения ИТ (исходный текст) и ПТ (переводной текст) по аналогии с общепринятыми в теории перевода сокращениями терминов исходный язык (ИЯ) и переводящий язык (ПЯ).

слов (глагол всегда на 2-м месте); распространенное определение с большим числом распространителей, которое не свойственно русскому научному тексту, и т.п.» [Алексеева 2010, 178]. Перечисленные явления можно отнести к **качественным нарушениям**.

Кроме качественных нарушений узуса ПТ в области грамматических явлений, вызванных межъязыковой интерференцией при переводе, типичными являются и количественные нарушения: «**слишком частое использование в переводе** на русский язык пассивных конструкций (их пропорция в русском нормативном языке тем самым нарушается)» [там же, 179].

Итак, избежать интерференции в переводе практически невозможно; причем она может иметь качественный и/или количественный характер.

Из сказанного следует, что некоторые факты, отмечаемые исследователями как особенности русского языка в Эстонии, определенно являются такими же проявлениями переводческой интерференции, как и примеры, приведенные И. С. Алексеевой. Так *обогреватель воздуха, настольные свечи, вешалка из дерева* [Костанди 2009, 69] *дружелюбный к детям* [Адамсон 2009, 39], *Эстонская Торгово-Промышленная Палата* [Щаднева, Кудрявцев 2011, 260] и под. представляют собой типичные случаи **качественных нарушений** на разных языковых уровнях **в результате интерференции в переводе**. А отмечаемое как характерное для русского языка в Эстонии злоупотребление неопределенно-личными предложениями под влиянием эстонского имперсонала (вместо страдательного оборота с глаголом СВ): *на 8 занятиях рассмотрят <vs будут рассмотрены> темы написания резюме, дополнительного образования, собеседования, использования личного потенциала для получения работы* (реклама курсов в газете) [Кюльмоя 2009, 24] — иллюстрация **количественного нарушения** узуса **в результате интерференции в переводе**.

Наблюдая за речью студентов-переводчиков, родным языком которых является русский¹, мы обратили внимание, что различные отклонения от литературной нормы (чаще всего лексические и синтаксические кальки с эстонского, неверное глагольное управление, инверсия, неверные коллокации) возникают, прежде всего, в ситуации **перевода**: *98 <лотерейных билетов> без победы* (< эст. *võiduta*); *кинобилеты* (< эст. *kinopiletid*), *из этого вышло, что ...* (< эст. *sellest tuli välja, et ...*), *Эстония меняется информацией*

¹ Наблюдению подвергалась речь студентов Тартуского университета, специализирующихся в устном переводе. Материалом послужили записи последовательного перевода текстов разных жанров с эстонского языка на русский и разговоры со студентами в ходе обсуждения качества переводов.

(< эст. *Eesti vahetab infot*), *потеря* (вместо: *лишение*) *свободы* (< эст. *vabadusekaotus*), *скорые* (вместо: *скоростные*) *катера* (< эст. *kiirkaatrid*), *принадлежать в профсоюз* (< эст. *kuuluma ametiühingusse*), *из них стали пираты* (< эст. *neist said piraadid*) и т.п. При свободном речепорождении (не связанным эстонским образцом) те же студенты не допускают подобных ошибок, хотя используют кальки, варваризмы и эстонские вкрапления (*дигирецент*, *больничная касса*, *поедем в Лыунакескус*¹)², а также иные нарушения нормы, не вызванные влиянием эстонского языка (*рассмотрев обстоятельства дела, установлено..., хочу сказать то, что... и т.д.*).

Такое положение легко объяснимо: из-за того, что начинающие переводчики не овладели в достаточной мере техникой перевода, в переведенных ими текстах особенно сильно **влияние исходного языка**, которое ведет к отклонениям от нормы русского литературного языка. Отсутствие же таких нарушений в оригинальных текстах свидетельствует об их несистемном характере. Разумеется, чем выше мастерство переводчика, тем меньше интерференция, но избежать ее полностью, как уже было сказано, практически невозможно.

Следовательно, говоря о языке диаспоры, необходимо различать факты системные (языковые), т.е. вошедшие в узус, и факты окказиональные. Первые действительно отражают специфику языка диаспоры как определенной подсистемы русского (литературного) языка и характеризуются, по меньшей мере, тремя свойствами:

- воспроизводимостью,
- регулярностью (частотностью) и
- семантической определенностью (адекватностью интерпретации всеми носителями идиома).

Вторые — вне системы языка, хотя и характеризуются определенной систематичностью. Однако эта систематичность — результат типичных «трудностей перевода» в конкретной паре языков. Станет ли некоторое переводческое решение достоянием языкового коллектива — большой вопрос. Собственно, закономерности перехода явлений одного порядка в явления другого — отдельный аспект изучения языка диаспоры, который требует большего внимания, чем ему уделялось до сих пор. Многими исследователями неоднократно отмечалось, что инновации сначала появляются в переводе, потом — в оригинальных текстах. Но пока только ждут своих

¹ Lõunakeskus — название крупного торгового центра в Тарту, букв. «Южный центр».

² Их употребление обусловлено как содержательными, так и прагматическими факторами. См. об этом, напр., в [Костанди 2009].

ответов вопросы о масштабах, возможностях и скорости влияния языка перевода с его спецификой на узус диаспоры.

Наиболее очевидны в кругу этих проблем функциональные сферы, в которых элементы перевода (в том числе и вызывающие серьезную критику с точки зрения их нормативности) наиболее легко проникают в узус. Очевидность этих сфер предопределена функциональной спецификой русского языка в Эстонии.

В 1995 г. в Эстонии был принят Закон о языке, согласно которому государственным языком является эстонский язык. Соответственно, все делопроизводство (на разных уровнях) ведется на эстонском языке, что обуславливает вторичность текстов на русском языке. Иными словами все официальные документы, названия организаций, учреждений, ведомств, наименования услуг, продуктов, товаров и т.д. первоначально появляются на эстонском языке, а на русский язык **переводятся**¹.

Тут целесообразно обратить внимание на характер и качество переводов. Во-первых, и это надо подчеркнуть особо, помимо профессионального (на заказ) перевода, в эстонской языковой ситуации велика доля непрофессионального (бытового, спонтанного) перевода. Монолингв² в иноязычном окружении обречен на постоянный перевод. При этом ни о какой переводческой подготовке речь, разумеется, не идет и идти не может. Кроме того, человек совсем не обязательно осознает, что занимается переводом. Такой перевод может быть назван **наивным**. Сути дела это, однако, не меняет: текст (элемент текста) на русском языке оказывается вторичным по отношению к эстонскому, т.е. между русским текстом (элементом текста) и окружающей действительностью стоит эстонский текст (элемент текста), отражающий эту действительность, характерным для него образом. Поскольку наивный перевод³ осуществляется преимущественно в устной форме и, как уже упоминалось, в бытовых ситуациях, наиболее частотные лексемы, словосочетания (но не конструкции!) довольно быстро утверждаются в разговорном узусе, избавляя человека от необходимости переводить.

«Профессиональный» перевод отличается от наивного прежде всего тем, что это осознанная целенаправленная деятельность по перекодирова-

¹ В частности об «утрате языком диаспоры собственно номенклатурной сферы существования» и ее следствиях см. [Паликова 2009, 154].

² Под монолингвом мы понимаем лицо, свободно владеющее и/или активно пользующееся только одним из языков, представленных в актуальной языковой ситуации.

³ Под переводом здесь можно понимать любое решение «переводящего», в т.ч. кальки и непосредственные заимствования.

нию текста средствами другого языка. Но за «профессиональностью» далеко не всегда стоит **профессионализм**. Рынок переводческих услуг в Эстонии — его русский сегмент — в последние десятилетия складывался таким образом, что спрос на качество был и остается в целом очень низким. Не станем здесь отвлекаться на анализ причин такого положения, ограничившись констатацией этого обстоятельства. Отсутствие контроля за качеством позволяет профессионально заниматься переводом людям без соответствующей технической подготовки и с недостаточной (русской) языковой компетенцией. В результате мы наблюдаем очень сильную интерференцию в переведенных с эстонского языка текстах, будь то рекламное объявление, данные о частных фирмах или общественно-правовых учреждениях, или материалы на сайтах государственных служб (правительства, министерств, департаментов и т.д.).

Причем именно в профессиональном переводе, по нашим наблюдениям, интерференция проявляется чаще и масштабнее, чем в наивном, затрагивая все уровни языка, приводя к появлению форм, неверных с точки зрения нормы ПЯ. По-видимому, дело в том, что «непреднамеренность» наивного перевода позволяет говорящему оставаться преимущественно в пространстве русского языка, таким образом, порождение речи происходит в условиях действующего нормативного фильтра, т.е. в соответствии с нормой литературного языка **в той мере, в которой она усвоена** данным индивидом. Иными словами, наивный перевод чаще ведет к нарушениям узуса, а не нормы. Ситуация профессионального перевода способствуют большему погружению переводчика в стихию ИЯ, в результате языковое чутье притупляется, что ведет к отклонениям от нормы ПЯ.

Любопытные явления происходят и при столкновении наивного и профессионального переводов. С одной стороны, их результаты (найденные эквиваленты) могут совпадать. В этом случае у найденной единицы есть все предпосылки для закрепления в узусе. С другой стороны, их результаты могут различаться и вступать в конкурентные отношения. Подобная конкуренция может привести к утверждению в системе обоих вариантов с их стилистической дифференциацией (разг. *хайгекасса* — офиц. больничная касса); может тормозить вхождение в узус обоих; один из вариантов может быть вытеснен, а второй становится общеупотребительным.

Данные замечания об отношениях вариантов наивного и профессионального перевода носят характер предварительных наблюдений. Для более конкретных и точных выводов проблему следует рассматривать отдельно. Необходимо обратить внимание и на то, что хороший переводчик также не является спасением от форм, возникшим в результате интерферен-

ции. Чем профессиональнее переводчик, тем внимательнее он следует традиции предшественников (ориентируется на прецедент). На этом часто настаивает и заказчик, даже если переводчик обращает его внимание на неудачность прежних переводческих решений.

Из сказанного следует, что чем больше область покрытия переводом определенной сферы, и чем актуальнее эта сфера для русскоязычного населения Эстонии, тем скорее усваивается «язык перевода» со всеми его особенностями (напр., сфера банковских, медицинских услуг). Иными словами, вызванные интерференцией в переводе определенные отклонения от нормы (качественные или количественные) становятся фактами **языка** диаспоры, т.е. порождаются и в созданных в Эстонии оригинальных текстах на русском языке.

Тем не менее, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что далеко не каждая форма или конструкция, появившаяся в переводном тексте, находит себе место **в системе языка** диаспоры. В случае если в качестве материала исследования языка диаспоры привлекаются тексты, переведенные на русский язык с эстонского, нарушения литературной нормы, которые нередко расцениваются как изменения, происходящие в русском языке под влиянием эстонского, могут быть проявлением межъязыковой интерференции в переводе¹. А неудачный перевод — это только неудачный перевод.

Не вызывает сомнений, что и изучение ошибок, тем более частотных (и даже систематических), в переводах с эстонского языка на русский, и особенности языка диаспоры — объекты, достойные самого пристального внимания исследователей. Однако они представляют собой явления, хотя и взаимосвязанные, но разные по своей лингвистической природе.

Литература

Адамсон 2009 — И. В. Адамсон. *Динамические процессы в лексике таллинских газет на русском языке (на примере двуязычных изданий)*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII. *Humaniora: Lingua russica*. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Тарту, 29–44.

Алексеева 2010 — И. С. Алексеева. *Введение в переводоведение*. Москва – Санкт-Петербург.

Бархударов 1975 — А. С. Бархударов. *Язык и перевод*. Москва.

Гарбовский 2007 — Н. К. Гарбовский. *Теория перевода*. Москва.

¹ В настоящей статье мы не затрагиваем тех нарушений нормы, которые могут быть объяснены без обращения к эстонскому языку, т.е. являются проявлением слабой языковой компетенции или очень либеральным отношением к норме, что характерно и для метрополии.

Евстратова 2000 — С. Б. Евстратова. *Особенности функционирования лексики в русскоязычной прессе Эстонии*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия III. Язык диаспоры: проблемы и перспективы. Тарту, 159–165.

Евстратова 2002 — С. Б. Евстратова. *Экспрессивная лексика в русскоязычной прессе Эстонии*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия VI. Проблемы языка диаспоры. Тарту, 82–90.

Земская 2001 — Е. А. Земская. *Язык русского зарубежья: итоги и перспективы исследования*. Русский язык в научном освещении, Москва, № 1, 114–131. <http://www.philology.ru/linguistics2/zemskaya-01.htm> (17.02.2013).

Комиссаров 2011 — В. Н. Комиссаров. *Современное переводоведение*. Москва.

Костанди 2002 — Е. И. Костанди. *Синтаксические особенности перевода (на материале эстонско-русских переводных художественных текстов)*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия VI. Проблемы языка диаспоры. Тарту, 124–134.

Костанди 2009 — Е. И. Костанди. *Роль прагматических факторов в формировании особенностей речи диаспоры*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII. Humaniora: Lingua russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Тарту, 65–81.

Костанди 2011 — Е. И. Костанди. *Референция и номинация — проблемы выбора в иноязычной среде*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XIV. Humaniora: Lingua russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Тарту, 142–159.

Кюльмоя 2009 — И. П. Кюльмоя. *Речи русской диаспоры Эстонии: тенденции развития*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII. Humaniora: Lingua russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Тарту, 11–28.

Паликова 2009 — О. Н. Паликова. *Русский язык в рекламных каталогах Эстонии*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII. Humaniora: Lingua russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Тарту, 143–168.

Перепись 2011 — *Перепись населения и жилых помещений*. Департамент статистики Эстонии http://www.stat.ee/rel-2011-157?parent_id=39107 (17.02.2013)

Труды 2000 — *Труды по русской и славянской филологии*. Лингвистика. Новая серия III. Язык диаспоры: проблемы и перспективы. Тарту.

Труды 2002 — *Труды по русской и славянской филологии*. Лингвистика. Новая серия VI. Проблемы языка диаспоры. Тарту.

Труды 2009 — *Труды по русской и славянской филологии*. Лингвистика XII. Humaniora: Lingua russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Тарту.

Щаднева 2002 — В. П. Щаднева. *Языковые качества русскоязычных изданий Эстонии*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия VI. Проблемы языка диаспоры. Тарту, 297–307.

Щаднева 2009 — В. П. Щаднева. *О месте и лингвистических особенностях русских официально-деловых текстов в языковой ситуации современной Эстонии*. Труды по русской и славян-

ской филологии. Лингвистика XII. Humaniora: Lingua russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Тарту, 224–242.

Щаднева, Кудрявцев 2011 — В. П. Щаднева, Ю. С. Кудрявцев. *Языковые нормы и речевые аномалии: к вопросу о вариативности языковых средств в языке метрополии и диаспоры*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XIV. Humaniora: Lingua russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Тарту, 246–265.

MEDPROPOZICIJSKOST V SLOVENŠČINI

ANDREJA ŽELE

Slovenski jezik – propozicija – medpropozicijskost – priredno in podredno razmerje – konektorji

Propozicija oz. pomenska podstava (s povedjem in udeleženci) je temeljna pomenska enota besedila — iz pomenske podstave kot izbornega obsega elementarnih vsebin v poteku upovedovanja nastane besedilo, ki je z dokončno izrazljivo obliko ubesedeni rezultat pomensko-smiselnega sporočanja.¹ V okviru besedilnega sporočila se lahko ločuje dve glavni in hkrati bistveni sestavini oz. dva nosilna teksema: vsebino denotatov (pomen sporočila) in vsebino denotatnih razmerij (smisel in logičnost sporočila).

V tej razpravi je propozicijskost omejena na jezikovno(sistemsko) pomenskost v okviru enega sporočila, ki je navadno stavčna poved.² Propozicijo lahko razlagamo kot logični pomen stavčne povedi in kot intenčno polje povedja [Daneš 1968: 47; 1987: 56]; v zvezi s propozicijo se poudarja zlasti njena «predjezikovna pomenska zgradba», ki propozicijo uvršča na »mišljenjsko ravnino«, ta pa je po eni strani prek inteligence povezana z realnostjo, po drugi strani pa prek jezikovnih pomenov vodi v upovedenje oz. ubeseditvev [Šoltys 1986: 1–2]. V smeri k upovedovanju to propozicijo kot pomensko podstavo oz. bazo sestavlja množica bazičnih in kompleksnih pomenov (vezanih na vsebino entitet) z vzpostavljenimi pomenskimi razmerji [Kořenský 1984: 16]. Z vidika zaključenega sporočila lahko govorimo o istopropozicijskosti in o (širši) medsporočilni neistopropozicijskosti sestavin/ enot nasproti nepropozicijskim sestavinam. Meja med propozicijskostjo in nepropozicijskostjo z vsemi vmesnimi stopnjami se lahko določa znotraj prislovov; poleg pravih prislovov kraja in ča-

¹ V slovenskem jezikoslovju je bila propozicija kot pomenska podstava opredeljena v Novi slovenski skladnji (1982: 225–226) in v neprvih izdajah Slovenske slovnice (v izdaji iz l. 2000 na str. 491) J. Toporišča.

² Poved izraža določeno propozicijo ali pomensko podstavo, propozicija pa prikazuje določeno dejstvo (SS 2000, 733).

sa, ki so že po organskosti jezika samostojne propozicijske oz. bazične pomen-ske sestavine, se glede na svojo samostalniško motivacijo med samostojne propozicijske (pomenskospodstavne) prvine uvrščajo tudi t. i. vrstni prislovi¹ tipa *laboratorijsko pregledati, enkrattedensko poročati* nasproti prislovom v vlogi lastnostnih modifikatorjev tipa *temeljito/ dobro pregledati, redno poročati*.

Tipična za besedilo je medpropozicijskost. Medpropozicijskost je sestava propozicij, tj. vzporedje, sonahajanje ali zaporedje (priredno, podredno ali so-redno) vsebin. Sostava oz. tudi različna sovisnost propozicij je sopojavnost povedja in sorazmernost oz. soodnostnost udeležencev (kookurenca in koreferenca med propozicijami). Glede na različno stopnjo sovisnosti propozicij lahko govorimo o medpropozicijski družljivosti (priredje), o medpropozicijski vezljivosti (podredje stavčlenskih propozicij) in medpropozicijski modifikacijskosti (soredje propozicij ali podpredne okoliščinske propozicije).

Medpropozicijskost v slovenščini glede na razmerje med pomensko in izrazno ravnino oz. glede na diatezne zmožnosti slovenščine lahko delimo na izraženo in neizraženo. Medpropozicijskost je natančneje izražena z vezniškimi konektorji, modificirana pa s členkovnimi konektorji. Najbolj tipični ubesedeni označevalci izražene medpropozicijskosti so torej vezniki oz. vezniški konektorji in najbolj tipični označevalci neizražene medpropozicijskosti so členki, ki delujejo kot stavčni ali stavčnočlenski modifikatorji. Členki so zgradbeno-pomensko nestavčne in nadpovedne besede in sodijo med prave konektorje, lastnost vezniških konektorjev (veznikov in drugih vezniških besed) pa je, da izražajo razmerijski pomen oz. posamezni pomen razmerja ali označujejo pomensko razmerje oz. posamezno razmerje pomenov. Izražanje medpropozicijskosti brez veznikov je brezvezje, ki poleg soredja lahko kot skladenjsko stilistično sredstvo izraža tudi vsa priredja.

Izhodiščno merilo medpropozicijskosti v določenem jeziku se presoja glede na skladenjsko-pomenske zmožnosti posameznega jezika

1. Osnovni tipi medpropozicijskosti v slovenskih besedilih

Izhodiščna zgradba propozicije je stavek. Pri obravnavi medpropozicijskih razmerij je treba upoštevati dejstvo, da je priredno razmerje (nasproti podredne-

¹ Tovrstne prislove imenujemo tudi generični prislovi. Po Švedovi (1968: 69) vrstni prislov izraža konkretnjšo okoliščino nasproti abstraktnejšemu predpovskemu obrazilu. Pri nas je bilo še najbolj eksplicitno dosedaj na pojav, tipologijo in vloge vrstnih prislovov opozorjeno v monografiji Slovensko leksikalno pomenoslovje (A. Vidovič Muha 2000: 76–77). V češčini, kot enem izmed skladenjskopomensko bližjih jezikov, je na vlogo prislovov iz konkretnega samostalniškega pomena med drugimi večkrat opozarjal J. Kořenský (1984: 65).

mu) prvotnejše in vezano na govor; zato ni naključje, da se v priredju najbolj jasno izrazi in ločuje prava vrednost konektorja. V besedilu *Ko so ribiči prišli na kopno, so našli onemoglega Karla. Poklicali so zdravnika, ampak je bilo že prepozno* je pet propozicij, štiri stavke, tri povedi; medpropozicijska razmerja v besedilu so: časovno (*Ribiči so prišli na kopno – Ribiči so našli Karla*), križanje propozicij (*Ribiči so našli Karla – Karel je bil onemogel*), vzročno-posledično (*Karel je bil onemogel – Ribiči so poklicali zdravnika*), protivno (*Ribiči so poklicali zdravnika – Bilo je že prepozno*). Neenakovredna sovisnost propozicij (koherenca) je lahko različno trdno oz. prosto sovezno izražena (kohezija), npr. *Janez je odšel, ker ga je bolela glava – Janez je odšel. Bolela ga je glava* ipd.

Pogoj, da lahko govorimo o konektorjih in koneksiji, je pomensko-smiselna združljivost/ koherenca soobstoječih propozicij; poudarek na pomenski odvisnosti propozicij dá podrednost in poudarek «samo» na pomenskem razmerju dá prirednost. Temeljni tipi medpropozicijskih razmerij so: 1) vsebinska vzporednost (vezalno, protivno, primerjalno, ločno, stopnjevalno, posledično in pojasnjevalno priredje) in vsebinska podrednost (okolščinska razmerja v smislu prostorsko-časovnih, vzročnih in načinovnih odvisnikov)¹, 2) vključitev propozicije med udeleženske vloge druge propozicije (nominalizacije propozicij v smislu izglagolskih samostalnikov, deležnikov in nedoločnikov, npr. *Pričakujem prihod Janeza, Pričakujem prihajajočega Janeza, Vedno znova prihajati ni za Janeza nič posebnega*), 3) križanje propozicij, npr. *Pričakujem Janeza, da pove, kdaj pride*, 4) združevanje oz. zlivanje propozicij, npr. *Janez prihaja precej nerazpoložen*, 5) vključitev določujoče propozicije, npr. *Prihaja Janez, ki ga dobro poznamo* (omejevalna določitev) nasproti *Prihaja Janez, (ki/ in) je precej nerazpoložen* (neomejevalna določitev) ipd.

Tako a) udeležensko križanje kot b) zlivanje povedij lahko vodi v koncentracijo propozicijskih razmerij znotraj enostavčne povedi, npr. a) *Videl je Karla, kako izstopa* > *Videl je Karla izstopati* > *Videl je izstopajočega Karla* in b) *Karel se*

¹ V Slovenski slovnici je pomenljiva izjava (*2000: 636): »Ne da se vse povedati v enostavnih povedih.« Iz znotrajpropozicijskega razmerja torej vstopamo v medpropozicijsko razmerje in takrat se lahko govori o stavčnih osebkih, stavčnih povedkovih določilih, stavčnih predmetih, stavčnih povedkovih prilastkih, stavčnih prislovnih določilih; z besednovrstnega vidika pa Slovenska slovnica navaja samostalniške, pridevniške in celo povedkovniške stavke – »povedkov odvisnik je lahko samostalniški, pridevniški ali povedkovniški stavek: Hoditi v šolo pomeni, da si privilegirani, Janez ni ta, za katerega ga imate, Fant je, kot/ da bi ga izrezal iz očeta, Naj bo, da bo vsem prav, To je, tako kot on pravi«. V Slovenski slovnici (*2000: 637) se odvisniki delijo po več merilih: 1) glede na vsebino (za glagoli rekanja in mišljenja), oziralni, prislovni (prostorski/ mestovni, izhodišča, cilja, razmeščenosti, količine poti, časovni, količine časa), lastnostni (pravi načinovni, primerjalni, mere oz. Količine, posledični, sredstveni, izvzemalni), vzročnostni (ozirni, vzročni, namerni, pogojni, dopustni), 2) glede na stavčnočlensko vlogo (osebkov, povedkov, predmetni, povedkovoprilastkovni, prilastkovni).

je vrnil in bil je bolan > Karel se je vrnil bolan. Vse naštetu pa je možno samo z določenimi možnimi sopojavnostmi glagolov povedku in samo z možnimi soodnosnostmi udeležencev v udeleženskih vlogah [Grepš, Karlík 1998: 355].

Izrazna oz. zgradbena ubeseditev medpropozicijskih razmerij temelji na treh krovnih izhodiščnih skladijskih vzorcih: 1) besedilna povezava sicer samostojnih stavčnih povedi, 2) priredna zveza stavkov, 2) podredna zveza stavkov in 3) soredna zveza stavkov brez skladijskopomenske soodvisnosti. Ti izhodiščni skladijski vzorci se izrazno in zgradbeno prilagajajo posameznim medpropozicijskim razmerjem glede na možne načine sobivanja zaporednih vsebin (tj. glede na zmožnost sobivanja določenih povedkov in udeležencev v zaporednih propozicijah) in nato še glede na možne konektorje.

1) Medpropozicijska razmerja¹

1.1) Pomenska (vsebinska) vzporednost propozicij

1.1.1) Sorazmerja so izražena s prirednimi in podrednimi vezniki ali besedami v vezniški vlogi (navadno prislovi in členki), s prislovnimi in členkovnimi zvezami v vezniški vlogi, z razmernimi oz. oziralnimi zaimki in prislovi, in s soledji z brezvezniškimi razmerji.

1.1.1.1) Vezalno razmerje se navadno izraža z veznikom (najnavadnejši je *in*), npr. *Kupil si je hišo in nakup je bil dober*; **možna je tudi nevezniška raba**, npr. *Ni smel z njo delati nobenih načrtov, bil je oženjen, imel je Evo*; **včasih je možna izrazitev enakovrednih vsebin s podredno zgradbo**, npr. *Prehodil je dolg pesniški razvoj, (s tem) da je na koncu postal režimsko trobilo, Zagnal se je v delo, pri čemer so mu pomagali drugi, Povedal je svoje, potem se je umaknil*.

1.1.1.2) Protivna razmerja imajo več izraznih možnosti: **a)** oslabitev napovedi: *On je prišel, toda najavljenega gosta ni privedel, Hotel je oditi, čeprav so ga hoteli nazaj, Želel je predstavitev izpita, kar mu niso dovolili, Kupil ji je cvetje, ampak po poti je ovelo, Obrnil se je, toda on ga je zadržal, Pisal mu je, ni odgovoril, Ta novi ga je opogumil, in hkrati mu nalagal nove obveze*; **b)** omejitev napovedi: *Rad je z njim, toda upoštevati mora tudi njegovo mnenje, Hotel je pomagati sinu, vendar ga je sin moral o svojem delu obveščati, Radi so ga imeli, zato so ga ogovarjali*; **c)** zamenjava oz. nadgradnja napovedi: *Bil je precej čudaški, a študenti so ga imeli radi, To ni delo ene generacije, temveč vsaj nekaj zaporednih generacij, On da je stiskač, (ravno) nasprotno, vse bi oddal od sebe, Nobeden jih ni posebej klical, sami so prišli, Zjutraj je pošteno deževalo, ampak vsaj ni mrzlo, Namesto da bi skrbel za ljudi, dela načrte o nedosegljivem*.

¹ Pri določanju medpropozicijskih razmerij v slovenščini mi je bila v osnovno oporo skladnja v češki akademski slovnici (Mluvnice češtiny 3: Skladba, 1987), Praha: Academia.

1.1.1.3) Nasprotna (kontrastivna) razmerja: **a)** z vzporedno zgradbo: **priredje:** *Če je mati varstvo in skrb, je oče gotovost in moč, Premagali so jih, čeprav so že izgubljali, Nekateri se jezijo, medtem ko drugi isto podpirajo, Eden ga niti ne opazi, zato pa ga je drugi hvali,* **soredje:** *Drugi so šli za njim, jaz sem sedel z glavo med rokami;* **b)** z obrnjeno zgradbo: **priredje:** *Svojega človeka ohrani, tujega brez milosti zavrže, Tone raje posluša osrednji radio, Jože lokalca, Sam zmore malo, v skupini pa dela neverjetne stvari, Pred drugo vojno so imeli eno samo univerzo, zdaj jih imajo petnajst, Pred vojno niso imeli avta, medtem ko zdaj imajo kar tri, Malo je postal, potem pa se še bolj zaletel,* **podredje:** *Bolezen se je ustavila, da bi potem udarila z vso močjo, Če se v Franciji kuha lahko in zdravo, razumejo v Angliji pod francosko kuhinjo smetanove omake ipd.,* **soredje:** *Delavec je smrten, delo pa živi.*

1.1.1.4) Ločno razmerje: **a)** ločevanje: *Ali upoštevaj navodilo ali ga utemeljeno ovrži;* **b)** različne možnosti: *Imajo slabe rezultate bodisi zaradi nepripravljenosti bodisi nimajo pravih predispozicij;* **c)** možnost izbire: *Ali bo sadje prodajal ali pa bo pobiral sezonsko zelenjavo.*

1.1.1.5) Stopnjevalno razmerje: **a)** poudarjena dopolnitev: *Nista spregovorila niti besede, celo/ niti opazila se nista;* **b)** nadomestitev: *Ni mu bilo do smeha, samo mrko je gledal;* **c)** natančnejša opredelitev: *To ni bilo lajanje, to je bilo rjovenje, Ni bil samo utrujen, bil je stolčen.*

1.1.2) Pridano (nevezniško) razmerje: **a)** pojasnjevalno: *Namensko se je izločil iz družbe, tj. hotel je razčistiti sam s sabo;* **b)** posledično: *Njihova smrt je javnost pretresla, to je bila namreč očitna izvršitev smrtne obsodbe.*

1.1.3) Pojasnjevalno razmerje (zato, saj, namreč, kajti, zakaj): **a)** navadno pojasnjevanje: *Otroci se raje igrajo kot učijo, zato z veseljem sprejmejo igrivo učenje;* **b)** čustveno: *Tako veleva zakon, saj to vendar veš?!;* **c)** samoumevnost: *Od trgovine z belim blagom je seveda imel več kot njegova žena, tu namreč ni šlo samo za denar.*

1.2) Pomenska (vsebinska) odvisnost okoliščinskih propozicij, omejenih na okoliščinska razmerja

1.2.1) Časovna soodvisnost: **1)** prosta časovna določitev: *Komaj so se vrnili iz mesta, jim je umrl stari oče;* **2)** časovna omejenost dejanja: *Lahko ležite, dokler bo toplo;* istočasnost: *Stala je tam, imela je razmršene lase;* neistočasnost: *Svetilka je mežikala, in na koncu ugasnila;* **3)** pretvorbene možnosti: *Odbila je deset, ko je nekdo potrkal: Ko je odbila deset, je nekdo potrkal : Odbila je deset in nekdo je potrkal;* istočasnost nedov.–nedov.: *Ko se uči, posluša glasbo,* istočasnost dov.–dov.: *Ko vstane, se luč avtomatično ugasne;* istočasnost dov.–nedov.: *Ko končaš*

dopis, bo že noč; odvisnik se nanaša samo na del nadrejene propozicije: Miha je o tem že govoril včeraj, ko se je vrnil; neistočasnost: a) predčasnost: Šele ko so oželi mokra oblačila, so se odpravili k počitku, b) naslednost – posledica: Preden to tam postavimo, moramo polico pošteno očistiti.

1.2.2) Vzročnostna soodvisnost

1.2.2.1) Vzročno razmerje v ožjem smislu (povod/ vzrok): a) vzrok/ povod: *Ker se je otoplilo, se je sneg stopil, Ker se ni hotel zmočiti, je vzel dežnik, Moralo ga je zelo boleti, ker je imel solze v očeh;* b) pojasnitev vzroka/ povoda/ posledice: *Ne razumem ga, govori namreč japonsko, Zmogla je celo smeh, najbrž ni dojela tragičnosti situacije, Vsaj za svoje otroke bi to naredil, zakaj/ kajti to je njegova kri, Videli so to na lastne oči, zato je bila zmota izločena, Mora iti, sicer bo prepozen;* c) učinek: dejanski: *Stala je tako blizu, da je čutil njen dih; možni: Videla sem že dovolj, da lahko vse razumem; kot cilj: Skrij to tako, da ne bo nihče našel; nemogoči: Prostor ni bil niti dovolj velik, da bi se človek lahko izgubil; nerealni: Podjetje je bilo preveč zadolženo, da bi lahko našli novo vodstvo.*

1.2.2.2) Pogojno razmerje: a) uresničljiv pogoj: *Če so odšli vsi, odidem tudi jaz, Če nočeš, ne hodi, Vrzi ga ven na silo, če noče zlepa;* b) pomožno uresničljiv pogoj: *Če bo/ bi deževalo, ne gremo na sprehod, Če bi to tekmo dobili/ zmagali, bi šli v finale;* c) neuresničljiv (hipotetičen) pogoj: *Če bi tvoja mama živela, bi se zjokala nad tabo, Če poješ to jagodo, boš razumel ptičjo govorico, Če bi se oženil, ne bi bil tak godrnjač.*

1.2.2.3) Dopustno razmerje: a) podredje (čeprav, četudi): *Čeprav je bil varovan, je to naredil, Čeprav je deževalo, smo bili na sprehodu, Čeprav je bil žejen, se ni mogel dotakniti steklenice;* b) priredje (navzlic, kljub temu, vendar(le)): *Kljub temu, da nisem imel slabe vesti, me je oblival pot, Ima brke, vendar ni moški.*

1.2.2.4) Pogojno-dopustno razmerje (naklonjeno/ nenaklonjeno): a) celovito izraženo: *Hodi na sprehode, naj bo kakršno koli vreme;* b) razstavljeno izraženo: *Hodi na sprehode, naj dežuje ali ne, Hodi na sprehode, tudi ko dežuje;* c) frazemske različice: *Hočeš nočeš, sem moral tja, Razmišlja ali ne razmišlja, ampak to tako dela.*

1.2.2.5) Ciljno razmerje: a) podredje (da bi): *Odšel je toplice, da bi se zdravil, Tam si, da boš pazil, Dam ti, kar ti srce poželi;* b) priredje (nevezniško): *Pokažite, bom pogledala, Razsvetlite, naj se vidimo, Tecite tecite, da se pogrejem, Naj/ Da vam ne umaže obleke, pazite!*

1.2.3) Načinovna razmerja

1.2.3.1) a) Neposredni način: 1) kakor, kot: *Delal je kakor/ kot je najbolje znal;* 2) vzporedno/ kvazivzporedno: *Naredil je to tako, kot je hotel učitelj,* 3) tako, da: *Mesto je načrtovano tako, da so lesene hiše spodaj, višje pa lepši domovi;*

4) s tem, da (orodje nam. načina): *Prepričajte ga s tem, da trenutno ni nihče boljši kandidat*, 5) tako, da bi (način s ciljem): *Postavi se tako, da boš prekril packo na steni*, 6) nevezniško z vrednostjo tako, da: *Peljal se je k prijatelju, vedno je zgrešil ulico*, 7) načinovna besedna zveza, ki natančneje opredeljuje dejanje/ stanje: *Tablete je treba jemati ob točno določenem času, po zdravnikovih navodilih/ kot je določil zdravnik, Sledil je zelo intenzivno, po svojih močeh*, 8) vzročno navajanje načina: *Občasno se je tudi sprehodil okoli zgradbe, kot je to določala zadolžitev varnostnika*. **b) Primerjalni način: ba**) po podobnosti: način dogajanja v glavnem stavku: *Urban je izginil, kot bi se vdrl v zemljo, Gozd je subtilno šumel, kot bi kdo igral na harfo, V temnih borih, skrivnostno temnih kot noč, je nepretrgoma šumelo;* **bb**) po skladnosti/ ujemalnosti (kakor/ kot – tako): *Kot so obljubili, tako so naredili, Nekatere stvari nikoli ne zastarajo, kot se kruha praviloma nihče ne naveliča; priredje (nevezniško): Vrana vrani seda, enak enakega podpira.*

1.2.3.2) Izražanje mere in intenzivnosti: a) neposredno: *Zbežali so domov, kolikor so jim dovoljevale noge, Počasi se je premikala, tako kot se lahko noga nogi počasi umika;* **b)** s primerjavo: enakost, kolikor – toliko: *Kolikor krajev, toliko običajev;* neenakost: *Dogaja se pogosteje, kot si lahko mislimo;* skladnost/ sozrazmernost: *Čim globje čutenje ima umetnik, tem večjo ustvarjalnost lahko razvije, Čim bolj se je domneva pretehtovala, tem manj je bila verjetna.*

1.2.3.3) Izražanje spremne okoliščine: a) priredje (nevezniško): *Tujec je sedel, niti z obrvjo ni mignil,* **b)** podredje: *Šel je spat, ne da bi povečerjal, Odšla je, ne da bi/ brez da bi odgovorila, Ne bi odšel, ne da bi se poslovil, Ni minil dan, da ne bi bila objokana.*

1.2.3.4) Izražanje sredstva/ merila: a) sredstvo: *Maščeval se je s tem (tako), da ga je okradel <> Da bi se mu maščeval, ga je okradel;* **b)** merilo: *Po tem, kako raste ali bi moral rasti, je nujno ravnati pri rezu od primera do primera, Zrelost komposta presojamo po tem, koliko grudasta je njegova zgradba.*

1.2.3.5) Izražena subjektivno omejena zmožnost dejanja/ stanja: a) vsebina glavnega stavka je omejena na mnenje v podrednem stavku, v kolikor: *(V) kolikor je bila meščanska inteligenca, je imela narodnostne zahteve, nikoli revolucionarne;* **b)** veljavnost glavnega stavka je omejena z mnenjem ali vedenjem govorca, kolikor: *Kolikor vem, doma nimam fraka, (V) kolikor poznam Franceta, samo povesi glavo in odide.*

1.2.3.6) Izražena izjema: Nikogar ne sprejemajo, razen če pride kdo z ministrstva, Vse je izpadlo dobro, razen tega, da se ni utegnil obriti.

1.2.3.7) Neprava medpropozicijska odvisnost: a) oziralna omejenost: *Kolikor gre le za število dijakov, je razred manjši, Kolikor gre za hitrost,/ Po hitrosti*

mu nihče ni kos; **b)** navezovalna omejenost: *Kar zadeva to državo, ji je bila neodvisnost priznana že v štiridesetih prejšnjega stoletja.*

2) Vključitev propozicije v matično propozicijo

Vključena vsebina je lahko izražena stavčno ali nestavčno, npr. *Janez se je odločil, da kupi hišo, Janez se je odločil kupiti hišo, Janez se je odločil za nakup hiše.* Stavčno ali nestavčno izražanje vključene vsebine je odvisno od pomenskosti glagola v povedju, npr. *Janez je izvedel, da pride Stanetova mati > Janez je izvedel za prihod Stanetove matere nasproti Janez je menil/ mislil, da pride Stanetova mati > *Janez je menil/ mislil o prihodu Stanetove matere, Slišal je, da vrata škripajo – Slišal je škripati vrata – Slišal je škripanje vrat, Najavil je, da pride gost > Najavil je prihod gosta nasproti Najavil je, kdaj pride gost > Najavil je čas prihoda gosta ipd.*

Vsa nadaljnja medpropozicijska razmerja se vežejo na vezljivostne zmožnosti glagolov v povedju in na pomenske lastnosti udeležencev, ki omogočajo vsebino odvisnikov.

2.1) Stavčnočlenske propozicije

kot vsebinski odvisniki eno-, dvo- ali večvezljivega povedka

Z vezljivostnega vidika imamo možnosti: enovezljivosti: *Je dobro, če si aktiven, Dovolj je, da se ga opozori, Je škoda, če se ostane kar doma;* dvovezljivost: *Kaj dela, mi je neznanka, Posrečilo se mu je, da se je uspešno vrnil;* trovezljivost: *Poslali so mu, kar si je zaželel.*

2.1.1) Medpropozicijska (vezniška) razmerja so odvisna od izbora nadrejenega povedka in veznika.

2.1.1.1) Glagoli rekanja (če, ali, da (bi), naj): *sporočiti, obveščati, odsvetovati, svariti, hliniti;*

2.1.1.2) Glagoli zaznavanja (da, kako): *slišati, videti, opaziti;*

2.1.1.3) Glagoli vedenja/ znanja/ spoznanja (da, ali, kako, če): *vedeti, znati, poskušati, ugotavljati, odkrivati;*

2.1.1.4) Glagoli vrednotenja (da, da (bi), kako): *biti škoda, biti vseeno;*

2.1.1.5) Glagoli naklonskosti (gotovosti, želje ipd.), da (bi), če: *prositi, zagotoviti, želeli.*

2.1.2) Vsebinski (nevezniški) odvisniki. Izbira oziralnega zaimka je odvisna od vsebine odvisnika, in ne od povedka v glavnem stavku, npr. *Hodil je po kraju in ugotavljal, kaj/ koliko je novega/ kje/ kam/ kako/ zakaj so kaj postavili ipd.*

2.2) Opisnopoimenovalne propozicije

Določeni udeleženci propozicije so opisno (stavčno) poimenovani: *Ne verjemi temu, ki laže, Spraševal je po tistem, kar naj bi prinesli, Sem mu že vrnil (to), kar sem mu bil dolžan, Bil je (tam), kjer so ga tudi pričakovali* ipd.

2.2.1) Osebkovi in predmetni odvisniki: *Tisti, ki laže, tudi krade – Kdor laže, tudi krade, Postrežejo vsakomur, kdor še pravočasno pride, O tem, kar zdaj govorimo, je bilo že mnogo napisanega* ipd.

2.2.2) Prislovnodoločilni odvisniki (kraja, časa, načina): *Živel bom tam, kjer bom lahko, Čakal je, dokler se ni prvi javil, Obnašal se je, kot bi bilo vse njegovo, Živel so, kot so zmogli* ipd.

2.3) Povedkovodoločilne propozicije

Izgleдал je, kot bi resno zbolel, Počutil se je kakor da bi bil v postopku zasliševanja, Bil je, kot da bi se izgubil ipd.

3) Križanje in združevanje propozicij

3.1) Križanje ali združevanje se nanaša na udeležence: *Videl je Janeza, kako odhaja – Videl je odhajati Janeza – Videl je odhajajočega Janeza, Janez je vrnil knjigo vso zapackano, Posluša Janeza, kako igra na klavir – Posluša Janeza, da/ ali/ kaj/ če igra na klavir* ipd.

3.2) Križanje ali združevanje se nanaša na glagole v povedju: **a)** istost ali podobnost: *Janez se je vrnil (tak), kakršnega smo ga poznali*, **b)** Ulegel se je tak, kakršen je prišel, *kar v jopiču in obut*, **c)** opis stanja, v katerem se odvija dogodek: *Z živčnostjo, ki jo je skušal prikrivati z naglico kretenj, je pripravljajl gradivo za svojo predstavitev* ipd.

4) Vključevanje določujoče propozicije

4.1) Določujoče ali kvazidoločujoče propozicije

Določujočo in kvazidoločujočo propozicijo ločuje istočasnost oz. neistočasnost dogajanja ali stanja v glavni in odvisni povedi, npr. *Z druge strani je pritekel pes, ki je lajal* (določujoča p.) nasproti *Z druge strani je pritekel pes, ki je zalajal – Z druge strani je pritekel pes in zalajal* (kvazidoločujoča p.).

4.1.1) Določujoča omejevalna propozicija je lahko uvedena **a)** z oziralnimi pridevniškimi zaimki, npr. *Starejši človek, ki redno kadi, je potencialni pljučni bolnik, končno je srečal sokrajana, o katerem ni zmanjkalo resničnih in izmišljenih pri-*

povedi, ali **b**) z oziralnimi prislovnimi zaimki, npr. *Stanovanje, kjer jih je obiskoval (ki ga je obiskoval), so mu zapustili z oporoko.*

4.1.2) Kvazi/ določujoča neomejevalna propozicija: **a)** *Kupili so nov televizor, ki ga bodo podarili staremu očetu za jubilej – Kupili so nov televizor in ga bodo podarili staremu očetu za jubilej, b)* *Pravijo mu «glavni», kar pa nič konkretnega ne pomeni – Pravijo mu «glavni» in to ne pomeni nič konkretnega, Šel je v gostilno, kamor ga je vozila tudi žena – Šel je v gostilno in tja ga je vozila tudi žena.*

4.2) Pridana propozicija

4.2.1) Pridana samostalniku: *Za vodilna mesta je veliko kandidatov, vendar skoraj vsi imajo **eno napako**: preveč zapletajo enostavne stvari.*

4.2.2) Pridana samostalniškemu zaimku: *Gre samo za nekaj: vzdržati, ko najslabše kaže.*

4.2.3) Pridana samostalniškemu odvisniku: *Zgodilo se je, kar ni nihče predvidel: zavrnil je ponudbo, vezano na boljšo plačo.*

5) Analitična (zložena) oblika ene propozicije

5.1) Povedkovodoločilni odvisnik: **a)** *Ni ta, ki naivno veruje, b)* *Knjiga je bila, kot bi jo pohodili, c)* *Bilo mu je, kot bi mu kdo naenkrat vse razjasnil.*

5.2) Poudarnoprilastkovni odvisnik: *Janez je bil ta, ki je ves čas na to opozarjal – Ta, ki je ves čas na to opozarjal, je bil Janez, On je tisti, komur bi morali verjeti.*

2. Medpropozicijskost z vidika kookurenčnosti in koreferenčnosti

Kookurenčnost v prvi vrsti izraža pomenskosestavinsko združljivost določenih vrst glagolov, na drugi stopnji pa se pridružuje še pogoj koreferenčnosti/ neko-referenčnosti udeležencev, skratka samo potrjuje se vzajemna odvisnost oz. so-odvisnost povedja in udeležencev.¹

2.1 Kookurenca (sopojavljanje/ sodogajanje glagolov) s posledično koreferenco (soodnosom) udeležencev

Pomenska usmerjenost glagolov napoveduje možne udeleženske vloge. Glagolska pomenska družljivost oz. kookurenčnost je jasno razvidna pri sopostavitvi

¹ V teoretično oporo pri povezovanju posameznih pomenskih skupin glagolov mi je bila monografija Stanisława Karolaka *Od semantyki do gramatyki*. Wybór rozpraw. Warszawa: Instytut Slawistyki PAN, 2001.

določenih vrst glagolov. Tako je sopojavnostna zmožnost operativnih glagolov odvisna od njihove konkretne skladenjskopomenske usmeritve na enega ali več udeležencev, mogoče bi glede na zgornje zglede bilo mogoče tudi npr. *Peter je obljubil prijateljem, da bo Ana ozdravela* (?) nasproti manj smiselnemu **Peter je obljubil Ani, da bo ozdravel*, medtem ko bi se izšlo z vrinjenim stavkom in z dodanim operativnim glagolom, npr. *Peter je obljubil Ani, da bo naredil vse, da bo ozdravel*; glagoli zaznavanja, presoje in poizvedovanja pa z novo neodvisno vsebino v odvisniku uvajajo glagolsko nesopojavnost in neodnosnost udeležencev, npr. *Andrej čuti/ domneva/ upošteva, da Ivana pred njim nekaj skriva* ipd.

3 Propozicijskost in medpropozicijskost s pretvorbenega vidika

Prislovi so zaradi t. i. vektorskih funkcij obravnavani kot organske sestavine celostne zgradbe povedi oz. sporočila, zato njihova načelno velika funkcijska obsežnost oz. prehodnost od propozicijskosti k nepropozicijskosti in obratno ni nič posebnega [Pen'kovskij 2004: 291–292].

Poleg pravih prislovov kraja in časa, ki so že po organskosti jezika samostojne propozicijske oz. bazične pomenske sestavine, se glede na svojo samostalniško motivacijo med samostojne propozicijske (pomenskospodstavne) prvine uvrščajo tudi t. i. vrstni prislovi, ki glede na pomenske lastnosti motivirajočega samostalnika vrstno opredeljujejo glagolsko dejanje/ dogodek. Prislovi skladenjskopomensko natančneje določajo glagol glede na prostor, čas (ki sta takorekoč bivanjsko samoumevna), sredstvo (snov), spremstvo, vzrok¹, ozir ali izid [A. Vidovič Muha 2000: 76–77]; te izrazljive/ zunanje okoliščine so navadno skladenjskopomensko vezljive in zato hkrati tudi propozicijske,² npr. *Laboratorijsko pregledati, enkrattedensko poročati, računalniško obdelati, parno drsati, zakonsko zagotoviti, slovnično popraviti, klinično živeti/ umreti, metodološko dokazati, krvno maščevati*, nasproti prislovom v vlogi lastnostnih modifikatorjev tipa *temeljito/ dobro pregledati, redno poročati*, ki kot sestavine upovedovanja lastnostno opredeljujejo (modificirajo) glagolsko dejanje/ dogajanje/ stanje.

Povezovanje propozicijskosti stavčnih povedi s propozicijskostjo besedotvornih (morfemskih) sintagem kot so večbesedni leksemi tipa *stenska ura, prenosnik* (< prenosni aparat) pa samo še utrjuje spoznanje, da je jezik nedeljiva sistemska celota [Vidovič Muha 2009: 253].

¹ Jezikovna vzročnost je odraz fizične/ materialne vzročnosti v mišljenju oz. zavesti.

² P. Piper (²2001: 45) tako npr. ločuje nepropozicijsko notranjo kavzalnost, npr. *oženiti se iz ljubavi*, od zunanje kavzalnosti, npr. *umreti od naboja*, ki je propozicijska.

Novejše slovenske jezikoslovne študije [prim. Slovensko leksikalno pomenoslovje/ SLP/ A. Vidovič Muha 2000] v okviru tipologije vrstnih prislovov (s samostalnikom v podstavi) eksplicitno odpirajo vprašanje propozicije globinskega udeleženca, pri lastnostnih (izglagolskih) prislovih pa je opozorjeno na pojav cele propozicije v drugi propoziciji, npr. *sede kuhati*, *kleče prositi*; slednji so že zaradi izglagolske motivacije vzporedne propozicije.

Z vidika pomenske podstave oz. propozicije se vrstni prislovi ločujejo:¹

1) Propozicijski prislovi ali zunanjeokoliščinski prislovi (izražajo zunanje okoliščine glagolskega dejanja, in sicer kraj in čas, deloma pa zlasti tudi način). S svojim sintagmatskim jedrom tvorijo polavtomatizirane besedne zveze.

1.1) Istopropozicijski vrstni prislovi (z motivirajočim samostalnikom v podstavi), ki glagolsko dejanje opredeljujejo: a) prostorsko/ časovno (s podstavo 'v/ na kraju/ času': *laboratorijsko/ ambulantno pregledati*, *cestno se usmerjati*, *mesečno poročati*); aa) v/ kot (< 'biti/ nahajati se/ obstajati kot': *skupinsko delovati* ('delovati v skupini'), *parno drsati* ('drsati v paru'), *množično se zbirati* ('zbirati se v množici/ v množico'); b) vzročno (s podstavo 'zaradi/ od česa/ koga': *denarno vztrajati/ prenesti*, *telesno/ duševno vzdržati*); c) načinovno, ca) sredstveno/ snovno (s podstavo 's čim': *računalniško obdelati – obdelati z računalnikom*, *instrumentalno poskusiti*, *beliti z apnom/ s čopičem*, *bežati v copatih*, *politično poudariti*), cb) spremstvo (s podstavo 's kom': *bratsko deliti*, *prijateljsko popivati*), cc) ozirnost (s podstavo 'glede na koga/ kaj': *biološko prizadeti*, *slovnično popraviti*, *prehransko se zanemariti*), cč) posledičnost (s podstavo 'do česa': *smrtno se ponesrečiti*).

1.2) Neistopropozicijski; pri izglagolskih/ deležijskih prislovih gre za <<vgraditev ene stavčnopovedne propozicije v drugo>> [Vidovič Muha 2000: 76]; deležijski prislovi z obrazilom -(o/ e)č ali -aje/ -é in družljivost s prislovom stopnje ni mogoča (*molče spremljati dogajanje*, *stoje opazovati promet*).

2) Nepropozicijski modifikacijski oz. notranjeokoliščinski lastnostni prislovi (izražajo notranjo lastnost glagolskega dejanja); s svojim sintagmatskim jedrom tvorijo aktualizirane besedne zveze/ sintagme, ki so besedilne in po govornem dejanju razpadejo.

2.1) Izpridevniški lastnostni (pomensko družljivi s prislovi stopnje): *Dobro piše > Zelo dobro piše*.

2.2) Izpridevniški vrstni z motivirajočim samostalnikom v podstavi:

2.2.1 s samostalniki s podkategorijo človeško⁺: (*po*) *človeško se obnašati*, (*po*) *sosedsko pomagati*, (*po*) *vojaško pozdraviti*, (*po*) *slovensko govoriti* ipd.

¹ Dopolnjena je dosedanja delitev prislovov glede na propozicijskost v sporočilu oz. povedi.

2.2.2 s samostalniki v vlogi enakosti/ primere: *vojaško pozdraviti* ('pozdraviti kot vojak'), *hekersko delovati* ('delovati kot heker').

3) Z možno propozicijskostjo ali nepropozicijskostjo: v/ kot (< propozicijski v 'biti/ nahajati se', nepropozicijski kot 'enakost/ primera'): 1) propozicijsko: *politično/ kulturno se udejestvovati* ('udejestvovati se v politiki/ kulturi'), 2) nepropozicijsko: *politično/ kulturno se udejestvovati* ('udejestvovati se kot politik/ kulturnik'), *športno prenesti* ('prenesti kot v športu/ kot športnik');

3.1) Samo nepropozicijsko je *posamezno drsati* (< drsati kot posameznik), medtem ko je v nekaterih drugih primerih odločanje o propozicijskosti odvisno od osebk: *On parno/ tandemsko drsa* (< On drsa v paru/ v tandemu) je propozicijska raba nasproti nepropozicijski *Onadva parno/ tandemsko drsata* (< Onadva drsata kot par < Onadva sta pri drsanju par), kjer je *parno/ tandemsko* rabljeno nepropozicijsko; podobno lahko sklepamo pri prislovu *skupinsko*, kjer edninska in dvojinska raba osebk omogočata propozicijsko rabo (< *On(dva) deluje(ta) v skupini*), množinska raba osebk pa uvaja nepropozicijsko rabo prislova *skupinsko* s podstavo *Oni delujejo kot skupina/ Oni so skupina in tako delujejo* ipd.

4. Za sklep

Z vidika upovedovalnih zmožnosti v jeziku je za skladnjo vsakega jezika osnovno in zelo bistveno opozoriti, kako se lahko propozicija in medpropozicijska razmerja ubesedujejo. Na tak način se predstavijo zlasti prvotne diatezne zmožnosti posameznega jezika, v našem primeru slovenščine.

Viri in literatura

Daneš 1968 — F. Daneš. *Sémantická struktura větného vzorce*. Otázky slovanské syntaxe II. Filosofická fakulta University J. E. Purkyně, Brno, 1968, 45–49.

Daneš 1987 — F. Daneš idr. *Větné vzorce v češtině*. Praha: Academia, 1987; FidaPLUS: <http://www.fidaplus.net>

Grepl 1987 — M. Grepl idr. *Mluvnice češtiny* (3 – Skladba). Praha: Academia, 1987.

Grepl 2011 — M. Grepl. *Jak dál v syntaxi*. (Studie: osobností brněnské lingvistiky IV.) Edd. J. Dvořák a P. Malčík. Brno: Vydavatelství Host, 2011, 246.

Grepl, Karlík 1998 — M. Grepl, P. Karlík. *Skladba češtiny*. Praha: Votobia, 1998.

Karolak 2001 — S. Karolak. *Od semantyki do gramatyki*. (Wybór rozpraw). Warszawa, 2001.

Kořenský 1984 — J. Kořenský. *Konstrukce gramatiky ze sémantické báze*. Praha: Academia, 1984.

- Orešnik 1994 — J. Orešnik. *Slovenski glagolski vid in univerzalna slovnica*. Ljubljana: SAZU, 1994.
- Pen'kovskij 2004 — А. Б. Пеньковский. *Очерки по русской семантике*. Moskva: Языки славянской культуры, 2004.
- Piper ²2001 — P. Piper. *Jezik i prostor*. (Biblioteka XX vek). Beograd, ²2001.
- Šoltys 1986 — O. Šoltys. *Ke vztahu predikace a centrace*. Slovo a slovesnost, Praha, XLVII/1, 1986, 1–15.
- Švedova 1968 — Н. Ю. Шведова. *О разграничении простого предложения и сходных с ним конструкций*. Otázky slovanské syntaxe II. Filosofická fakulta University J. E. Purkyně, Brno, 1968, 65–73.
- Toporišič 1982 — J. Toporišič. *Nova slovenska skladnja*. Ljubljana: DZS, 1982.
- Toporišič ⁴2000 — J. Toporišič. *Slovenska slovnica*. Četrta prenovljena in razširjena izdaja. Maribor: Obzorja, ⁴2000.
- Vidovič Muha 1988 — A. Vidovič Muha. *Slovensko skladijsko besedotvorje ob primerih zložen*. Ljubljana: Znanstveni inštitut Filozofske fakultete in Partizanska knjiga, 1988.
- Vidovič Muha 1993 — A. Vidovič Muha. *Glagolske sestavljenke — njihova skladijska podstava in vezljivostne lastnosti (Z normativnim slovensko-nemškim vidikom)*. Slavistična revija, Ljubljana, 1993, XLI/1, 161–192.
- Vidovič Muha 2000 — A. Vidovič Muha. *Slovensko leksikalno pomenoslovje*. Govorica slovarja. Ljubljana: Znanstveni inštitut Filozofske fakultete, 2000.
- Vidovič Muha 2009 — A. Vidovič Muha. *Skladijska interpretacija glagolskih predponskih obrazil — vprašanje propozicije*. Slavistična revija, Ljubljana, 2009, 57/2, 251–261.

ПРАГМАТИКА СИНТАКСИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ: ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА

ЕЛИЗАВЕТА ИЛЬМАРОВНА КОСТАНДИ

Прагматика – синтаксические связи – подчинительные словосочетания – методы анализа

В настоящее время нет необходимости доказывать, что использование разных способов и средств соединения языковых единиц в предложении и тексте во многом отражает взгляд автора или иного субъекта на описываемую ситуацию и подвержено воздействию разнообразных коммуникативно-прагматических факторов. Об этом свидетельствует, например, возможность варьирования синтаксических связей и средств, ср.:

- (1) **Сочинительная связь слов:** *Вошли Лена, Сергей и (а также, но и, не только ..., но и) Саша.* **Подчинительная связь:** *молочный кувшин/ кувшин для молока, деревянная мебель/ мебель из дерева.* **Предикативная связь:** *Мальчик учится в первом классе./ Мальчик — ученик первого класса./ Мальчик является учеником первого класса./* **Связь частей сложного предложения:** *Когда все вернулись, было поздно./ Когда было поздно, все вернулись./ Было поздно, и все вернулись.*

Вариативность, предполагающая авторский выбор и включение единицы в разнообразные контексты и ситуации, обеспечивает «жизнь языка», в которой обязателен прагматический компонент. Исследователи неоднократно обращали внимание на то, что выбор синтаксической связи может быть обусловлен авторской установкой, ориентацией на определенного адресата, модальностью и рядом других факторов, относящихся к области прагматики. С этой точки зрения рассматривались, например, связи между частями сложного предложения и текста [Ляпон 1986], роль связки в предикативной связи [Арутюнова 1998; Лекант 1976], подчинительные связи слов [Скобликова 2005], соединение речевых фрагментов (коммуникативный шов) в живой речи [Гаспаров 1996], использование синтаксической связи в языковой игре [Иванчикова 1979; Санников, 2008] и т.д. Некоторые ис-

следователи не используют термин «прагматика», однако анализируют факты, по сути, относящиеся к коммуникативно-прагматическому аспекту. Так, Е. С. Скобликова в указанной выше работе, рассматривая факторы, влияющие на выбор типа и средств связи в словосочетании, не пользуется этим термином, но выбор, о котором она говорит, осуществляется говорящим, что предполагает прагматическую основу. Другие авторы, например В. З. Санников, активно используют данный термин, подчеркивая значимость прагматического аспекта. Таким образом, прагматическая составляющая синтаксических связей становилась объектом исследовательского интереса, однако до сих пор не существует ни относительно полного описания всех связей с этой точки зрения, ни сформировавшихся относительно общепринятых подходов к выявлению и анализу прагматики синтаксических связей и средств связи.

В ряде работ автора настоящей статьи [см. например: Костанди 1997: 94–104, 1999а: 90–97, 1999б: 292–303, 2007: 961–966, 2012: 104–109] также рассматривались некоторые аспекты прагматики подчинительной и сочинительной связи слов, предикативной связи, связи между частями сложного предложения и текста. В ходе анализа материала регулярно вставал вопрос о том, как установить, что не только лексика, частеречная принадлежность соединяемых компонентов, стилистическая окраска, но и вид синтаксической связи участвует в формировании коммуникативно-прагматической направленности единицы. Особые трудности возникают при анализе подчинительной связи слов. Характер и средства предикативной связи, связи между частями сложного предложения и текста, сочинительной связи слов, при всей их многозначности и многофункциональности, можно частично трактовать как результат относительно свободного авторского выбора и, следовательно, хотя бы поэтому как отражение авторской установки. Подчинительная связь слов (управление, согласование, примыкание) в большей степени определяется системно-языковыми правилами, в ней сложно разграничить синтаксический, лексический и морфологический аспекты, и, соответственно, появляется больше проблем при анализе ее прагматики. В статье будет рассмотрена именно подчинительная связь слов с точки зрения наличия в ней прагматической составляющей и возможностей ее выявления. В центре внимания будет последнее, анализ собственно прагматики в задачи настоящей статьи не входит, поэтому при ее характеристике ограничимся обобщением своих предыдущих работ и общей характеристикой нового материала, учитывая, разумеется, и работы других исследователей.

На разнообразном материале в указанных выше работах нами рассматривалось наиболее очевидное проявление прагматики подчинительных словосочетаний, заключающееся в том, что, выбирая синтаксические отношения, тип связи и соответствующие средства, автор подчеркивает тот или иной аспект (объектный, орудийный, атрибутивный, пространственный, целевой и т. д.) соотношения главного и зависимого слов и обозначаемых ими компонентов языковой и неязыковой действительности, ср.:

- (2) *материнская любовь – любовь матери, клетчатая юбка – юбка в клетку, зимний сад – сад зимой, спортивный костюм – костюм для спорта, тетрадь ученика – ученическая тетрадь, кирпичный дом – дом из кирпича.*

Исследователями обращалось внимание на это проявление прагматики синтаксических отношений, порой при этом затрагивался еще один аспект, на котором и остановимся далее. Говоря о роли, которую играют в выборе синтаксических отношений лексическое значение компонентов и смысловые отношения между ними, Е. С. Скобликова пишет:

«... в зависимости от «угла зрения» <курсив — Е. К.> говорящего один и тот же предмет может осмысляться то как прямой объект, то как орудие действия: *плеснул воду в лицо – плеснул в лицо водой, приложил руку ко лбу – прикоснулся ко лбу рукой*» [Скобликова 2005: 56].

Именно с учетом «угла зрения» говорящего, т.е. позиции субъекта, ранее нами рассматривались не отдельные примеры, а в характер подчинительной связи слов в целом. Результаты этого рассмотрения сводятся к тому, что разные типы связи способствуют формированию определенной позиции говорящего или иного субъекта, моделирующего и воспринимающего языковую действительность. Как свидетельствует анализ материала, наиболее регулярны позиции, соотносящиеся с двумя основными коммуникативными регистрами — изобразительным (репродуктивным) и информативным [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 29–35], т.е. с позицией непосредственного наблюдателя или/и участника, который «видит, слышит, чувствует», и позицией отстраненного субъекта, который «знает» о событиях, сопоставляет их, обобщает и т. д. Можно предположить, что тип подчинительной связи соотносится с этими параметрами следующим образом.

Согласование — связь, в которой совпадают грамматические показатели главного и зависимого слов, т.е. эти характеристики повторяются в главном и зависимом компонентах. Пересечение, наложение компонентов словосочетания в общих признаках способствует тому, что оно в большей степени воспринимается как единое целое: моделируется «слияние» признака с предметом, в результате чего признак предстает как неотделимый от

предмета. В этом случае субъект, непосредственно воспринимая предмет, воспринимает и его признак (*высокое дерево, зеленый лист, узкий проход*), что способствует формированию изобразительного регистра. Разумеется, далеко не все конкретные случаи согласования предполагают именно такую позицию наблюдателя, речь идет о том, что согласование потенциально, в силу характера связи, может способствовать ее формированию.

При управлении такого совпадения формальных показателей главного и зависимого слов нет, они «разделяются» характером связи, чем моделируется «раздельное» же существование компонентов (*рассказал о прошедшем лете, позвони брату, мечтаю о поездке*). Субъект часто не может непосредственно одновременно наблюдать и действие (состояние) и предмет, требуется некоторое отстранение, что в большей степени соответствует информативному регистру: *лето, брат, поездка* воспринимаются, скорее, как объекты, отделенные от действия (состояния). Кроме того, управление отражает валентность лексемы, соотносящуюся с некоторой реальной или ментальной ситуацией (*писать письмо брату ручкой, рассказать друзьям о поездке, купить подарок матери на день рождения*), часто сложно организованной. Ее восприятие может потребовать отстранения, осмысления, установления логических связей и т.п. Таким образом, вид связи (согласование/управление) тяготеет к определенной позиции субъекта. Примыкание, передавая, как правило, связь факультативную, слабо формально организованную, в зависимости от конкретных слов, словоформ и средств связи может соотноситься с разными позициями субъекта, «подстраиваясь» под них.

Рассмотренные варианты, конечно же, не являются единственно возможными, и соотношенность типа синтаксической связи и позиции субъекта следует трактовать именно как потенциальную возможность, не обязательно реализованную в каждом конкретном случае, кроме того, в моделировании любой позиции всегда задействован комплекс языковых средств. В связи с последним при анализе регулярно встает вопрос о степени участия в этом синтаксической связи, ведь более очевидна роль лексического значения, шире — смысловых отношений, и частеречных характеристик компонентов. Несомненно, однозначно разграничить действие разных средств нельзя, возможно, нет и такой необходимости, однако следует показать роль и синтаксической связи. Как нам кажется, одним из способов сделать это является привлечение для анализа как можно более разнообразных типов текстов, контекстов и коммуникативных ситуаций, что и продемонстрируем ниже.

Так, обращение к художественным текстам показывает, что при наличии точки зрения непосредственного наблюдателя обычно возрастает чис-

ло конструкций с согласованием (пример 3), позиция отстраненного субъекта, напротив, регулярно соотносится с увеличением доли управления (пример 4), ср.:

- (3) Он долго смотрел на большой портрет какого-то военного в густых эполетах, с выпуклыми глазами, с низким лбом, с поразительно великолепными бакенбардами и широчайшей грудью, сплошь украшенной орденами. <...> Он взглянул на чету новобранных — молодой человек в длинном сюртуке и белом галстуке, стриженный ежиком, вытянувшийся во фронт под руку с девицей в подвенечном газе, — перевел глаза на портрет какой-то хорошенькой и задорной барышни в студенческом картузе набекрень (И. Бунин. Солнечный удар).

В приведенном фрагменте не только предполагается, но и прямо обозначена позиция наблюдателя (*смотрел, взглянул, перевел взгляд*), видящего предмета (людей, изображенных на фотографиях) вместе с их признаками, что передается в основном словосочетаниями с согласованием: *большой портрет, густые эполеты, выпуклые глаза, низкий лоб, великолепные бакенбарды, широчайшая украшенная грудь, молодой человек, какая-то хорошенькая и задорная барышня* и др.

Иная точка зрения представлена в следующем тексте:

- (4) И что говорил о театре и об актерах Кукин, то повторяла и она. Публику она так же, как и он, презирала за равнодушие к искусству и за невежество, на репетициях вмешивалась, поправляла актеров, смотрела за поведением музыкантов, и когда в местной газете неодобрительно отзывались о театре, то она плакала и потом ходила в редакцию объясняться (А. Чехов. Душечка).

В данном случае речь идет о множестве событий, разделенных во времени и пространстве, их невозможно «наблюдать», требуется отстраненность воспринимающего субъекта, что достигается использованием множества средств, в том числе — доминированием управления (*говорил что о театре, повторяла то, презирала публику, презирала за равнодушие и невежество, равнодушие к искусству, поправляла актеров, смотрела за поведением* и др.).

Разумеется, неизбежно предположение, что использование разных типов словосочетаний обусловлено идиостилем писателя. Анализ материала, однако, показывает, что отмеченная тенденция прослеживается и в текстах одного автора, и в одном тексте, например:

- (5) Затем перед прокуратором предстал стройный, светлорылый красавец со сверкающими на груди львиными мордами, с орлиными перьями на гребне шлема, с золотыми бляшками на портупее меча, в зашнурованной до колен обуви на тройной подошве, в наброшенном на левое плечо багряном плаще.

Это был командующий легионом легат. Его прокуратор спросил о том, где сейчас находится себастийская когорта. Легат сообщил, что себастийцы держат оцепление на площади перед гипподромом, где будет объявлен народу приговор над преступниками (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Фрагмент представляет две основные точки зрения — непосредственное визуальное восприятие (*прокуратор видит*) и сообщение о ненаблюдаемых событиях (*легат сообщает*). Каждая из них формируется комплексом языковых средств, в который входит и характер связи. Начало фрагмента, передающее первую точку зрения, изобилует словосочетаниями с согласованием, число которых резко сокращается при смене точки зрения. Сопоставим так же следующие фрагменты одного текста:

- (6) *Стоя в холодке вновь покрытой риги с необсытавшимся еще пахучим листом лецинового решетника, прижатого к облупленным свежим осиновым слегам соломенной крыши, Левин глядел то сквозь открытые ворота, в которых толкалась и играла сухая и горькая пыль молотьбы, на освещенную горячим солнцем траву гумна и свежую солому, только что вынесенную из сарая, то на пестроголовых белогрудых ласточек, с присвистом влетающих под крышу и, трепля крыльями, останавливавшихся в просветах ворот, то на народ, копошившийся в темной и пыльной риге, и думал странные мысли. «Зачем все это делается? — думал он. — Зачем я тут стою, заставляю их работать? Из чего они все хлопочут и стараются показать при мне свое усердие?»*
- (7) *Левин смотрел перед собой и видел стадо, потом увидал свою тележку, запряженную Вороныи, и кучера, который, подехав к стаду, поговорил что-то с пастухом; потом он уже вблизи от себя услышал звук колес и фырканы сытой лошади; но он был так поглощен своими мыслями, что он и не подумал о том, зачем едет к нему кучер (Л. Толстой. Анна Каренина).*

Субъект (*Левин*) в первом фрагменте видит некоторую картину и думает именно о том, что он наблюдает, во втором он также видит нечто, но, поглощенный мыслями о другом, воспринимает все отстраненно. Как и в примерах выше, позиция непосредственного наблюдателя создается разными языковыми средствами, в том числе и множеством атрибутивных словосочетаний с согласованием (*покрытая рига, необсытавшийся пахучий лист, лециновый решетник, облупленные свежие осиновые слезы, соломенная крыша, открытые ворота, сухая и горькая пыль* и др.). Можно говорить об особой роли прилагательных, которые как будто и создают описательность, эффект «наблюдаемости», однако нельзя не согласиться с утверждением Е. М. Вольф, характеризовавшей прилагательное как само по себе не имеющее денотации и соотносящееся с денотатом только посредством опреде-

ляемого им существительного [Вольф 1978: 10–35], т.е. в согласовании с существительным. Отдельно взятые прилагательные такой функции не выполняют. Во втором фрагменте, с отстраненным наблюдателем, преобладает управление (*смотрел перед собой, видел стадо, увидел тележку, запряженная Воронным, подъехав к стаду, поговорил что-то с пастухом, услышал звук и др.*). В том и другом случае синтаксическая связь участвует в моделировании позиции субъекта лишь во взаимодействии с другими средствами, но свою роль в этом моделировании она, очевидно, выполняет.

Художественный текст, однако, «предпочитает» позицию непосредственного наблюдателя. Обращение к текстам иного рода, для которых более характерно отстраненное восприятие, показывает, что в них на первый план выдвигается управление. Так, в ряде официально-деловых текстов (закон, кодекс, инструкция) тип и средства связи, категориальное значение частей речи, лексическое значение и морфологические характеристики компонентов комплексно акцентируют субъектно/объектно-объектные/ субъектные отношения, особенно значимые для такого рода текстов. Возможная замена управления согласованием вносит иные оттенки значений и иные акценты, не соответствующие прагматике исходного текста, ср.:

- (8) *права и свободы граждан* (ср.: *гражданские права и свободы*), *интересы Союза ССР* (*союзные интересы*), *территория Эстонской ССР* (*эстонская территория*), *представители государств* (*государственные представители*) (Уголовный кодекс Эстонской ССР).

В данном случае наблюдается взаимосвязь характера текста и характера синтаксической связи, обусловленная стандартными коммуникативными задачами. Нестандартное соотношение вида связи и индивидуальной авторской установки мы видим, когда автор вместо ожидаемого и потому более нейтрального использует иной тип связи, например:

- (9) *И я думал, что на ней одеяло нашито. Потому что на ней желтые и черные полоски <...> И этот зверь весь в полосках. Желтых и черных.* (Б. Житков. Что я видел); *Вы были женаты? — Ну да, вот же я щелкаю ... На этой ... Вареньке, Манечке ... нет, Вареньке ... еще платье полосатое ... музей ... впрочем, я не помню* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Первый пример — фрагмент текста, в котором повествование ведется от лица ребенка. Первый раз увидев зебру, он воспринимает животное и его постоянный признак как нечто существующее раздельно (*на ней одеяло нашито*, ср.: *полосатая зебра, полосатый тигр*). Затем, зная уже, что бывают полосатые звери, тот же мальчик видит тигра, но полоски в его восприятии не окончательно «сливаются» с животным, что тонко передается исполь-

зованием управления (*зверь в полосках*). Булгаковский контекст моделирует иное восприятие: полоски не являются неотъемлемым признаком платья, оно может быть любим, однако для рассказчика, очевидно, этот признак «слился» с платьем и женой, что акцентируется согласованием (*платье полосатое*).

Подобное, т.е. замену ожидаемого типа связи другим, мы видим и в примере из разговорной речи, причем говорящий делает это подчеркнуто, используя особую интонацию, с логическим ударением на слове *ноутбук*-*ковская*:

- (10) *Зачем тебе сумка для ноутбука/ у тебя же его нет? – Она не для ноутбука – Не-е/ это ноутбуковская сумка/ смотри/ вон у нее отделения...* (из корпуса записей разговорной речи, хранящегося на кафедре русского языка Тартуского университета).

Словосочетанием с управлением *сумка для ноутбука*, говорящий характеризует сумку, но при этом разделяет предмет и признак, что подчеркивается и контекстом (*у тебя же его нет*); словосочетанием с согласованием *ноутбук*овская *сумка* и далее характеризуется только сумка с признаком, предмет, этот признак обусловивший, отходит на второй план.

В примерах (9) и (10) авторы, будь то писатель или обычный говорящий, обыгрывают характер словосочетания, тип связи, передавая тем самым восприятие предмета и признака, что относится к области прагматики.

Рассмотренные выше атрибутивные словосочетания можно сопоставить с явлением, характерным для русского языка в условиях диаспоры, в нашем случае — в Эстонии. Местной чертой русской речи стало распространение полностью или частично калькированных единиц — атрибутивных словосочетаний, обычно являющихся переводом эстонского сложного слова [Костанди 2012: 105]. Многие из них в «местном русском» стали общепотребительными, например:

- (11) *личный код, больничная касса, налоговый департамент, основная школа, касса по безработице, материнская зарплата, семейный врач.*

Наряду с устойчивыми сочетаниями, такие кальки и полукальки регулярно появляются в разных переводных текстах, например в информационно-рекламных изданиях торговых сетей:

- (12) *чистящая губка, дворовая метла, покрытие на стол, перчатки для работы, сумка для покупок, вешалка из дерева, дворовая свеча, хрустики из го-роха, обогреватель воздуха.*

Как отмечалось выше, в русском языке атрибутивные словосочетания чрезвычайно разнообразны по форме, ср.:

- (13) *грозовая туча, прочитанная книга, платье в горошек, очки в оправе, дверь налево, желание уехать, ремень без застежки, кружка из пластика, тетрадь в линейку; зимний лес – лес зимой, письменный стол – стол для письма, ученическая тетрадь – тетрадь ученика; дом кирпичный/ в пять этажей/ с мезонином/ без окон/ отдыха/ отца/ на берегу.*

Формальное разнообразие соотносится с семантическими и прагматическими коннотациями, стилистическими требованиями, ассоциациями и т.п., что не всегда учитывается при переводе. В итоге словосочетания, даже формально и семантически правильные, регулярно воспринимаются русским языковым сознанием как несколько ущербные, что позволяет считать их «слабым местом» переводов [Костанди 2007: 961–966]. Примеры показывают, что прагматические нарушения могут быть вызваны и неудачно выбранной синтаксической связью (часто в сочетании с лексическими, стилистическими и др. нарушениями), ср.:

- (14) *перчатки для работы – рабочие перчатки, вешалка из дерева – деревянная вешалка, сумка для покупок – хозяйственная сумка, хрустики из гороха – гороховые хрустики.*

Характеризуя такие переводы (первые компоненты пар), можно сказать, что формально и семантически они верны, переводчик не нарушил правил, и тем не менее они не совсем удачны. В словосочетаниях с управлением, т.е. с зависимым существительным, акцентируются объектные и обстоятельственные отношения, излишние в контексте, где требуется номенклатурное наименование товара и, возможно, его характерного постоянного признака. Так, первое сочетание (*перчатки для работы*) более уместно в ином контексте: *любые перчатки, которые можно использовать для работы* (ср.: *Эти перчатки — для работы. Нужны перчатки для работы. Возьми перчатки для работы*). Такого же рода нюансы появляются и в других примерах, что подтверждается результатами поиска в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), который не дал, например, контекстов со словосочетанием *вешалка из дерева*, сочетание же существительного с прилагательным встречается часто, например:

- (15) *Новым в Кольке были тяжелые очки в коричневой оправе, грубой, будто платяная деревянная вешалка (О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки); Белый деревянный столик был обколот ловко собранной белой кисеей, на окнах тоже были чистые занавески <...> деревянная вешалка, закрытая белой простынею, – это было все убранство жилища Полины Петровны и ее ребенка (Н. Лесков. Некуда).*

Частотность словосочетаний с согласованием свидетельствует об их узуальности. Анализ языка диаспоры, где распространены сочетания двух су-

ществительных, позволяет говорить о разных проявлениях прагматики перевода: об акцентировании чего-либо, о квалификации переводчика, о привычных речевых практиках, о восприятии адресатом такого перевода как недостаточно естественного и т. д. Таким образом, прагматика подчинительной связи специфически проявляется в условиях распространенности переводов.

Иноязычное влияние в условиях диаспоры сопоставимо с появлением заимствований в русском языке в целом, о чем еще в 1990-е гг. В. Г. Костомаров писал следующее:

«Таким образом, в современном русском языке складывается новый тип определительных словосочетаний или же составных слов, а лучше — чтобы уйти от крайне спорного отнесения их к тем или другим — сказать изафетов, воспринимаемых русским языковым чутьем как семантические универбы, чему способствует их частая дезтимологизация в силу иностранности первоисточника» [Костомаров 1996: 216].

Имеются в виду такие заимствования, как *бизнес-ланч*, *шоп-тур*, *топ-модель*, *ток-шоу*, отличающиеся спецификой синтаксических связей. Поток подобных заимствований или новообразований уже на собственно русской почве был вызван множеством причин, среди которых важны и прагматические: оперативность номинации, простота образования, удобство использования, «престижность» и др. Синтаксическая связь, как видим, и в этом случае имеет прагматическую составляющую.

Итак, обращение к разнородному материалу позволяет предположить, что тип связи соотносится с коммуникативно-прагматическими факторами. Рассмотренные примеры из художественных и официально-деловых текстов, разговорной речи, переводных текстов, синтаксические модели, обусловленные иноязычным влиянием, дают представление о роли подчинительной связи в моделировании позиции субъекта, в передаче авторской установки, языковой игре, о соотношенности характера связи с такими прагматическими факторами, как простота образования, удобство использования. В то же время утверждение, что отмеченные прагматические проявления обусловлены, в числе прочего, характером связи, все же не всегда убедительно. Дополнительным аргументом стало обращение к корпусным данным, частично уже представленным выше. Некоторые корпусные примеры рассматривались и в [Костанди 2012: 104–109], к настоящему времени собран объемный материал, требующий отдельного внимания, в настоящей статье ограничимся наблюдением общего характера.

Введение в поисковую систему НКРЯ словосочетаний, которые вне контекста можно определить как синонимы (*балконная дверь* – *дверь на*

балкон, перчатки для работы – рабочие перчатки, материнская любовь – любовь матери и др.), показало, что они редко встречаются в абсолютно однотипных контекстах, т.е. можно говорить об их «распределении» по контекстам, по-разному описывающим ситуацию. Продемонстрируем это примерами с одной парой словосочетаний:

- (16) *В кабинете, где балконная дверь была распахнута настежь и прохладный ветерок шевелил бумагами, за старинным резным столом сидел крепкий седой мужчина, по-молодому взъерошенный, какой-то не по-нашему свежий и ироничный, и, прищурившись так, что глаз не было видно, говорил (В. Арро. Дом прибежища). За окном свистнул ветер. Балконная дверь скрипнула. Бабушки дома не было (П. Санаев. Похороните меня за плинтусом). Балконная дверь опять задребезжала. Они ушли (Т. Тронина. Ру-салка для интимных встреч). Балконная дверь светилась бледным, печальным светом (Ф. Искандер. Сандро из Чегема).*
- (17) *Они сидели в зашторенной душиной комнате с навеки неподвижными креслами, и дверь на балкон была открыта, и с шестого этажа были видны крыши и тыльное небо (М. Анчаров. Этот синий апрель). Из комнаты — дверь на балкон. Я вышел поглядеть, какой с него открывается вид (И. Грошек. Легкий завтрак в тени некрополя). И вдруг из гостиной, сквозь стеклянную дверь на балкон, я увидел склоненную Ванину голову; Ваня сидела с книгой на балконе <...> (В. Набоков. Соглядатай).*

В примерах (16) существительное *дверь* занимает позицию подлежащего, на котором фокусируется внимание. Согласуемый признак *балконная* может быть заменен другим (*белая, новая* и др.), что не изменит характер предложения, так как признак «слит» с предметом и не выделяется. В примерах (17) «поле зрения» как бы расширяется, через *дверь* происходит движение (взгляда, человека) на *балкон*, представленный как нечто относительно самостоятельное. Можно говорить о том, что использование управления «раздвигает» пространство и вводит процессуальность. Изменяется характер моделирования языкового события, реализующего авторскую установку. Важно подчеркнуть, что такие или иного рода различия можно увидеть на материале десятков и сотен контекстов, которые дает поисковая система.

Итак, разнообразие и многочисленность контекстов, их сопоставление помогают выявить прагматическую составляющую синтаксической связи. Разумеется, полноценный анализ возможен лишь при учете всего комплекса языковых средств, рассмотрение чего бы то ни было, в частности типа связи, в отрыве от этого комплекса неизбежно упрощает картину, однако, как было заявлено выше, анализ собственно прагматики не входил в задачи статьи,

в ней была предпринята попытка продемонстрировать необходимость обращения к разнообразным и многочисленным контекстам для обнаружения роли подчинительной связи в реализации прагматических установок.

Литература

- Арутюнова 1998 — Н. Д. Арутюнова. *Язык и мир человека*. Москва, 1998.
- Вольф 1978 — Е. М. Вольф. *Грамматика и семантика прилагательного*. Москва, 1978.
- Гаспаров 1996 — Б. М. Гаспаров. *Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования*. Москва, 1996.
- Золотова, Ониненко, Сидорова, 1998 — Г. А. Золотова, Н. К. Ониненко, М. Ю. Сидорова. *Коммуникативная грамматика русского языка*. Москва, 1998.
- Иванчикова 1979 — Е. А. Иванчикова. *Синтаксис художественной прозы Достоевского*. Москва, 1979.
- Костанди 1997 — Е. Костанди. *Синтаксическая связь как средство реализации коммуниктивно-прагматической установки*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. I. Тарту, 1997, с. 94–104.
- Костанди 1999а — Е. Костанди. *Коммуниктивно-прагматическая направленность сочинительной связи (на материале художественного текста)*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. II. Прагматический аспект исследования языка. Тарту, 1999, с. 90–97.
- Костанди 1999б — Е. Костанди. *Некоторые особенности текстовой функции сказуемого*. Sign Systems Studies. Труды по знаковым системам. 27. Тарту, 1999, с. 292–303.
- Костанди 2007 — Е. Костанди. *Прагматика перевода атрибутивных словосочетаний*. Международная конференция «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы». Гранада, 7–9 мая, 2007. Доклады и сообщения, т. II. Санкт-Петербург – Гранада, 2007, с. 961–966.
- Костанди 2012 — Е. Костанди. *Прагматика атрибутивных словосочетаний: проблемы перевода*. Valoda – 2012. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Zinātnisko rakstu krājums XXII. Daugavpils, 2012, с. 104–109.
- Костомаров 1996 — В. Г. Костомаров. *«Изафет» в русском синтаксисе словосочетания?* Словарь. Грамматика, Текст. Москва, 1996, с. 212–217.
- Ляпон 1986 — М. В. Ляпон. *Смысловая структура сложного предложения и текст (к типологии внутритекстовых отношений)*. Москва, 1986.
- Лекант 1976 — П. А. Лекант. *Типы и формы сказуемого в современном русском языке*. Москва, 1976.
- Санников 2008 — В. З. Санников. *Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве*. Москва, 2008.
- Скобликова 2005 — Е. С. Скобликова. *Согласование и управление в русском языке*. Москва, 2005.

СЛОЖНОЕ СЛОВО И СЛОВСОЧЕТАНИЕ В СВЕТЕ ВНУТРИ- И МЕЖЪЯЗЫКОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

(На материале переводов деловых текстов)

ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА ВЕЛЬМАН-ОМЕЛИНА
ВАЛЕНТИНА ПЕТРОВНА ЩАДНЕВА

Сложное именное слово – именное словосочетание – внутри- и межъязыковое взаимодействие – перевод официально-деловых текстов – эстонский язык – русский язык диаспоры

Результатом мировой глобализации является возрастание роли официально-делового общения между разноязычными сообществами, что обуславливает значимость перевода утилитарных деловых текстов. Исключительную ценность такой перевод приобретает в условиях диаспоры, ибо он не только обслуживает межгосударственные отношения, но и служит каналом, посредством которого предоставляется жизненно необходимая информация носителям русского языка, что особенно важно для тех, кто владеет государственным языком в недостаточной степени. К таким текстам относятся официально-канцелярские деловые бумаги, а также документально-юридические, документально-экономические и документально-технические тексты.

Поскольку по закону о языке в Эстонии официальное общение и делопроизводство во всех государственных органах, учреждениях и в частном секторе осуществляется на эстонском языке, то в условиях диаспоры официально-деловая коммуникация оказывается преимущественно переводной [Щаднева 2009: 233; Щаднева 2011: 540]. Учитывая высокую степень компьютеризации Эстонии, сейчас можно говорить о документной электронизации, которая уже охватывает разнообразные коммуникативные области. Результатом расширения сферы электронного делового общения стало предоставление русскоязычной информации не только в бумажном

виде, но и на интернет-сайтах государственных учреждений и частных фирм. Таков вкратце общий социальный фон делового общения на русском языке в диаспоре [Щаднева 2009: 225–227; Щаднева 2011: 540–542].

Для успешности деловой коммуникации, которая предполагает полное взаимопонимание, в переводе должны быть реализованы как текстовые, так и языковые нормы. В ходе их реализации переводчик неизбежно сталкивается с целым рядом объективных и субъективных проблем, важнейшими из которых являются: 1) существенные различия самих языковых систем, что неизбежно порождает интерференцию; 2) социально и прагматически обусловленные отличия русского языка в России и в Эстонии, что наиболее ярко проявляется в сфере лексики и графики [Щаднева, Кудрявцев 2011: 254–260].

Последнее означает, что русский язык в диаспоре имеет двоякую направленность. С одной стороны, он ориентирован на современный русский язык России; при этом его многочисленные нововведения, норма употребления которых далеко не всегда устоялась и в самой России (в силу лавинообразного характера инноваций и следования современной языковой моде), в диаспоре используются далеко не всегда. С другой стороны, под влиянием государственного эстонского языка русский язык в Эстонии приобретает и собственные новшества, воплощаемые в специфических языковых образованиях, не свойственных русскому языку в России. Иными словами, названные региональные варианты русского языка обладают как общими, так и различающимися языковыми единицами, которые являются следствием и внутриязыкового, и межъязыкового взаимодействия.

Отмеченная выше двунаправленность языка диаспоры неизбежно отражается в переводческом процессе, как и весьма многоплановое взаимодействие контактирующих языков. Такое взаимодействие языковых структур, иными словами, *интерференция* (от лат. *inter-* ‘между собой, взаимно’ и *ferio-* ‘касаюсь, ударяю’) проявляется на всех уровнях языковой системы [Языкзнание 1998: 197]. При переводе, как и в процессе индивидуального освоения неродного языка, интерференция — и положительная, и отрицательная — воплощается в уподоблении языковых элементов одного из контактирующих языков языковым элементам другого [см. подробнее: Алимов 2006: 17–20]. Языковая практика свидетельствует о том, что в наше время язык диаспоры — в силу социальных, политических и прагматических причин — испытывает интерференцию со стороны как английского, так и государственного языка страны [Щаднева, Кудрявцев 2011: 254]. Разноуровневое уподобление, приводящее к сближению структур взаимодействующих языков с целью установления однозначного соответствия

между языковыми единицами исходного и переводящего языков, оставляет следы не только в переводном тексте, но и в самой системе языка диаспоры.

Уподобление на уровне лексики и словообразования, как известно, проявляется в семантическом и словообразовательном **калькировании** (*калька* от фр. *calque* 'копия'), которое является особым типом заимствования иноязычных слов [Языкознание 1998: 211]. Не противоречащие законам русского языка **словообразовательные кальки**, т.е. слова, полученные «поморфемным» переводом иностранного слова на русский язык, в случае положительной интерференции не ощущаются как заимствованные слова, например: *влияние* (от фр. *influence*), *небоскрёб* (от англ. *skyscraper*) и др. В современном языке диаспоры наблюдается ряд калек эстонских сложных слов, которые передаются на русский язык словосочетаниями: *sihtasutus* – целевое **учреждение** (реже *фонд*; в России — *фонд*), *peremeditsiin* – **семейная медицина**, *perearst* – **семейный врач**. Напомним, что семейная медицина как служба земского врачевания стала успешно развиваться в России после отмены крепостного права. Названная специальность, утраченная после 1917 года, возродилась в России только в начале 90-х годов прошлого века. Однако употребление составных понятий *семейная медицина* и *семейный врач* (как специалист, который в идеале следит за здоровьем членов семьи всю жизнь) в современной России пока что не стало массовым. Поэтому мы вправе считать, что в условиях современной Эстонии эти русские номинации-словосочетания являются кальками эстонских сложных слов, появившихся в эстонском языке под воздействием английского, поскольку в эпоху глобализации институт *семейной медицины* пришел в Эстонию из северных стран Европы.

В приведенных примерах представлен основной объект нашего анализа: **сложные слова** в соотношении со **словосочетаниями**. Выбор этого объекта обусловлен тем, что переводчику официально-деловых текстов приходится оперировать в первую очередь разнообразными **именными языковыми единицами** — в силу именного характера официально-делового стиля в обоих языках. Но знание этого общего сходства отнюдь не облегчает переводческий процесс, ибо словообразовательные системы исходного и переводящего языков специфичны. В частности, переводчик сталкивается с многочисленными семантически абстрактными **отглагольными производными** обоих языков, однако соответствующие **дериватыв-существительные** эстонского и русского языков значительно различаются своей регулярностью и продуктивностью.

В эстонском языке отдельные форманты абстрактных отглагольных образований чрезвычайно регулярны и продуктивны, например, с помощью суффиксов *-mine*, *-us* в эстонском языке образуется огромное количество абстрактных существительных (*-mine* способно присоединяться к основе практически каждого глагола) [ЕКГ 1995: 477–479, 483–489]. В то же время в русском языке абстрактные отглагольные лексемы с точки зрения набора словообразовательных формантов более разнообразны: *-ј*, *-иј*, *-ниј*, *-ениј*, *-аниј*, *-ость*, *-к*, *-О* и др., однако продуктивность и стилистические свойства русских суффиксов различны (ср. *слежение* и *слежка*). Тем самым русские форманты носят не столь регулярный и предсказуемый характер, например:

- 1) а) *akteerimine* – активирование, *koostamine* – составление, *tarbimine* – потребление, но
 б) *kaitsmine* – защита, *keeldumine* – отказ;
- 2) а) *põhjendus* – обоснование, но
 б) *vastutus* – ответственность.

Это системное различие языковых структур оригинала и вторичного текста порой осложняет выбор соответствия в процессе перевода, например: *При несчастном случае на производстве установлен определенный порядок **рассмотра** случая и извещения о нем.* [Tööinspektsioon: Несчастный случай на производстве].

Но особые проблемы возникают при переводе эстонских **сложных слов**. Сопоставление таких производных лексем с русскими эквивалентами является наглядным свидетельством взаимосвязи между отдельными аспектами языка. Напомним, что по грамматическому строю русский язык является преимущественно **флективным** языком **синтетического** строя, но при этом обнаруживает и отдельные черты изолирующего и агглютинативного типа. Эстонский же, как и другие финно-угорские языки, согласно морфолого-типологической классификации, в первую очередь относится к языкам **агглютинативного** строя (лат. *agglutinatio* ‘приклеивание, склеивание’) [Языкознание. 1998: 17], хотя обладает и флективными элементами. В таких языках словоизменяемые морфемы как бы приклеиваются одна к другой — в линейном порядке. Однако сложение нескольких морфем свойственно не только грамматической, но и словообразовательной системе эстонского языка, правда, не столь масштабно, как в финском с присутствием ему многокорневыми словами. Хотя деривация в образовании эстонских существительных также представлена, все же обращает на себя внимание явная склонность эстонского языка к склеиванию корневых морфем.

Эта характерная для эстонского словообразования особенность в гораздо меньшей степени свойственна русскому языку, в целом предпочитающему деривационные способы образования слов, а не словосложение.

Обычно словосложение в эстонском языке осуществляется путем присоединения каждого последующего компонента производного слова к генитивной форме существительного, однако в качестве присоединяемой используется и номинативная форма имени [ЕКГ 1995: 457–464]. Чтобы показать, как названное выше системное расхождение сопоставляемых языков отражается в переводе эстонских производных сложносоставных лексем, перечислим наиболее типичные по форме русские соответствия:

- 1) **однокорневое слово – однокорневое слово:** *tellija* – заказчик; *tehing* – сделка; *näitaja* – показатель; *leping* – договор;
- 2) **двукорневое слово – однокорневое слово:** *leppetrahv* – неустойка; *töövõtja* – подрядчик; *enampakkumine* – аукцион; *võlausaldaja* – кредитор;
- 3) **двукорневое слово – двукорневое слово:** *asjaajamine* – делопроизводство; *tööandja* – работодатель; *kaubakäive* – товарооборот;
- 4) **двукорневое слово – словосочетание из относительного прилагательного и существительного:** *esindustegevus* – представительская деятельность; *ametijuhend* – должностная инструкция, *elamuehitus* – жилищное строительство; *riigilõiv* – государственная пошлина; *aktsiaselts* – акционерное общество; *perekonnapõigus* – семейное право; *korterühistu* – квартирное товарищество; *laenuhaha* – кредитные деньги; *võlakiri* – долговая расписка;
- 5) **двукорневое слово – словосочетание из двух существительных:** *juhiabi* – ассистент руководителя; *perekonnaliige* – член семьи; *valuutavahetus* – обмен валюты; *hooldusnõukogu* – совет по опеке; *konfidentsiaalsusnõue/ konfidentsiaalsusenõue* – требование конфиденциальности; *majutussektor* – сектор размещения; *usaldusühing* – товарищество на вере/ коммандитное товарищество; *kohtuotsus* – решение суда/ судебное решение; *kindlustusleping* – договор страхования/ страховой договор;
- 6) **трехкорневое слово – словосочетание из двух существительных:** *töövõtuleping* – договор подряда; *väärteoprotokoll* – протокол о проступке;
- 7) **трехкорневое слово – словосочетание из инициального прилагательного и двух существительных:** *põhitöökoht* – основное место работы;

- 8) **трехкорневое слово – словосочетание из существительных или их комбинации с прилагательными:** *kinnisvarahindaja* – оценщик недвижимости/ оценщик недвижимого имущества; *tuletõrjenõuded* – требования (противо)пожарной безопасности/ противопожарные требования;
- 9) **трехкорневое слово – словосочетание из трех существительных:** *korrakaitsebüroo* – бюро охраны порядка;
- 10) **четырекорневое слово – словосочетание из двух существительных:** *vaherahuläbirääkimised* – переговоры о перемирии;
- 11) **четырекорневое слово – словосочетание из трех существительных и одного прилагательного:** *liiklusjärelvalvetalitus* – отдел по надзору за дорожным движением.

Уже этот небольшой перечень языковых фактов, представляющих разные словообразовательные и синтаксические структуры, свидетельствует о том, что, несмотря на наличие в обоих языках вариантных единиц, наиболее типичными соответствиями эстонским сложным словам являются не русские сложные слова, а русские словосочетания автономных слов, ибо русский язык стремится эксплицитировать отношения между соседствующими значениями, а эстонский эти отношения имплицитует в семантике сложного слова. Такие **базовые именные атрибутивные словосочетания-эквиваленты** могут состоять из: 1) **прилагательного и существительного** или 2) **двух существительных**. Активность перевода сочетанием прилагательного (обычно — относительного) и существительного связана с тем, что в русском языке имеется около 50 суффиксов прилагательных, а в эстонском их около десятка, что обусловлено **агглютинативностью** эстонского языка. На основе этих базовых словосочетаний создаются более крупные комбинации существительных и прилагательных.

При переводе эстонского сложного слова русским **словосочетанием из прилагательного и существительного** воспроизводится порядок корней эстонского исходного слова. В случае же перевода сложного слова **субстантивным генитивным словосочетанием** из двух или нескольких существительных (т.е. словосочетаний с зависимым родительным падежом), исходный порядок корней не воспроизводится, поскольку на уровне словосочетания наблюдаются существенные различия в синтаксисе порядка слов эстонского и русского языков [подробнее см.: Щаднева, Веллеару 2002: 42–47]. Иными словами, при переводе эстонского сложного слова действуют те же закономерности, что и при переводе эстонских именных словосочетаний. Сопоставляемые языки отличаются направлением линейной зави-

симости: если в русском языке каждый новый компонент генитивного словосочетания присоединяется к стержневому слову **справа**, то в эстонском для большинства семантических моделей словосочетания — **слева** от главного слова [там же: 43–44]. Некоторым исключением из основного правила эстонского языка являются синтаксические единицы с семантическими отношениями **меры** и **количества**. В этом случае в обоих языках наблюдается одинаковый порядок слов: *tonn briketti* – *тонна брикета* и т.п. [там же: 44]. Тем самым в процессе переводческого калькирования семантической структуры **эстонских сложных лексем** в правильном русском соответствии наблюдается такой же порядок слов, как и при переводе **эстонских синтаксических единиц в форме именных словосочетаний**. Сказанное можно проиллюстрировать двумя схемами. В первой схеме представлен перевод двукомпонентного эстонского словосочетания и двукомпонентного сложного слова:

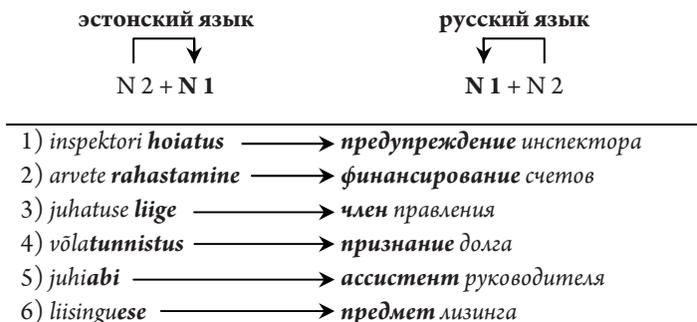

Схема 1

Вторая схема иллюстрирует перевод трехкомпонентного эстонского словосочетания и трехкомпонентного сложного слова:

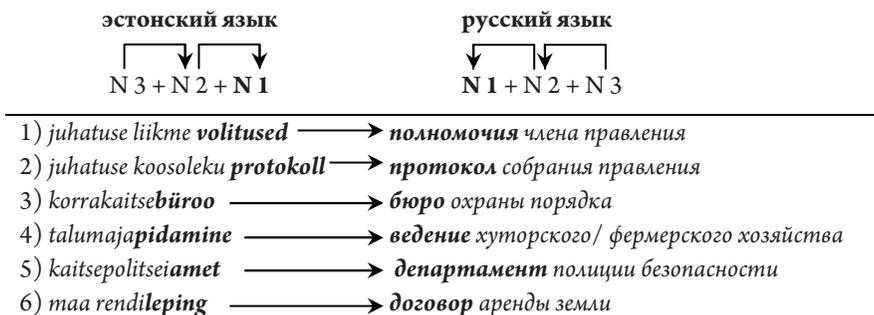

Схема 2

Кроме цепочек существительных с зависимым родительным падежом при переводе сложных слов наблюдаются и предложно-падежные формы: *väärteoprotokoll* – протокол **о проступке**; *liiklusjärelvalvetalitus* – отдел **по надзору** за дорожным движением; *hooldusnõukogu* – совет **по опеке**; *kaubaveotasu* – фрахт/ плата **за перевозку**/ плата **за провоз**. Иначе говоря, перевод эстонских сложных слов может осуществляться не только генитивными формами и их цепочками, но и формами других падежей — в соответствии с устоявшимися в языке перевода нормами. Если переводчик не учитывает семантический состав исходной эстонской лексемы, то нормы русского литературного языка нарушаются: *tarbijakaitseeadus* – *закон **потребителей** вместо правильного закон **о защите прав потребителей**. Однако, с точки зрения типичности, отмеченный ранее основной способ перевода посредством словоформ зависимого родительного падежа явно преобладает. Следует подчеркнуть, что указанные различия двух сопоставляемых языков свойственны языковым системам в целом, но в сугубо книжном официально-деловом стиле специфика языков проявляется в полной мере.

Тем самым очевидно, что в структурах обоих языков словообразование и синтаксис взаимосвязаны, однако в соотношении эстонского сложного слова и словосочетания эта взаимосвязь, пожалуй, более тесная и наглядная, что отражается в наборе формальных и смысловых правил слитного и раздельного написания эстонских слов [*Eesti keele käsiraamat*]. Хотя проблема слитного и раздельного написания значима и для русской орфографии, однако субстантивы она затрагивает не в такой степени, как в эстонском языке.

В условиях глобализации современная речевая практика благоприятствует не только проникновению в нормированный язык новых слов, но и укреплению в целом периферийных для русского языка словообразовательных моделей, а также увеличению числа их разновидностей, чему способствуют многочисленные лексические заимствования из английского языка [Крысин 2007: 9]. Активизация такого структурного типа слов, как *бизнес-план*, *пиар-менеджер* и под. с препозитивным присоединением к знаменательному слову аналитических, по определению М. В. Панова, прилагательных [Панов 1971: 240–253] сейчас наблюдается в самых разных сферах общения, в том числе и в официально-деловой. В свое время М. В. Панов выделил 14 разрядов таких аналитических прилагательных [там же]. Л. П. Крысин обращает внимание на то, что в качестве аналитического прилагательного выступают слова, которые могут существовать и в виде склоняемых существительных или прилагательных: речь может идти

«и о более традиционных для системы русского синтаксиса генитивных словосочетаниях типа *план бизнеса, карта Интернета* или о предложно-падежных конструкциях: *план по бизнесу; карта для Интернета*; кроме того, вполне в духе языка употребить и относительное прилагательное, образованное от такого существительного: *бизнесный план, интернетная карта*, но ни современная речевая практика, ни тем более литературная норма не воспользовались возможностью образования таких прилагательных» [Крысин 2007: 9].

Следовательно, в данном случае речь идет не об абсолютной новизне того или иного способа словообразования для русского языка, а о высокой степени встречаемости в современной речи словосложения слов: а) на основе сращения сочинительно-соединительного значения или же б) на основе склеивания слов, связанных подчинительными отношениями. В этом процессе участвуют и разнообразные заимствованные аббревиатуры (современные разновидности аббревиации в данной статье отдельно не рассматриваются). В отличие от образований предыдущих эпох — например, а) *музей-квартира, выставка-продажа, ракета-носитель, двести сорок шесть* и б) *быстрорастворимый, фосфорсодержащий* и т.п. — в наше время по сути дела агглютинативные лексические единицы возникают на базе соединений с **заимствованными** (в основном из английского) **компонентами**, которые при написании могут иметь и нетранслитерированные варианты: *интернет-банк* (в России используется и слово *Интернет-банкинг*), *интернет-супермаркет, допинг-контроль, допинг-тестирование, хэдхантер, медиа-байер, helpdesk-услуги* и т.п. Последние три примера, как и значительная часть многих других инноваций русского языка России, чужды и русскому языку диаспоры, и эстонскому языку. Отсутствие многих заимствований русского языка России становится следствием ориентированности языка диаспоры на эстонский язык как государственный, а также повышенной мотивированности и прагматичности (в отличие от чрезмерно креативного характера языковых инноваций в России). Обладая единой базой языковых средств, региональные варианты русского языка в эпоху глобализации все-таки отличаются своими предпочтениями.

Заимствованные лексемы способны порождать целые блоки производных сложносоставных слов, число которых постоянно растет. Подобные новообразования в русском языке России и Эстонии могут совпадать, но они ограничены особенностями употребления и степенью распространенности. Это наглядно проявляется в сращениях с компонентом «спа», хоть и спорным с точки зрения происхождения [Википедия. Спа; Википедия. Спа], однако пришедшим в современные европейские языки из английского. В следующих примерах языковые единицы, совпадающие в России и

Эстонии, снабжены и эстонскими соответствиями (даются и варианты написаний, если они были обнаружены):

сна-курорт/ сна-санаторий – spaa-kuurort/ spa-kuurort/ SPA-kuurort (от *spa resorts*); *сна-индустрия – SPA-tööstus* (от *spa industry*); *сна-сервис/ сна-услуга – spa-teenus/ SPA-teenus/ spateenus* (от *spa service*); *сна-отель – spa hotel/ Spaa Hotell*; *сна-продукт* (от *spa product*), *сна-стандарты* (от *spa standards*), *сна-этикет* (от *spa etiquette*) и под.

При этом слова *сна-отдых/ SPA-отдых – SPA-puhkus/ SPA puhkus/ spaa-puhkus*; *сна-пакет – Spa pakett/ SPA-pakett/ spaapakett* получили распространение в основном в Эстонии, однако в целом список данного словообразовательного гнезда является открытым и постоянно пополняется: *SPA кухня/ СПА-кухня/ сна-кухня*; *сна-меню, SPA-питание, сна-лечение, СПА-центр* и др.

Зайствованные английские аббревиатуры также способны порождать большое количество производных слов, но региональному эстонскому варианту русского языка они свойственны не всегда, в частности лексемы следующего словообразовательного гнезда и для русского языка в Эстонии, и для эстонского языка почти не характерны: *VIP-клиент, VIP-инвестиции, VIP-тариф, VIP-отдых, вип-обслуживание, вип-зал* и т.п. Для обозначения разных сложносоставных новообразований с препозитивным неизменяемым иноязычным компонентом наиболее удобным, по-видимому, можно признать термин «композит». Причины предпочтения композитов, т.е. склеивания изначально полнозначных лексем или же аббревиатур с полнозначным словом (с преобладанием дефисного написания: *PDF-формат – PDF-vorming*), можно усмотреть не только в экономии языковых усилий, но и в языковой моде, а толчком для порождения таких нововведений являются языковые контакты. С теоретической точки зрения развитие данного чрезвычайно актуального в наше время класса слов, по сути дела, свидетельствует о росте элементов агглютинативности (аналитичности) и в русском языке, преимущественно синтетическом по морфологическому строю.

Приведенные инновации характеризуются значительной формальной и смысловой автономностью компонентов, которая отражается в разных орфографических написаниях, иными словами, в таких случаях проблемным порой оказывается не столько сам перевод, сколько отсутствие орфографического стандарта. В целом подобные типы производных слов занимают промежуточное положение между словом и словосочетанием, что более наглядно отражается в эстонских соответствиях, которые чаще, чем русские эквиваленты, пишутся слитно.

В условиях диаспоры можно говорить не только о переводческом взаимодействии разных контактирующих языков, но и о влиянии государственного языка на язык диаспоры, поскольку в ситуации этнолингвокультурного взаимодействия представители диаспоры вынуждены ориентироваться не только на языковые стереотипы, свойственные метрополии, но и на языковые привычки того конкретного общества, в котором они живут. Поэтому — в силу прагматических причин — язык диаспоры не может быть абсолютно идентичным языку метрополии. Иными словами, далеко не все отличия языка диаспоры от языка метрополии можно считать аномальными. К удачным калькам можно отнести не актуальные для языка метрополии сочетания типа *haigekassa* – *больничная касса*, *perearst* – *семейный врач* и др. Но буквализм при переводе эстонских сложных слов может приводить и к неудачному словоупотреблению: *tööpakkumine* – *предложение работы (вместо *вакансия*), *valguskivi* – *светокамень (вместо *светодиодная брусчатка*), *kööktuba* – *комната с плитой – (вместо *комната-кухня*) и др. Такие случаи буквального перевода еще больше подчеркивают значимость овладения переводческими трансформациями [Вине, Дарбельне 1978: 157–167].

Итак, анализ материала показывает, что между эстонскими и русскими языковыми единицами возможны переводческие соответствия как **одного и того же**, так и **разных уровней** языка, т.е. при переводе сложных слов осуществляется **своеобразное межуровневое взаимодействие** контактирующих языков. Это взаимодействие обусловлено их типологическими характеристиками, которые проявляются во всех звеньях языка. Изучение взаимосвязи сложного слова и словосочетания еще раз доказывает, что лексика и грамматика при переводе не могут рассматриваться изолированно, ибо они находятся в сложном **внутриязыковом взаимодействии**, обусловленном закономерностями того или иного языка. В процессе перевода это взаимодействие отражается уже как **межъязыковое взаимодействие**, которое вынуждает переводчика преодолевать системные расхождения между языками путем лексических, грамматических и комплексных лексико-грамматических межъязыковых преобразований.

Литература

Алимов 2006 — В. В. Алимов. *Теория перевода. Перевод в сфере профессиональной коммуникации*. Москва, 2006.

Википедия. Spa — *Википедия. Spa*. Веб-ресурс: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Spa> (дата последнего просмотра: 20.03.2013).

Википедия. Спа — *Википедия. Спа*. Веб-ресурс: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%B0> (дата последнего просмотра: 20.03.2013).

Вине, Дарбельне 1978 — Ж.-П. Вине, Ж. Дарбельне. *Технические способы перевода*. Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. Москва, 1978, с. 157–167.

Крысин 2007 — А. П. Крысин. *Русская литературная норма и современная речевая практика*. Русский язык в научном освещении. № 2 (14). Москва, 2007, с. 5 – 17.

Панов 1971 — М. В. Панов. *Об аналитических прилагательных*. Фонетика. Фонология. Грамматика: К 70-летию А. А. Реформатского. Москва, 1971, с. 240–253.

Щаднева, Веллеару 2002 — В. Щаднева, В. Веллеару. *О порядке слов в субстантивно-атрибутивном словосочетании*. Valoda – 2002. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Humanitārās fakultātes XII zinātniskie lasījumi. 2. daļa. Daugavpils, 2002, с. 42–47.

Щаднева 2009 — В. П. Щаднева. *О месте и лингвистических особенностях русских официально-деловых текстов в языковой ситуации современной Эстонии*. Humaniora: Lingua Russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII. Tartu, 2009, с. 224–242.

Щаднева 2011 — В. П. Щаднева. *Характеристика современного эстонско-русского перевода утилитарных официально-деловых текстов*. Русистика и современность. Сборник научных статей. Рига, 2011, с. 540–545.

Щаднева, Кудрявцев 2011 — В. П. Щаднева, Ю. С. Кудрявцев. *Языковые нормы и речевые аномалии: к вопросу о вариативности языковых средств в языке метрополии и диаспоры*. Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XIV. Развитие и вариативность языка в современном мире II. Tartu, 2011, с. 246–265.

Языкознание 1998 — *Языкознание. Большой энциклопедический словарь*. Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. Москва, 1998.

EKG 1995 — M. Erekt jt. *Eesti keele grammatika I. Morfoloogia*. Sõnamodustus. Tallinn, 1995.

Eesti keele käsiraamat — *Eesti keele käsiraamat. Ortograafia. Kokku- ja lahkukirjutamine*. (Eesti Keele Instituut). URL: <http://www.eki.ee/books/ekk09/index.php?p=2&p1=8&id=53> (дата последнего просмотра: 20.03.2013).

Tööinspeksioon: Несчастный случай на производстве — *Tööinspeksioon: Гигиена и безопасность труда/ Несчастный случай на производстве*. Веб-ресурс: <http://www.ti.ee/index.php?page=1019&> (дата последнего просмотра: 20.03.2013).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

<p>Абисогомян И. 32, 36, 38, 41, 114,
122</p> <p>Абодич А. 170</p> <p>Аванесов Р. И. 104, 107</p> <p>Авилова Н. С. 70, 81</p> <p>Адамсон И. В. 211, 212, 214, 218</p> <p>Аделунг Й. Х. 36</p> <p>Ајдуковић Ј. 177</p> <p>Алексеева И. С. 213, 214, 218</p> <p>Алимов В. В. 248, 257</p> <p>Амфилохий 49</p> <p>Андерсен Х. К. 34</p> <p>Андреевский И. Е. 141</p> <p>Анчаров М. 245</p> <p>Арро В. 245</p> <p>Арутюнова Н. Д. 64, 68, 235, 246</p> <p>Архангельский А. С. 141</p> <p>Багалеј Д. И. 141</p> <p>Бартольд В. 146</p> <p>Бархударов А. С. 212, 218</p> <p>Белецкий Р. 191</p> <p>Бергер Т. 32</p> <p>Березович Е. А. 92, 96</p> <p>Бернатъ П. 151</p> <p>Бестужев-Рюмин К. Н. 141</p> <p>Бирих А. К. 122</p> <p>Бобраков-Тимошкин А. 34, 35, 41</p> <p>Богданова Н. Н. 70, 72, 74, 75, 77,
81, 82</p> <p>Бодуэн де Куртенэ И. А. 141, 142,
143, 145, 199, 200, 210</p> <p>Больш-Палиевская Д. 203, 210</p> <p>Больцано Б. 35</p> <p>Большакова Н. В. 97</p> <p>Боровска-Петерсон С. 187</p> <p>Бродій А. И. (Бродий) 151, 161, 166</p> <p>Брок С. 106, 107</p> | <p>Брокгауз Ф. А. 140, 141, 143,
146, 147, 148</p> <p>Булгаков М. А. 240, 241</p> <p>Булич С. К. 141, 143, 144,
145, 146, 148</p> <p>Бунин И. А. 239</p> <p>Бурдакова О. Н. 70, 72, 74, 75, 77,
81, 82</p> <p>Былинин В. К. 55, 57</p> <p>Вагнер А. 169</p> <p>Варга 170</p> <p>Васелевска М. 191, 192</p> <p>Василенко М. 162</p> <p>Вегеш М. 151, 165</p> <p>Веллеару В. 252, 258</p> <p>Верещагин Е. М. 47, 57</p> <p>Веселовский А. Н. 141</p> <p>Вине Ж.-П. 257, 258</p> <p>Виноградов В. В. 70, 82</p> <p>Виноградов Є. 152, 166</p> <p>Войнович Т. 177</p> <p>Волошин А. 152, 164, 166</p> <p>Вольф Е. М. 240, 241, 246</p> <p>Вомм С. 191</p> <p>Врабель М. 169</p> <p>Вуйчик А. 183</p> <p>Габріел Е. 163</p> <p>Газеева Е. Н. 83</p> <p>Галуцких И. А. 73, 82</p> <p>Гарайда І. А. (И.) 153, 154, 155,
159, 163, 165</p> <p>Гарбовский Н. К. 212, 213, 218</p> <p>Гаспаров Б. М. 235, 246</p> <p>Гердер И. Г. 35</p> <p>Гильфердинг А. Ф. 49</p> <p>Гичка А. 152, 166</p> <p>Гладкова Г. 31, 40, 41</p> |
|--|---|

- Гланц Т. 31, 35, 38, 39, 41
 Гор К. 83
 Горнфельд А. Г. 141
 Горняк-Кухар М. 177
 Горти М. 152
 Грига М. 162
 Григаший Ю. 164
 Григорий, писец Остромирова Евангелия 49
 Гримм Я. 36
 Гримм В. 36
 Грошек И. 245
 Густавсон С. 177
- Даль В. И. 110, 111, 122
 Дарбельне Ж. 257, 258
 Демко М. 166
 Дзендзелівський Й. О. 165, 166
 Дідик В. 155, 165
 Добровский Й. 36
 Долматовский Г. П. 155
 Дудаш В. 164
 Дуличенко А. Д. 17, 58, 82, 124, 139, 169, 170, 177, 207, 209, 210
 Духнович А. В. 155
- Евстратова С. Б. 211, 219
 Ефремова Т. Ф. 72, 82
 Ефрон И. А. 140, 143, 146, 147, 148
- Жданова В. 199, 201, 204, 205, 210
 Желтов М. 105, 108
 Живаева О. О. 105, 108
 Житков Б. С. 241
 Журавлев В. К. 31, 41
- Задорожний В. 166
 Зализняк А. А. 105, 108
- Зелинский Ф. Ф. 141
 Земская Е. А. 83, 199, 210, 212, 219
 Златоуст Иоанн 107
 Золотова Г. А. 237, 246
 Золтанъ Ю. 163
- Иванчикова Е. А. 235, 246
 Ильницкий А. (Ильницький, Ильницкій, Илицкій) 153, 155, 156, 157, 158, 159, 163, 164, 165
 Иоанн, митрополит 49
 Исаченко А. В. 70, 82
 Искандер Ф. 245
 Исмагилов Н. Н. 97
- Кальюсте Т. 188, 189
 Калюта А. М. 177
 Капраль М. 150, 153, 154, 155, 156, 157, 161, 165, 166
 Карацїћ В. С. 110, 123
 Карцевский С. И. 70, 82
 Кирпичников А. И. 141
 Кирский Ф. 101
 Кожухаров С. 47, 50, 57
 Колас Я. 21
 Комиссаров В. Н. 213, 219
 Контратович И. 154
 Костанди Е. И. 212, 214, 215, 219, 235, 236, 242, 243, 244, 246
 Костельник Г. 170, 177
 Костомаров В. Г. 70, 82, 244, 246
 Коцак А. 167, 168
 Кочиш М. М. 18, 19, 20, 173, 177
 Крамериус В. М. 33
 Кривко Р. Н. 50, 57
 Крымский А. Е. 141
 Кудрявский Д. Н. 141, 144, 145
 Кудрявцев Ю. С. 214, 220, 248, 258
 Курсите Я. 59

- Кутка Й. 168
 Кутлань А. (Кутлан) 158, 159, 162
 Кюльмоя И. П. 81, 96, 97, 211, 214, 219

 Лабаничъ В. 160
 Лабош Ф. 168, 177
 Ламанский В. И. 141
 Лаптева Л. П. 38, 41
 Ларин Б. А. 122
 Лекант П. А. 235, 246
 Лесков Н. С. 243
 Линде С. Б. 36
 Лисовой П. Н. 149, 166
 Лозовая И. Е. 107, 108
 Лопатин В. В. 82
 Лукашевич А. А. 105, 108
 Лучкай М. 167
 Ляпон М. В. 235, 246

 Маалманн А. 59
 Магочій П. Р. (Магочи) 155, 165
 Майор М. 185, 186
 Макай М. 170
 Малацко В. 17
 Малеин А. 146
 Малиничъ Э. 155
 Маркович О. В. 123
 Мартинъ И. 162
 Матейко Л. 47
 Матулевска А. 192
 Медеши Г. 177
 Медиоланский А. 101
 Медынцева А. А. 103, 104, 105, 108
 Менг К. 199, 210
 Миз Р. 171, 173, 177
 Миллер В. Ф. 141
 Миравчик Г. (Мирявчик) 155, 156, 161, 162, 165

 Михеев С. М. 101
 Мицкевич А. 191
 Мокиенко В. М. 117, 120, 122, 123
 Морозова М. И. 71, 82
 Мудри М. 170
 Мурзаев Э. М. 92, 93, 94, 96
 Мурникова Т. Ф. 89, 91, 96
 Мурьянов М. Ф. 49, 58
 Мьльников А. С. 33, 35, 38, 41

 Набоков В. В. 245
 Надъ Г. Г. 170, 177
 Наум Охридский 50
 Неверкла С. М. 32
 Немет А. 153, 156, 163
 Нестор 54
 Нечунаева Н. А. 44, 46, 48, 58
 Нещименко Г. П. 34, 41
 Никитин О. В. 140, 148
 Никитина С. Е. 60, 68
 Никифорова А. Ю. 49, 58
 Никифорова С. А. 177
 Номис М. 110, 111, 123
 Норман Б. Ю. 207, 210
 Нурмик М. 181, 182

 Онипенко Н. К. 237, 246
 Ориген 101
 Ортутай Т. 155, 156
 Офіцинський Р. 158, 166

 Павло П. 170
 Паликова О. Н. 84, 91, 93, 97, 180, 192, 216, 219
 Панов М. В. 254, 258
 Паулини Е. 20
 Пельцль Ф. М. 37
 Пентковский А. М. 105, 108
 Пеньковский А. Б. 234
 Песнописец Йосиф 106

- Петерсон М. 187
 Петр Я. 37
 Петрикъ Е. 165
 Пешковский А. М. 144
 Пирогов Н. И. 88
 Плаат Я. Э. 89, 97
 Плішкова А. 167, 168, 177
 Погодин А. 146
 Подольская Н. В. 84, 97
 Попович М. 168
 Прокониус Я. 36
 Протасова Е. Ю. 199, 206, 210
 Пушкин С. 197
 Пыпин А. Н. 141

 Райд А. 179
 Рамач М. 177
 Рамач Ю. 168, 177, 178
 Рамач Я. 177
 Реформатский А. А. 258
 Росс Э. 179, 192

 Самуйлова К. С. 70, 82
 Санаев П. 245
 Санников В. З. 235, 236, 246
 Свистунова Т. И. 71, 82, 83
 Сепре В. 183
 Сепре Р. 183
 Сергей, архиеп. 47, 58
 Серегина Н. С. 53, 58
 Сиглер Г. 151
 Сидор Д. 178
 Сидорова М. Ю. 237, 246
 Сирин Е. 101, 102, 103,
 105, 106, 107, 108
 Скабалланович М. С. 105, 108
 Скобликова Е. С. 235, 236, 237, 246
 Скоморовский Е. 181, 182
 Славейков П. Р. 110, 123

 Смирнов С. 179
 Соколова О. Г. 84, 85, 97
 Соловьев С. В. 142
 Степанова Л. И. 120, 122, 123
 Стефанчик В. 190
 Стороженко Н. И. 141
 Струве Ф. Г. Х. 86
 Студит Алексей 105, 108
 Суперанская А. В. 97
 Супрун А. Е. 177

 Там В. 33
 Там К. И. 36, 38, 39, 40, 41
 Тедер К. 181, 182, 192
 Темчин С. Ю. 103, 108
 Тихонов А. Н. 72, 83
 Толстая С. М. 62, 64, 65, 69
 Толстой Л. Н. 240
 Толстой Н. И. 19, 20, 21, 45, 58,
 69, 119, 123
 Томса Ф. Я. 38
 Тот С. 191
 Тронина Т. 245
 Трофимов А. М. 84, 88, 97
 Турянция В. В. 163, 166
 Тыниссон Я. 86

 Удварі І. 165, 168, 178
 Улуханов И. С. 70, 83
 Успенский Ф. И. 141
 Федака С. Д. 151, 165

 Федоръ П. 162
 Фейса М. (Фейса) 170, 177
 Фенцик С. А. (Фенцикъ) 150, 151,
 160
 Флайшханс В. 109
 Франко І. 111, 123
 Фужерон И. И. 82

- Хайнас В. 149, 165
Хатлас К. 187
Холошняя М. 178
Холошняя-Матийов М. 168, 169,
170, 178
Хорњак М. 178
Худа В. 164
Хурт Я. 87
- Цейтлин С. Н. 71, 83
Чаварга I. М. 152, 164
Черниговская Т. В. 71, 83
- Чехов А. П. 239
Чмейркова С. 31
- Шарыгин М. Д. 84, 88, 97
Шахматов А. А. 141, 146
Шведова Н. Ю. 82, 234
Шерегій В. (Шерегий) 158, 159
Шиндлер Н. 199, 210
Широкова А. Г. 33, 34, 41
Шмелев А. Д. 64, 69
Шмелев Д. Н. 83
Шор Т. К. 90, 97
Шпакъ И. Г. 161
Шпеникъ В. 162
Шпет Г. Г. 147, 148
Шухардт Х. 199
- Щаднева В. П. 89, 90, 97, 211, 212,
214, 219, 220, 247, 248, 252, 258
Щепкин В. Н. 103, 104, 105, 108
Щербань Л. В. 200, 207, 210
- Эрин Л. 190
- Юнгманн Й. 36, 37, 38, 39
Ягич И. В. 47, 58
Якобсон Р. О. 70, 207
Ярцева В. Н. 258
- Ágota Sz. 150, 152
Ajduković J. 177
Anstatt T. 199, 207
- Bakker P. 198, 202, 208, 209
Balás V. 159
Bartoszewska J. 123
Beger M. 203, 208
Berend N. 199, 208
Berger T. 32, 42
Bielecki R. 191, 193
Biljnja V. 177
Blahoslav J. 114
Blankenhorn R. 198, 208
Bolton K. 198, 208
Bolzano B. 35
Borowska-Peterson S. 187, 193
Brehmer B. 197, 199, 208
Bura R. 125, 138, 139
- Cuřín F. 33, 42
- Čelakovský F. L. 110, 111, 112, 113,
114, 115, 117, 118, 120, 121
- Dal V. I. 109, 110, 111, 118
Damborský J. 184, 193
Daneš F. 221, 231
Dieser E. 199, 207
Dobrowsky J. (Dobrovský) 33, 36,
37, 42, 111, 114, 115
Dvořák J. 233
Dvořák K. 111
- Erelt M. 258
Erfurt J. 198, 207, 208
Erin L. 190, 193
- Faska H. 138
Filipec J. 36, 42

- Flajšhans V. 42, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122
- Fljašhans V. 36, 42
- Földes C. 198, 208
- Franko I. 111
- Fredstet E. 198, 208
- Gebauer J. 115
- Gézáné L. 150, 152, 166
- Gippius A. A. 101, 105, 108
- Gladkova H. 41
- Goldbach A. 199, 204, 205, 208
- Golovko E. V. 198, 202, 206, 208
- Grepl M. 224, 233
- Grimm J. 36
- Grimm W. 36
- Groh K. 115, 122
- Gzella H. 101, 105, 108
- Hanka V. 115
- Havránek B. 33, 37, 38, 42
- Helcl M. 37, 42
- Herder J. G. 35
- Hinnenkamp V. 207, 208, 209
- Horbal B. 165
- Hus J. 114
- Hynek A. 111, 121
- Jakobson R. O. 70, 83, 207, 209
- Jakubaš F. 124, 126, 127, 128, 130, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138
- Jelínek M. 31, 42
- Jenč R. 127
- Jentsch H. (Jenč) 125, 127, 137
- Jungmann J. 37, 38, 42
- Kachru B. B. 198, 208, 209
- Kaljuste T. 188, 189, 193
- Káprály M. 159, 161, 166
- Karadžič V. 110
- Karl K. B. 199, 209
- Karlík P. 42, 224, 233
- Karolak S. 230, 233
- Komenský J. A. 110
- Kořenský J. 221, 222, 233
- Kowalowa G. 183, 193
- Krafčík P. A. 165
- Kral J. 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 136, 137
- Krčmová M. 42
- Kubka F. 35, 42
- Kuře H. 199, 207, 209
- van Leeuwen-Turnovcová J. 119, 122
- Levkovich N. 199, 209
- Lewaszkiwicz T. 124, 138, 139
- Lian H. M. 198, 209
- Macura V. 38, 42
- Magocsi P. R. 165
- Major M. 185, 193
- Malčík P. 233
- Mareš F. 116, 122
- Masaryk T. G. 112
- Matejko L. 47, 50, 58
- Matras Y. 198, 209
- Matulewska M. 188, 191, 193
- Melicherčík A. 122
- Meng K. 199, 202, 207, 209
- Měrcínek J. 127
- Meškank T. 127
- Michálek E. 114, 115, 122
- Michałk F. 127
- Mikheev S. M. 101, 105, 108
- Mokienko V. (Mokijenko W.) 122, 123
- Muha A. V. 222, 231, 232, 234

Müller B.	198, 209	Stěpanova L.	122
Nawka A.	137, 139	Stolz Ch.	42
Newerkla S. M.	32, 37, 42	Stone G.	125, 139
Nomis M.	110, 112	Straníková J.	119, 122
Novák J. V.	111, 121	Strasser K. F.	35
Nurmik M.	181, 193, 182	Šerakowa J.	127
Orešnik J.	234	Šewc H.	137, 139
Pabst B.	199, 209	Šmilauer V.	115, 122
Pauliny E.	122	Šoltys O.	221, 234
Peterson M.	187, 193	Štítný T. ze Štítného	114
Petr J.	37, 42	Švedova N.	222, 234
Pful K. B.	124, 125, 127, 128, 129,
130, 131, 132, 133, 134, 136, 137	Tétu M.	198, 210
Piper P.	231, 234	Tham K. I.	36, 37, 39, 40, 42, 43
Platt J.	198, 209	Thomason S. G.	198, 200, 209, 210
Pleskalová J.	42	Tolstoj N. I.	119
Plishkova A.	167, 177	Tomsa F. J.	39, 42, 43
Polinsky M.	199, 209	Toporišič J.	221, 234
Pražák A.	110, 115, 122	Toroczkoí J.	159
Protassova E.	199, 202, 209	Tóth S.	191, 193
Raid A.	179, 193	Trubeckoj N. S.	119
Rehder P.	207, 209	Večerka R.	42
Rethage W.	199, 209	Völkel P.	124, 127, 128, 129, 130,
132, 133, 134, 135, 136, 137, 138
Rěžak F.	124, 125, 126, 127, 128, 129,
130, 131, 132, 133, 134, 136, 137	Walter H.	123
Rusinko E.	165	Wander K. F. W.	109
Salwa P.	183, 193	Wasielewska M.	188, 191, 193
Schaeken J.	101, 105, 108	Weber H.	198, 209
Schuster-Šewc H.	125, 139	Welsch W.	207, 210
Sepre R.	183, 193	Wierzbicka A.	64, 69
Sepre W.	183, 193	Wójcik A.	183, 193
Siska I.	159	Wolton D.	198, 210
Skomorowski E.	181, 182, 193	Záturecký A. P.	109, 111, 112
Slavejkov P.	110	Zejler H.	124
Smirnov S.	179, 193	Ždanova V.	199, 208
Stefańczyk W.	190, 193		

KOKKUVÕTTED

SLAAVI MIKROFILOLOOGIATE FENOMEN TÄNAPÄEVA SLAVISTIKAS

ALEKSANDR DULITŠENKO

Tänapäeva slaavi keeled ja kirjandused moodustavad slaavi filoloogia, see on üldtunnustatud fakt juba XIX sajandist peale. XX sajandil hakati slavistika valdkonda kuuluvateks pidama ka nn mikrofiloloogiad, mille aluse moodustavad vastavad slaavi mikrokeeled ja -kirjandused. Neid mikrokeeli kõnelevaid inimesi ei ole palju — pooleteisest tuhandest kuni poole miljonini.

Tänapäeva klassifikatsioonis eristatakse nelja mikrokeelte rühma:

- autonoomsed (ülem- ja alamsorbi, kašuubi);
- saarelised (lõuna-russiini, burgenlandi-horvaadi, banat-bulgaaria, slavomolise, resia);
- perifeersed-saarelised (karpaadi-russiini, pomaki, egeuse-makedooni, veneetsia-sloveeni, bunjevi) ja
- perifeersed ehk regionaalsed (tšakavi, kajkavi, prekmurje, lahhi, idaslovaaki, läänepolesje, sileesia).

Ühtekokku eristatakse 20 mikrokeelt või nende loomise katsed.

On oluline märkida, et esitatud mikrokeelte nimekiri ei ole ammendav. Uute mikrokirjakeelte loomise katsed on täheldatavad mitmetes tänapäeva Slaavia piirkondades, mis võib tulevikus viia mikrokirjakeelte arvu suurenemisele.

Artiklis vaadeldakse mikrokeelte sugulust: alguses keskendutakse kõige suurema arvulistel lõunaslaavi mikrokeeltel, seejärel lääne- ning idaslaavi keeltele, sh lõuna-russiini keelele, mille päritolu üle käivad vaidlused. Funktsioneerimise seisukohalt vaadeldakse kõiki slaavi mikrokeelte rühmi: autonoomseid, saarelisi, perifeerseid-saarelisi ja perifeerseid (regionaalseid).

Lõuna-russiini keele näitel illustreeritakse, kuidas mikrokirjakeel võib saavutada funktsioneerimise maksimaalse ulatuse. Artiklis näidatakse, et lisaks olemasolevatele «klassikalistele» filoloogiatele eksisteerib mikrofiloloogite rühm, mis rikastab slaavi filoloogiat tervikuna. Eraldi tuleb märkida, et osa mikrokeelte areng ei võimalda veel rääkida iseseisva filoloogia tekkest. Toodud näidetest ilmneb, et kaheksa mikrokeelt lähenevad oma funktsioneerimise ja kodifitseerituse poolest suurtele slaavi kirjakeeltele, viis mikrokeelt lähenevad «täisväärtuslikeks» mikrokeelteks tunnustamisele. Ülejäänud läbivad selliseid arenguetappe, mis võimaldavad mõne aja pärast ületada piiri, mis eraldab neid «tõeliseks» mikrokirjakeelteks olemisest. Enamuse slaavi mikrokeelte ja -kirjanduse näitel on võimalik näha, mismoodi toimub filoloogia kujunemine.

LINGVOPRAGMAATILINE LÄHENEMINE KIRJAKEELE KUJUNEMISELE KAKSKEELSUSE TINGIMUSTES

(Tšehhi keele sõnavara kujunemise ja fikseerimise
näitel rahvusliku ärkamisaja perioodil)

IRINA ABISOGOMJAN

Tšehhi keele kujunemine ja areng rahvuslikul ärkamisajal oli tingitud muutustest, mis puudutasid tolle perioodi tšehhi ühiskonna kõiki eluvaldkondi. Samas oli tšehhi keele kujunemine ja areng «ärkamisprotsessi» lahutamatuks osaks: sellest tulenes tšehhi rahvusliku ärkamisaja keelekeskus. Kõnealuse ajastu iseloomulikuks jooneks ja muutuste liikumapanevaks jõuks oli saksa mõju eitamine ning sellega seotud puristlikud tendentsid, mida võimendas juba välja kujunenud negatiivne hoiak tšehhi-saksa kontaktidesse, sh (võimalik, et isegi eelkõige) keelekontaktidesse.

Tšehhi keel on peaaegu alati arenenud kakskeelsuse tingimustes. Tšehhi rahvuse levialadel on erinevatel ajaperioodidel kasutatud vanaslaavi, ladina ja saksa keelt, mis kõik on mõjutanud tšehhi keele arengut. Artiklis vaadeldakse ja selgitatakse negatiivse suhtumise põhjuseid saksa mõjudesse. Tšehhi ja saksa keelte kooseksisteerimine, eriti saksa-tšehhi kakskeelsus, mis oli suuremal määral iseloomulik rahvusliku ärkamisaja teisele perioodile, ei põhjustanud võõrkeele kasutamisest tingitud mittemõistmist, küll aga tugevdas ideoloogilist vastasseisu. Rahvusliku ärkamisaja keelelise ja ideoloogilise kontseptsiooni keskmes oli saksa keele ja kultuuri eitamine. Artiklis analüüsitakse mõningate tšehhi keele tunnusoonte (nt saksa laenude) hinnangulise esitamise viise rahvusliku ärkamisaja sõnaraamatutes ning sellega seoses peamisi adressaadi mõjutamise võtteid.

Artikli autori meelest on alust arvata, et negatiivne suhtumise kõigesse saksapärasesse ning võimatus katkestada saksa-tšehhi suhteid oli tolele ajale iseloomulik ning hõlmas kõiki eluvaldkondi. Seejuures puudus objektiivne vajadus nende suhete katkestamiseks, vastupidi saksa-tšehhi sümbioos tihtipeale soodustas tšehhi ühiskonna ja kultuuri arengut, kuigi mõned rahvusliku ärkamisaja tegelased seda eitasid. Artiklis kinnitatakse seda järeldust rea näidete varal, mis pärinevad tšehhi rahvusliku ärkamisaja ideoloogia kujunemisloost ning tolle aja tšehhi keele sõnavara kujunemisest ja fikseerimisest (eelkõige sõnaraamatutes).

Seega võib väita, et saksa keel (eelkõige tänu tšehhi rahvusliku ärkamisaja tuntud figuuride teadustegevusele) muutub «vallutajate» keelest vahenduskeeleks.

SLAAVI MENEA: KÄSIKIRJADE «KOHALIKUD» ERIPÄRAD JA TEKSTI TÜPOLOOGIA

NATALJA NETŠUNAJEVA

Artiklis kirjeldatakse XI–XVII sajandi Menea käsikirju Venemaa Rahvusraamatukogu, Venemaa Vanade Aktide Riikliku Arhiivi, Tartu Ülikooli Raamatukogu (praegu asuvad Pihkva-Petseri kloostri), Jaroslavli muuseumi, Rootsi Kuningliku Raamatukogu ja Stockholmi Ülikooli Raamatukogu kogudest.

Menea on hümnograafiline raamat. See sisaldab pühakute ülistusi või kirikupühade tekste, mis on jaotatud iga kuu jaoks päevade kaupa. Menea esimesed tõlked kreeka keelest tehti Kyrillose ja Methodiuse ajastul. Hümnograafilised raamatud moodustavad umbes neljandiku XI–XIII sajanditest säilinud slaavi-vene raamatutest. Rakendades lingvotekstoloogilist analüüsi, näidatakse uurimisaluste tekstide tekstoloogilist tüpoloogiat ning spetsiifilisi lingvistilisi iseärasusi.

Käsikirja «kohalikeks» eripäradeks on slaavi ja vene pühakutele pühendatud kirikuteenistused. Artiklis kirjeldatakse vene pühakutele Borissile ja Glebile pühendatud teenistuse originaalteksti XII sajandi Juulikuu Meneast. Teenistuse tekst on vanima kompositsiooniga, millesarnast leidub vaid XI–XIII sajandist pärit neljas vene, viies lõunaslaavi ja ühes kreeka käsikirjas. Sellist tüüpi käsikirju nimetatakse arhailisteks.

Artiklis on võrreldud Borissi ja Glebi arhailist tüüpi teenistust XIV–XVII sajandi Jeruusalemma tüüpi Maikuu Menea käsikirjade teenistusega. Erisused on seotud teksti ülesehituse ja keeleliste variatsioonidega. Kirjeldatakse ka vene pühakutele Feodosi Petšerski, Leonti ja Ignati Rostovskile pühendatud originaalteenistusi XIV–XVII sajandi Maikuu Menea käsikirjadest. Analüüsist ilmneb, et teenistused järgivad Jeruusalemma tüüpi käsikirju, kuid neis esinevad spetsiifilised lekseemid, uued perfekti vormid ja vene keelele omane foneetika.

NIMETUSED БОГ (JUMAL) JA ДУША (HING)
EESTIS PEIPSIMAAL NING VALGEVENES
ELAVATE VANAUSULISTE KEELELISES MAAILMAPILDIS

SVETLANA JEVSTRATOVA

Vanausuliste keelelises maailmapildis on väga olulisel kohal kõlbelisi konstante tähistavad sõnad *Бог (Jumal)* ja *душа (hing)*. Kõlbelised konstandid määravad paljuski ära rahva mentaliteedi ning peegelduvad tema loodud suulistes ja kirjalikes tekstides. Autor selgitab vaadeldavate keelendite kultuurilist ja eetilist olulisust Eestis Peipsmaal ning Valgevenes Polesjes elavate vanausuliste jaoks.

Analüüsides vanausulistega salvestatud vestlustes esinevaid Jumalat ja hinge puudutavaid ütlusi, konstrueerib artikli autor vanausuliste keelelise maailmapildi väikese fragmendi.

Alates 2003. aastast on Eesti Vanausuliste Kultuuri- ja Arendusühing koostöös Tartu Ülikooli vene keele õppetooliga korraldanud mitmeid murdekeele ning kultuuri ekspeditsioone Peipsi järve läänekaldale, kus on traditsiooniliselt elanud vene vanausulised. Käesolevas artiklis kasutab autor nii enda kui ka A. Maalmani välitööde ajal tehtud helisalvestisi. 2007. aasta augustis osales artikli autor prof. J. Kursite juhitud Läti Ülikooli ekspeditsioonil Valgevene Polesjes, mille käigus uuriti selle piirkonna elanike vaimset ja materiaalselt kultuuri. Valgevenest toodi kaasa vanausuliste räägitud lugude helisalvestised.

Uurimuse tulemusel jõutakse järeldusele, et nii Valgevenes kui ka Eestis Peipsimaal elavate vanema põlvkonna vanausuliste jaoks, keda ühendab usk ja kultuuritraditsioonid, on endiselt iseloomulik pühendumus vanausule, kuigi nende endi sõnul kontrollitakse tänapäeval taas selle usu kindlust ja vastupidavust. Usk täidab vanausuliste vaimset elu, seetõttu on sõnadel *Бог (Jumal)* ja *душа (hing)* väga oluline koht nende keelelises maailmapildis. Vanausuliste eetika seisukohast on väga tähtis töötada, iga tööd tuleb alustada ja lõpetada palvega Jumala poole ning tänada Teda abi eest. Jumal elab hinges, inimese vahetus läheduses ning just hing määrab inimese käitumist. *Jumal* ja *hing* on algsed eetilised konstandid, mis püsivad seetõttu muutumatuna.

VEENE VERBIMUUTESÜSTEEMI AKTUAALSE SEISUKORRA JA ARENGU HINDAMISE PARAMEETRITEST

NATALJA BOGDANOVA, OLGA BURDAKOVA

Artiklis tutvustatakse autorite poolt läbi viidava tänapäeva vene keele verbimuutesüsteemi seisukorda ja selle muutumise täiemahulise uuringu teoreetilisi aluseid. Selleks, et õigesti määratleda erinevate morfoloogiliste verbiklasside rolli keerulises verbimuutesüsteemis ning objektiivselt hinnata muutusi, mis leiavad aset nii üksikutes verbiklassides kui ka süsteemis tervikuna, kasutatakse statistilisi ja dünaamilisi näitajaid: verbiklassi maht (verbiklasside kvantitatiivsed karakteristikud: lekseemide ja sõnatähendusteisendite jaoks); verbiklassi sagedus kõnes (ehk kasutatavus); verbiklassi mahu muutumise intensiivsus (suurenemise/vähennemise kiirus); suhteline jooksev produktiivsus; suhteline jooksev destruktiivsus; derivatsiooniaktiivsuse määr; semantilise aktiivsuse määr; klassi konkurentne aktiivsus, klassi stabiilsus konkurentsivõitluses.

Verbiklasside võrdleva analüüsi põhjal välja töötatud parameetrite alusel on suur teoreetiline ja praktiline väärtus, sest taoline analüüs annab võimaluse näidata kogu vene verbi muutesüsteemi selle dünaamikas, fikseerida muutusi, mis leiavad aset üksikutes verbiklassides, eristada suurenevaid ja stabiilseid klasse, ehk teisisõnu võimaldab saada ülevaadet vene verbimuutesüsteemi aktuaalsest seisundist ning anda teaduslikult põhjendatud prognoos selle arengule.

Artiklis esitatud peamised verbimuutesüsteemi seisukorra hindamise parameetrid on mõningase korrigeerimise järel kasutatavad ka teiste sõnaklasside ja mudelite (nt substantiivi deklinatsiooni) seisukorra ja arengu hindamiseks.

MITTEAMETLIK GEOGRAAFILINE SÕNAVARA KUI TERRITORIAALKOGUKONNA LINGVISTILINE TUNNUS (Linnaślangi ja Piirissaare murraku näitel)

OKSANA PALIKOVA

Ühiskonna ruumiline identiteet baseerub *oma* ruumi mõistmisel ja kirjeldamisel. Seega mitteametlikus geograafilises sõnavaras (sh kõnekeelne toponüümia ja geograafiline rahvaterminoloogia) kajastub *oma* ja *võõra* aktuaalne opositsioon. Artiklis vaadeldakse *oma* ruumi leksikaalset vormistust linnas ja maal (keelematerjalina on kasutatud mitmesuguste geograafiliste objektide venekeelseid nimetusi Tartus [Соколова 2012] ja Piirissaarel [Паликова 2012-а, 2012-б]).

Linnaobjektide mitteametlike nimetuste kogum varieerub sõltuvalt linnaelanike rühmast, vaid mõned nimetused on üldkasutatavad nt *Горбатый мост* ('küürakas + sild' = *Kaarsild*). Sageli kasutab teatud rühm (nt üliõpilased, taksojuhid jne) «*oma*» mitteametlikku toponüümiat. Huvipakkuv on nii linnaobjektide nimekiri, kui ka nimetuste moodustumise viisid.

Kõige sagedamini kasutatakse linnaobjektide nimetamisel nende ametlike nimetuste teisendamist või välimusele viitamist nt: *Ся́стик* (Säästumarket), *Лы́уник* (Lõunakeskus), *Кошма́ркет* (*кошка* 'kass' + *маркет* = Comarket, sest kaupluse logol on kujutatud kass), *Памятник прищепке* (*прищепка* 'pesupulk' = F. G. W. Struvele pühendatud monument), *Памятник кузнечнику* (*кузнечик* 'ritsikas' = Jaan Tõnissoni monument); *пьяные дома* ('purjus majad' = elamud aadressil Luha 2, 3, 4). Nagu näha baseeruvad need nimetused tihti metafooridel.

Linnaobjektide nimetamisel kõnekeeles kasutatakse sageli metonüümiat, viidates nt kõrval- või seesolevale objektile. Selles rühmas võib leida nii üldkasutatavaid (nt *Патыша* 'raekoda' = Raekoja plats), kui ka okasionaalsõnu — ühe inimese või väikese rühma omavahelises suhtluses kasutatavad keelendid, nt *мост у Та́ску* ('sild Tasku juures' = Võidu sild), *Раковый корпус* ('vähkkorpus' = Vallikraavi tn, kus asub Hematoloogia-onkoloogia kliinik). Sarnaselt eelmise rühmaga kasutatakse siingi sageli keelemängu nt у *якобы Хурта* (*якобы* 'justkui' = Jakob Hurda monumendiga park).

Metonüümia ja olemasoleva nimetuse modifitseerimine ongi peamised linnaobjektide mitteametlike nimetuste moodustumise viisid. Samas on linnaobjektinimetustele omane variatiivsus, sünonüümia ning muutlikkus.

Mida väiksem on inimestevaheline distants ja mida kauem eksisteerivad koostöötingimused, seda rohkem avalduvad kogukonna liikmete mentaalsuses

keskkonna iseärasused, mis eristavad antud kogukonda teistest [Трофимов, Шарыгин, Исмагилов 2008: 6]. Selline tihe territoriaalne ja ajalooline kooskõlastamine esineb maapiirkondades. Saare (nt Piirissaare) puhul toetab taolist tihedat seotust lisaks suletusele (mingis mõttes muust maailmast ära lõigatud ruum) ka religioosne ühtsus (Piirissaarel on ajalooliselt elanud vanausulised).

Piirissaare murraku geograafiline sõnavara sisaldab lisaks mitteametlikele kohanimedele ka geograafilisi rahvatermineid. Mitteametlikud kohanimed antakse erinevatele objektidele, mis paiknevad saare a) asustatud, b) mitteasustatud territooriumil ning c) järvel. Kõige levinum sõnamoodustamisviis on siin metonüümia: nt kaeve nimetatakse kõrvaloleva maja omaniku järgi (isegi siis, kui maja pole säilinud) — *Панкрúхин колодец, Попóв колодец, Сто́гов колодец, Фíрсин колодец*. Vaid üks nimetus on moodustatud hoone välisilmele viidates: *Белый дом* ('valge maja' = valge telliskivimaja, kus asub vallavalitsus). Seega võib öelda, et kohanimedes säilib koht «väike» ajalugu.

Venekeelseid murdekohanimesid moodustatakse ka vastava koht eestikeelse nimetuse põhjal. Nt saare loodepoolse lahe (*Курм* MURD 'omaette, eraldatud maakoht') ning laheäärse territooriumi nimetamisel kasutatakse laensõna *Курма*. Kuna see nimetus jääb vene keeles «võõraks», tähenduseta sõnaks kuulub see vaid püsiühendi koosseisu: <пойти> в *Курму*, где беси *турну* <заберут?> ('minna Kurmasse, kus tondid <sind> võtavad').

Piirissaare geograafilisele rahvaterminoloogile on ühest küljest iseloomulik see, et ülekaalus on järve (mitte maismaaga) seotud nimetused, teisest küljest on rahvaterminiteks valdavalt sellised sõnad, mille sisevorm on motiveeritud ning tähendus seega ennustatav.

Kokkuvõtteks võib öelda, et linnas jääb metonüümne nimetus sageli mingi väikese inimrühma omavahelisse kasutusse; levinud on linnaobjekti ametlikule nimetusele või välimusele viitavad nimetused, samas kasutatakse metafoorseid keelendeid. Maal seevastu on metonüümia kohanimede moodustamisel laialt levinud ning püsiv. Geograafilises rahvaterminoloogias domineerivad motiveeritud sisevormiga sõnad, millel on ka kognitiivne funktsioon.

JEFREM SIRINI NIMETAMINE NOVGORODI PÜHA SOFIA KATEDRAALI XI SAJANDI GRAFFITIS

SERGEI TEMTŠIN

Artiklis vaadeldakse Novgorodi Püha Sofia katedraalist leitud XI saj muistset vanavene graffitit, milles nimetatakse Jefrem Sirinit.

Kui sõnad *еѣремь сурѣ(н)[ъ] инкъ* moodustavad tõepoolest iseseisva graffiti, siis formaalselt võib see olla seotud nii Novgorodist pärit Jefremiga, keda kutsuti Siriniks, kui ka tuntud usuõpetaja ja liturgilise luuletaja Jefrem Siriniga, kuna seinakirjas ei ole otsest viidet tunnustele, mis võimaldaksid tõlgendamisel eelistada üht isikut teisele. Ent tuleb siiski silmas pidada, et esimene versioon on üksnes loogiline konstruktsioon, mida ei kinnita ajaloolised andmed (välja arvatud graffiti ise, mis aga võib olla tõlgendatud muul viisil), teine versioon põhineb aga sõltumatutel ajalooallikatel. Lisaks eelöeldule tuleb silmas pidada, et kiri asub just nimelt pühakoja seinal, mis annab alust tõlgendada seda kiriklikus, mitte ilmalikus kontekstis ka juhul, kui mõlemad tõlgendused on võimalikud.

Nime monogrammikujuline kirjpilt ei saa üheselt viidata just Novgorodist pärit Jefremile isegi juhul, kui kõik ülejäänud monogrammide kasutamise juhtumid Püha Sofia katedraali seintel on Novgorodi elanike autogrammid. Artikli autor, pakkudes välja kahe Novgorodi graffiti semiidi päritolu tõlgenduse, on märkinud, et monogrammi kasutamine on bütsantsi päritolu nimede kujutamise viis. Samas Bütsantsi minuskelkirja traditsioonis ei olnud monogrammid seotud üksnes autogrammidega; neid kasutati ka ammu surnud kirikuisade nimede ülesmärkimisel. Näiteks Novgorodi graffiti kirjutamise ajal, 1050–1108/12 aastatel, esines bütsantsi hümnograafias käsikirjade servadel kaanonite alguses monogramme, mis tähistasid nende loojate nimesid, nt Püha Jossif Hümnograaf. See traditsioon võeti üle ka kirikuslaavi kirjakunsti.

Artiklis kritiseeritakse hiljutist oletust, et vaadeldav graffiti viitab Novgorodi linna elanikule Efreemile, hüüdnime järgi Sirinile ning on seotud sama pühakoja seinal leiduva teise arameakeelse (vanasüüria) kirjaga. Artiklis esitatakse tõetusmaterjali selle kohta, et graffitis nimetatakse kuulsat kirikutegelast ja liturgilist luuletajat Jefrem Sirinit, mitte Novgorodi linna elanikku. Seega ei ole uuritav kiri seotud oletatavalt arameakeelse graffitiga, mis asub samuti Novgorodi Püha Sofia katedraali seinal.

VÁCLAV FLAJŠHANSI SÕNARAAMATU TÄHTSUS EUROOPA PARÖMIOLOOGIA JAOKS

VALERI MOKIENKO

Artiklis kirjeldatakse Václav Flajšhansi kaheköitelise paröomiasõnastiku koostamis- ja avaldamislugu. Sõnaraamat «Česká přísloví» avaldati 100 aastat tagasi, 1911.–1913. a. Tegemist on ühe suurima tšehhi ja slaavi vanasõnade ning nende Lääne-Euroopa vastete kogumikuga, mis on ilmunud XX saj algul. Sõnaraamatusse koondatud paröomiate analüüs näitab, et antud teosel on suur leksikograafiline väärtus, sest tšehhi paröomiad on esitatud Euroopa rahvaluule väikevormide kontekstis: sõnaraamatus on esitatud paralleelid saksa, prantsuse, inglise, ladina jt keeltest. Muukeelsed pröomiad illustreerivad ilmekalt tšehhi rahvakultuuri kuulumist Euroopa konteksti. Artiklis selgitatakse Flajšhansi sõnaraamatu saja-aastast mahavaikimislugu selle panslavismivastase suunitluse ja kontseptuaalse vastandumisega Fr. L. Čelakovský tuntud kogumikule «Mudrosloví národu slovanského ve příslovích» (1852).

V. Flajšhansi sõnaraamatut võib õigustatult pidada euroopa parömioloogia eelkäijaks. Artiklis vaadeldakse ka sõnaraamatu uusima, 2013. a väljaande mõnede sõnaartiklite keelelis-kulturooloogilise kommentaariga seotud probleeme. On näidatud, kuidas sõnaraamatu koostaja tõlgendas «oma» ja «võõrast» ning seda, et mõned Flajšhansi oletused parömioloogia arengu kohta on osutunud õigeks, mõned on jäänud vaid hüpoteetiliseks. Raamatu bibliograafiasse on koondatud XX saj parömioloogiaalane kirjandus. Oluline on märkida, et Václav Flajšhansi «Česká přísloví», mis ilmus esmakordselt XX saj alguses, võib saada heaks orientiiriks edaspidistele uurimustele parömioloogia vallas.

F. JAKUBASZI
 ÜLEMSORBI-SAKSA SÕNARAAMATU (1954)
 MÄRGENDATUD SÕNAARTIKLID

TADEUSZ LEWASZKIEWICZ

F. Jakubaszi ülemsorbi-saksa keele sõnaraamat (Słownik górnołużycko-niemiecki, 1954) on tüübilt normiv. Koostaja on selles tärniga ära märkinud 303 sõna ja väljendit. Tärn tähistab vananenud või väära (sõnamoodustuse seisukohalt) märksõna. Vähemalt 202 nendest sõnaartiklitest (66,4%) on oma sõnaraamatust välja jätnud Völkel (vastavalt 1981. ja 2005. a väljaanded).

Mõnikümmend Jakubaszi sõnaraamatus leiduvat sõnaartiklit on käsitletavat slavismidena. Peamiselt on tegu laenude ja uudissõnadega, mis on moodustatud slaavi (peamiselt tšehhi, harvem poola) keelte mõjul. Nende sõnade levikule on kaasa aidanud sõnaraamatute koostajad (Pful — 1866, Rězak — 1920 ja Kral — 1927–1931) ja kasutuselevõtt ülemsorbi slavofiilide poolt, kelleks olid peamiselt Tšehhoslovakkia sorbi gümnaasiumide endised õpilased ning Tšehhi ja Poola ülikoolide üliõpilased.

1950.-1960. aastatel oli Jakubaszi ülemsorbi-saksa keele sõnaraamat väga laialt kasutatav, kuid suured muutused ülemsorbi keele sõnavaras viisid selleni, et pärast Völkel'i sõnaraamatu esmatrükki (1970) muutus Jakubaszi sõnaraamat peamiselt ajaloolise leksikoloogia uurijate huviobjektiks.

Artiklis esitatud leksikograafilisi andmeid F. Jakubaszi sõnaraamatu kohta võib pidada ammendavateks. Neid on võrreldud hilisemate sorbi keele sõnaraamatutega.

BROCKHAUSI JA EFRONI
«ENTSÜKLOPEEDILINE SÕNASTIK»
KUI VENE LINGVISTIKA *TERRA INCOGNITA*
(Pilk XXI sajandist)

OLEG NIKITIN

Artiklis antakse kuulsa Brockhausi ja Efroni «Entsüklopeedilise sõnastiku» lingvistika-alase märksõnastiku analüütiline lühiülevaade.

Tegemist on faktiliselt esimese professionaalselt koostatud mõistelise sõnaraamatuga, millesse on koondatud lai keeleteaduse mõistete spekter: märgisüsteemide elemendid, eksootilised ja rahvusvahelised keeled, stilistika ja retoorika probleemid, foneetika-, grammatika- ja üldkeeleteaduse mõisted. Artiklis vaadeldakse «Entsüklopeedilise sõnastiku» koostamist ja keeleteaduslikke sõnaartikleid. Märgitakse, et autorite huviorbiidis olid lisaks vene keelele ka iidse ja tänapäeva euroopa keeled, mille eripära on tesaureses samuti kirjeldatud.

Samas tuleb silmas pidada, et tegemist on erialasõnastikuga, milles antakse konkreetsete keeleteaduse terminite definitsioonid («Täishäälikud», «Hüüd-sõna», «Grammatiline sugu», «Rõhk» jne). Erilist tähelepanu pööratakse keeltevahelistele sidemetele ja ajaloolis-kõrvutavale aspektile keelekuisimuste seletamisel. Rõhutatakse, et autorite teaduskontseptsioonide kujunemisel on olulist rolli mänginud XIX saj saksa keeleteadus, millele oli iseloomulik vaadelda paljusid grammatika ja üldkeeleteaduse probleeme võrdleva keeleteaduse võtmes.

Artiklis märgitakse, et sõnastiku artiklid erinevad mahu ja tõlgendusviisi poolest: on probleemartikleid, mis on võrreldavad monograafiliste kirjeldustega («Vene keel», «Võrdlev-ajalooline keeleteadus», «Keel ja keeled», «Keeleteadus» jt), teistes sõnaartiklites võidakse piirduda mõiste lühidefinitsiooni ja mõnede ajalooliste faktide esitamisega.

Analüüsitava sõnastiku lingvistikaosa iseloomustab suur sõnaartiklite hulk, mis on pühendatud Kagu-Aasia, eriti India keeltele, kirjandustele, kultuuridele ja religioonidele ning üldisemalt haruldastele keeltele, mille teaduslik uurimine XIX ja XX saj vahetusel oli alles algusjärgus. Sõnastikus on ka mõned lingvistidele pühendatud sõnaartikleid, milles antakse hinnang nende panusele keeleteadusse.

Artiklis tuuakse ära mõnede sõnaartiklite iseloomulikke fragmente, mis annavad tunnistust sõnastiku autorite kõrgest filoloogilisest erudeeritusest ning materjalide aktuaalsusest tänapäeva keeleteaduse jaoks.

TAGA-KARPAATIA RUSSIINIDE PERIOODIKAVÄLJAANDED (1939.–1944. a)

KÁPRÁLY MIHÁLY

Artiklis esitatakse Taga-Karpaatias II Maailmasõja ajal ilmunud russiinide perioodikaväljaannete nimistu. Tegemist on perioodiga, mil kõnealune piirkond taasliideti Ungariga (november 1938 – oktoober 1944) pärast 20-aastast kuulumist Tšehhoslovakkia koosseisu. Tol ajal ilmusid regioonis peajasjalikult russiini- ja ungarikeelsed väljaanded. Nimetatud keeled olid kõnealuse territooriumi (ungari k. Kárpátaljai terület) ametlikeks keelteks.

Pärast regiooni liitumist Ungariga keelati ukraina- ka tšehhikeelsed perioodikaväljaanded. See oli vastus ukrainameelsele Augustin Vološini poliitikale, mis keelustas 1938. a sügisel russiinikeelsed ja -meelsed väljaanded. Ülevaates esitatakse 15 russiinikeelse ajakirja ja ajalehe bibliograafiline kirjeldus ja lühiseeloomustus; sh on käsitletud kolme venekeelset ajalehte, mis ilmusid Užgorodis ning mille väljaandjateks olid vene keele kasutamise pooldajad russiini kirjakeele funktsioonis.

On esitatud põhjalikud andmed iga perioodikaväljaande kohta: ilmumiskoht, kes ja mis ajal oli peatoimetaja, milline oli ajalehe või ajakirja maht jne. Lisaks sellele on ära märgitud Lääne-Ukraina, Ungari ja teiste riikide raamatukogud, milles hoitakse ühe või teise väljaande täis- ja poolikuid komplekte. Autor on ära märkinud ka hoidlates olemas olevate perioodikaväljaannete numbrite loendi. Lisaks sellele iseloomustatakse lühidalt iga perioodikaväljaande sisu. Oluks võib pidada asjaolu, et artiklis antakse esmakordselt nii russiini-, ukraina- kui ka venekeelsete väljaannete kirjeldused.

Artikkel on jaotatud järgmisteks osadeks:

- «Karpaatia Teadusseltsi väljaanded» (3 ühikut),
- «Nädalalehed» (4),
- «Venekeelsed väljaanded» (3),
- «Kuukirjad» (2),
- «Religioossed väljaanded» (3).

KIRIKUSLAAVI KEELE ELEMENTIDE ESINDATUS LÕUNA-RUSSIINIDE VAIMUKULTUURIS

MIHHAILO FEISA

Kirikuslaavi keel oli russiinide seas levinud juba Austria-Ungari monarhia ajal, enne ümberasumist Bačkasse. Esimene karpaadi-russiini kirikuslaavi keele redaktsioonis välja antud grammatika ilmus 1850. aastal ning kandis pealkirja «Grammatica Slavo-Ruthena»; selle looja oli Mihhail Lučkaj. Bačka kirjakeelse kultuuri arengus mängis suurt rolli vene keel, mida tol ajal tõlgendati sageli ühisslaavi keelena. Orientiiriks võib seejuures pidada Arseni Kocaki grammatikat, milles võeti esmakordselt kasutusele rahvanimetus «russiin».

XVII saj lõpus — XVIII sajandil avaldati viis aabitsat. Ioann Kutkini aabitsat avaldati ühtekokku neljal korral XVIII-XIX saj. Sellele järgnesid teised, enamasti käsikirjalised raamatud, mille hulgas võib ära märkida nt «Meie Issanda Kannatused». 1865. a ilmus Aleksandr Duhnovitši «Palveraamat». 1890. a avaldati Mihhail Vrabeli kogutud «Russiini ööbik». Selles kogumikus avaldatud tekstid on «erinevates ugri-vene keeltes», sh ka kirikuslaavi keeles. Artiklis iseloomustatakse lühidalt nn ugri-vene «jazõtšije»¹ graafilis-foneetilisi ja morfoloogilisi tunnuseid.

XIX saj teisel poolel — XX saj algul kujuneb välja eriline ugri-vene-kirikuslaavi kirjakeele variant — batši keel, mille eksistentsile juhtis esmakordselt tähelepanu Aleksandr Dulitšenko. Selles keeles loodi peaausjalikult käsikirjalisi tekste, millest enamust ei ole kahjuks kuni tänapäevani ei kogutud ega avaldatud. Austria-Ungari lagunemine 1918. a tõi endaga kaasa jugoslaavi-russiinide kultuuri- ja hariduselu elavnemise. Alates 1919. a hakkasid ilmuma tekstid lõuna-russiini keeles, millele omistati samal aastal kultuurikeele staatus. Suurt rolli selles mängis Rusiini Kultuuri- ja Haridusselts. Hakkasid ilmuma religioosse, hiljem ka ilmaliku kirjanduse tõlked lõuna-russiini mikrokeelde. Artiklis tuuakse uue kirjakeele grammatiliste vormide variatiivsuse näiteid. Samal ajal hakkab vähenema kirikuslaavi keele kasutus, mis lõpuks taandub Bačka kreeka-katoliku kiriku keeleks, kus seda kasutatakse tänapäevani.

¹ Vene k. *язычи́е*: kirikuslaavi ja kohaliku keele baasil loodud kirjakeel, mida kasutati XIX saj lõpus — XX saj alguses Galiitsias, Bukoviinas ja Taga-Karpaatias (*Tõlk.*).

EESTI-POOLA JA POOLA-EESTI LEKSIKOGRAAFILISTE VÄLJAANNETE TEKKELOOST

ALISIJA TŠEKADA

Artiklis antakse lühiülevaade kakskeelse leksikograafia arengust eesti ja poola keelte näitel. Põhitähelepanu on viimase 80 aasta jooksul avaldatud sõnastikel. Artiklis analüüsitakse ja võrreldakse seitset paberandjal ilmunud eesti-poola ja poola-eesti leksikograafilist allikat ning ühte elektroonilist mitmekeelse sõnastiku projekti. Kirjelduse ühtsuse saavutamiseks järgitakse iga väljaande puhul ühetüübilist struktuuri: 1) väljaande lühiiseloostus, 2) andmed autorite ja/või koostajate kohta, 3) sõnastiku kasutajate sihtrühm, 4) sõnaraamatu/ vestmiku maht ja sisu, 5) sõnavara jaotamine temaatilistesse rühmadesse, 6) keelematerjali esitamise viis, 7) grammatiliste jt kommentaaride olemasolu ja piisavus või ebapiisavus, 8) üldised järeldused väljaande tähtsuse kohta kakskeelses leksikograafias.

Analüüsitud materjalist järeldub, et eesti-poola ja poola-eesti leksikograafia on üldisel eesti-slaavi leksikograafia taustal esindatud võrdlemisi suure hulga käsi- ja sõnaraamatutega. Suurem osa neist väljaannetest on ilmunud viimase 20 aasta jooksul — perioodil, mil tihedad keele- ja kultuurikontaktid Eesti ja Poola vahel tingisid õpikute, käsiraamatute, vestmike ja kakskeelsete sõnaraamatute koostamise vajalikkuse. Vaatamata sellele, et käsitletava valdkonna teadustraditsioon ei ole välja kujunenud, on lühikese ajaga ära tehtud väga palju. Praegusel ajal eksisteerib vajadus eelkõige teoreetiliste tööde järele eesti-poola-eesti leksikograafia alal.

SAKSA-VENE VENE KEEL — KEELEMÄNGUST KEELEKS?

HOLGER KUBE, MARINA ŠARLAI

Saksamaal elavate vene emigrantide keelt, mida käsitletakse käesolevas artiklis, on vaadeldud kui saksa-vene vene keele idioomi. Vene keelt emakeelena kõnelevate Saksamaa elanike kõne aluseks on kahe keelesüsteemi — saksa ja vene keele — segunemine, mille tekkepõhjuseks on ühelt poolt keelemäng, teiselt poolt suhtlusvajadus. Seejuures on täheldatav selge saksakeelse sõnavara ülekanne vene keele morfoloogilisele alusele.

Artikli keskne küsimus on järgmine: «Kas keelte segunemine algselt individuaalse keelemängu, seejärel kollektiivse loome tasandil viib uue (alam)standardi või (mikro)keele tekkimisele?»

Uuringu fookuses on vene emigrantide kõne eripära väljaselgitamine ning sellega seotud keelenäidete tüpoloogia. Näited pärinevad vene keelt emakeelena kõnelevate respondentide intervjuude lindistustest ning materjalidest, mis pärinevad Saksamaa venekeelsest ajakirjandusest ja internetifoorumitest, kus arutletakse igapäevaprobleemide üle.

Erilist tähelepanu pööratakse segunenud keelenähtuste funktsioonidele ning suhtumisele nendes keele kasutajate poolt. Metoodilis-teoreetilises plaanis on tegemist kontaktlingvistika valdkonda kuuluva tööga. Oletatakse, et vene-saksa vene keele idioomi näol ei ole tegemist välja kujunenud kirjakeelega, kuid see võib areneda funktsionaalselt piiritletud mikrokeele suunas. Nimetatud tendents on võimalik eeldusel, et keele ja kõne legitimeerimine toimub liiksaks informatiivsele ja referentsiaalsele ning ekspressiivsele ja apellatiivsele funktsioonile ka poeetilise funktsiooni kaudu.

Lähtudes eelöeldust esitatakse tees, et saksa-vene vene keel areneb poeetilise mikrokeele suunas.

DIASPORAA KEEL VÕI INTERFERENTS TÕLKETEKSTIDES?

KATRIN KARU

Viimase paarikümne aasta jooksul on märgatavalt kasvanud keeleteadlaste huvi vene keeles toimuvate muutuste vastu. Eraldi uurimissuuna moodustavad vene diasporaa keele uuringud. Ootuspäraselt pakub diasporaa keel huvi ka Eesti lingvistidele, kuivõrd vastavalt REL2011 andmetele kõneleb vene keelt emakeele- na 29,6% Eesti elanikkonnast.

Eesti vene diasporaa keelele omaste nähtuste hulgas märgitakse sageli nt la- dina tähestiku kasutamist venekeelses tekstis, mitmesuguseid eesti laene, uudis- sõnu, uute sõnatähenduste tekkimist, verbirektsiooni, täiendifraasi ja lauseehi- tuse eripära jm (vt nt [Адамсон 2009, Евстратова 2000, 2002, Костанди 2002, 2009, 2011, Кюльмоя 2009, Щаднева 2002, 2009]).

Nende uurimuste puhul torkab silma analüüsiava materjali heterogeensus: uurijad vaatlevad nii originaalseid, vene keeles kirjutatud tekste kui ka tõlkeid eesti keelest vene keelde. Tähelepanuväärne on see, et nii originaaltekste kui ka tõlkeid vaadeldakse tavaliselt koos. Samas on äärmiselt oluline eristada neid allikaid, sest originaal- ja tõlketeksti loomisel toimivad erinevad mehhanismid. Esiteks on iga tõlketekst alati sekundaarne, teiseks on üldteada, et tõlge ei ole kunagi täiesti identne originaaliga. Sellest järeldub, et tõlketeksti analüüsimisel tuleb alati arvestada selle eripära.

Tõlketeaduses on käibel tõlkeinterferentsi mõiste, mis erineb mõnevõrra keeleteaduses kasutatavast keeltevahalise interferentsi mõistest. Tõlketeadlased on juhtinud tähelepanu asjaolule, et täielikult vältida interferentsi tõlkimisel on praktiliselt võimatu [Гарбовский 2007]. Tõlkeinterferents võib olla kvalitatiiv- ne ja/ või kvantitatiivne [Алексеева 2010].

Analüüsides diasporaa keele uurijate toodavaid näiteid, ilmneb, et nii mõ- nedki neist on käsitletavad tõlkeinterferentsi ilmingute, mitte diasporaa keele eripärana. Seetõttu, rääkides diasporaa keelest, tuleb selgelt eristada süsteem- seid keelefakte, mis tõepoolest iseloomustavad diasporaa keelt, ning ebaõnnes- tunud tõlkeid, mis on käsitletavad tõlkeinterferentsi ilmingutena. Seetõttu tuleb diasporaa keele uurimisel selgelt eristada originaal- ja tõlketekstidest pärit keelematerjali.

PROPOSITSIOONIDEVAHELISTE SUHETE VÄLJENDAMINE SLOVEENI KEELES

ANDREJA ŽELE

Keele kommunikatiivsete võimaluste ja – kitsamalt – süntaksi uurimise seisukohast on oluline vaadelda, kuidas korreleeruvad omavahel üksikute lausete propositsioonid ja propositsioonidevahelised seosed tekstis. Propositsioonidevaheliste suhete väljendusviisid baseeruvad järgmistel tekstisüntaksi aluspõhimõtetel:

1. leksikaalsed lausetevahelised seosed tekstis (substitutsioon);
2. rinnastusseose olemasolu;
3. alistusseose olemasolu;
4. formaalselt väljendamata seose olemasolu.

Nimetatud põhimõtetel rajanevad iga konkreetse keele – meie juhul sloveeni keele – lausekomponentide süva- ja pindstruktuuride transformatsiooni võimalused. Artiklis vaadeldakse sloveeni keele propositsioonide, ja seega ka lausetevaheliste seoste võimalusi. Eraldi peatutakse adverbilise propositsioonistaatusel ehk teisisõnu selle tähendustel lause süvastruktuuris.

Autor jagab sloveenikeelse teksti sidususe tagamise võimalused eksplitsiitseteks ja implitsiitseteks, tuginedes lause süva- ja pindstruktuuride vahelistele suhetele. Eksplitsiitsete sidususe väljendajate hulka kuuluvad eelkõige sendedid. Implitsiitsete seoseid väljendavad regulaarselt partiklid, mis esinevad lause modifikaatorite funktsioonis. Artiklis vaadeldakse neid sidususevahendeid (sendedeid ja partikleid), mis võimaldavad täpselt väljendada erinevate lausete propositsioonide vahelisi suhteid tekstis.

Artiklis vaadeldakse kõiki peamisi sloveeni keelele omaseid propositsioonide vahelisi suhteid. Tuuakse konkreetsete propositsioonidevaheliste tähendusseoste näiteid, analüüsitakse neid seoseid loovaid sidususe vahendeid. Jõutakse üldisele järeldusele, et propositsioonidevahelised seosed on sidusa teksti ja seega tekstisüntaksi aluseks.

SÜNTAKTILISTE SEOSTE PRAGMAATIKA: ANALÜÜSIPROBLEEME

JELIZAVETA-KAARINA KOSTANDI

Vene keele süntaktiliste seoste formaalseid ja semantilisi omadusi on uuritud ammu ja erinevatest aspektidest, kuid nende pragmaatikat süstemaatiliselt analüüsitud ei ole. Käesolev artikkel on pühendatud süntaktiliste seoste pragmaatika ja selle analüüsiga seotud raskuste käsitlemisele. Tegemist on osaga suuremast uuringust, mille eesmärgiks on välja selgitada alistus-, rinnastus-, predikaatsiooniseose ning leksikaalsete ja grammatiliste tekstiseoste pragmaatiline potentsiaal. Erinevate tekstide (ilukirjandusteosed, meediatekstid, kõnekeel, tõlketekstid jt) analüüsile toetudes on võimalik väita, et kõikidele süntaktiliste seoste tüüpidele on omane pragmaatiline aspekt. Artiklis otsitakse vastust küsimusele, kuidas seda aspekti leida ja uurida ning millised probleemid ilmnevad sellise analüüsi käigus. Vastus peitub erinevates kontekstides (erinevad tekstide eesmärgid, rõhuasetused, kõnesituatsioonid, suhtluseesmärgid ja teised kommunikatiiv-pragmaatilised faktorid).

Artikli peamiseks uurimisobjektiks on alistusseose pragmaatika, mis ilmneb alistusseosega sõnaühendite variatiivsuse analüüsi käigus. Materjali allikana on kasutatud vene keele korpuseid, mis sisaldavad rohkesti eri tüüpi süntaktiliste seostega sünonüümseid sõnaühendeid.

Artiklis analüüsitakse ja kõrvutatakse alistusseosega keelendeid erineva pragmaatilise suunitlusega (autori eesmärgid, sellega seotud rõhuasetused, hinnang jt.) tekstides, nt ilukirjanduses, ametlikus tekstis, kõnekeeles, vene diaspora keeles (meedia, reklaam) jt. Just erinevate kontekstide kõrvutamine aitab leida ja analüüsida süntaktiliste seoste pragmaatilist suunitlust.

LIITSÕNAD JA SÕNAÜHENDID KEELESISESE JA KEELTEVAHELISE VASTASTIKMÕJU VAATENURGAST (Ametitekstide tõlgete põhjal)

JELENA VELMAN-OMELINA, VALENTINA ŠTŠADNEVA

Üleilmastumise tulemusena on mitmekeelsetes ühiskondades suurenenud ametliku suhtluse roll, mistõttu on muutunud oluliseks mitmesuguste tarbetekstide tõlkimine. Eriti on see märgatav diasporaa tingimustes, kuna ametitekstide tõlked on diasporaa puhul ülioluline teabeallikas. Sellest tulenevalt peab ametitekstide tõlge olema eriti täpne. Tõlkija puutub kokku a) sotsiaalsetest ja pragmaatilistest faktoritest tingitud erinevustega Venemaal ja Eestis funktsioneerivas vene keeles, mis väljenduvad kõige selgemini sõnavaras ja kirjapildis, ning b) eesti ja vene keele süsteemide oluliste erinevustega, eelkõige omastavalise liitumisega liitsõnade ja nimisõnafraaside kasutamise osas, sest need on iseloomulikud mõlema keele ametlikule stiilile.

Artiklis keskendutakse eesti ja vene keele sõnamoodustuse eripäradele, mis põhjustab tõlkeinterferentsi. Eelkõige vaadeldakse omastavalise liitumise ja erineva tüvemorfeemide arvuga liitsõnade tõlkimise mudeleid. Taolisi liitsõnu tõlgitakse vene keelde tavaliselt genitiivsete konstruktsioonide abil, kuna vene keelele on sõnade liitmine iseloomulik vähemal määral, kui eesti keelele. Selliste tõlkevastete võrdlus annab selgelt märku, et nende keelesüsteemi elementide vahel eksisteerib vastastikune seos.

Eestikeelsete liitsõnade tõlkimisel vene keelde kehtivad samasugused seaduspärasused, mis substantiivifraaside tõlkimisel. Seejuures tuleb arvestada, et eestikeelne ja venekeelne genitiivne substantiivifraas on erineva ülesehitusega. Võrreldavates keeltes asuvad mitteühilduvad täiendid substantiivifraasi eri kohtades: kui vene keeles jääb genitiivi vorm põhisõnast paremale, siis eesti keeles on selle koht vasakul. Samad reeglid kehtivad ka paljude eesti liitsõnade tõlkimisel, kuid kui eestikeelne liitsõna tõlgitakse vene keelde adjektiivi ja substantiivi abil, säilib tõlketekstis sama tüvemorfeemide järjestus, mis eesti keeles.

Seega on ilmne, et vaadeldavates keeltes on sõna- ja lausemoodustus omavahel tihedalt seotud. Liitsõnade tõlkimisel on täheldatav omapärane erinevate keeletasandite vastastikmõju. Tõlkes avaldub keelesisene leksika ja grammatika vastastikmõju keeltevahelise vastastikmõjuna.

Acta Slavica Estonica III. Slavica Tartuensia X.

Slavic studies in Estonia and outside it.

Ed. Aleksandr Dulichenko.

Tartu: University of Tartu Press, 2013

Abstract

This volume consists of three parts. The first part contains papers of the National Committee of Estonian Slavists for the 15th International Congress of Slavists in Minsk, Belarus, focusing on current problems in Slavic linguistics. Papers in the second and third part of the volume are dedicated to Slavic lexicology and lexicography, and the problems of Slavic syntax and translation studies, respectively. Papers are published in Russian, Czech, Polish, Slovenian, and Yugoslav-Rusyn.

Contents

I. Reports of the National Committee of Estonian Slavists for the 15th International Congress of Slavists in Minsk

- A. D. Dulichenko (Tartu) The phenomenon of Slavic microphilologies in modern Slavistics
- I. V. Abisogomyan (Tartu) Linguopragmatic approach to the formation of literary language in a situation of bilingualism
- N. A. Nechunaeva (Tallinn) Slavic minea: "local" peculiarities of varieties and text typology
- S. B. Evstratova (Tartu) The name of *Bog* and *Dusha* in the language world of Estonian Prichudje and Belarus
- O. N. Burdakova, N. N. Bogdanova (Narva) On the aspects of evaluation of modern state and development of the system of Russian verbal word formation
- O. N. Palikova (Tartu) Non-official geographic lexicology as a linguistic feature of territorial unity of people

II. Slavic lexicology and lexicography

- S. Y. Temchin (Vilnius) The reference to Efram Sirin in a 14th-century graffito of Novgorod Sophia
- V. M. Mokienko (Saint Petersburg) The meaning of the work of Václav Flajšhans for the European paremiology

- T. Lewaszkiwicz (Poznan) The sources qualified in the Upper Sorbian–German dictionary of Jakubaš (1954)
- O. V. Nikitin (Moscow) The encyclopedic dictionary of Brockhaus-Efron as *terra incognita* of Russian linguistics
- M. Kapral (Nyiregyhaza) The Rusyn periodical of Podkarpatje (1939–1944)
- M. Feisa (Novi Sad) The representation of the Church Slavonic elements in the religious realm of Rusyn people
- A. Chekada (Tartu) The issue of the history of formation of Estonian-Polish and Polish-Estonian dictionaries

III. The problems of Slavic syntax and translation studies

- H. Kusse, M. Sharlay (Dresden) German-Russian Russian – from the play to the language?
- K. Karu (Tartu) The language of diaspora or the interference in the translation?
- A. Žele (Ljubljana) Interproposition in the Slovenian
- E. I. Kostandi (Tartu) The pragmatics of the syntactical relations: the problems of analysis
- E. M. Velman-Omelina, V. P. Shadneva (Tartu) The complex word and word-combination in the inner- and interlinguistic cooperation